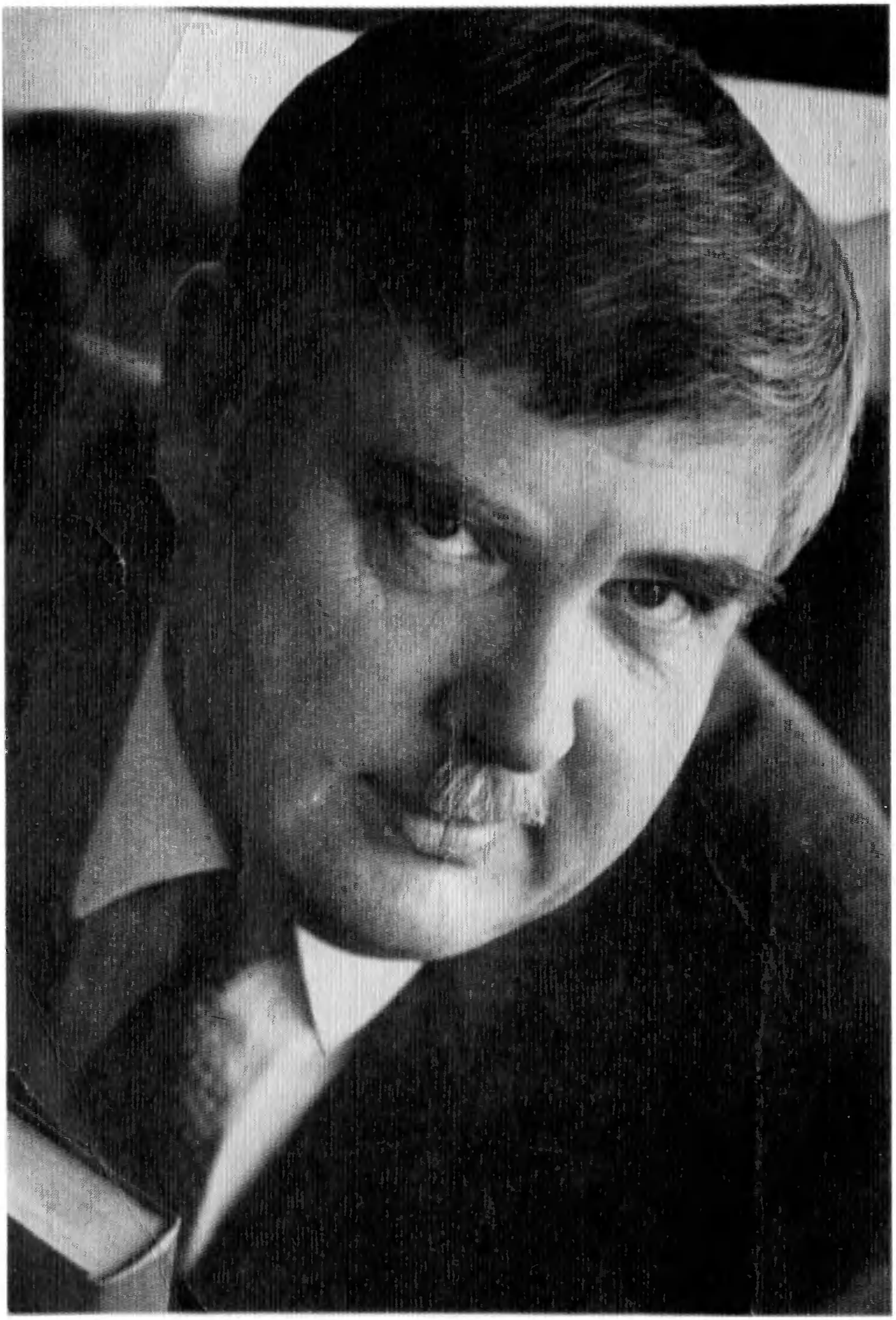
ВЛАДИСЛАВ ЕГОРОВ

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

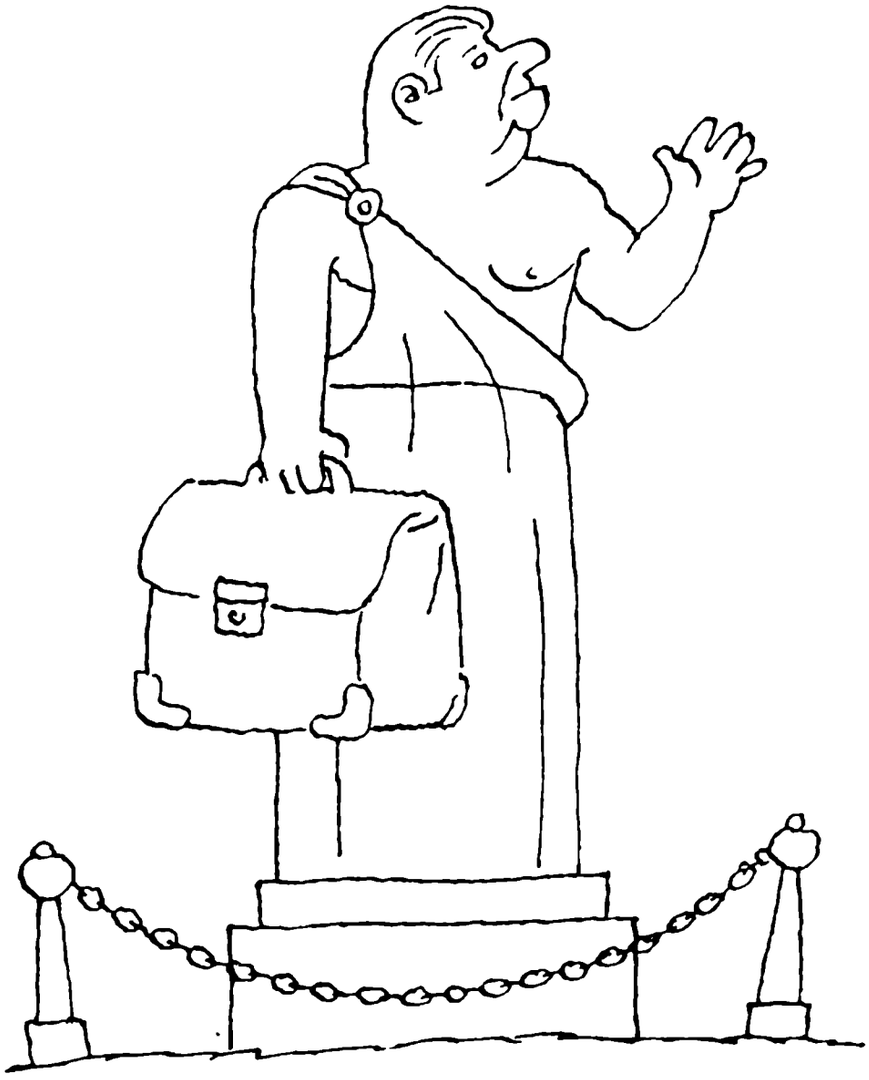


ВЛАДИСЛАВ ЕГОРОВ

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

СОБРАНИЕ ИРОНИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ

Издание второе,
исправленное и дополненное



МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1988

ББК 84 Р7
Е 30

Художник Евгений ГУРОВ

4702010201—454
Е ——————— 39—89
083(02)—88

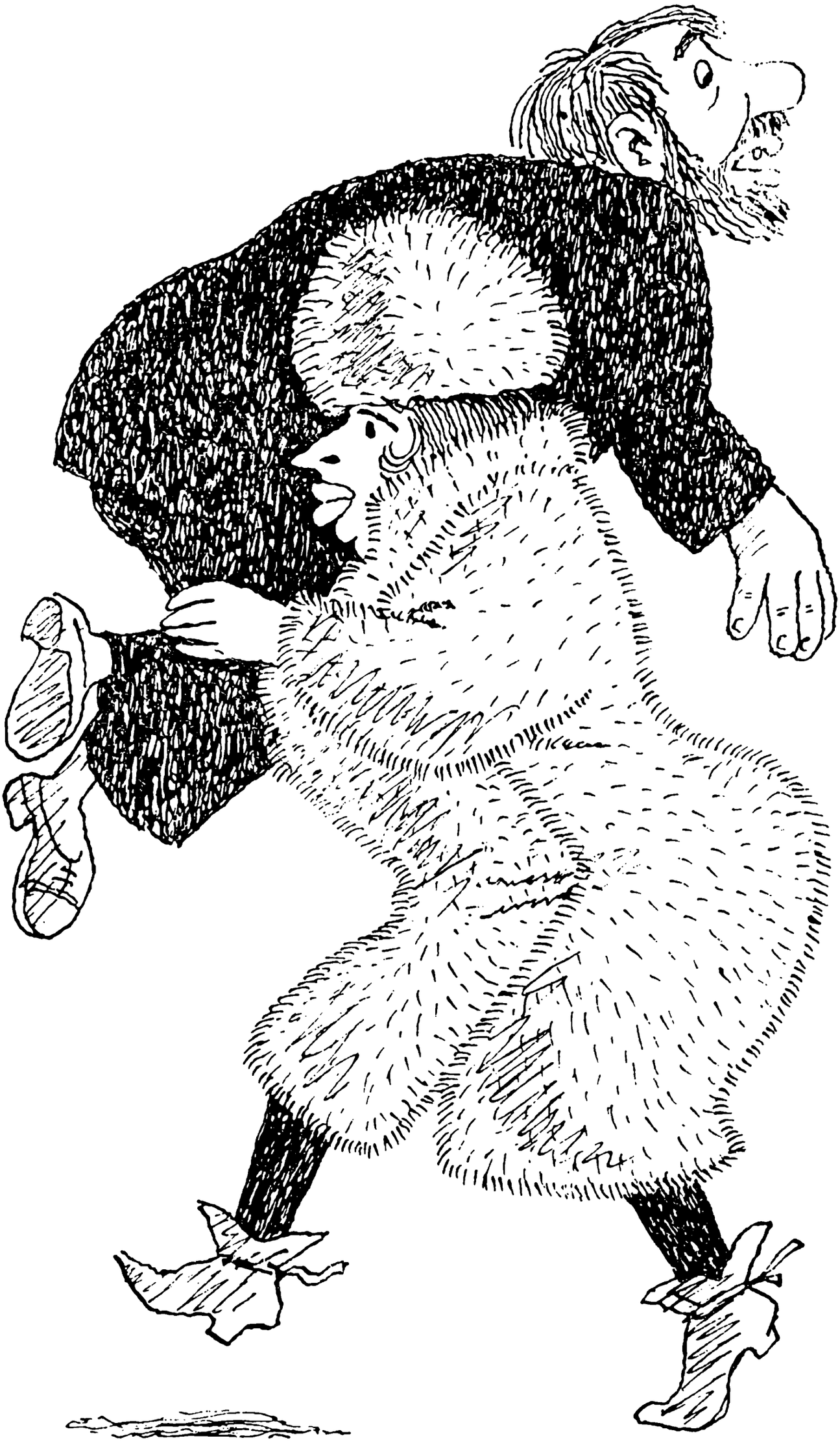
ISBN 5—265—00544—7

© *Издательство «Советский писатель», 1988*

БЫЛОЕ

Триптих

Из научно-фантастических мемуаров
пенсионера по труду И. П. Неустроева



ПРЕДИСЛОВИЕ

Мемуары эти передал мне мой сосед по лестничной площадке Иван Петрович Неустроев в минуту сильного душевного волнения, вызванного сообщением о переходе московского «Спартака» в первую лигу. «И они все-таки пошли на это!» — воскликнул он, обращаясь ко мне, когда мы поднимались в лифте на наш седьмой этаж. Не зная, кого конкретно имел в виду сосед, я ответил что-то неопределенное, вроде «им виднее», и мы разошлись по своим квартирам. Однако буквально через минуту раздался стук в дверь. На пороге стоял Иван Петрович. Он протянул мне пухлую картонную папку, завязанную белыми тесемками, и дрогнувшим голосом произнес: «Теперь, когда свершилось непоправимое, я имею моральное право развязнуть свои уста».

Соседями мы были уже целых пять лет, случалось, беседовали на различные темы, в том числе и футбольные, но никогда прежде не употреблял Иван Петрович таких торжественных слов, которые как-то не вязались с белыми тесемками канцелярской папки, а именно последняя, судя по всему, и должна была олицетворять разверстые уста. «Здесь мемуары,— видя мое недоумение, счел нужным объяснить сосед,— я писал их исключительно для внутреннего употребления, но раз попрано самое святое...»

Иван Петрович втиснул мне в руки папку, тихо промолвил: «Не надо слов!» — и мужественным шагом направился в свою квартиру. Так ничего и не поняв, глядел я ему вслед. «Делайте с ними, что хотите!» — уже за закрываемой дверью раздался его голос.

На следующее утро, ни с кем не простившись, Иван Петрович Неустроев отбыл из столицы в город Жмеринку, где, говорят, и проживает по настоящее время. Адре-

са ни мне, ни кому-либо из других соседей он не оставил. Прождав полгода и не получив от бывшего соседа никаких новых распоряжений относительно его мемуаров, я решаюсь некоторые извлечения из них предложить вниманию читателей.

Откровенно говоря, большинство бумаг, находившихся в папке с белыми тесемками, трудно назвать мемуарами в точном значении этого слова. Так, под мемуаром № 1 значится листок по учету кадров, заполненный И. П. Неустроевым 21 декабря 1949 года. Мемуар № 6 представляет письмо, начинающееся словами «Дорогой Ванечка» и подписанное инициалами А. В. Мемуар № 11 — не что иное, как черновик доклада. Между прочим, хотя текст этого документа и написан рукой Неустроева, но встречающаяся в нем фраза: «Мы, рядовые труженицы, от всей души заверяем Вас...» — заставляет поставить под сомнение его авторство.

Среди бумаг такого рода находились три школьные тетрадки в клеточку, исписанные от первой до последней страницы мелким и довольно разборчивым почерком. Хотя пронумерованы были тетради не по порядку, но большая, слегка заржавевшая скрепка, которой они были сколоты, недвусмысленно указывала, что сам Иван Петрович рассматривал их как нечто единое целое. И действительно, содержащиеся в этих тетрадях рассказы о трех эпизодах из жизни Неустроева объединяет второй главный герой мемуаров (первым, в соответствии с законами жанра, является сам автор). Незаурядный теоретик и практик науки,— боюсь, его фамилия ничего не скажет читателю (такова до поры до времени судьба многих гениев научно-технической революции),— лицо это реально существовавшее (надеюсь, и существующее поныне), что могу утверждать с полной ответственностью. Не менее шести раз я лично встречал Ивана Петровича прогуливавшимся со стариком, приметы которого довольно точно даются в мемуарах, а однажды даже слышал, как сосед мой обратился к своему спутнику со словами: «Нет, Стенька, ты не прав!» Эта фраза достаточно ясно, на мой взгляд, говорит о том, что между первым и вторым главными героями мемуаров отношения были самые приятельские.

Что еще сказать об авторе? О внешности его распространяться не стану, потому что он категорически возражал против таких описаний. О его уме и сердце

лучше всего поведают строки, написанные им самим. Скажу только, что поздней весной, летом и ранней осенью ходил Иван Петрович в светло-сером габардиновом плаще и зеленой велюровой шляпе, а остальное время года носил черное драповое пальто с черным каракулевым воротником и такого же цвета каракулевую шапку пирожком, из чего можно было сделать вывод, что служил он в ведомстве солидном и уважаемом.

И последнее необходимое замечание. Данных мемуаров я никогда не давал на консультацию ни частным лицам, ни организациям, никаких собственных суждений об их возможных достоинствах и недостатках также не высказывал ни автору, ни кому другому, так что упоминаемого Иваном Петровичем Неустроевым «соседа по лестничной площадке» прошу рассматривать как полемический прием.

В. Егоров,
сосед по лестничной площадке

Москва, март 1977

Мемуар № 5

СИЛА ПЕЧАТНОГО СЛОВА

Он робко остановился в дверях и негромко кашлянул, извещая о своем присутствии, и это его застенчивое «кхе-кхе» лучше всякой визитной карточки объявило, что посетитель мой принадлежит к малосимпатичному племени челобитчиков, которые, в отличие от ходоков, защищающих общественные интересы, а потому действующих нахраписто и с чувством гражданского достоинства, пекутся о чем-то своем личном и именно от сознания никудышности своих запросов постоянно робеют и смущаются, но и после того, как им в десятый раз объяснят всю несвоевременность и беспочвенность их притязаний, они тихохонько стучат в одиннадцатый кабинет и снова умоляют выслушать их буквально две минуты, после чего, мол, сразу станет ясно, где правда, а где справедливость.

Вот на такие размышления, может быть и не очень интересные читателю, навело меня интеллигентное покашливание на первый взгляд совершенно безобидного старичка с пышными седыми кудрями и красивым греческим носом. Впрочем, нос у него скорее смахивал на римский... А если уж быть до конца точным, то это был обыкновенный орлиный нос.

Итак, благородный старик с орлиным носом был бы похож на заслуженно отдыхающего пенсионера-доминошника, если бы не внушительных размеров портфель, перехваченный бесчисленное множество раз шпагатом, а потому вполне сравнимый с индейкой, которую готовится запечь в духовке умелая хозяйка. Именно такие портфели, перевязанные шпагатом, бельевой веревкой, проволокой, бинтами, шнурками от ботинок и другими подручными материалами, как показывает опыт, и беременны той самой «правдой-справедливостью».

Чему быть — того не миновать, и я любезно предложил посетителю устраиваться поудобнее в кресле, имевшем, между прочим, очень уютный вид и в то же время в самом центре сиденья ехидную пружину, которая несколько сокращала время моего общения со словоохотливыми посетителями.

— Не извольте беспокоиться,— прокартавил старикашка. (Да, правильно, в этих трех словах нет ни одного «р», и я сам немало удивился тому, что их удалось прокартавить.)

Ну, а дальше вообще пошла какая-то птичья речь. Прижимая портфель к груди, слегка наклонив голову набок и лаская меня лучистым взглядом незабудочных глаз, посетитель заклекотал:

— Гхражгхрешите пгрехштавитша. Гхражинин. Штепан Пахтанович.

На обычный русский это устрашающее нагромождение звуков переводилось так: «Разрешите представиться. Разинин. Степан Богданович».

Чтобы не заставлять читателей тратить время на разгадывание орфоэпических головоломок, я сам взял на себя труд привести речь моего героя в соответствие с нормами современного литературного языка, и, думаю, поступил правильно, потому что неизвестно во что превратится наша литература, если авторы позволят своим героям заменять свистящие шипящими, а вместо «р» говорить «гхрэ». (В интересах истины должен заметить, что это небольшое отступление не имеет абсолютно никакого отношения к сюжету рассказа.)

Представившись, косноязычный старикан засеменил было к креслу, чему я крайне обрадовался, как вдруг посреди комнаты остановился и чуть ли не целую минуту, не мигая, смотрел поверх моей головы. При этом глаза его лихорадочно блестели, лицо расплылось в улыбке, и он что-то ворковал. (Все-таки для характеристики речеизлияний Степана Богдановича больше подходит этот глагол, и я вновь вынужден просить извинения у читателей за то, что ввел их в заблуждение, упомянув несколько выше о клекоте. Те товарищи, которые имеют дело с пером и бумагой, простят меня, ибо знают, как трудно бывает иной раз найти нужное слово. Даже такая, казалось бы, нехитрая штука, как отчет о годовом плане, заставляет переворошить весь стотысячный словарный запас русского языка, пока наконец на самых его

задворках не отыщется ублюдочное с виду словцо «недовыполнение», которое между тем только одно и может придать фразе необходимую целеустремленность.)

А ворковал старикашка следующее: «Это божественно! Это прекрасно! Как это мило!»

Если учесть, что надо мной висел подобающий моему служебному положению заинвентаризованный портрет, то интересно, как бы вы, читатель, будь на моем месте, расценили столь неумеренный восторг? Я лично счел своим долгом разъяснить посетителю, что эпитеты «мило» и «прелестно», может, и годятся для оценки какого-нибудь пейзажа или натюрморта, но никак уж не для служебного портрета.

— Тысяча извинений! — засуетился Степан Богданович.— Вы меня неправильно поняли. Я не о портрете, хотя он в своем роде тоже хорош. Я о табличке. Как она мила и прелестна. Если бы у тех товарищей, которые принимали меня до вас, висели такие таблички, я бы давно уже добился правды и был бы вознагражден по заслугам.

«Час от часу не легче,— с тревогой подумал я.— Старик-то, кажется, того. Нашел чем восторгаться. Табличка как табличка. На черном фоне серебром выписано «не курить!».

Сохранилась она еще с тех времен, когда в ходу было исключительно повелительное наклонение и о нынешнем демократическом обороте «у нас курить не принято» мечтали лишь самые смелые умы. Лично я человек курящий, и табличка, которой восторгался не в меру экспансивный посетитель, отнюдь не помешала мне распечатать пачку «Новости». Что бы там ни говорили медики, а табачный дым действует успокаивающе. Я же, признаться, был несколько выбит из колеи странным поведением посетителя.

А Степан Богданович между тем, увидев сигареты в моих руках, кажется, спятил окончательно. Что-то прошептывая, присвистывая и причмокивая, он лихорадочно принялся развязывать свой пузатый портфель, который был опутан шпагатом, как глобус меридианами и параллелями. (Боюсь, придирчивый читатель снова упрекнет автора в непоследовательности. Сначала, мол, портфель сравнивали с индейкой, теперь — с глобусом, а на что же он был похож в самом деле? Видите ли, я

противник литературоведческой концепции, согласно которой читатели обязаны беспрекословно доверять писателям, полностью полагаясь на вкус последних в использовании тех или иных художественных приемов. Нет, я сам долгое время был рядовым читателем и на собственном опыте убедился, что он — читатель — должен иметь право выбора хотя бы тогда, когда речь идет о второстепенных деталях или персонажах. Ну, какой толк, скажите, уверять человека, что снег пахнет арбузом, если человек живет в городе химиков? На мой взгляд, вариантность гипербол, метафор, синекдох и т. д. и т. п. только обогатит художественную ткань произведения. Так что, если кому не нравятся сравнения портфеля с индейкой и глобусом,— мне, честно говоря, они тоже представляются сомнительными,— то попробуйте сами определить, на что все-таки похож пузатый портфель, со всех боков перехваченный шпагатом. Может быть, на баскетбольный мяч, запутавшийся в сетке кольца? Впрочем, я, кажется, опять навязываю свое мнение.)

Итак, Степан Богданович, пришептывая, присвистывая и причмокивая от восторга, для меня совсем непонятного, освободил от пут свой портфель и извлек из него неизвестный мне прибор, который напоминал одновременно популярный транзисторный приемник «Спидолу» и фотоаппарат «Киев-6». Загадочная эта штуковина имела форму параллелепипеда с размерами сторон 20×35×10 сантиметров. Я обратил внимание, что корпус был сделан из прецизионного сплава марки 36НХТЮ-М. На передней панели справа над телеобъективом — стеклышко-глазок, извещавшее зеленым огоньком о включении аппарата. Слева сверху вниз — три рычажка, под которыми стояли загадочные надписи: ДВ, СВ и УКВ. На крышке укреплена была телескопическая антенна типа... Впрочем, вряд ли есть смысл в перечислении всех этих подробностей, так как по причинам, которые станут понятны читателям буквально через пять-шесть абзацев, я описал прибор совсем не таким, каким он был в действительности.

При всем том выглядел он достаточно необычно, чтобы сразу же установить в лице его владельца представителя беспокойного племени изобретателей-неудачников. По роду службы (соображения сугубо личного порядка заставляют меня опустить название ведомст-

ва, где я подвизался в то время,— действие же рассказа, как, наверное, уже догадался проницательный читатель, происходило в начале шестидесятых годов двадцатого века) мне приходилось время от времени сталкиваться с поборниками научно-технического прогресса. Естественно, я хорошо знал, сколько нервных клеток может безвозвратно уничтожить у собеседника безобидный с виду субъект, придумавший какой-нибудь «преобразователь звуковых модуляций в продукцию ширпотреба». Именно с таким изобретением нам пришлось разбираться примерно за год до описываемых событий. Тот тип утверждал, что звуковые волны есть не что иное, как перемещающиеся в пространстве молекулы, а потому любой отчетный доклад, произнесенный с трибуны, можно с помощью дегидратации и сублимации материализовать в конкретные предметы, о которых шла речь в данном докладе. Ссылаясь на якобы уже апробированный в верхах закон превращения энергии в материю и спекулируя при этом именами Ломоносова и Лавуазье, авантюрист от науки сумел увлечь своим преобразователем целый ряд товарищей из отдела изучения и обобщения, которые дали «добро» на проведение эксперимента. Увы, закончился опыт плачевно. Вместо ожидаемых консервов «Грузди соленые» преобразователь выдал на-гора три десятка брошюр с текстом доклада, сделанного руководителем нашего ведомства Л. С. Чугуновым. Справедливости ради следует отметить, что бумага была отличного качества, а сам доклад оказался переведенным на все официальные языки мира. (Были у меня встречи с другими горе-эдисонами, так что я примерно представлял, что последует дальше.)

Так вот наблюдаю я за суетливыми движениями Степана Богдановича, покуриваю и думаю, что, пожалуй, самое время заняться аутотренингом. (Если вы не знакомы с этим чудодейственным средством, то я считаю своим гражданским долгом хотя бы в двух словах рассказать о нем. Изобретение аутотренинга относят к началу нынешнего столетия и приписывают некоему доктору Шульцу, хотя, по другим, лично для меня более приемлемым источникам, аутогенная тренировка широко практиковалась на Кавказских Минеральных Водах еще в 1837 году. Суть этого психогигиенического метода состоит в том, что человек сам может управлять своей

нервной системой, то есть оставаться совершенно спокойным в ситуациях, когда надо бить посуду или скандировать «ура!». Аутотренинг незаменим при семейных ссорах, разносах начальства, просмотре футбольного матча с участием нашей сборной, посещении вокзального туалета и конечно же при необходимости вести разговор с докучливым собеседником. Надо только расслабить все мышцы, приоткрыть насколько позволительно в данной ситуации рот и повторять про себя следующие целительные формулы: «Я совершенно спокоен...», «Меня ничто не тревожит...», «Мой лоб овевает приятная прохлада...»)

И только я было решил перед тем, как перейти на аутотренинг, сделать еще одну затяжку, как изобретатель вскинул свой аппарат на уровень глаз, навел телеобъектив в мою сторону и крутанул рычажок с надписью УКВ. Зажглась зеленая лампочка. (Стоит ли напоминать тебе, читатель, что на самом деле он крутанул совсем другой рычажок?) Признаюсь, в этот момент меня слегка передернуло, и я судорожно затушил сигарету. Черт его знает что это за штуковина. Может, там внутри какие-нибудь изотопы — и я подвергаюсь радиоактивному облучению.

Старикашку, видно, позабавил мой испуг, и он растянул рот в довольной улыбке так, что конец его орлиного носа чуть-чуть не уперся в подбородок. Проворковав что-то успокаивающее, он нажал на кнопку, расположенную рядом с антенной, и зеленый огонек погас. Я вытащил из пачки новую сигарету. (В то время, как уже отмечалось выше, я еще разделял совершенно антинаучное заблуждение о том, что табачный дым тоже способствует успокоению нервов.)

Степан Богданович подождал, пока я закурю, и снова щелкнул тем же рычажком. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я сунул только что начатую сигарету в пепельницу и, обжигая пальцы, яростно раздавил ее.

— Клянусь маятником Максвелла,— услышал я торжествующий голос изобретателя,— что, пока мой аппарат включен, ни вы, ни кто другой не сделает в этом кабинете ни одной затяжки.

Что бы вы предприняли, услышав столь безапелляционное утверждение? Вот и я поступил так же — попытался закурить. Вотще! (Не правда ли, хорошее слово? Увы, оно почти полностью вышло из употреб-

ления, хотя лично для моего слуха звучит куда приятнее нынешних расхожих словечек вроде «задумка» или «сертификат».) Вотще я пытался закурить. Когда пепельница доверху наполнилась табаком от раскрошенных мною сигарет, Степан Тимофеевич сжалился и выключил аппарат.

Я человек здравомыслящий и всегда считаюсь с фактами, если даже они меня и не очень устраивают.

— Что ж, это любопытно,— вежливо сказал я изобретателю.— Однако вряд ли мы сможем использовать ваш прибор, так как, сами понимаете, его эксплуатация крайне отрицательно отразится на выполнении повышенных обязательств, взятых работниками табачной промышленности.

На какую-то долю секунды старик поскучнел, но тут же снова вспыхнул энтузиазмом.

— Что вы, что вы! — зажурчал он.— Пусть курильщики курят себе на здоровье. Дисциплинатор («Не слишком ли претенциозное название?» — подумал я) не позволяет курить только в неположенном месте. А точнее — только там, где имеется официальная табличка «не курить!». Но это лишь частный случай. Мой аппарат заставляет беспрекословно выполнять практически любое конкретное разумное предписание.

И старик начал перечислять, загибая пальцы: «Не сорить!», «Не стой под краном!», «Мойте руки перед едой!», «Закрой сифон!», «Кормить животных строго запрещается!» — и так далее и тому подобное. Требуется только одно условие: чтобы предписание было утверждено официально и написано не каким-нибудь корявым почерком, а плакатным шрифтом. Потому что действие дисциплинатора основано на силе печатного слова.

«А что! — мечтательно подумал я.— Если старик не врет и если удастся хотя бы добиться, чтобы граждане не стояли под краном, то это и то какой будет сдвиг в общественной жизни. Пожалуй, этим изобретением стоит заинтересоваться. Но, конечно, не бить сразу во все колокола, а сначала убедиться в его эффективности и только потом уж докладывать по начальству...»

Приняв такое решение, я пригласил Степана Богдановича присесть на стул, стоявший сбоку от моего стола, и попросил его вкратце ознакомить меня с конструкцией и принципами действия его прибора, а также на-

звать хотя бы приблизительно экономический эффект от его внедрения.

Изобретатель озарился счастливой улыбкой и полез ко мне целоваться. Я ограничился рукопожатием. Наконец Степан Богданович успокоился. Взяв со стола чистый лист бумаги, он заговорщицки подмигнул мне и торопливо написал на нем следующую формулу $(а+в)^2=а^2+2ав+в^2$. (Теперь-то уж читатель наверняка догадался, что формула действия дисциплинатора была совсем другая. Но даже если бы была и эта, мне, человеку с обществоведческими склонностями ума, она ровным счетом ничего не объяснила.) Увидев, что математикой меня не проймешь, Степан Богданович слегка притушил огонек в своих глазах и начал давать пояснения. Я считаю себя вправе опустить разные там заумные формулировки вроде «антигравитационная адаптация амфибрахия», «конвергированная либела», «синдром сальвадоредализма», которыми так и сыпал мой собеседник. Причем бьюсь об заклад: 99 процентов читателей искренне поверят, что употребленное уважаемым автором словосочетание «интеграция сонорных реагентов» исполнено глубокого смысла. Но я не собираюсь изображать из себя всезнающего эрудита, хотя без ложной скромности скажу, что наслышан даже о таких доступных лишь пониманию избранных вещах, как «прессинг по всему полю». Я постараюсь пересказать рассказ Степана Богдановича так, чтобы он стал понятен любому индивиду — от вахтера на пивзаводе до директора универсама. (Тут у читателя может возникнуть ехидный вопрос: почему автор упомянул директора, а не взял кого-нибудь повыше. Сделал я это сознательно, ибо твердо убежден: номенклатура героев, даже второстепенных, должна соответствовать таланту пишущего. Для начинающих писателей (а этот мемуар — моя первая проба пера) вполне достаточно, чтобы в их произведениях действовали рядовые труженики и командиры среднего звена. Писатели маститые наряду с рядовыми трудящимися (без оных вообще никому не обойтись) могут, не злоупотребляя, естественно, доверием, живописать начальников главков. Ну, а уж гениальные художники слова... Впрочем, где они, эти гениальные?)

Так вот, механизм действия дисциплинатора, с таким эффектом продемонстрированного мне Степаном

Богдановичем, заключался, как я понял, в следующем. Все приказы, поступающие к нам извне через органы зрения и слуха (реже — осязания), первым делом попадают в так называемый центр повиновения, который размещается в нижней части мозжечка. Но, как вы сами по себе знаете, не каждое указание расценивается нами как руководство к действию. Нет, мы сначала повертим этот приказ со всех сторон и, лишь признав его целесообразным, приступим к исполнению. Первое гениальное (не побоюсь этого слова) открытие Степана Богдановича состояло в том, что он из протоплазмы мозжечка выделил вещество, которое как раз и оценивает приказы (что-то среднее между аскорбиновой и нуклеиновой кислотами). Изобретатель назвал этот катализатор сомнивидом (очевидно, от лат. somnio, созвучного нашему «сомневаюсь»). Чем меньше сомнивида в мозжечке, тем беспрекословнее выполняются приказы. И наоборот. (Вот почему одни товарищи с готовностью сажают зернобобовые в зоне вечной мерзлоты, другие же регулярно срывают выполнение важных решений, направленных исключительно на повышение их же собственного благосостояния.) К сожалению, с развитием цивилизации — загрязнение воздушной среды, автомобилизация, употребление слова «волнительно» и портвейна «Розовый», тотальный футбол, климатотерапия (названы лишь некоторые признаки цивилизации, их перечень, кто пожелает, может продолжить сам) — сомнивида у граждан становится все больше и больше. И если во времена Хаммурапи и Аттилы (опять же фамилии вождей читатель может заменить по своему усмотрению) люди с потрохами кушали друг друга по одному лишь мановению руки, то ныне такое послушание встречается крайне редко.

На мой взгляд, уже только одного открытия «сомнивида» было вполне достаточно, чтобы принести бессмертие Степану Богдановичу. Но гений этого великого старика не мог ограничиться простой констатацией фактов, пусть доселе и неизвестных человечеству. Воспитанный подобающим образом, он не стал просить милостыню у природы, а решил дать ей бой. После долгих бесплодных поисков Степан Богданович экспериментально (на белых мышах и небезызвестных дрозофилах) установил, что сомнивид полностью нейтрализуется, превращаясь в витамин B_{12}, под действием

пси-лучей, испускаемых кристаллом английской соли производства Рогожской фармацевтической фабрики № 2. (Этот кристалл Степан Богданович позволил себе назвать в свою честь «разининитом».) Строго говоря, источником пси-излучения является не сам разининит, а любое, имеющее надлежащий графический облик указание. Однако сила его излучения ничтожно мала: 1/84! микродиректива на квадратный метр! Так вот, выращенный Степаном Богдановичем кристалл аккумулирует эту хилую энергию и увеличивает ее в миллиарды (!) раз. Правда, в момент повествования радиус действия дисциплинатора (стоит ли объяснять, что сердцем прибора был именно разининит) составлял чуть больше пяти метров, что объяснялось молодостью кристалла. С каждым годом мощность разининита, успокоил меня изобретатель, будет возрастать в геометрической прогрессии.

Выслушав все эти и ряд других пояснений, я уверился в том, что действие дисциплинатора зиждется на строго научной материалистической основе и его можно рекомендовать к серийному производству. Однако, помня о печальном опыте с «преобразователем звуковых модуляций», я решил предварительно сам еще и еще раз убедиться в действительных возможностях прибора, а потом уж доложить о нем руководству.

Степан Богданович не стал артачиться и с готовностью согласился испытать дисциплинатор, как он выразился, в полевых условиях.

Едва мы вышли из кабинета, как я увидел возможность опробовать прибор — над входной аркой нашего этажа висел должным образом оформленный плакат: «Работники отдела внедрения и распространения! Всемерно активизируйте творческое горение!» Я указал на него изобретателю. Но Степан Богданович даже не замедлил шага.

— Еще раз поясняю,— с непонятным для меня раздражением проворчал он,— что дисциплинатор помогает претворять в жизнь лишь разумные конкретные указания, в основе которых лежат простые действия, как-то: пить, курить, ходить, сорить... Абстрактные приказы, пусть тоже разумные, моему прибору пока не по зубам. Я лично объясняю это молодостью кристалла. Ему всего семь недель от роду, и его телепатические свойства

только начинают проявляться. Возможно, с возрастом у него наряду с увеличением радиуса действия расширится и диапазон...

Меня, признаться, после этих слов дисциплинатор несколько разочаровал, а упоминание о телепатии заставило засомневаться: уж не лежат ли в основе изобретения Степана Богдановича неприемлемые для нас идеалистические концепции разных там неокантианцев? Червь сомнения перестал меня глодать, когда у выхода я предъявил, как того требовала табличка, пропуск в развернутом виде, чем привел в полное недоумение вахтера Прошу, с которым мы были знакомы без малого пятнадцать лет и которому, как все мы хорошо знали, даже в редкие минуты неприятия алкогольных напитков был глубоко чужд казенный формализм.

Да, дисциплинатор действовал безотказно. Когда мы проходили по скверу, то резвившиеся на зеленой травке малыши пулей вылетали на асфальт и, не в силах понять, какая же сила вытолкнула их с газона, устраивали грандиозный рев. Тут мне хотелось бы провести кое-какие аналогии с пресловутым Гайд-парком, где разные сэры и пэры кичатся своей фальшивой свободой беспрепятственно разгуливать по лужайкам, но, боюсь, повествование и так затянулось, а читателю не терпится узнать, чем же закончится вся эта история. Кое-кто, наверное, догадался, что финал будет печальным,— какникак действие рассказа происходило в начале 60-х годов, сейчас середина 70-х, а прибор Степана Богдановича так и не появился в нашем обиходе. Не исключено, что иные читатели в этом месте даже могут побрюзжать: «Вот всегда у нас так — изобретет нечто гениальное русский человек, а бюрократы и пустозвоны (при чем тут последние, автору не совсем понятно) замаринуют его изобретение, и будет оно лежать в долгом ящике до тех пор, пока не слямзит его какой-нибудь заграничный Маркони». Так вот, это возможное брюзжание в данном случае совсем неуместно, ибо дисциплинатор не внедрен до сих пор, потому что... Впрочем, читатели, которые имеют обыкновение заглядывать в конец сочинения, уже знают почему, а читатели терпеливые, надеюсь, потерпят еще немножко и дадут автору возможность дорассказать историю, не нарушая последовательности событий.

Итак, добившись исполнения разумного указания

«по газонам не ходить», мы вышли из сквера и оказались у длиннющего забора, огораживающего какую-то стройку. Как и подобало, в заборе рядом с табличкой «Опасная зона. Проход строго запрещен» было выломано три или четыре доски — и в образованную таким варварским способом калитку беспрепятственно входили граждане разных полов, возрастов и профессий, очевидно проживающие по ту сторону стройки и не желающие сделать лишних двести шагов. До чего же любопытно было наблюдать, как, не доходя каких-нибудь пяти метров до этой дыры в заборе, они вдруг останавливались как вкопанные, недоуменно озирались по сторонам, терли себе лоб или чесали в затылке, стояли молча с разинутым ртом или вспоминали чьих-то родительниц, но тем не менее и те, и другие, и третьи через некоторое время поворачивали обратно и понуро брели вдоль забора. И вид у них был как у хоккеиста, не реализовавшего буллит. (Если среди читателей вдруг окажутся люди, равнодушные к хоккею, то их вниманию могу предложить другое сравнение: вид у граждан, которые брели вдоль забора, был точь-в-точь такой, каким бывает он у вас, когда вы, простояв полчаса в очереди и уже протягивая в кассу деньги, вдруг слышите зычный голос продавщицы: «Клава! За сосиски больше не выбивай!»)

В дальнейшем мы проверили действие дисциплинатора на табличках: «Читайте журнал «Бетон и железобетон»! (киоск «Союзпечати»), «Распивать спиртные напитки воспрещается!» (пельменная № 3), «Дети до 16-ти лет на кинофильм «Анатомия любви» не допускаются!» (кинотеатр «Орленок»). И, наконец, добрых полчаса мы наслаждались тем, как четко выполняют пешеходы указания светофора: «стойте!» — «идите!».

Степан Богданович оказался тренированным стариканом. Мы отмерили уже не меньше пяти километров, а он был не прочь еще поискать подходящие объекты для своего дисциплинатора. Я же подустал и решил передохнуть. Благо неподалеку располагалась отличная пивная точка, отгороженная от внешнего мира синтетическим забором синюшного цвета и, очевидно, по этой причине именуемая населением близлежащих кварталов «лепрозорием». Несмотря на столь неблагозвучное название, пиво здесь всегда было отменным.

(А я, каюсь, люблю бочковое пиво. До чего же прият-

но в жаркий летний денек взять троечку кружек «Жигулевского», примоститься на деревянной таре, предусмотрительно принесенной сюда кем-то из таких же, как ты, любителей, развернуть спеленутую в газету воблу, которую достал тебе по случаю кто-то из самых бескорыстных друзей, осторожно обломать плавничок, обмакнуть его в пене, аккуратно обсосать, только обязательно нежно и без чавканья, и затем уже сделать затяжной глоток, так, чтобы уполовинить кружку.)

Сославшись на жару, я намекнул Степану Богдановичу, что, пожалуй, можно перенести опыты на завтра, но старик (вот умница!), оказывается, тоже любил пиво и сам предложил мне заглянуть в «лепрозорий». Мы встали в хвост очереди, протянувшейся всего метров на двадцать, что, с учетом разгара рабочего дня, было вполне по-божески. Степан Богданович продолжал увлеченно рассказывать мне о своем детище, выдвигая при этом очень заманчивые идеи. Он, например, считал, что через год-другой, когда мощность разининита возрастет, дисциплинатор можно будет установить на Останкинской телебашне — и тогда практически никто в столице не сможет ходить по газонам! Я в свою очередь напирал на то, что нельзя ли при помощи шлифовки граней переключить дисциплинатор на повышение художественности литературных и кинематографических произведений, в частности комедийного жанра. Степан Богданович, польщенный моим вниманием, обещал помозговать над этим...

Так, рассуждая о вещах государственной важности (между прочим, о житейских мелочах в очереди за пивом говорить не принято), мы медленно продвигались к заветному окошку, откуда известная всей округе тетя Зоя раздавала живительную влагу.

И вдруг движение застопорилось. Началось брожение умов. Дождавшиеся своей очереди подолгу не отходили от киоска, что-то втолковывали буфетчице и почему-то передавали обратно уже наполненные кружки,— словом, вели себя крайне странно. Товарищи же, стоящие в хвосте, видя, что продвижение замедлилось, естественно возроптали. «Чего там канителитесь? — вопрошали они.— Не корову же покупаете! Давай отходи побыстрее!» Передние потерянно молчали и лишь указывали пальцами на приклеенную к стеклу табличку: «Требуйте долива пива после отстоя пены!»

«Так это ж действует дисциплинатор»,— догадался я. И точно, прибор, который держал в руке Степан Богданович, подмигивал своим зеленым глазком. Только я хотел было сказать старику, чтобы он выключил аппарат (долив доливом, а стоять в очереди лишних полчаса — кому охота), как рядом с нами оказался вдруг небритый гражданин в железнодорожном бушлате и громогласно предложил свои услуги в деле наведения порядка.

— Давай, Коля, шуруй! — выдала ему мандат очередь.

Коля решительно пошел вперед.

— А ну-ка, папаша, убери свой транзистор,— сказал энтузиаст порядка, поравнявшийся со Степаном Богдановичем, и игриво махнул пустой кружкой.

Разве можно от жаждущего человека требовать четкой координации движений, раздался слабый треск... и через мгновение очередь успокоилась. Передние деловито разобрали свои кружки и отошли в сторонку. Задние, увидев это, перестали роптать.

— Он разбил мой кристалл,— тихо охнул Степан Богданович и стал медленно оседать на землю.

Я подхватил старика под руки. Он был без чувств.

— А ну-ка, пивка папаше! — скомандовал тот самый Коля, который только что своим неосторожным движением не позволил колесу истории закрутиться быстрее.— Не видите, доходит старик. Видно, перебрал вчера и сейчас, если не опохмелится, помереть может.

...Что ни говори, а сострадание всегда отличало русского человека.

Кисловодск, декабрь 1974

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

По недосмотру моего соседа по лестничной площадке рукопись этих мемуаров (к счастью, только первое извлечение из них) попала в руки редактора отдела юмора одного из не очень толстых журналов товарищу Вибе. Не зная об этом, я был крайне удивлен, когда получил письмо следующего содержания (цитирую с купюрами, так как комплименты, высказанные в мой адрес, носят непомерно восторженный характер):

Ув. тов. Неустроев! . . . . . .
. . . . . .Однако что раздражает и даже возмущает, так это убийственная эрудиция автора. Откуда Вы только набрались всех этих премудростей, разных там «сублимаций» и «деградаций», смысл которых понятен лишь лицам с высшим физико-химическим образованием?! И разве обязан помнить рядовой читатель, что в пятидесятых годах за сборную Венгрии по футболу играл Хаммурапи?! Мой Вам добрый совет: выбросьте их из мемуаров, они только засоряют мозги. Желаю новых больших удач! С дружеским рукопожатием.

Вибе

Сначала я немного осерчал на автора этого послания, но, поразмыслив, понял, что мой непрошеный критик отчасти прав. Если тов. Вибе (очевидно, юмористический псевдоним от датского vibe — пигалица) не знает значения некоторых слов, употребленных мною, значит, могут найтись и другие читатели с такими же, а может, и большими пробелами в образовании. И далеко не каждый из них побежит в библиотеку, чтобы почитать о сублимации. И возможно, иной так и останется в неведении насчет Хаммурапи или подумает о нем невесть что, в чем, конечно, автор никак не заинтересован. Однако выбросить, как предлагает тов. Вибе, «все эти премудрости» я категорически не согласен, ибо такая процедура, во-первых, обеднит образ лирического героя, а во вторых, лишит мемуары интеллектуального очарования. Поэтому я иду на компромисс и даю ниже кое-какие пояснения к словам, которые, на мой взгляд, могут быть непонятыми или понятыми превратно. Для сведения тов. Вибе и, возможно, сочувствующих ему читателей считаю своим долгом сообщить, что эрудиции я набрался исключительно благодаря разгадыванию кроссвордов. За отточенность всех формулировок не ручаюсь, так как имею под рукой лишь несколько разрозненных томов БСЭ, словарь Ожегова и свою память, увы, уже слабеющую.

И. Н.

ПРИМЕЧАНИЯ,

совсем необязательные для тех, кто и так все понял

Орфоэпия — правила образцового литературного произношения.

Гипербола — поэтическое преувеличение.

Метафора, Синекдоха } прочие атрибуты поэтического языка.

Синекура — хотя это слово в мемуаре не встречается, думаю, читателям небезынтересно будет узнать, что оно означает хорошо оплачиваемую должность, не требующую большого труда.

Прецизионный — металлический сплав с особыми физическими свойствами, характерен отсутствием в нем посторонних примесей.

Модуляция — переход из одной тональности в другую.

Дегидратация — отщепление воды от органических или неорганических соединений.

Сублимация — переход вещества из твердого в парообразное состояние.

Лавуазье Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик; незнание русского языка побудило его вторично открыть закон сохранения вещества и движения, уже открытый до него Ломоносовым.

Шульц — в энциклопедии не обозначен.

Сертификат — слово имеет несколько значений.

Амфибрахий — трехсложная стопа (стихотворная).

Конвергенция — буржуазная теория о сглаживании острых углов.

Либела — элемент фигурного катания.

Синдром — сочетание симптомов какого-нибудь заболевания.

Дали Сальвадор — изображает из себя художника, но возможно — и шарлатан от искусства; и в том и в другом случае не без таланта.

Сонорные — звуки, в которых музыкальный тон преобладает над шумом.

Реагенты — исходные вещества, принимающие участие в химической реакции.

Somnio (лат.) — нести вздор (см. «Латинско-русский сло-

варь», Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1949).

Хаммурапи — все-таки не футболист, а царь Вавилонии, большой любитель повоевать, издал закон, предусматривающий четвертование за распитие спиртных напитков в рабочее время.

Аттила — вождь гуннов, чтобы стать таковым, ухлопал родного брата Бледу, который из-за этого не сумел попасть в историю.

Дрозофила — пресловутая муха.

Телепатия — передача мыслей на расстоянии.

Гайд-парк — парк в Лондоне, где ходят по газонам.

Маркони Гульельмо (1874—1937) — якобы изобрел радио.

«Жигулевское» — сорт пива, о чем нетрудно догадаться из контекста.

Мемуар № 9

ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ НА РАССТОЯНИИ

Если принять во внимание, что мороз стоял за двадцать пять градусов, и мела поземка, да плюс к этому ханурик Федя, которого буфетчица Зоя с неделю назад определила в свои фавориты, расшалившись, разбил электроплитку, лишив тем самым желающих конституционного «права подогрева», так вот, учтя все эти факторы, легко представить, сколь холодным было пиво в киоске № 8 29 января 1961 года. Дату эту я не мог не запомнить, потому что ею отмечена моя вторая встреча со Степаном Богдановичем, встреча, заметно повлиявшая на благополучное течение жизни автора настоящих Записок, о чем можно судить по последовавшим затем событиям, упоминать о которых сейчас вряд ли целесообразно, ибо они как раз и составят фабулу данного повествования.

То, что наше рандеву произошло у пивного киоска, а не в концертном зале филармонии, как бы хотелось иным читательницам, отнюдь не говорит о каких-то там изъянах в моральных обликах автора и его героя, а просто лишний раз подтверждает, что по-настоящему интересного человека гораздо легче встретить за кружкой пива, чем за прослушиванием сочинений Чайковского и Вагнера, не говоря уже о генделевских опусах. Вероятно, в дальнейшем мне еще не раз придется возвращаться к пенному напитку (естественно, как к художественной детали произведения), поэтому прошу не отождествлять автора как такового с автором — лирическим героем рассказа, буде даже и тот и другой для утоления жажды употребляют отнюдь не воду. Вообще в качестве лирического героя автор может позволить себе гораздо больше того, на что он решается в повседневной жизни, если, конечно, и тогда его не сдержи-

вают лирический местком и другие лирические общественные организации.

Итак, из-за проказника Феди пиво было весьма холодным, и пить его приходилось врастяжку, мелкими глотками, что удлиняло время пребывания у киоска. Однако это обстоятельство совсем не тяготило меня, потому что я получил возможность обогатиться кой-какими сведениями из новейшей истории. Знакомый мне по предыдущим встречам у этой же «точки» — полковник в отставке, имени, отчества и фамилии которого никто не знал, но который назывался буфетчицей не иначе как «генерал Топтыгин», причем это обращение каждый раз веселило завсегдатаев, но нисколько не обижало ветерана, так вот этот самый лжегенерал рассказывал, что он лично был свидетелем того, как некий зарубежный сенатор во время туристской поездки в нашу страну прогуливался в районе Даниловского рынка и увидел очередь за пивом.

— Мороз тогда, кто помнит,— повествовал генерал Топтыгин,— был крепкий, одевались мужчины попроще — польты у всех, как говорится, на рыбьем меху, но очередь держалась стойко и не разошлась даже тогда, когда предшественница нашей Зойки закрыла окошко на какой-то там свой внутренний переучет. Увидев всю эту картину, сенатор хоть и был империалистом, тем не менее не мог не подивиться мужеству и целеустремленности граждан и, сняв шляпу, произнес с раздражением следующие слова: «Да, такой народ одолеть невозможно...»

Тут ветеран как опытный оратор сделал продолжительную паузу, во время которой опорожнил свою кружку, и, глубоко вздохнув, заключил:

— Злобствование зарубежного сенатора соотечественники, хоть и не сильны были в американском языке, заметили, и поэтому когда толстосум попытался всучить одному из них деньги, то получил надлежащий отпор. «Подавись, заморская гнида, своим червонцем!» — с достоинством произнес тот.

Рассказ этот, выслушанный, кстати, с огромным вниманием, вызвал горячие споры. Одни, трибуном которых выступал машинист электровоза Коля Паровоз, упорно настаивали: «Русский человек — он все может!» Другие, чью точку зрения с не меньшим жаром высказывал тунеядствующий гинеколог Вадик, склонялись

к мысли: «Топтыгин и соврет — недорого возьмет». Страсти разгорелись, и Коля Паровоз, дабы придать убедительность словам, рванул свой железнодорожный бушлат с такой силой, что три верхние пуговицы отлетели в снег — и оппоненты смогли увидеть деталь картины художника Сурикова «Утро стрелецкой казни», которая была выколота на груди темпераментного работника транспорта. После этого большинством голосов (пять против трех) сообщение отставного воина было признано соответствующим действительности, так как, во-первых, Топтыгин был очевидцем происшедшего (в те далекие времена он служил в Главном управлении по охране исторических личностей, что подтверждалось его предыдущими рассказами); во-вторых, за пивом испокон веку были очереди, так что сенатор, как, впрочем, и любой другой представитель крупного капитала, приглашенный с дружеским визитом, вполне мог натолкнуться на одну из них, прогуливаясь по красавице столице; и, в-третьих, пожалуй, это главное: сейчас в районе Даниловского рынка не осталось ни одной пивной, а что, как не инцидент с тем самым сенатором, могло послужить причиной их ликвидации?!

И вот в тот момент, когда в споре была поставлена последняя точка и все дружно принялись за пиво, ядреный морозный воздух разрезал бодрый старческий голос:

— Пахгру кгхрушшек!

Я вздрогнул и оглянулся: ну конечно же это был он — Степан Богданович Разинин. Великий старик тоже узнал меня и, расплескивая пиво, полез целоваться. Я ограничился рукопожатием. Пошли взаимные расспросы о житье-бытье. Степан Богданович оказался обладателем хотя и небольших размеров, но образцово провяленного леща, так что я присовокупил еще пару кружек, и мы уютно расположились на ящиках из-под «джема клубничного», которые только что оставила компания генерала Топтыгина.

Хочет того читатель или нет, но тут я должен сделать небольшое отступление. Среди тайн двадцатого века, волнующих человечество, как-то: лох-несское чудовище или тунгусский метеорит,— мне лично наиболее загадочной представляется эта: откуда у сограждан берутся вяленые лещи, если в продаже они не появлялись по крайней мере лет десять и, кажется, уже лет шесть как

занесены в Красную книгу природы? Автор не может найти сколь-нибудь вразумительного ответа на этот вопрос и целиком полагается в данном случае на компетентность читателей.

Между тем беседа наша со Степаном Богдановичем текла своим чередом. Я выразил удовлетворение его цветущим видом, он же поинтересовался моими успехами на служебном поприще, а так как я уже завершал пятую кружку и посему был склонен к откровенности, то после некоторого колебания выложил свою обиду. На днях в нашем отделе внедрения и распространения освободилось место зама: занимавший этот пост Тигран Айгешатович Тер-Апевтян отравился алкоголем и ушел в поэты-песенники. И что же вы думаете? Вместо того чтобы сразу предоставить эту должность человеку, отдавшему нашему главку как-никак четырнадцать с половиной лучших лет жизни, то есть мне, начальство склонно выдвинуть Пятраса Осиповича Трубадурского, который, по его утверждению, ведет свою родословную от магистра Ливонского ордена, что, однако, не мешает ему быть редким болваном.

Выслушав мои сетования, Степан Богданович глубоко задумался, отхлебнул пива, пожевал плавничок леща, сделал еще один затяжной глоток и, придав стальную строгость своим незабудочным глазам, торжественно спросил:

— А замечали ли вы, уважаемый Иван Петрович, что среди руководителей попадаются дураки?

Я вздрогнул, но вынужден был согласиться.

— Так вот, именно это обстоятельство,— продолжал изобретатель-новатор,— и натолкнуло меня на одно открытие, о котором, помня ваше чуткое ко мне отношение, я готов сообщить, если, конечно, вас не утомила моя докучливая болтовня.

— Ну что вы!— искренне воскликнул я, и этого было достаточно, чтобы поощрить Степана Богдановича на нижеследующий рассказ, который мной слегка адаптирован, ибо свою речь мой гениальный друг излишне уснащал специальными научными терминами, вряд ли понятными большинству читателей.

— Итак, любезный Иван Петрович,— раздумчиво начал Степан Богданович,— вы согласны, что начальниками, случается, бывают дураки и даже, если хотите, олухи царя небесного. Но, уверен, вы не станете отри-

цать, что среди руководителей встречаются и светлые умы. Более того, ответственные посты занимают люди добрейшие и злые, весельчаки и зануды, балетоманы и болельщики «Спартака», выпускники академий и физкультурных техникумов, старые холостяки и рогоносцы, бархатные баритоны и козлиные дисканты, наконец, высокие и низкие, толстые и тонкие, брюнеты и плешивые. Столь же очевидно и другое: масса людей, обладающих теми же самыми качествами, то есть плешивые и баритоны, болельщики «Спартака» и рогоносцы, зануды и светлые умы и т. д. и т. п. всю свою жизнь занимают рядовые должности и, как ни пыжатся, не могут подняться даже на вторую ступеньку служебной лестницы.

Сопоставив эти два ряда фактов, я пришел к логическому умозаключению: если ни ум, ни темперамент, ни морально-волевые качества характера, ни антропометрические данные не являются доминантой руководителя как такового, то, значит, всех начальников объединяет нечто другое, науке еще неизвестное. И я нашел это неизвестное! После многолетних опытов мне удалось обнаружить у дрозофил-начальников субстрат, которого не было у дрозофил-подчиненных. Я назвал его флогистоном. Возможно, вас удивит, что я выбрал это название, но мне оно показалось наиболее подходящим. Как известно, флогистоном последние алхимики называли несуществующее, как потом выяснилось, вещество, которое, по их заблуждению, наличествует лишь в материалах, способных к горению. К примеру, в дровах оно есть, а в воде нет. Так вот, мне всегда было жалко, что этот красивый термин обречен на полное забвение, ибо, по сути дела, ничего реального ведь он не обозначал. И я решил дать ему новую жизнь, тем более что мой флогистон сродни тому алхимическому. Не зря выражение «горит на работе» характеризует лишь руководящий состав, рядовые же товарищи просто вкалывают...

Боюсь, что даже в адаптированном виде читателей утомил монолог Степана Богдановича, поэтому дальнейший его рассказ я изложу еще более конспективно. Итак, установив, что руководящий индивидуум отличается от простого смертного наличием флогистона, мой выдающийся друг сделал другое не менее важное открытие. Оказывается, при напряженной работе мысли флогистон начинает испускать ню-излучение в диапазоне

волн 8—11 мегагерц (цифры эти, как вы, наверное, догадались, названы условно). Степана Богдановича всегда отличала способность свои фундаментальные теоретические открытия переводить на практические рельсы, и в какие-нибудь три недели он с помощью плоскогубцев, рашпиля и паяльника соорудил устройство для чтения мыслей на расстоянии.

На клочке газеты, в которую был завернут лещ, великий старик начертал схему действия прибора и написал формулу, по которой выкристаллизовываются мысли начальства, но эти сугубо технические детали я опускаю, потому что, как скромно отметил изобретатель, «кроме академика Капицы, вряд ли кто в них сможет разобраться». Что же касается внешнего вида устройства, то это были самые что ни на есть обыкновенные очки в толстой роговой оправе. Линзы были выточены из осколков разининита (помните, печальный финал дисциплинатора?), и именно они-то и улавливали ню-излучение. Затем эти волны, пройдя через сложную систему транзисторов, размещенных в дужках очков, многократно усиливались и через оголенный проводок, который незаметно крепился к ушной раковине, попадали в голову приемника (строго научное обозначение человека, читающего мысли) в самом чистом виде, без всяких примесей.

Меня так сильно увлек рассказ Степана Богдановича, что я не заметил, как рядом с нами расположился некий субъект с лицом настолько кирпичного цвета, что не оставалось никаких сомнений в отсутствии у него гражданского начала, обязывающего по мере сил сокращать потребление горячительных напитков. Не прибегая к помощи стакана или кружки («Предпочитаю из горла́»,— счел нужным объяснить он), сосед осушил бутылку «Розового». Затем минуты две вслушивался в наш разговор, после чего наставительно произнес: «Начальство завсегда уважать надо»,— пустил слюну и захрапел. Эпизод этот, абсолютно никак не влияющий на ход повествования и многим могущий показаться грубой заплатой на художественной ткани произведения, приведен мною исключительно для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: моральные устои нашего современника не может расшатать даже такой сильнодействующий напиток, каким без сомнения является портвейн «Розовый». (В скобках замечу, что авторы

рецептуры этого напитка в свое время претендовали на Нобелевскую премию, но не получили ее по причинам, далеким от научной объективности, ибо уникальная убойная сила данного портвейна удостоверена всемирно известными экспертами.)

Закончив пояснения, Степан Богданович торжественно вручил мне свой прибор и попросил испытать его в полевых условиях, сопроводив эту просьбу легким вздохом: «Увы, я сам не смогу удостовериться в точности моих расчетов, ибо нигде не служу и надо мной нет никакого начальства». Я с готовностью согласился провести испытания, втайне надеясь, что из чтения мыслей руководителей смогу извлечь кое-какую пользу и для себя лично. (Только верность принципам мемуарного жанра заставляет меня по прошествии стольких лет признаться в этом!)

Однако пустить прибор в действие удалось мне не так скоро, как хотелось. Дело в том, что «очки Разинина» (название дано исключительно для удобства повествования, с самим Степаном Богдановичем оно не согласовано, а зная его скромность, не сомневаюсь, что заслужу с его стороны упрек за такую рекламу) читали мысли лишь прямых начальников приемника (объяснение этого научного термина дано всего двумя абзацами выше, так что повторять его сейчас, наверное, будет излишне), и я, к примеру, при всем желании не смог бы узнать, о чем думают, скажем, шеф ЦРУ, шеф-повар ресторана «Арарат» и даже повар столовой нашего же ведомства Павло Юхфимович Мазепа. Мой же непосредственный руководитель Дмитрий Григорьевич Добролюбов вот уже три года как был откомандирован на пятигодичные курсы повышения квалификации, а заместитель его Тер-Апевтян, если помните, подался в поэты-песенники.

Таким образом, единственным моим прямым руководителем на тот момент оставался курирующий наш отдел сам заместитель начальника главка Евсей Виссарионович Лукоед. Человек большого полета, как уважительно отзывались о нем в коллективе, он являл собой тип начальника новой формации — начальника мыслящего (dux sapiens). В классификации К. Линнея, как известно, упоминаются лишь начальники-говоруны

(dux oratorum) и начальники — ломатели дров (dux droves lomaticum). В соответствии с веянием времени Лукоед сидел в своем кабинете безвылазно, в полном одиночестве, общаясь с внешним миром через секретаршу Екатерину Алексеевну, которую все мы ласково называли Катенькой. (В скобках замечу, что очаровательная Катенька среди прочих достоинств обладала способностью менять форму бюста в зависимости от расположения духа начальства.)

Почти целый месяц «очки Разинина» без движения лежали в ящике моего письменного стола. Здесь было бы весьма кстати дать его подробное описание. Во многих произведениях современных писателей целые страницы отводятся под развернутые характеристики комодов, сервантов, диван-кроватей и прочей мебели. Однако из боязни прослыть эпигоном я не буду следовать их примеру, а вставлю в повествование небольшое лирическое отступление другого рода.

Стоял один из тех чудесных дней конца февраля, когда самой природе начинают уже осточертевать морозы, метели, вьюги и бураны. Она с радостью бы растопила часть снега для организации ручьев, но понимает, что проводить такое мероприятие преждевременно, так как по графику еще полагается быть зиме, и все же, желая сделать приятное людям, подбавляет ультрафиолета в солнечный свет, который становится от этого ласковым и игривым, как котенок.

Надо сказать, что в тот день я отнюдь не умилялся солнечными зайчиками, ибо они упорно склоняли меня пересесть в кресло, вытянуть ноги, зажмурить глаза и помечтать о чем-нибудь возвышенном и поэтическом, мне же крайне важно было сосредоточиться, чтобы успешно в назначенный срок завершить работу над фрагментами тезисов к проекту сообщения начальника главка Льва Семеновича Чугунова на симпозиуме, посвященном проблемам усвоения информации в зависимости от калорийности питания. Справка, подготовленная отделом изучения и обобщения, была, как всегда, в своей констатирующей части перенасыщена всевозможными цифрами и данными социологических исследований, но когда дело доходило до выводов и конкретных рекомендаций, становилась расплывчатой и туманной. С одной стороны, приведенные в ней факты говорили о том, что заманчивые идеи лучше всего пере-

вариваются, когда человек сыт, с другой же — наличествовало немало убедительных примеров положительного влияния пустого желудка на остроту восприятия. И вот в тот момент, когда я в который уже раз размышлял над тем, дано ли здесь третье или не дано, раздался мелодичный телефонный звонок и в снятой мною трубке послышался обворожительный голос Катеньки: «Иван Петрович! Вас просит зайти Евсей Виссарионович».

Невольный трепет овладел мною. Евсей Виссарионович был личностью во многих отношениях исключительной, и каждая даже мимолетная встреча с ним оставляла след в памяти. Пока я поднимался со своего второго на третий этаж, где размещался кабинет заместителя начальника главка, мой мысленный взор перелистал краткую биографию Лукоеда, биографию, как справедливо подчеркивали его сподвижники, облыжно кое-кем называемые подхалимами, вполне созвучную эпохе.

Свой трудовой путь юный Евсей начал порученцем (была когда-то такая должность) в нашем административно-хозяйственном отделе. Обеспечить руководящий состав билетами на премьеру Театра на Таганке, организовать льготные санаторные путевки для ихних супруг, со вкусом переставить мебель в кабинетах — все выполнялось им споро, сноровисто, в охотку. Шустрый юноша рано или поздно должен был шагнуть вверх. Его восхождение началось, когда наш главк по примеру других ведомств объявил борьбу за чистоту родной ономастики. Все Адольфы, Альберты, Роберты и Ричарды в один момент стали тогда у нас Андреями, Александрами, Борисами и Романами, а служившие в секторе невинных заблуждений братья-близнецы Лапсердаковы превратились один — в Ивана Николаевича Петрова, а другой — в Шалву Акакиевича Дзодзуашвили.

В это лихое суматошное время внимание начальства не мог не привлечь энергичный молодой человек с исконно древнерусским ФИО. Так Евсей Виссарионович Лукоед стал заместителем начальника АХО. Новоиспеченный зам с первых же минут пребывания на этом посту стал есть глазами непосредственное свое начальство и настолько преуспел, что буквально через год съел-таки его окончательно и занял освободившееся

кресло. В начале своей руководящей карьеры Евсей Виссарионович явно относился к классу dux droves lomaticum. Первым делом он упразднил институт курьеров, воссоздав службу вахтеров, коим вменил в обязанность разносить служебные бумаги. Затем реорганизовал корпус секретарей-машинисток и, войдя во вкус, стал разрабатывать проект замены уборщиц малогабаритными поломоечными машинами, но этому смелому начинанию не суждено было сбыться, так как скромные труженицы возроптали, и бывший в то время начальником главка Х. Х. Голубев по-отечески пожурил ретивого поборника НОТа.

— Этак вы, батенька, много дров наломаете!

— Стараюсь!— гаркнул Евсей Виссарионович, не расслышав оттенка неудовольствия в тоне начальства и приняв его слова за похвалу.

— А вот этого-то как раз и не следует делать,— наставительно сказал светлой памяти Харитон Харитонович.— Сейчас назначение руководителя, коим и вы являетесь, состоит не в произведении каких-либо конкретных действий, а в придании мыслям и чувствам подчиненных определенного направления. Если вы, скажем, считаете, что поломоечные машины лучше уборщиц, то прежде всего убедите в этом других. Для начала можно провести небольшой коллоквиум, потом подготовьте публикации в печати, если хотите, организуйте ряд стихийных митингов и загородных прогулок в поддержку вашей идеи — и вот только после всего этого подготовьте проект и отдайте его на рассмотрение вышестоящей инстанции. Словом, действуйте словом, но не торопитесь сокращать уборщиц.

Мысль эта, высказанная тактично и ободряюще, глубоко запала в душу Евсея, и он начал говорить. Когда к нам перевели на укрепление Льва Семеновича Чугунова, Лукоед не без основания считался самым многообещающим оратором в коллективе.

Неудивительно, что в очередном конкурсе на лучший эпитет он завоевал первый приз, пустив в обиход прилагательное «несгибаемый». Тут бы ему и двинуться дальше, но дальше все места были заняты. К тому же с приходом Льва Семеновича начались новые веяния, вызванные отсутствием у начальника главка двух передних зубов и подверженностью его ангинозным заболеваниям. По причине этого он специальным декретом объ-

явил речеизлияния пагубными для научно-технического прогресса.

Лукоед тотчас же достал запылившуюся папку с проектом изжития уборщиц и стал было засучивать рукава, как снова получил нагоняй.

— Дровами, слава богу, мы уже обеспечили несколько поколений,— разъяснил ему Чугунов.— Наговорили тоже с три короба. Думать — вот что сегодня требует от нас жизнь.

Хоть и непривычно было на шестом десятке лет перестраиваться, однако Евсей Виссарионович за довольно короткий срок сумел освоить новый стиль руководства. Он настолько погрузился в думы, что даже обедать и полдничать стал в кабинете. Но думы думами, а как наглядно подтвердить свою преданность? Многие в такой ситуации скисли, потускнели, а наш долгожитель Шалва Акакиевич Дзодзуашвили даже запросился на пенсию, но Евсей Виссарионович и тут нашел выход.

Когда Льва Семеновича провожали на очередной межведомственный симпозиум в столицу Одесской области г. Одессу, Лукоед при пожатии руководящей руки уронил на лацкан пиджака слезу умиления достоинством в 17 каратов. Когда же при встрече из его левого глаза капнуло уже 23 карата, начальник главка растрогался и учредил должность еще одного своего заместителя, поручив ему ведение вопросов творческой активности.

И вот этот, извините за неологизм, администратище, общающийся с нами лишь при помощи резолюций, из которых любимой была «Стоит подумать?!», вдруг вызывает меня к себе. «Зачем? Почему? А может, предложит занять вакансию?» Придя к такому выводу, я немного успокоился и, захватив с собой «очки Разинина», отправился, как вы помните, на третий этаж. Екатерина Алексеевна бюстом показала, что я могу войти в кабинет.

Приоткрыв дверь, я проскользнул в просторное (50 кв. метров) помещение, почти во всю длину которого стоял Т-образный стол, накрытый зеленым сукном. Вдоль одной стены выстроились в ряд книжные шкафы, до краев наполненные полными собраниями сочинений, у другой примостился небольшой диванчик, зачехленный белым полотном. По левую руку руководи-

теля размещался пульт с устройством селекторной связи и добрым десятком разноцветных телефонов, по правую — трехногий столик, на котором установлен был подарок чукотских косторезов — миниатюрная скульптура «Юный оленевод», читающий брошюру «Некоторые методологические замечания к вопросу о минимально допустимом количестве граней в гармонически развитой личности».

Евсей Виссарионович восседал с достоинством и, можно даже сказать, с некоторой долей допустимого изящества. Я осторожно прошел вперед и остановился в трех шагах от руководящего кресла, естественно, по эту сторону стола. Лукоед мечтательно смотрел куда-то в сторону дивана, и взор его был затуманен. «Его осеняет какая-то основополагающая мысль»,— догадался я и поспешно водрузил на нос «очки Разинина». Оголенный проводок царапнул ухо, и в то же мгновение в мою голову резко и отчетливо вошла мысль. Сказать, что от неожиданности я вздрогнул,— мало. Я обалдел. И не оттого, что стал первым человеком в мире, прочитавшим чужую мысль, а оттого, что мысль звучала так:

— Сейчас бы самое время пощупать Катеньку!

После секундного отупления я пришел в себя и, стараясь рассуждать трезво, стал было склоняться к выводу, что глагол «пощупать» в руководящей мысли употреблен в смысле «проверить гражданскую позицию», как новая мысль будто обухом ударила по голове.

— Надо немедленно спровадить этого старого зануду!

Не знаю, что бы ты сделал на моем месте, читатель, а я грохнулся в обморок. (За 54 года моей жизни никто! никогда! ни разу! не назвал меня старым занудой!!!)

Сейчас я понимаю, что поступил тогда по крайней мере опрометчиво, если не сказать — глупо. После этого обморока сочли, что я слаб здоровьем, и отдали предпочтение ливонцу Трубадурскому. Ну, а потом: разве руководителю возбраняется иметь некоторые человеческие слабости? Более того, может, это и не слабость, может, мысль, которую я прочитал, была просто высказана несколько демократично, а по сути отражала светлое и благородное чувство.

Будучи старым холостяком, я не берусь судить о таком скользком предмете, как взаимоотношение по-

лов, тем более коль речь идет о начальнике и его секретарше. Знаю только, что подобная коллизия породила немало романтических поэм и, пожалуй, столько же пикантных анекдотов. Но лично мне ясно одно: все зависит от точки зрения третьего — того, кто рассказывает про оное взаимоотношение. Попробую доказать это на конкретном примере. Вот одна история.

Молодая привлекательная особа замужем за пожилым, хорошо обеспеченным гражданином. Прожив с ним несколько лет, она встречает красавца офицера и пылко влюбляется в него. Настолько пылко, что бросает семью и, захватив с собой лишь самое необходимое бельишко, перебирается к военнослужащему.

Многие читательницы, очевидно, догадались, что я пересказываю «Анну Каренину» Льва Николаевича Толстого. Да, незатейливая житейская история, попав в руки гения, стала высочайшей драмой, от которой и по сей день содрогаются сердца. Но вот с той же ситуацией сталкивается завсегдатай пивных заведений, каким, по его собственному признанию, являлся Ярослав Гашек, и из-под его пера выходит веселенький эпизод, где действуют поручик Лукаш и жена торговца хмелем, да еще прилетается небезызвестный Швейк с «аппетитными ляжками». Ну, о каком светлом чувстве тут может идти речь? А все дело в авторе, ведь ситуация и там и там одна и та же. Словом, как говаривал Михайло Васильевич Ломоносов, если о достойном предмете напишешь высоким штилем, получится ода, а низким — черт знает что.

Надеюсь, после этих разъяснений образ моего руководителя не потускнел в ваших глазах. Автору даже хочется, чтобы читатель проникся симпатией к Евсею Виссарионовичу, тем более что его, увы, уже нет среди нас...

Что ж, пора закончить этот мемуар, который, с сожалением должен констатировать, получился растянутым и композиционно рыхлым. (Уверен, каждый автор лучше любого критика видит недостатки своего произведения, только не у всех хватает духу тут же признать их.)

Остается сообщить, что при падении в обморок с меня слетели «очки Разинина» и упали на юного оленевода. В результате чего одно стекло треснуло — и аппарат, читающий руководящие мысли, вышел из строя.

Евсей же Виссарионович еще добрых три года работал в нашем главке, но в последние месяцы он вместо любимой резолюции «Стоит подумать?!» стал писать на служебных бумагах «Пощупать!», чем привел в недоумение многих, исключая, конечно, меня (я же, как вы понимаете, свои соображения на сей счет оставил при себе). Так как новая резолюция Лукоеда не соответствовала принятым нормам, пришлось с ним расстаться. Лев Семенович сначала покипятился, хотел было даже уволить своего любимого заместителя с формулировкой «за аморальное недомыслие», но, поразмыслив, решил не выносить сор из ведомства, оттаял и предложил Евсею Виссарионовичу несколько руководящих постов в других системах. Лукоед изъявил желание возглавить Чернышевские бани, в первый же день устроил там инспекционный смотр женского отделения, в ходе которого был забросан шайками.

...В чем, в чем, а в целеустремленности нашим администраторам никак не откажешь.

Ялта, июль, 1975

ПРИМЕЧАНИЯ

Ф а б у л а — почти то же самое, что сюжет.

А. В. Ч а й к о в с к и й
Г. М. В а г н е р
Д. С. Г е н д е л е в
} члены Союза композиторов СССР.

С е н а т о р — член верхней палаты парламента в ряде зарубежных государств. Любому сенатору, посещавшему Москву, не возбранялось зайти на Даниловский рынок, но в турпоездки они отправляются, как правило, не зимой, а летом, что, конечно, снижает мемуарную ценность рассказа генерала Топтыгина.

Д о м и н а н т а — главенствующая идея, основной признак.

Д р о з о ф и л а — небезызвестная муха.

Ф л о г и с т о н — подробное объяснение см. в тексте.

Л и н н е й К а р л (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, первый попытался разложить по полочкам всех животных, птиц, рыб, насекомых, наделав при этом массу ошибок.

Э п и г о н — верный последователь.

О н о м а с т и к а — совокупность в языке имен собственных.

К а р а т — единица массы драгоценных камней, равен 200 мг.

Г а ш е к Я р о с л а в (1883—1923) — большой знаток и любитель пива, классик мировой литературы.

МЕЖДУ СТРОК

Когда все истомились окончательно и уже начали раздаваться голоса, что, мол, демократия демократией, а совесть тоже надо иметь, на шум вышел амнистированный Яша и без всякой злобы, скорее даже с отеческой укоризной сказал: «Ну и снобы же вы, мужики. Для вас хребет ломишь, а спасиба не дождешься. Погодите еще пару минут, и будет в самый раз».

И точно, когда через десять минут Яша, распахнув дверь, зычно крикнул: «Давай вали да пошевеливайся!» — и мужики, согнувшись в три погибели, стали карабкаться по лестнице, а потом быстро поползли попластунски, стараясь занять местечко, где можно устроиться поудобнее: кто предпочитает свернуться калачиком, так что колени упираются в подбородок, а кто, наоборот, норовит растянуться во всю длину к вящему неудовольствию соседей; но наконец разместились и те и другие, и вот тогда наступившую тишину нарушает чей-то восторженный всхлип: «Спасибо, Яша! Парок что надо!» Тут же раздается несколько голосов, солидаризирующихся с этой высокой оценкой, но большинство лежит молча, лишь изредка постанывая и покряхтывая от избытка чувств.

Великое мление — эрудированные любители сухого пара называют это состояние нирваной или кайфом (марьинорощинский вариант произношения — «кейф») — продолжается, увы, недолго, ибо обязательно находится один нетерпеливый, который уже через три минуты садится на корточки и принимается осторожно поглаживать себя веником. «Рано!» — шикают на него. «Да я ничего, я, пожалуйста, как все», — бормочет нетерпеливый в оправдание, но сам потихонечку распрямляется, и, видя это, поднимаются со своих мест осталь-

ные. Звучит команда «Поехали!», и пошли хлестать веники. Березовые. Дубовые. Можжевеловые. Эвкалиптовые. Березовые со смородиновой веткой... А какой-то старец средних лет охаживает себя крапивным, чем приводит в немалое изумление юных парильщиков, впервые столкнувшихся с таким способом лечения радикулита...

Но прости меня, читатель, я забежал немного вперед. Действие этого мемуара началось, собственно, в тот момент, когда до веников дело еще не дошло и я, затиснутый чуть ли не под самую лавку, вдыхая сухой духмяный воздух, размышлял о развитии банной демократии как таковой. За те шесть лет, что хожу в Астраханские бани (ранее я посещал Чернышевские, но после того, как там при исполнении служебных обязанностей погиб, сраженный шайкой в висок, бывший заместитель начальника нашего главка Евсей Виссарионович Лукоед, они были снесены), довелось наблюдать немало примеров, подтверждающих, что сообщество коммунальных парильщиков функционирует, тоже строго подчиняясь объективным законам если уж не исторического материализма, то диалектического наверняка.

То, что бани, пожалуй, самый демократический институт, потому как здесь все голые, подметил, кажется, еще Гераклит. Но, будучи наивным материалистом и не имея возможности почитать популярную брошюру «Основы философствования», которая почему-то на древнегреческий не переведена, старина Гераклит, как уважительно величали его коллеги, простодушно полагал, что хотя в один ручей нельзя ступить дважды, однако банная демократия статична и лишена внутреннего развития, ибо в парилке начисто отсутствуют какие бы то ни было формы собственности (веник каждый может купить у пространщика за рубль), а также фактически сведены на нет противоречия производственных отношений (хочешь, чтобы сосед потер тебе спину,— сам окажи ему эту услугу). Заблуждение это продержалось несколько веков, пока Гегель убедительно не доказал, что все движется по спирали, а раз все, значит, и банное народовластие тоже. Однако, будучи идеалистом, и батя Гегель, как любовно называли его ученики, не смог сообразить, куда же все-таки вкручивается эта самая спираль — вперед или назад, вверх или вниз.

И только когда эмпирическим путем удалось установить, что сначала бывает трагедия, а потом на этом же самом месте устраивается фарс, только тогда стал окончательно ясен механизм диалектического развития банной демократии.

Боюсь, этот небольшой экскурс в историю философской мысли может отпугнуть тех читателей, которым больше по душе сугубо конкретные вещи и которых тот или иной философский постулат интересует лишь тогда, когда за ним должен последовать по меньшей мере бутерброд с чайной колбасой. А так как каждый читатель автору дорог (и витающие в эмпиреях, и просто эмпирики) и никого не хочется терять раньше времени, то в дальнейшем я постараюсь ограничиться лишь самыми необходимыми рассуждениями на отвлеченные темы, если таковые обнаружатся в ходе повествования. Сейчас же попытаемся рассмотреть конкретно диалектическую спираль развития демократии в том виде, в каком она проявляется в Астраханских банях. Здесь каждый ее временной виток четко разбивается на три этапа.

Этап первый — период так называемой стихийной демократии. В это время каждый действует кто во что горазд. Поддают при открытой двери, заходят в парилку, не смыв мыла, находится умник, который для «опыту» плещет на каменку полстакана портвейна, отчего получается полное безобразие, наконец, случайно забредший сюда дядя (он приехал из Тулы на экскурсию в Елисеевский магазин и вот решил скоротать время до отхода поезда) лезет на полок с полной шайкой холодной воды.

— Лопух!— кричат на него мужики.— Без понятия ты, что ли? Кто же с водой парится?

— У нас в Туле завсегда так,— оправдывается экскурсант.

— Вот и сиди дома. Чего в столицу-то приперся?

— Знамо чево.

— Эх ты, провинция!— назидательно произносит перманентно опохмеляющийся художник-график Косьма Инин.— Только о пузе своем и печешься. Почитал бы лучше «Науку и жизнь», тогда бы знал: «Чтобы выжить как биологический вид, человек должен меньше лопать, больше вкалывать и получать время от времени хорошенькие стрессы».

— Вот я щас тебя и тресну, посмотрим, как выжи-

вешь!— вконец рассерживается потомок Левши и угрожающе надвигается на худощавого графика.

До рукоприкладства дело, правда, не доходит, но к великому удовольствию слушателей оппоненты навешивают друг на друга такие ярлыки, которых удостаивается разве что судья, назначивший пенальти в ворота хозяев поля. Воспользовавшись тем, что все увлечены этой словесной дуэлью, некий чухонец бухает на каменку целую шайку воды, чем сразу и выводит ее из строя. В общем, и часа не проходит, а пара уже нет. Настроение у всех испорчено. Да тут еще пиво кончилось. Между прочим, в периоды стихийной демократии чаще всего и бывают перебои с пивом.

Такая неразбериха продолжается и в следующую среду, и в третью, и в пятую. (Парящийся читатель уже понял, что автор не каждый день посещает бани, а лишь по средам. Однако и в остальные дни недели там действуют те же объективные законы, хотя личности, естественно, другие.)

Когда свободомыслие достигает крайних пределов и баням грозит участь превратиться в заурядную помывочную, наступает новый этап — эпоха фракционной демократии. Среди парильщиков образуются две фракции — «славянофилов» и «западников». И те и другие решительно стоят за сухой пар, за поддачу только по сто граммов, но первые считают, что поддавать надо исключительно квасом, в то время как вторые признают лишь эвкалиптовую настойку.

(В скобках могу сообщить, если кому интересно, некоторые детали общественного лица противоборствующих партий. «Западники» равнодушно относятся к судьбе кадрили, вместо слова «настоящий» говорят «реальный»— «не суп, а реальные помои», «реальный дурак» — и предпочитают после парной пить дешевые крепленые вина, закусывая чем попало. «Славянофилы», напротив, любят хорошо закусить, для чего прихватывают из дому селедку, сало и даже квашеную капусту собственного приготовления, пьют преимущественно водку, придерживаются старомосковского произношения, а потому говорят «хорошо развитой бюст», «недоразвитой юноша» и испытывают какое-то особое наслаждение от чтения журнала «Наш соплеменник».)

Хотя автору не по вкусу крепленые вина и доставляет истинное удовольствие съесть хороший шматок сала

с горбушкой черного хлеба и обязательно с чесноком, он тем не менее должен признать, что фракция «западников» более многочисленна, горласта и лучше организована. В начале периода фракционной демократии «западники» иногда еще позволяют своим идейным противникам поддать с кваском, но затем на робкие просьбы приверженцев старины отвечают с досадой: «Чего хорошего в этом квасе? Дух один. А эвкалипт — он и запах дает, и для носоглотки очень полезен!»

— Давай эвкалиптом!— гудит большинство, и посрамленные «славянофилы» принуждены — куда денешься?— обонять противный их естеству чужеземный аромат.

Но, будучи мучениками идеи (а у каждой идеи, даже самой невинной, есть свои мученики), они не сдаются, а лишь меняют тактику. Учитывая, что «западники» любят поспать, «славянофилы» начинают вставать с петухами и первыми занимают парную. Когда поклонники эвкалипта приходят в баню, там стоит такой квасной дух, что его приходится вышибать не меньше часа. На этой почве снова возникают междоусобицы, разброд и перебои с пивом.

Но все обходится без потасовки, потому что в одно прекрасное утро возвращается амнистированный Яша. С его приходом банная демократия вступает в свою высшую фазу.

Яша начинает с того, что изгоняет всех из парилки и силами добровольных помощников устраивает там генеральную уборку с мытьем полка и пола и протиранием стен мокрой тряпкой. Затем следуют проветривание и основательная просушка помещения, после чего дверь надолго закрывается — Яша самолично совершает таинство поддачи. А парок он, как мы уже видели, умеет наладить.

— Чем это вы поддавали?— блаженно зевая, вопрошает график Инин.

— Мятой и чуть-чуть ромашки,— объясняет Яша.

— Ох, хорошо!— постанывает график.— Жаль, что я не скульптор. Я бы изваял ваш торс, Яша, и установил его на родине героя. У вас так поддают? Где ваша родина?

— Тайга — моя родина,— смущенно отвечает Яша, переминаясь с ноги на ногу (на левой стопе четко

читается «бог создал вора», на правой — «а черт прокурора»).

— Молодец, Яша. Ну просто фельдмаршал Кутузов!— вступает в разговор уже упоминавшийся выше старец средних лет.

И старец, пуская слюни умиления, пытается облобызать Яшину поясницу.

Отрадно, что со времен Владимира Красное Солнышко сохраняет свою жизнестойкость замечательное свойство характера наших соотечественников — говорить друг другу комплименты. Кажется, обюрократился вконец человек, заплесневел в своих входящих и исходящих, слова-то от него живого не услышишь, только «в целях дальнейшего» да «тем не менее имеются», а вот подвернулась возможность поприветствовать заслуженного товарища, и такой теплый эпитет отыщет, такое сравнение подберет — только руками разведешь и с невольной завистью подумаешь: «Эк, его разобрало, однако!»

В свою очередь лица, принимающие эти воздаяния, клюют на них при всей своей исключительной скромности. Понимает тот же Яша, что хотя парок и правда делает он отменный, однако до Кутузова ему еще ой как далеко, что это просто старец поэтическую гиперболу подпустил, понимать-то понимает, но природная застенчивость не позволяет возразить, и предложи ему сейчас фельдмаршальский мундир — не сможет отказаться. Но не будем строги к Яше, ведь и ты, читатель, подвернись случай, не отказался бы от оной спецодежды. И носил бы ее с подобающим достоинством и, глядишь, через неделю-другую уверовал, что это именно ты выиграл Бородинское сражение, а там, чего доброго, принялся бы и за сооружение персонального пантеона, который неблагодарные потомки за ненадобностью переделают в кафе-мороженое «Айсберг».

Тут автор снова поймал себя на мысли, что его занесло куда-то в сторону. «Ну при чем здесь Бородинское сражение?— совершенно справедливо может обидеться вдумчивый читатель.— Какое оно имеет отношение к сюжету? Да, кстати, а где сюжет-то? Уж сколько страниц я отмахал, а его все нету».

Что на это ответить? Случается порой русскому человеку впасть в такое расположение духа, когда он понимает, что поступает несообразно с обстоятельствами,

а сам знай гнет свою линию, хоть кол ему на голове теши. Вот и автор чувствует, что уже многие с досадой захлопнули этот мемуар, так до сих пор не обнаружив в нем никакого действия, и что еще одно подобное лирическое отступление — и вообще не останется у него читателей, но все равно не может удержаться, чтобы не привести пару примеров, опять же не имеющих отношения к сюжету, однако в известной мере могущих проиллюстрировать упомянутое состояние духа, которое несколько грубовато определяется как «попала шлея под хвост».

Так вот, в нашем главке исполнял обязанности заведующего лабораторией юношеских разочарований в подотделе коварства и любви некто Салопов Борис Тихонович. Отличался он редким усердием, аккуратностью и постоянной готовностью претворять в жизнь любую мысль сверху. Таких вышестоящее начальство характеризует как образцовых работников, а подчиненные между собой называют «занудами». Но как ни называй, а одного у них не отнимешь — на службе «зануды» самый надежный народ, потому как не делают ошибок. И вдруг узнаем: от Бориса Тихоновича жена уходит. Вот тебе и чистюля, докатился до бытового разложения. Поговорили с ним в узком кругу. Ничего путного не добились.

— Сам,— говорит,— не знаю, почему уходит. Как супруг я зарекомендовал себя положительно: имею хорошую зарплату, казенную дачу, скоро должен защитить кандидатскую диссертацию, после работы домой на машине привозят,— значит, гордиться можно перед соседями. Я не пью и не курю и принципиальный противник супружеских измен ввиду их негигиеничности.

— А может, у вашей супруги на стороне кто завелся?— напрямик спросил не отличающийся деликатностью член месткома Пятрас Осипович Трубадурский.

— В том-то и парадокс, что никого у нее нет,— уныло ответил пострадавший.

— Дело ясное, что дело темное,— заключил председатель жилищно-бытовой комиссии Шалва Акакиевич Дзодзуашвили.

Пришлось передать этот вопрос на рассмотрение Евсею Виссарионовичу Лукоеду. Вызвал он сначала Салопова, но тот все одно твердит: «Хотите — казните, хотите — помилуйте, а бытового разложения не допускал и почему жена уходит — не знаю».

Пригласил тогда Евсей Виссарионович супругу разложенца. Осторожно поинтересовался у нее, не ведет ли гражданин Салопов, так сказать, двойную жизнь — на службе образцы героического труда показывает, а в домашней обстановке феодал феодалом. Или, может, попивает втихую — такое, что греха таить, частенько случается с руководителями низшего звена.

— Нет,— говорит жена.— И не пьет он, и не феодал, и зарплата у него хорошая. А только очень уж мне противно стало смотреть на его лысую рожу. Невмоготу.

С тем и ушла.

— Если попала бабе шлея под хвост, тут уж ничего не поделаешь,— резюмировал Евсей Виссарионович и отдал распоряжение подготовить приказ о переводе Бориса Тихоновича в подведомственный нам НИИ выяснения взаимоотношений.

Аналогичная шлея омрачила судьбу бывшего сотрудника нашего отдела Саши Лепешина. Как-то раз он нарушил, по мнению сотрудника ГАИ, правила уличного движения. Будто на грех, Саша был в трезвом состоянии и, наверно, поэтому начал «качать права». Сколько ни уговаривали его плюнуть на это дело, он ни в какую. И столь рьяно упорствовал, что в конце концов на год лишился прав (в том числе и гражданских) на основании статьи 129 УК РСФСР...

Ау, читатель! Ты все-таки набрался терпения и докарабкался до этого места? Что ж, тогда самое трудное для тебя уже позади, потому что сейчас — лучше поздно, чем никогда!— наконец-то начинается сюжет истории, которую я хотел тебе рассказать, а с сюжетом, как известно, дело должно пойти веселее.

...Итак, если помните, обретаюсь я чуть ли не под самой лавкой и размышляю о своеобычном месте общения, каким являются Астраханские бани. И когда логика мысли приводит меня к гегелевской триаде, я с удивлением понимаю, что все мы здесь лежащие вкушаем плоды демократии, которые стали возможны лишь с возвращением Яши, и, что ни говори, а, как справедливо заметил император Нерон, личность все-таки — это личность (и пиво теперь всегда есть, и простыни свежие), но, увы, диалектика возьмет свое, и Яша, допустив в состоянии сильного алкогольного опьянения волюнтаризм, схлопочет очередной срок, и снова какой-нибудь экскурсант (на этот раз из Владимира) полезет

на полок с полной шайкой холодной воды... И вот тут-то в мою спину уперлась чья-то острая коленка, и хрипловатый голос проворковал:

— Пхевошходный пахгрок!

— Степан Богданович! Вы ли?— изумился я. (Если уж быть точным, то я сначала чертыхнулся, ибо долбанул он меня основательно.)

— Иван Петрович, и вы здесь!— отозвался великий старик и полез было по своей привычке целоваться, но, сообразив, что баня — не Внуковский аэропорт, ограничился рукопожатием.

Тут пошли хлестать веники, и мы со Степаном Богдановичем тоже включились в эту душевную (кто понимает, конечно) работу. Старик оказался на редкость выносливым, и хоть я на добрый десяток лет его моложе, но, должен признать, первый запросил пардону. Спустились в мыльную и присели отдохнуть на скамью, выложенную разноцветной метлахской плиткой с немалыми зазорами, так что после непродолжительного сидения на ней с ягодиц долго не сходит затейливый гуцульский орнамент. Последовали традиционные «как вы?», «а как вы?», но дальше этих восклицаний разговор не пошел, потому что мешали раздававшиеся с соседней скамьи стенания тучного мужчины, которому двое его сподвижников делали успокаивающий массаж по системе, разработанной Г. Л. Скуратовым-Бельским.

Перебрались в предбанник. Степан Богданович предусмотрительно занял два места, так что на одно из них я перенес свои вещички, и мы теперь спокойно могли насладиться беседой. Благо пространщик дядя Гриша, идя навстречу пожеланиям постоянных клиентов, быстренько «соорудил» нам трехлитровую банку отличного жигулевского пива («Я лучше не долью,— любила повторять буфетчица Маша,— но чтоб разбавить — это себя перестать уважать надо»). У Степана Богдановича имелась собственная пивная кружка стандартного образца, но с надписью по ободку, сделанной белилами: «Привет из солнечной Ялты!» («Сам написал,— перехватил мой вопрошающий взгляд изобретатель-новатор.— Чтобы не думали, что я ее здесь взял». Я получил возможность лишний раз убедиться в мудрости моего знакомого, когда раздался пронзительный Машин возглас: «Кружки давай!»— и у нашего соседа оный сосуд, не имевший опознавательных знаков, тут же был рек-

визирован дядей Гришей и передан в буфет.) Я достал леща, и, по очереди прихлебывая из памятной кружки свежее, как баргузин, пиво, мы повели неторопливый разговор.

О чем можно говорить в бане? Да о чем угодно. О квазаре и о футболе; о загадке Бермудского треугольника и предполагаемом снижении цен на плодово-ягодные напитки; о том, дадут или не дадут тринадцатую зарплату, если имеешь четыре прогула, и все они приходятся на понедельник, и о постановке балета «Ангара» на сцене Большого театра; о преимуществах столярного клея перед канцелярским и о том, что лесоповал укрепляет здоровье, но очень просто схватить в тех местах ревматизм; о том, когда следует купировать эрдельтерьеров, и о визите короля Непала в Коста-Рику; об особенностях атмосферы Венеры, которая на семьдесят процентов состоит из паров этилового спирта,— официального сообщения на этот счет, сами понимаете, не было, но в Звездном об этом говорят на каждом шагу, и о причинах исчезновения рыжиков в подмосковных лесах; о том, что лучшей закуски к пиву, чем вобла, пока еще не придумали — раки, конечно, это да!— но сладковаты, хотя были б они, полсотни можно слопать за милую душу,— вкусны, черти, однако пиво все-таки соленького требует, так что вобла соответствует больше, и о способах лечения язвы желудка; о... Да мало ли о чем можно поговорить в бане, где собираются люди всех возрастов и профессий, где сидят рядышком, закутавшись в простыни, академики и герои, мореплаватели и плотники, физики и лирики. (Впрочем, академиков в Астраханских банях я не встречал, они, по всей видимости, предпочитают Сандуны.)

У нас же со Степаном Богдановичем разговор с вопроса о быстротечности жизни («как время-то летит!») незаметно перешел на популярную радиопередачу «Беседы о русском языке», которую вел в те годы, если память не изменяет, кандидат филологических наук Лев Иванович Петухов.

— Вы знаете, Иван Петрович,— многозначительно начал Степан Богданович,— ведь меня последняя передача об иносказательных конструкциях синтаксиса литературной речи подвигла на небольшое открытие.

Я замер в предвкушении знакомства с какой-нибудь новой гениальной работой изобретателя-новатора, ведь

так всегда было во время наших предыдущих встреч.

— Так вот, если помните,— продолжал великий старик,— товарищ Петухов высказал весьма здравое суждение о том, что смысл той или иной фразы зависит не только и не столько от слов, ее составляющих, но и от порядка их расположения, от их соответствия объективной реальности, кою они призваны отобразить. Запамятовал литературные примеры, которые он приводил, поэтому позволю дать собственный, так сказать, из близкой вам сферы жизни. Если вам надо составить характеристику на дурака, вы же не станете писать, что он дурак, а дадите примерно такую формулировку: «Плутарх Тимурович Кочерыгин скромен в работе. Вот уже двадцать лет он старательно выполняет обязанности ученика счетовода». И любой кадровик поймет, что за тупица этот Плутарх Тимурович. Если в характеристике имеется «всегда готов выполнить любое общественное поручение», значит, характеризуемый — редкий бездельник, и так далее. Или вот классический образец иносказания из пляжной жизни. Если курортник посылает супруге открытку такого содержания: «Дорогая! С нетерпением жду от тебя весточки. Высылай телеграфом!» — значит, он уже давно сидит на мели. Словом, развив мысль кандидата филологических наук Петухова, я пришел к выводу, что когда человек по поводу конкретного обстоятельства пишет одно, а думает о нем совсем другое, то он подсознательно выбирает определенные слова и конструирует фразу совсем иначе, чем когда он что думает, то и пишет. Порой это бывает столь очевидно, что родилось выражение: «Легко прочитать между строк»...

Тут я невольно отвлекся, вспомнив, как много читалось между строк отчета, составленного недавно заведующим лабораторией невинных заблуждений Аполлоном Егоровичем Самоблудовым о проделанной его коллективом работе по выявлению эффективности воздействия наглядной агитации на выработку положительных эмоций у пассажиров г. Свердловска, следующих в часы пик по автобусному маршруту № 5...

Из задумчивости меня вывел торжественный голос Степана Богдановича, который, судя по всему, уже заканчивал свой монолог.

— ...Итак, установив, что написанное между строк имеет строго обусловленную структуру, я с помощью за-

кона распределения вероятностей Гаусса без особого труда разработал оптимальные модели иносказания. Остальное, как говорится, было делом техники, и я с удовольствием продемонстрирую вам сейчас прибор, читающий между строк.

Изобретатель-новатор распаковал уже известный читателю пухлый портфель, похожий на мумифицированного поросенка из гробницы Аменхотепа IV, и вытащил из него маленькое круглое стеклышко в медной оправе, от которого тянулся длинный проводок.

— Узнаете? — лукаво спросил Степан Богданович. — Это линза из тех самых очков, что вы разбили. Вторая пришла в полную негодность.

Я принялся что-то бормотать в свое оправдание.

— Полноте! — остановил меня великий старик. — Если б не разбились те очки, я б, наверное, не сконструировал этот монокль, читающий между строк.

После этих слов Степан Богданович извлек из портфеля небольшой ящичек, формами и размером напоминающий обыкновенный электросчетчик, и подключил к нему монокль.

— Это сконструированная мной ЭВМ девятого поколения, — показывая на счетчик, не без гордости пояснил изобретатель. — Обычно я использую ее при анализе сводок ЦСУ, но для данного опыта в нее введен весь словарный запас литературного русского языка, а также на всякий случай несколько десятков разговорных оборотов речи. Принцип действия прибора весьма прост. Вооружившись моноклем, вы читаете текст. Затем, нажав вот эту кнопочку, подключаетесь к ЭВМ. Пройдя через кристаллическую решетку разинингита (а линза, как вы догадались, сделана именно из него), текст преобразуется в математическую формулу и в таком чистом виде (математика не признает двусмысленностей!) попадает в приемное устройство ЭВМ. Если слова, составляющие фразу, идентичны мысли, то они возвращаются в ваш мозг такими, как есть. То есть вы читаете то, что написано. Но если наличествует феномен писания между строк, ЭВМ тут же подбирает слова, адекватные математической модели фразы, и вторично вы уже читаете то, что думал автор, когда писал данную фразу.

Не знаю, все ли поняли вы из этого несколько путаного пояснения, но я лично уразумел только, что дело

тут не обошлось без структурной лингвистики и теории машинного перевода.

Естественно, мне сразу захотелось опробовать прибор. Степан Богданович не возражал. Рядом с нами сидел бородатый молодой человек в очках и читал какую-то книгу. (В любых банях всегда находится по крайней мере один чудак, который все время что-то читает. Нет, не «Советский спорт», как нормальные парильщики, а какую-нибудь толстую серьезную книгу. Таких субъектов называют «философами» или, еще чаще «валенками». В баню они приносят термос с чаем и, забежав на пару минут в парилку, помахав там для блезиру веником, возвращаются в пространную, залезают с ногами на деревянный диван, берут книжку в руки и, время от времени прихлебывая чай из крышки термоса, сидят часами, как будто не в баню пришли, а в читальню.)

— Извините, молодой человек,— как можно вежливей обратился я к бородатому философу,— не дадите ли на несколько минут вашу книгу? Верну в целости и сохранности.

— Пожалуйста,— несколько удивленно (наверное, оттого, что его назвали молодым человеком, а не валенком) произнес бородач и протянул мне томик, оказавшийся «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя.

«Неужели мне удастся узнать сокровенные мысли гениального писателя,— с волнением подумал я,— ведь кто-кто, а Николай Васильевич по части иносказания был большой мастак».

С невольным трепетом взял я томик, раскрыл его наугад и, вооружившись моноклем, прочитал конец предпоследнего абзаца первой главы. Потом нажал кнопку и... прочитал то же самое.

Недоуменно взглянул я на Степана Богдановича. Тот смотрел куда-то в сторону и, как мне показалось, загадочно улыбался. Пропустив сразу страниц сто пятьдесят, я наткнулся в седьмой главе на любопытную фразу, за которой явно что-то скрывалось. Нажал кнопку, и... тот же результат.

Степан Богданович старательно прятал улыбку в кулак. Дважды прочитав слово в слово характеристику, которую выдал Чичиков прокурору в одиннадцатой главе, я с досадой захлопнул «Мертвые души» и с понятным раздражением обратился к великому старику:

— Да вы к тому же, Степан Богданович, оказывается, любитель розыгрышей. А я-то уши развесил, поверил в ваш необыкновенный монокль.

— Не сердитесь, Иван Петрович,— извиняющимся тоном сказал изобретатель-новатор.— Мой прибор действует, и действует нормально. Вы просто забыли, что если слова полностью соответствуют мысли, то и через мой монокль фраза видится точно так же, как она написана. А классическое произведение, каковым без сомнения является бессмертная поэма Гоголя, как раз и отличается тем, что его форма абсолютно точно соответствует содержанию. Я, знаете, многих классиков пропустил, так сказать, через свой монокль и, представьте, не переставал удивляться: что у них было на душе, то и писали. Так что отдайте «философу» его Гоголя, поищем литературу попроще. Нет ли у вас с собой какого-нибудь служебного документа или, может, чего из периодики?

Служебных бумаг, конечно, я в баню с собой не беру, а из периодики нашлась у меня лишь половина старой газеты, в которую завернут был вяленый лещ, между прочим на редкость жирный, так что газета основательно промаслилась и многие помещенные в ней корреспонденции стали из-за этого совершенно неудобочитаемы.

Как и большинство читателей, начал я с четвертой страницы. С раздела спорта. Здесь была помещена большая статья известного спортивного обозревателя Анания Незаноскина под нестандартным заголовком: «Как живешь-можешь, хоккей?» Начиналась она так: «Отгремели ледовые баталии, рыцари клюшки зачехлили свое оружие, но в ушах многомиллионной армии любителей этого вида спорта сильных и мужественных долго еще будет стоять звон коньков и перестук шайб». Дальше я читать не стал и нетерпеливо нажал кнопку. Произошло чудо. Глазами я видел ту же самую фразу, те же слова, но вместо них читалось совсем другое: «Спасибо Бодуэну де Куртенэ за то, что придумал современный спорт. Ведь без него не было бы спортивной журналистики — и я бы не имел этого хорошего куска белого хлеба. Так-то, умники сокурсники! Корпите в своих многотиражках! А я вот в Монреаль съездил, теперь в Швейцарию на первенство мира собираюсь, если этот прохиндей Антон Дубинин не обскачет...»

— Просто уму непостижимо! — не удержался я от восторга.— Степан Тимофеевич — вы гений! Позвольте пожать вашу честную руку!

Старик, скромно потупив глаза, пожевывал плавничок леща.

— Это ж изнанку души любого пишущего узнать можно,— несколько успокоившись, сообразил я и снова взял в руки газету.

На третьей странице мое внимание привлекла рецензия известного критика Изяслава Рассудина на роман еще более известного прозаика Селифана Стрижевского «Степь да степь кругом». К сожалению, вместо текста было масляное пятно, уцелели лишь две последние строчки «...и читатель с нетерпением будет ждать новой встречи с самобытным талантом нашего маститого прозаика». Нажата кнопка, и между строк ясно читалось: «Боже мой, какую ахинею приходится хвалить!..»

Да, прибор Степана Богдановича работал безукоризненно. На второй странице я пробежал корреспонденцию о соревновании прядильщиц, зарисовку о передовом сталеваре, критический сигнал о деятельности некоего А. М. Прохорова, слесаря-водопроводчика, отчет с профсоюзного актива мастеров эстрады... Во всех этих материалах между строк ничего не обнаружилось, разве что заголовок отчета «Шутить активно, по-деловому» через монокль читался несколько иначе: «Когда дохнут мухи».

Хотел было я просмотреть первую страницу, но ее в газете не оказалось.

Тут иной читатель недоверчиво усмехнется. Но чего нет, того нет. Физически, конечно, страница наличествовала, но уже упоминавшийся лещ своим жиром размыл весь шрифт, так что нельзя было разобрать ни одного слова... Хотя, впрочем, в левом нижнем углу уцелело одно словечко — прилагательное «неуклонное», но прочиталось оно через монокль весьма странно: «Потребление мяса в пенсионном возрасте крайне нежелательно, так как это повышает содержание в крови холестерина».

Долго ломал я голову над загадочной фразой, пытаясь найти то «неуклонное», которое можно соотнести с холестерином, и, так ничего не придумав, хотел было уже позвать на помощь Степана Богдановича, но в этот самый момент на меня рухнул всей тяжестью своего

семипудового тела тунеядствующий гинеколог Вадик, который минут десять назад примкнул к компании, сидевшей напротив нас.

Если уж Вадик так бесцеремонно ввалился в сюжет повествования, придется представить его читателю.

Последние семь лет экс-гинеколог Вадим Сидорин нигде не работал. «Предмет моей профессии меня разочаровал»,— шмыгая большим грустным носом, коротко отвечал Вадик мужикам из окружения генерала Топтыгина, время от времени пристававших к нему с расспросами, как это он докатился до жизни такой.

— Вот она до чего, родимая, доводит,— философски изрекал Коля Паровоз.— Имел человек интеллигентную специальность, почет и уважение, а сейчас дошел до того, что продает свою очередь за пивом.

— Да, сейчас я торгую самой дешевой очередью, которая только есть в нашем прекрасном городе,— соглашался бывший медик.— А раньше — какие доходы имел я с этих очередей, это ж больно вспомнить!

Собственно, своей профессии Вадик и изменил, начав делать бизнес на очередях. Еще будучи действующим гинекологом, он записался на «Москвич». И вот когда подошла его очередь на машину, к нему обратился смуглый гражданин в такой большой кепке, что, казалось, в ее тени смогла бы укрыться от солнца вся восточная трибуна столичного стадиона «Динамо».

— Послушай, дорогой! — без всяких дипломатических экивоков предложил смуглолицый.— Ты отдашь мне очередь на автомобиль, а я тебе десять процентов его стоимости и ящик мандаринов. Любишь мандарины, дорогой? Замечательный фрукт, честное слово!

Вадик быстро прикинул, сколько это будет — десять процентов, и моментально согласился. Тут же он снова записался на «Москвич», а заодно и на «Запорожец», и на «Волгу». Не теряя времени, гинеколог занял очереди за холодильником «ЗИЛ», стиральной машиной «Эврика», мебельным гарнитуром «Божена», цветным телевизором «Рубин-707», туркменским ковром, мотоциклом «Ява» с коляской и многими другими в то время дефицитными агрегатами бытового назначения.

Примерно через год очереди стали подходить одна за другой, к Вадику потекли его десять процентов, и он сказал тогда жене Соне:

— Если можно не работать, так лучше не работать.

— Вадик, я ничего плохого не могу сказать за твой ум. Делай, как понимаешь,— бархатным басом ответила Соня, женщина упоительных кондиций.

Однако недолго было безоблачным небо над головой бывшего гинеколога. Дождливым осенним вечером в квартиру гражданина Сидорина позвонил участковый уполномоченный старший лейтенант милиции Муслим Кукуев. Он вежливо напомнил, что кто не работает, тот не ест, процитировал почти полностью Указ о борьбе с тунеядством, от предложенного Соней коньяка «Наполеон» отказался и при этом смерил хозяйку стальным взглядом, за которым, правда, последовало загадочное «ого!». Через три дня блюститель порядка пожаловал снова с теми же цитатами, потом заходил еще и еще и наконец стал наносить визиты ежедневно. Тогда Вадик не выдержал и, преодолевая природную робость, спросил напрямик:

— Чем обязан таким вниманием?

— Согласно приказу,— козырнул старший лейтенант милиции,— делаем упор на профилактику правонарушений по месту жительства.

Такой ответ тунеядствующего гинеколога вполне успокоил, тем более что участковый давно уже перестал донимать Вадика разговорами о трудоустройстве, а все больше вертелся на кухне, помогая Соне фаршировать щуку или делать голубцы, которыми она не без основания гордилась.

Но как-то морозным зимним вечером из-за сильных резей в желудке Вадик вынужден был перенести банкет по случаю перепродажи очередной очереди на «Волгу» и поэтому пришел домой намного раньше, чем обещал жене. Увы, читатель, не только в тривиальных анекдотах, но и в жизни случается такое. Надо ли говорить, что Вадик застал у себя дома старшего лейтенанта милиции Муслима Кукуева за исполнением обязанностей отнюдь не служебного характера.

Сначала он хотел застрелить соблазнителя, потом решил заколоть неверную кинжалом, но ни огнестрельного, ни холодного оружия в доме не было. В доме были только фарфор и хрусталь да кое-какие изделия из благородных металлов, которые никак не могли послужить орудиями убийства. Не сумев отомстить за поруганную честь и не найдя в себе сил расстаться с изменницей, по-

тому что продолжал ее безумно любить, Вадик запил. Но беда не приходит одна. Вступил в строй волжский автогигант, и юркие «Жигули» стали стремительно заполнять брешь автомобильного дефицита. С холодильником «ЗИЛ» начал успешно конкурировать холодильник «Минск», а с «Рубином» — «Радуга» и «Изумруд». Стиральные машины выпускались уже в таком количестве, что покупатели даже получили право выбора. Оставался еще неудовлетворенным спрос на ковры, но за систематическое пьянство и несвоевременную уплату взносов руководство фирмы «Восточные узоры» дисквалифицировало Вадика, отказав ему в доверии посещать магазин через черный ход. Бывший гинеколог опустился до того, что стал продавать очереди на французские бюстгальтеры и средство от пота «Одорекс» производства ГДР. Когда же бюстгальтеры вышли из моды, а Соня родила мальчишку хотя и с грустным носом, но со стальным взглядом, Вадик объявил, что теперь он не принесет домой ни копейки, и перешел на самообслуживание.

Как известно, летом, чтобы выпить пива, надо простоять не меньше часа. Поэтому трудно словами передать радость гражданина, вставшего в хвост очереди к пивному ларьку, когда к нему подходил Вадик и шепотом предлагал: «Могу уступить очередь — впереди три человека осталось, если, конечно, поставите кружку».— «Ну, какой разговор!» — с готовностью отвечал облагодетельствованный. Вадик брал его под руку, подводил к окошку, торжественно провозглашал: «Этот товарищ вместо меня!» — и тут же снова занимал очередь.

С наступлением холодов пиво переставало быть дефицитом, и Вадик перебирался в баню. Ежедневно без четверти одиннадцать он появлялся в предбаннике, деловито обходил ряды и объявлял: «Мужики! Могу сбегать. Беру десять процентов натурой». Собрав заказы, Вадик шел в ближайший магазин, где сердобольная продавщица Жанна обслуживала его вне очереди. Раздав бутылки заказчикам, Вадик в каждой компании выпивал честно заработанные пятьдесят граммов, закусывал, чем угостят, и отправлялся в очередную командировку. После третьей «пробежки» он неизменно начинал вспоминать нанесенные ему обиды и распалял себя до такой степени, что гардеробщица Галима вынуждена была оставлять свой пост и шла за Соней (Вадик жил рядом с банями в кооперативном доме высшей категории).

— Твой мужик опять фулиганит,— сокрушенно объявляла Галима.

Соня накидывала первую попавшуюся на глаза дубленку или норковую шубейку и отправлялась за своим непутевым супругом. Не стесняясь голых мужчин, она врывалась в предбанник и хватала Вадика за рукав.

— Позор нации! — кричала она, таща мужа к выходу.— Опять налакался!

— Не трогай меня! — ревел Вадик.— Я — диссидент! Я требую права на защиту брачных отношений! Долой прелюбодеев!

— Послушайте его, граждане алкаши! — насмешливо восклицала Соня.— И ему не стыдно признаться, что он таки не может самостоятельно обслужить родную супругу.

...Вторгаясь в сюжет этой истории, Вадик еще не накачался настолько, чтобы диссидентствовать, но уже был, как говорится, здорово тепленьким.

— Я упал на вас,— не извинившись, объяснил он мне,— не потому, что пьян, а потому, что хотел попросить закурить.

Я угостил тунеядствующего гинеколога сигаретой. Он уселся рядом со мной («валенок», занимавший это место, очевидно, дочитал «Мертвые души» и отбыл восвояси), закурил и, стряхивая пепел на пол, задумался о чем-то своем наболевшем.

Видя, что Вадик затих, я отложил монокль в сторону и обратился к изобретателю-новатору с небольшим панегириком, в котором отметил, что новый прибор позволит заметно активизировать духовную жизнь общества, и в заключение попросил дать его мне на пару дней, чтобы я мог посмотреть на службе кое-какие бумаги.

— Я сам хотел просить вас, любезный Иван Петрович, испытать аппарат в полевых условиях,— радушно ответствовал великий старик и понюхал воздух.

Пахло паленым. Я огляделся и обмер. Увы, и это гениальное изобретение Степана Богдановича постигла печальная участь прежних его работ. Монокль, который я положил рядом с собой, Вадик принял за пепельницу.

...Не знаю, как вас, а меня страшно бесит присущее многим современникам свойство характера совать окурки куда попало.

Пятигорск, ноябрь 1976

ПРИМЕЧАНИЯ

В я щ и й *(устар.)* — более сильный.

Н и р в а н а — из контекста легко догадаться, что в мистическом учении буддистов так называется блаженное состояние, ложно понимаемое как освобождение от жизненных забот и стремлений.

Э в к а л и п т — очень высокое дерево, растет быстро и преимущественно в Австралии. Веники из эвкалипта, несмотря на свою экзотичность, не идут ни в какое сравнение с березовыми.

Г е р а к л и т Э ф е с с к и й (род. около 544—540 г. до н. э.— год смерти неизвестен) — древнегреческий философ, хотя по природе своей и был весьма наивным человеком, но первым начал соображать в диалектике.

П р о с т р а н щ и к — официальное должностное лицо в бане, ведающее простынями и вениками.

П о с т у л а т — допущение, принимаемое без доказательств; чем больше постулатов в том или ином учении, тем большее доверие оно вызывает.

Э м п и р е и — у древних греков (а может, римлян? — не поленись, читатель, уточни сам): обиталище богов, самая высокая часть неба.

Э м п и р и к — чаще всего ползучий; человек, признающий опыт единственным источником познания.

К а м е н к а — печь с положенными на ее верх камнями; в коммунальных банях камни нередко заменяются чугунными чушками, отчего качество пара заметно ухудшается.

«Н а у к а и ж и з н ь» — популярный журнал. График К. Инин имел в виду одну из его статей. В ней, в частности, говорилось: «...У человека этот аппетит, увы, остался. Но опять-таки: то, что совершенно безопасно для животных, то вредно человеку, отказавшемуся от вынужденных постов... Я считаю, что мы уже сейчас убавили необходимый и напряженный труд ниже допустимого уровня. Уже сейчас следовало бы пересмотреть целый ряд профессий, занятий, сделать их пожестче... Если хотим выжить как биологический вид, мы должны много трудиться, не бояться неприятного, напряжений, стрессов» («Наука и жизнь», 1976, № 9. «Жизнь человека и условия ее прочности»).

Владимир Святославич (г. рожд. неизв.— ум. 1015) — киевский князь, первым вывел формулу «Руси есть веселие пить, не можем без того быть», за что, очевидно, и получил прозвище Красное Солнышко.

Ст. 129 УК РСФСР. Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие наказывается лишением свободы на срок до двух лет.

Триада — единство, образуемое тремя раздельными частями.

Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император, впервые на практике доказал, что из любой самой завалящей личности можно сделать вполне приличный культ.

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (г. рожд. неизв.— 1573) — более известен как Малюта Скуратов.

Квазар — сверхзвезда, а не известный скрипач, как, может быть, подумал иной читатель.

Бермудский треугольник — место в Атлантическом океане, где якобы загадочно исчезают корабли; на самом деле они исчезают там вполне обыкновенно.

Этиловый спирт — C_2H_5OH.

Гаусс Карл Фридрих (1777—1855) — немецкий математик, напридумывал массу формул, теорем и законов.

Аменхотеп IV (Эхнатон) — правил в 1419 — около 1400 г. до н. э.— фараон, супруг всемирно известной Нефертити. Уже после написания этого мемуара мне удалось выяснить, что при Аменхотепах поросят не мумифицировали — на это дело шли собаки и кошки. Но мумифицированная кошка никак не похожа на портфель Степана Богдановича, поэтому давайте оставим в качестве сравнения поросенка.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — гений. Любознательный читатель, чтобы найти места из «Мертвых душ», попавшиеся мне на глаза, наверняка уже отложил этот мемуар в сторону и с удовольствием перечитывает сейчас гениальную поэму. Для ленивых читателей, которые полагают, что автор обязан все разжевать и в рот им положить, я вынужден процитировать эти отрывки:

«...Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» — и толкнула его ногою».

«...После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество. Об висте решительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всем: об политике, об военном

даже деле, излагали вольные мысли, за которые в другое время сами бы высекли своих детей».

«...Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови».

Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845—1929) — один из виднейших представителей общего и славянского историко-сравнительного языкознания, родоначальник т. н. казанской лингвистической школы. К спорту никакого отношения не имел, по свидетельствам современников, даже не делал утренней зарядки. А. Незаносκин, судя по всему, путает известного лингвиста с бароном Пьером де Кубертеном, инициатором возрождения античных Олимпийских игр.

Незаносκин Ананий
Дубинин Антон
Рассудин Изяслав
Стрижевский Селифан
Прохоров А. М.

} лица сугубо вымышленные, просьба не отождествлять!

Панегирик — речь хвалебного содержания; хотя слово это и произносится с оттенком пренебрежения, тем не менее панегирик намного популярнее, чем «критика, невзирая на лица», за которую ратуют абсолютно все, включая вышестоящее начальство.

Если найдутся читатели, которые не обнаружили в этих Примечаниях ничего для себя нового, то автору остается только порадоваться за них.

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВООБЩЕ И О СОБСТВЕННЫХ МЕМУАРАХ В ЧАСТНОСТИ

§ 1. Король Саудовской Аравии Халед ибн Абдель Азиз ас-Сауд мемуаров не пишет. Он может себе позволить иметь хоть дюжину собственных биографов. Но когда у тебя нет возможности нанять человека, который бы за умеренную плату составил более или менее приличное описание твоих деяний, приходится делать это самому.

§ 2. Неправда, что мемуаристами руководит тщеславие, просто законы жанра заставляют их писать от первого лица. С учетом этого обстоятельства мемуарам чаще всего даются скромные, без претензий на исключительность, названия типа «Моя жизнь в искусстве (литературе, черной металлургии, гельминтологии... словом, надо указать отрасль, в которой вы подвизались)».

§ 3. Если автор чувствует, что сам не тянет на мемуары, то он должен быстренько завести какого-нибудь знаменитого знакомого и рассказать о своих встречах с ним, пусть даже и мимолетных. И в этом случае в названии мемуаров желательно присутствие местоимения первого лица. Неплохо, например, звучат «Я и Евгений Евтушенко» (вариант — Белла Ахмадулина) или «Мои встречи с Владиславом Третьяком на станции технического обслуживания автомобилей».

§ 4. Обязательное условие для мемуариста — честность. Поэтому лестные высказывания о собственной персоне, как правило, вкладываются в уста усопших. Хорошее впечатление на читателя производит, к примеру, такая фраза: «Давид Ойстрах неоднократно весьма

лестно отзывался о моем незаурядном таланте, правда, должен признаться, с присущей ему сдержанностью. Но однажды и этот невозмутимый чародей смычка, слушая мое исполнение, не смог сдержать эмоций и воскликнул: «Я больше не могу, отберите у него скрипку!»

§ 5. Авторами мемуаров могут быть как военные, так и штатские. Однако в воспоминаниях военачальника обязательно должен быть эпизод, показывающий принципиальность мемуариста, его смелость говорить правду в глаза даже старшему по чину. Образец:

«Я встал по стойке «смирно» и твердо отчеканил: «Я не согласен с Вами, товарищ генералиссимус (маршал, генерал армии, генерал-полковник, генерал-лейтенант, генерал-майор, полковник, подполковник, майор, капитан, старший лейтенант, лейтенант, младший лейтенант, старшина, старший сержант, сержант, младший сержант, ефрейтор)!»

§ 5а. Прекрасно дополнит такой эпизод сообщение о высокой оценке вышестоящим начальством личных качеств мемуариста. Образец:

«Молодец, что имеешь собственную голову на плечах!» — пряча улыбку в усы, сказал ефрейтор (младший сержант, сержант... и т. д., вплоть до генералиссимуса).

§ 6. В воспоминаниях штатских лиц подобного рода сцены совсем необязательны. Зато их очень украсят эпизоды с участием близких и дальних родственников мемуариста. Разве не тронет сердце читателя такая сцена? «Когда я играла Офелию в спектакле по трагедии В. Шекспира «Гамлет», я иногда брала с собой в театр трехлетнюю внучку Иришку и мне было до слез приятно слышать, как малышка в директорской ложе с детской непосредственностью хлопает в ладошки и кричит: «Блаво, бабуля!»

§ 7. Независимо от того, военнообязанный он или нет, мемуаристу просто необходимо вспомнить свое детство, ведь именно тогда был заложен фундамент его личности. Делается это примерно так. «В семь лет (иногда в восемь) я пошел в школу. В первом классе мы читали «Букварь» и проходили сложение и вычитание. Во втором классе мы читали «Родную речь» и проходили умножение и деление. В третьем классе мы снова читали «Родную речь» (но уже для третьего класса) и учили наизусть стихотворение «Однажды в студеную зимнюю пору». Столько лет прошло, а я и сейчас отчетливо пом-

ню его. (Тут совсем нелишне будет привести этот отрывок из «Крестьянских детей» Николая Алексеевича Некрасова...) В шестом классе мы проходили поэму Михаила Юрьевича Лермонтова «Мцыри». Я и по сей день знаю ее назубок. (Если разрешит редактор, то и эту поэму великого поэта можно процитировать полностью.)

§ 8. Следует избегать детального описания внешности людей, о которых ты рассказываешь в своих мемуарах. Так, упоминание о том, что у Н. маленькие поросячьи глазки, может быть неправильно истолковано им самим или его родственниками, хотя глаза у него именно такие. Во всей художественной литературе не найдется положительного героя с бородавкой на носу, между тем как в жизни бородавки на носу носят вполне достойные люди, в частности автор лично знавал одного доктора наук с таким украшением на физиономии.

§ 9. Поэтому для характеристики положительного героя достаточно одного эпитета «умный». «Сергей Петрович посмотрел на меня умными глазами и ничего не сказал. Его умные уши, как мне показалось, шевелились устало и задумчиво».

§ 10. Для героя отрицательного нет ничего лучше эпитета «глупый», но вряд ли он вам пригодится, так как знакомство с личностями в историческом аспекте малосимпатичными у мемуаристов считается дурным тоном.

§ 11. Если в мемуар проникнет особа женского пола, что не делает чести пишущему, то ее следует охарактеризовать эпитетами неопределенно-восхищенными: «У нее были загадочные глаза, божественные зубы и волосы какого-то неземного оттенка».

§ 12. Теперь о мемуарах собственных. Мой сосед по лестничной площадке спросил с ехидством, зачем я назвал их научно-фантастическими. Отвечу честно (а это качество, как уже указывалось выше, присуще мемуаристам): чтобы быть оригинальным. Были бы просто «мемуары» — кто бы их взял в руки? Потому как — кто такой Иван Петрович Неустроев? Никому эта фамилия ничего не говорит. Был, правда, один Неустроев — директор Дома одного из творческих Союзов, тот действительно много интересного повидал на кухне мастеров искусств, но звали моего однофамильца и вовсе Григорием Захаровичем, да и фамилия у него, кажется, была другая, к тому же доставшаяся ему от второго брака. Так вот, чтобы заманить читателя, и пришлось назвать ме-

муары научно-фантастическими, каковыми они и являются на самом деле. Записки мои, в чем удостоверились читатели, более чем научны, что же касается фантастики, то и ее при желании обнаружить можно.

§ 13. Почему «Былое», а не «Былое и думы»? — с тем же ехидством спросил меня тот же сосед. Каюсь, действительно хотел позаимствовать у Александра Ивановича Герцена заглавие целиком (было же несколько «Кавказских пленников»!), но, перечитав написанное, обнаружил, что дум набралось всего четыре штуки, а если по строгому счету, то и того — одна.

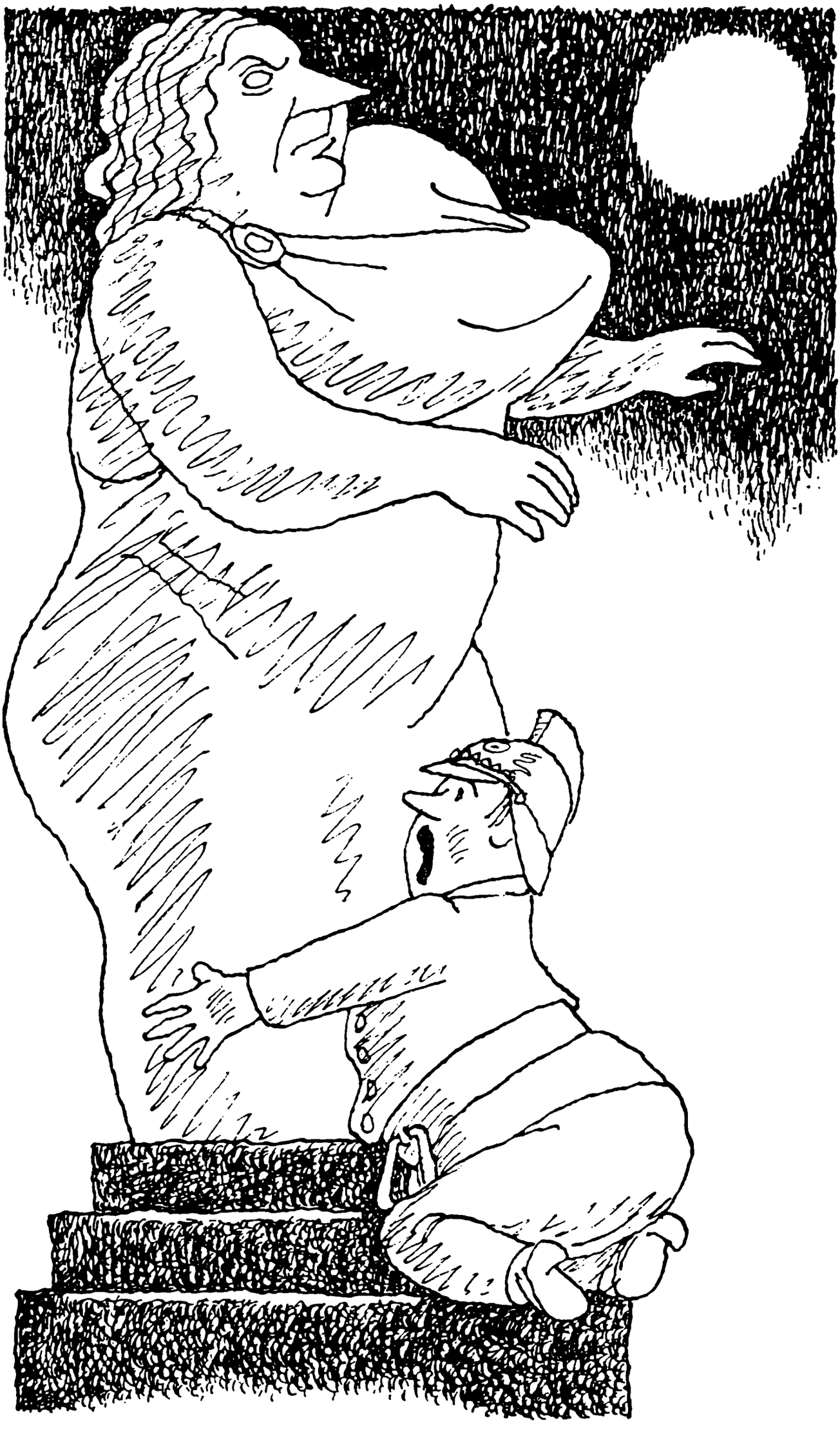
§ 14. Несколько слов о художественном качестве собственных мемуаров. Предвижу упреки: сюжета нет, главного героя совсем мало, зато масса случайных типов заполонила все повествование, причем никакой исторической ценности они из себя не представляют, а только мешают организовать как следует кульминацию. Словом, может, и были у автора благие намерения, а получился винегрет. Что на это ответить? Чувствую сам, что переложил луку и постного масла, да и огурцы не тех кондиций и нарезаны крупновато, но что поделаешь, если ничего другого не было под рукой. Понимаю, что винегрет вышел из моды, что сейчас читателя принято потчевать салатом с крабами, где лука — ни-ни, а огурчики только нежинские, и сдобрено кушанье редакторским майонезом, который всем ингредиентам придает один общий тонкий вкус, только где достать этих самых крабов?!

§15. Если уж быть до конца откровенным, есть у меня одна баночка, но я ее берегу к Новому году.

И. Неустроев

Москва, январь — февраль. 1977

СЛАВНЫЙ РАЙЦЕНТР И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ



ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ БУДНИ

Повесть-репортаж

ОТ АВТОРА

Несколько лет назад я приступил к исполнению на общественных началах обязанностей собственного корреспондента одной столичной газеты в районном центре Обрадовске. Довольно скоро, к немалому своему изумлению, я обнаружил, что оный город есть не что иное, как литературный мираж. Несмотря на это обстоятельство, репортажи, передаваемые мною отсюда, время от времени стали появляться на страницах газеты. Более регулярной их публикации мешали случавшиеся помехи на линии связи, из-за чего многие мои сообщения поступали в редакцию позже, чем информация об аналогичных событиях из реально существующих мест. Тем не менее когда на днях я сложил опубликованные в 1982—1987 гг. обрадовские корреспонденции в стопочку, то оказалось, что, собранные вместе, они составляют целую повесть о знаменательных буднях славного райцентра. Считаю своим долгом предложить ее вниманию благосклонного читателя.

УКРОЩЕНИЕ СТИХИИ

В ночь с 9 на 10 января на районный центр Обрадовск обрушилось стихийное бедствие — выпал снег. Густой и пушистый, он шел не переставая в течение двух часов 58 минут. Даже старожилы не могли припомнить такого сюрприза природы. Случались в Обрадовске снегопады и раньше, но продолжались они то час, то полтора, то

даже четыре, а в 1813 году целых шесть часов кряду, но чтобы именно 2 часа 58 минут, такого еще не бывало.

Положение усугубилось тем, что снег пошел в самый разгар зимы, когда столбик термометра показывал десять градусов ниже нуля. Будь снегопад летом, когда ярко светит теплое солнце, коварные снежинки растаяли бы сами по себе, а так, крепко схваченные морозом, они образовали сугробы, которые серьезно осложнили работу городского транспорта.

В это утро работникам управления коммунального хозяйства и прочим жителям города пришлось идти на работу пешком. Но уже в двенадцать часов дня состоялось первое заседание штаба по борьбе со стихией. Ее слепой силе коммунальники решили противопоставить организованность и инициативу.

В кратчайший срок, всего за четырнадцать дней, был разработан план мероприятий по борьбе со снегом. Он предусматривал 123 различные акции как стратегического, так и тактического характера. Среди первоочередных единогласно были определены следующие:

1. Провести в коллективах дворников кустовые собрания на тему «Коварство зимы».

2. Провести трехдневный слет (с отрывом от производства) водителей снегоуборочных машин под девизом «Не страшна нам погода любая».

3. Провести в городском Дворце культуры работников управления научно-практическую конференцию «Некоторые методологические аспекты проблемы организации снегоуборки в населенных пунктах среднерусской полосы в условиях реальной зимы».

4. Командировать бригаду ответственных работников управления коммунального хозяйства в количестве 16 человек в г. Самарканд (Узбекская ССР) для изучения опыта по борьбе с гололедицей и снежными заносами.

5. Ходатайствовать перед вышестоящими инстанциями о командировании группы специалистов в составе тех же 16 человек в г. Ницца (Франция) для ознакомления с деятельностью тамошнего муниципалитета по предупреждению метелей и буранов.

6. Силами работников котельных создать повсеместно секции «моржей».

7. Вокально-инструментальному ансамблю «Задорные балбесы» впредь обязательно исполнять в современ-

ной аранжировке старинную народную песню «Ах ты, зимушка-зима, ты холодная была».

8. Райздраву организовать цикл лекций «Первая помощь при переломах конечностей...».

Остальные 115 пунктов плана мероприятий касались всех без исключения сторон жизнедеятельности такого сложного и трепетного организма, каким является современный город...

И закипела работа. Администраторы не знали усталости. Ежедневно и ежечасно проводились собрания, заседания, симпозиумы, слеты, съезды. Только в первом квартале в общей сложности было произнесено 286 725 докладов, речей и выступлений в прениях по вопросам преодоления зимних трудностей. На изготовление лозунгов и транспарантов, призывающих бороться со снегом, израсходовано 16 323 кв. м высококачественных хлопчатобумажных тканей и 105 кг цинковых белил. По проблематике «Снегопад 10 января и его влияние на инфраструктуру Обрадовска» защищено 17 кандидатских и 4 докторские диссертации.

Но стихия продолжала буйствовать. Несмотря на все перечисленные энергичные меры, сугробы и в апреле еще продолжали лежать на улицах и площадях города. Тогда штаб по борьбе со снегом решил 11 мая провести свое 185-е по счету заседание, чтобы наметить новые рубежи. В ходе этого исторического мероприятия на Обрадовск обрушилось новое стихийное бедствие — пошел грибной дождь.

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Этого события спортивная общественность Обрадовска ждала несколько веков. И вот свершилось: атлеты клуба «Сибирские пельмени», представляющие местный комбинат того же названия, пробились в финальный круг соревнований на кубок региона по городкам.

Нелегок был путь к подножию городошного Олимпа. Слепой жребий распорядился так, что в предварительных играх противниками «Сибирских пельменей» оказались команды, чье участие могло бы украсить и финальную встречу. Но им были предъявлены более веские аргументы, и один за другим выбыли из борьбы сильные клубы фабрики «Кружевница», лечебно-трудового профилактория и сборная детских дошкольных учрежде-

ний. Есть долгожданная путевка в финал! В чем же секрет успеха?

— Никаких секретов у нас нет,— чистосердечно признался журналистам старший тренер «пельмешек» (так любовно называют своих кумиров обрадовские болельщики) Серафим Сергеевич Небеснов.— Конечно, хотелось проигрывать достойно, но, чтобы две встречи свести к ничьей, а одну даже выиграть, это, согласитесь, превзошло самые смелые ожидания.

— Лично я расцениваю выход в финальную пульку как спортивный подвиг,— вступил в разговор любимец публики Роман Дубасов.

Рома знал, что говорил. Ведь именно он в решающем поединке с детсадовцами с сорок первой попытки выбил «бабушку в окошке».

— Если нет секретов, то слагаемые ведь были? — настаивал спортивный комментатор, появление которого на телеэкране невольно заставляло задуматься о том, что спорт делает человека сильным, стройным и умным.

— Что было, то было,— смущенно потупился многоопытный наставник рыцарей деревянной биты.

Да, слагаемые были, и они составили немалую сумму. Если в начале предварительного этапа сражения за «Хрустальный городок» члены команды получали тарифные ставки пятого-шестого разрядов, то после первой ничьей они уже были оформлены мастерами, а после второй их не без основания стали называть «академиками». Возросли расходы и на содержание тренерского состава. Созданный на базе комбинатовского конструкторского бюро научно-исследовательский институт городошной социологии и психотерапии путем широкого анкетирования заинтересованных лиц и тщательного изучения зарубежных источников пришел к выводу, что у каждого игрока должно быть пять персональных тренеров. Это, во-первых, обеспечивает коллегиальность, а во-вторых, снимает ответственность.

Современный спорт немыслим и без надежной материально-технической базы. Одна такая база с сауной, бассейном, уютными холлами была создана в живописных окрестностях Обрадовска, другая — на берегу Байкала, где, как известно, подавляющее большинство дней в году — солнечные. Немаловажное значение имеют спортивная форма игроков и инвентарь. Чтобы не обижать местных швейников и сполна использовать средст-

ва, которые первоначально предназначались для закупки автоматизированной линии формовки пельменей, костюмы и обувь (тренировочные, повседневные, парадные, а также фраки и лакированные полуботинки для возможного приема по случаю возможной победы) были заказаны фирме «Адидас». Биты и городки из красного дерева любезно согласились выточить в одной из африканских стран.

Много сил и средств ушло на то, чтобы подобающим образом провести заключительный этап подготовки к финальным играм. После детальной проработки всех вариантов было решено сначала совершить морской круиз вокруг Европы, а потом вылететь на острова Фиджи, где благоприятные муссоны и пассаты в течение двух месяцев помогут восстановить форму уставших от славы «пельмешек». Консилиум психотерапевтов при команде рекомендовал тренерскому совету прямо с тихоокеанских берегов прибыть к месту соревнований, и лучше всего в три часа ночи. «Противникам это будет как снег на голову,— объяснили психотерапевты,— а наши атлеты, чья нервная система весьма чувствительна и легкоранима, не успеют зарядиться отрицательными эмоциями и первую встречу проведут как бы в полусне».

Забегая вперед, скажем, что так и случилось. Но прежде о составе команды.

Неизменный капитан «Сибирских пельменей» Станислав Дрожащий. Он учащийся первого курса пищевого техникума. Женат. У него двое детей и трое внуков. Станислав принимал участие во всех 29 попытках пробиться в финал. Личное достижение — восемьдесят бит на «колодец».

Главный забойщик Роман Дубасов. Брюнет. Рост 153 см. Вес 101 кг. Немногословен. Разведен. Любит собирать грибы. Роману принадлежит рекорд результативности — в 1978 году он выбил за сезон 16 городков.

Душа команды Эдуард Недопонимани. Знает четыре анекдота. Такой человек незаменим при поражениях, от которых никто не застрахован. Эдик очень любит музыку — его квартиру украшают одиннадцать стереосистем японского производства.

И, наконец, дебютант команды Глеб Ханыгин. Этого игрока отличает тонкое позиционное чутье. И хотя за свою жизнь в большом спорте Глеб еще ни разу не до-

бросил биты до городошного поля, тренеры без колебаний включили его в состав команды, полагая, что в решающих встречах он сумеет раскрыть свои функциональные возможности.

Надо сказать, что, несмотря на единодушное одобрение тренерским советом кандидатуры Ханыгина, его участие в играх долгое время было под вопросом. Дело в том, что Глеб приехал в Обрадовск недавно и по правилам ему никак не полагалась трехкомнатная квартира, а на меньшую, он, естественно, не соглашался. Но недаром говорят, что городки — самая популярная игра и ради ее развития отдельные лица и целые организации готовы пойти на все. Когда Ханыгин в третий раз предъявил свой ультиматум по поводу квартиры, в завком пришел ветеран комбината токарь-универсал Иван Иванович Добродеев, значившийся в очереди на получение жилья под № 1, и бодро сказал:

— Отдайте хлопчику жилплощадь, что мне предназначалась, а я еще погожу.— И, обращаясь к Глебу Ханыгину, отечески добавил: — Вы только, ребятки, не посрамите чести родного комбината.

— Это, батя, не принципиально,— рассудительно ответил дебютант.— Сколько до меня срамили, и ничего, ни у кого потом квартир не отнимали...

Да, с таким составом можно было рассчитывать на многое. И первая же встреча, та, что проходила как бы в полусне, это подтвердила. Вот что сказал после ее окончания С. С. Небеснов:

— Хотя формально мы проиграли, фактически одержана выдающаяся победа. В ходе встречи наши игроки проделали колоссальный объем работы, они произвели тактико-технических действий в полтора раза больше, чем соперники. К сожалению, судьи учитывают только выбитые городки, не принимая во внимание тонно-километры, а для нас, как известно, именно этот показатель является главным. Без ложной скромности скажу, что по тонно-километрам мы в 2,3 раза превосходим пресловутых кудесников биты. Что же касается игроков, у меня к ним претензий нет. Зрителям понравилось, как изящно изгибал локтевой сустав Эдуард Недопонимани, какой легкой походкой шел Роман Дубасов, как скромно вел себя Станислав Дрожащий.

— Да, судейство здесь явно не на высоте,— опережая события, согласился комментатор.— Но при такой

блестящей игре, которую показала наша команда, можем ли мы по-прежнему на что-нибудь рассчитывать?

— Я оптимист,— улыбнулся своей знаменитой небесновской улыбкой Серафим Сергеевич.— Главная задача на этом этапе — поднять морально-волевые качества «Сибирских пельменей». Чтобы усилить боевитость команды, в состав нашей спортивной делегации включены тещи игроков. Сейчас ребят развлекают два заслуженных артиста и три конферансье. Но этого, как видите, оказалось мало. Так что спецрейсом к нам вылетают пять вокально-инструментальных ансамблей, четыре куплетиста и один пародист. В запасе остаются медвежий цирк и кордебалет театра музыкальной комедии. Надеюсь, они не подведут. Тем более что ребята, как и подобает настоящим спортсменам, достойно перенесли поражение и в хорошем настроении пошли осматривать памятник зодчества — местный универмаг...

Как показали дальнейшие события, оптимизм С. С. Небеснова оправдался. «Сибирские пельмени» хотя и не завоевали в очередной раз «Хрустальный городок», но зато показали феноменальный результат: на десять фигур они затратили 16 742 биты.

Вряд ли кому удастся побить этот рекорд в нынешнем столетии.

От автора. Когда материал уже был подготовлен к печати, стало известно, что описанные в нем события к русской народной игре городки не имеют решительно никакого отношения.

ОТКЛИКНУЛИСЬ

В районном центре Обрадовске прослышали, что впредь надлежит повсеместно укреплять производственную дисциплину и решительно бороться с потерями рабочего времени. Естественно, захотелось откликнуться. Поручили это дело широкой общественности. В понедельник к началу трудового дня заполнила она до краев величественный городской Дворец культуры работников управления. Чтобы, не дай бог, не упрекнул кто в недопонимании важности и актуальности проблемы, от каждого предприятия и организации приглашены были на сход — так с подкупающей простотой решили

охарактеризовать это мероприятие — по десять правофланговых соревнования, по восемь новаторов, по пять рационализаторов да еще по наставнику с двумя подопечными.

В глубоком трехчасовом докладе председательствующий сжато и обстоятельно нарисовал развернутую картину состояния дел с дисциплиной в городе, которая при объективной тенденции к укреплению кое-где обнаруживала стремление расшататься. Производственные мощности Обрадовска, подчеркнул докладчик, позволяют, в частности, выпускать каждую минуту пару мужских ботинок сорок восьмого размера, но, так как внутренние резервы не приведены в действие, производится в этот промежуток времени лишь пара женских босоножек, правда, того же размера.

В первый день работы схода в прениях выступило 17 человек, во второй — 23. Под аплодисменты присутствовавших самый знатный обрадовский новатор сообщил, что за время, отведенное ему для выступления, он смог бы выточить пятнадцать деталей, и взял обязательство в следующий раз смочь еще больше. Представитель рационализаторов местного пищевого комбината, делясь опытом, доложил, что на его предприятии в честь трудящихся, вовремя приходящих на работу, поднимают флаги, а лицам, не допускающим злоупотребление на рабочих местах, вручаются переходящие вымпелы. Продолжив разговор о моральных стимулах, представитель профсоюзного актива города рассказал, какой большой воспитательной силы заряд несет такая акция, как выдача премий прогульщикам через специальные кассовые окошки, выкрашенные в черный цвет.

Словом, все выступавшие единодушно высказались в том плане, что на работе все-таки надо работать. А в заключение группа энтузиастов порядка внесла на рассмотрение схода резолюцию, предусматривающую провести месячник взаимопроверки целесообразного использования рабочего времени. Мыслилось так: коллективы заводов направят рейдовые бригады в магазины, ателье, ремонтные мастерские, где жители города теряют массу времени. В свою очередь представители сферы услуг нагрянут на предприятия индустрии, чтобы проверить, все ли стоят у станков и пультов.

Чтобы придать делу «всенародный» размах, решено

было обеспечить ежедневное участие в рейдах по борьбе с потерями рабочего времени в первую очередь народных контролеров, народных дружинников, народных заседателей и народных артистов.

Успешно завершив месячник, обрадовцы хотели было и дальше укреплять дисциплину, только, к своему изумлению, обнаружили, что она исчезла неизвестно куда.

МОЛОТЬБА

Докатилась до районного центра Обрадовска весть, что нынешней уборке урожая рекомендуется создать надежное обеспечение. Только вот беда: подробности о том, каким именно оно должно быть, затерялись где-то по дороге. Другие бы приуныли и, чего доброго, стали бы докучать вышестоящим инстанциям просьбами растолковать, что это за обеспечение да с чем его едят. Обрадовские же отцы города поступили иначе.

Во-первых, умозаключили они, если обратиться наверх за разъяснениями, то там очень даже просто могут подумать, будто мы какие-то недотепы. Во-вторых, предыдущая весть, полученная нами, заключала в себе совершенно недвусмысленное требование проявлять самостоятельность и творчески дерзать. Ну, а в-третьих, кашу маслом не испортишь, и если организовать как можно больше обеспечений на любой вкус, то одно из них наверняка окажется надежным.

И, рассудив так, принялись обрадовцы действовать, или, говоря современным языком, реагировать.

Перво-наперво учредили районную совещательную комиссию по обеспечению надежного обеспечения уборки богатого урожая (сокращенно — РСК «Молотьба»), включив в нее представителей заинтересованных ведомств и организаций. Так как в хлебе (кто в ржаном, кто в пшеничном, а кто и в ситных булках) оказались заинтересованными все без исключения, то комиссия получилась на редкость представительной. Для оперативного руководства она создала штаб, которому вменила в обязанность разработать стратегию и тактику, и сформировала соответствующие отряды обеспечения, призванные воплощать в жизнь стратегические замыслы и тактические придумки непосредственно на местах. В порядке морального поощрения, а также в целях устранения

возможной непродуманной критики в их адрес члены отрядов получили наименование бойцов.

Перед тем как ринуться в битву за обеспечение урожая, штаб провел трехдневную духоподъемную подготовку, в ходе которой вызванные в райцентр директора совхозов, председатели колхозов, главные и просто агрономы, бригадиры и звеньевые получили 98 разносов, 113 накачек и 426 отеческих внушений. После этого можно было смело приступать к решению поставленных задач.

Ранним росным утром во всех хозяйствах района высадил свои десанты отряд риторического обеспечения уборки. Уже к полудню штаб получил первое победное донесение.

В колхозе «Восход» удалось обеспечить полновесной добротной риторикой 99,2 процента механизаторов! Правда, 0,8 процента, оказавшиеся знатным комбайнером Иваном Петровичем Сидоровым, в ответ на приглашение посетить в обязательном порядке лекцию на тему «Кризис перепроизводства кокосовых на атолле Фунафути» смачно сплюнули и выразились в том плане, что им некогда, потому как пшеничка уже поспела.

— Во-во, и мы о том же печемся,— обрадовались десантники.— Сообщение о кокосовых больше часа не займет, а потом всласть поговорим о цене рабочей минуты на жатве. У нас и выкладки есть. Знаете, сколько она, минутка, стоит в масштабах района?..

Но Иван Петрович исхитрился вырваться из цепких рук бойцов-риторов, поднаторевших в вольной борьбе с оппонентами на защите диссертаций, и рванул напрямик через буераки к своей загонке, где его ждала верная «Нива». Однако к комбайну механизатора не подпустили. Оказалось, что его степной корабль и еще два «Колоса» и три «Сибиряка» временно отвели под артистическую уборную для девичьего хоровода «Клубничка».

Это уже действовали бойцы и их боевые подруги из отряда эстрадно-развлекательного обеспечения. Они предложили вниманию участников страды массовое театрализованное действо «Ой вы, кони, вы, кони стальные», которое открывало «Неделю первого снопа». (В скобках надо заметить, что РСК «Молотьба» сократила означенную неделю до двух дней, подсчитав, что если каждому отряду обеспечения выделить по неделе, то всю кампанию не удастся завершить до начала посевной.)

Итак, в течение 48 часов на сцене, сооруженной среди разлива «безостой-1», сменяя друг друга, показывали свое искрометное искусство народные театры драмы, комедии, оперы и балета, оперетты и пантомимы при городском Дворце культуры работников управления; многоголосый сводный хор сотрудников административно-хозяйственного аппарата районных организаций и учреждений, рок-группа «Веселые лоботрясы». Так как комбайнеры по известной причине не смогли завести свои машины, то ни одного колоска сжать не удалось, и в качестве первого снопа фигурировал муляж, искусно выполненный в свободное рабочее время умельцами второго вычислительного центра городского треста по приему стеклянной посуды у населения.

...И на восьмой день страды не удалось Ивану Петровичу выехать в поле. Путь ему преградил отряд афористического обеспечения богатого урожая. Троица бородатых плечистых мужиков целый день любовно выписывала на боках его комбайна самодельные крылатые изречения доморощенного поэта Гермогена Новодевичьего:

Чтобы ниве тучной быть,
Надо агротехнику любить.
Механизатор!
Не будь
тетерей,
Не допускай
сверхнормативные
потери!
Пусть свято помнят
все из нас:
На жатве дорог каждый час!

А потом настал черед отряда ярмарочного обеспечения, который прямо в поле развернул широкую выставку-продажу мебельных гарнитуров и сложной бытовой техники. Исход третьей недели ознаменовался тем, что боец отряда предолимпийского обеспечения Василий Подберезовый, завершая показательные выступления перед механизаторами, завязал узлом передний ведущий мост «Нивы», чем вывел агрегат из строя. Пришлось его ставить на прикол, так как когда создавали в Обрадовске отряды обеспечения уборки, то в спешке упустили из виду обеспечение запчастями, ну и еще горячим питанием.

Зато этот небольшой пробел, о котором и упоминать-

то не хочется, с лихвой возмещали остальные отряды — этического, эстетического, поэтического, прозаического, публицистического и целого ряда других обеспечений битвы за богатый урожай. Каждый из них, не жалея ни своего, ни чужого времени, старался внести достойную лепту. Так, за два месяца бойцы отряда писчебумажного обеспечения намолотили оперативных сводок, докладных записок и рапортов общим весом 18 тонн. Широко была подхвачена инициатива бойцов отряда психологического обеспечения, действовавшего в совхозе «Радуга». Они стали проводить задушевные беседы не только днем, но и ночью.

На шестьдесят седьмой день уборочной кампании на ее передний край прибыл объединенный отряд статистически-социологического обеспечения. Комбайнерам пришлось надолго заглушить моторы — предложенная им анкета об эффективности проделанной работы по надежному обеспечению уборки содержала 832 вопроса.

Ознакомившись с результатами анкетирования, штаб районной совещательной комиссии «Молотьба» возликовал. Еще бы! Такими впечатляющими цифрами не мог похвастаться никто из соседей. Достаточно сказать, что в ходе сражения за большой хлеб в Обрадовском районе на проведение различного рода мероприятий было затрачено 708 398 человеко-суток. Этого оказалось бы достаточно, чтобы за один световой день сжать зерновой клин, равный по площади Бельгии, Нидерландам и Люксембургу, вместе взятым. Причем серпами.

МОНУМЕНТ

Всем хорош районный центр Обрадовск! Раскинулся он, подобно Риму, на семи холмах, омывается величественной рекой Обрадовкой, необычайно живописны окрестности города, а главное, населяют его люди трудолюбивые и оптимистичные. И лишь одним обделила судьба этот населенный пункт — нет в нем достопримечательностей. Соседи слева воссоздали в мраморе колокольню, с которой, по преданию, сиганул звонарь Игнашка, решивший утереть нос братьям Монгольфье. Соседи справа отгрохали двухсотметровую стелу в ознаменование случившегося там в начале XVIII столетия полного солнечного затмения. А вот в Обрадовске, ну, буквально ни одной достопримечательности, хоть шаром

покати. Очень огорчало это обстоятельство обрадовцев: приезжают гости, порой высокие, а изумить их нечем.

Поэтому легко понять воодушевление, охватившее широкую общественность, когда в городской газете появилась статья местного краеведа Эдуарда Каллистратовича Утлогузова под интригующим названием «Обрадовску — 1000 лет!». Пытливый краевед, перечитывая былину о Чуриле Пленковиче, сделал потрясающее открытие. В этом фольклорном произведении, в частности, говорилось, что оный богатырь Чурило, едучи с дружиной, насчитывавшей десять дюжин добрых молодцев, во стольный град Киев ко двору князя Владимира, заблудился в дремучем лесу и блуждал в нем тридцать лет и три года. Когда же наконец выбрался из чащи на берег быстроструйной реки, то страшно обрадовался, что вполне естественно, и повелел воздвигнуть на этом месте град, лепотою (то есть красотой) не уступающий славному Киеву.

Тщательное прочтение этого эпизода убедило Э. К. Утлогузова, что речь в данном случае идет об основании именно Обрадовска, потому как Чурило, выйдя из леса, обрадовался. Косвенным же подтверждением такой гипотезы, по мнению краеведа, служило следующее обстоятельство: если провести на карте линию от Обрадовска до Киева, то она будет совершенно прямой, а Чурило, судя по его характеристике, был не настолько глуп, чтобы ехать к цели кружным путем. Но мало того, что в былине называлось имя основателя Обрадовска, теперь не составляло труда определить и возраст города. Известно, что богатыри подвизались при дворе князя Владимира до принятия последним христианства, значит, не позднее 988 года, но и не раньше 980-го, когда он начал княжить. Здравый смысл подсказывал: следовательно, Обрадовск заложен был Чурилой в 983 году. Таким образом, в 1983 году городу исполняется ровно тысяча лет!

Железная логика энтузиаста-краеведа убедила широкую общественность города в правоте его версии, и она приняла официальное постановление, переводящее гипотезу тов. Утлогузова в разряд строгих научных фактов. А раз так, то возникло естественное желание отметить достославный юбилей, да не как-нибудь, а чтобы непременно утереть нос кичливым соседям. Долго рядила и судила созданная по такому случаю юбилейная комис-

сия и в конце концов наметила длинный список мероприятий, главным из которых было сооружение на пустующем седьмом холме, предназначавшемся ранее под обрадовские Черемушки, монумента в честь основателя города Чурилы Пленковича.

Большинство пунктов в организационном плане не представляли ничего сложного, а вот монумент, конечно, хотелось заиметь такой, чтоб всем монументам был монумент. Поэтому обрадовцы объявили конкурс на лучший проект и установили подобающую премию.

Из поступивших на конкурс 117 проектов 115 юбилейная комиссия решительно отвергла по причине отсутствия в них необходимого величия. Остались два, заслуживающих внимания. Местный скульптор предложил наваять из бронзы сто двадцать конных статуй в натуральную величину по числу дружинников Чурилы и расставить их по склонам холма, а на вершине установить самого Чурилу, уже спешенного. Масштабен и оригинален был этот проект, но, увы, его пришлось отвергнуть, так как выяснилось, что бронза нынче в большом дефиците.

Проект, представленный коллективом иногородних скульпторов и архитекторов (сплошь отмеченных и удостоенных), был не менее масштабен, а по замыслу более смел и оригинален. Корифеи монументальной пропаганды замыслили на скромном малахитовом постаменте, к которому вела мраморная лестница из тысячи ступеней, установить скульптуру из нержавеющей стали ростом чуть ниже Останкинской телебашни.

Этот вариант памятника основателю Обрадовска поначалу вызвал среди членов юбилейной комиссии легкое замешательство. Дело в том, что выставленный на их обозрение эскиз являл собой небрежно одетую даму. В правой, опущенной вдоль туловища руке она держала кувалду, а под мышкой — толстенную книгу, очевидно энциклопедический словарь. На ладони левой, протянутой вперед, лежала увесистая гроздь винограда. Босой ногой дама попирала трех тщедушных типов с весьма непривлекательными физиономиями.

Первым подал голос самый молодой член комиссии.

— И-и-извините,— сказал он, заикаясь от смущения.— Но мы объявили конкурс на памятник Чуриле Пленковичу, некоторым образом богатырю, а вы нам предлагаете, и-и-извините, женщину.

С кресла поднялся руководитель авторского коллектива.

— Это и есть Чурило,— снисходительно усмехнулся главный скульптор.— Вернее, олицетворение глубинной сути этого богатыря. Нам видится Чурило Пленкович как носитель и выразитель идеи рождения нового, в данном случае города Обрадовска. А рождать, думаю, вы согласитесь с этим, сподручнее женщине.

Молодой член комиссии был посрамлен.

— Однако,— взял слово пожилой член комиссии,— почему Чурило, то есть идея Чурилы одета не в кольчугу и держит не щит и меч, а молоток, книжку и виноград?

— Видите ли,— еще более снисходительно усмехнулся корифей,— произведение искусства, даже посвященное далекому прошлому, должно быть глубоко современным. Молот и книга — это олицетворение научно-технической революции, которая, я уверен, не обошла стороной и Обрадовск...

— А одежда,— позволил себе пошутить председательствующий,— олицетворяет положение дел на наших предприятиях легкой промышленности.— И уже серьезно заметил: — Думаю, мы должны поблагодарить товарищей за критику, выраженную в пластической форме, и сделать соответствующие выводы.

— Ну, а виноград? При чем здесь он? — решился подать голос секретарь комиссии.— Если он олицетворяет сельское хозяйство, то у нас эта ягода не произрастает, у нас все больше картошка да лен-конопель.

— Виноград еще у древних греков символизировал изобилие,— с места подсказал один из членов авторского коллектива.

— Это меняет дело,— снял свое возражение секретарь комиссии и, не желая прослыть полным невеждой, поспешил добавить: — А уродцы, которых топчет... гм... некоторым образом образ Чурилы, вероятно, олицетворяют поганых половцев?

— Не половцев,— обиженно засопел выдающийся мастер резца, а антиподов нашей морали — хулиганство, пьянство и бюрократизм.

Еще кто-то выразил сомнение, что выделенный под монумент холм низковат для тысячи ступеней, придется подсыпать земли, но вся необходимая техника задействована на обводнении поймы, которая была ошибочно

осушена два года назад. Выход подсказал присутствовавший на обсуждении председатель городского статистического управления.

— А кто нам мешает,— спросил он,— построить лестницу из ста ступенек, но считать каждую из них за десять?

Все согласились, что действительно никто не мешает.

— Я думаю, не может быть других мнений,— подвел итог дискуссии председатель комиссии.— Проект наших уважаемых ваятелей отличается несомненными художественными достоинствами, а главное, они предлагают соорудить монумент из материала, которого у нас в достатке. Вы знаете, что привязанный в прошлой пятилетке к нашему городу завод столовых приборов еще не вышел из стадии проектирования, а листовая сталь уже начала поступать и ею буквально завалены все подъездные пути. Фронт погрузочно-разгрузочных работ сужен до минимума, станцию лихорадит, и спасти нас может только предлагаемый товарищами стальной Чурило.

На том и порешили. Как известно, монументы имеют особенность возводиться быстрее, чем, скажем, предприятия легкой и пищевой промышленности, поэтому обрадовский Чурило рос не по дням, а по часам и в скором времени поднялся над городом во всей своей красе. Правда, замысел известных скульпторов и архитекторов до конца воплотить не удалось — на гроздь винограда металла не хватило.

Юбилейная комиссия составила соответствующую петицию в вышестоящую инстанцию с просьбой допоставить еще хотя бы два-три центнера нержавейки, а заодно пригласила инстанцию на планируемые юбилейные торжества. Точно в срок, отведенный для рассмотрения просьб и жалоб, получен был следующий ответ:

«Рассмотрев ваше письмо за № 13/421, сообщаем, что:

а) по данным Академии наук, упоминаемый вами гр. Ч. Пленкович является не историческим лицом, а плодом богатой народной фантазии;

б) проверкой, проведенной органами народного контроля, установлено, что гр. Ч. Пленкович персонаж скорее отрицательный, чем положительный;

в) в ходе той же проверки выяснено, что ехал гр. Ч. Пленкович действительно ко двору князя Владимира,

но не Красное Солнышко (годы княжения: 980—1015 гг.), а Мономаха (1113—1125 гг.).

На основании вышеизложенного, предлагаем перенести тысячелетний юбилей г. Обрадовска на 130 лет. Памятник гр. Ч. Пленковичу считать не соответствующим требованиям времени и в выделении строго фондируемой нержавеющей стали отказать. Возведенный монумент не разрушать, т. к. это потребует немалых дополнительных расходов, а считать его впредь памятником расточительству и фанфаронству».

Добавить к этому нечего. Разве только то, что обрадовцы принуждены теперь вкушать пищу, включая и свиные отбивные, деревянными ложками. Ведь по расчетам Госплана они должны быть обеспечены вплоть до 3433 года (с учетом естественного прироста населения) столовыми приборами собственного производства.

КОГДА РАСТАЯЛ СНЕГ

И снова в районный центр Обрадовск пришла весна. Ласковое солнышко растопило снежные сугробы, и пытливому взору горожан открылись ржавые консервные банки, битые бутылки, пустые сигаретные пачки и прочий мелкий мусор. Собирались тогда отцы города на заседание и стали думать думу, какие мероприятия надлежит реализовать, чтобы впредь содержались в чистоте и порядке улицы и дворы славного населенного пункта.

В обстоятельном докладе отмечено было, что опыт прошлых лет, когда борьба за чистоту велась при помощи ободряющих лозунгов, красочных транспарантов, монументальных стендов, передвижных выставок, симпозиумов, форумов, сходов и научно-практических конференций, полностью себя оправдал, хотя и не принес никаких результатов. Поэтому в целях дальнейшего улучшения надо сделать шаг вперед, а вот какой конкретно — это и предстояло выработать.

Первым слова попросил самый моложавый из отцов.

— Я предлагаю повысить спрос с работников городских служб,— запальчиво сказал он.— И наверное, нам следует всерьез заняться механизацией уборочных работ, а за счет сокращения управленческого аппарата увеличить штат дворников.

— Вы отстали от жизни,— с места подал ехидную реплику самый опытный из присутствующих.— Про-

фессию дворника как неблагозвучную мы упразднили еще пять лет назад и ввели новую современную специальность «оператор дворовых территорий и тротуаров».

— Ну, ладно, пусть не дворники, так операторы,— сконфуженно пролепетал моложавый,— возьмут в руки метлы, скребки, совки и...

— Думаю, каждому должно быть ясно,— перебил незрелое выступление второй заместитель самого уважаемого отца города,— что отвечающее всем требованиям научно-технической революции понятие «оператор» и допотопные совки и метлы — вещи несовместимые. Куда вы нас зовете? В эпоху феодализма коммунального хозяйства?

Посрамленный пропагандист примитивного труда, каковым, без сомнения, являются операции, выполнявшиеся дворниками, сгорел со стыда.

После того как его пепел стряхнули в корзину для бумаг, поднялся товарищ в мундире.

— Разрешите доложить,— отчеканил он.— В свое время для подметания улиц использовался контингент, поступавший в наше распоряжение на срок до пятнадцати суток. Может быть...

— Нет, нет, нет!!! — замахали руками сразу несколько присутствующих.— Ваши подопечные своими мятыми брюками и физиономиями мешали надлежащему восприятию архитектурно-пространственной композиции микрорайонов, а разящий от них аромат искажал микроклимат нашего города.

Наступила долгая пауза. Наконец ее нарушил робкий голос с конца стола:

— А что, если вместо упоминавшегося... гм... контингента задействовать техническую интеллигенцию?

На несколько секунд все оторопели, но спокойный голос председательствующего вернул им душевное равновесие:

— Неплохая идея! Конечно, небритый, неопрятный субъект с метлой вносит дисгармонию. Но если тот же инвентарь вручить дипломированному специалисту, скажем, конструктору или инженеру-технологу, которые, как правило, всегда при галстуке и в шляпе, то это даже облагородит внешний облик Обрадовска. Впрочем, давайте не будем ограничиваться только прослойкой, пусть каждый коллектив — будь то завод, или фабрика, или научно-исследовательский институт — с полной ответст-

венностью займется уборкой мусора в закрепленном за ним микрорайоне...

Последовала продолжительная овация, после которой председательствующий внес важное уточнение:

— Чтобы заранее показать несостоятельность возможных обвинений отдельных недопонимающих граждан в том, что мы, дескать, перекладываем свои прямые обязанности на плечи других, отвлекая этих других от выполнения их прямых обязанностей, предлагаю такой порядок объявить рожденным стихийным порывом широких масс и оформить его как благородный почин.

Снова последовали аплодисменты. А затем была создана комиссия, которая вопрос проработала в мельчайших подробностях. В принятом Положении о соревновании под девизом «Каждой улочке — приятный облик, каждому переулочку — уютный вид» заслуживают внимания следующие частности:

«...г) в целях лучшего знакомства с родным городом за предприятием, организацией, учреждением закрепляется для уборки территория, наиболее от них удаленная;

е) на всех автобусных и трамвайных остановках укрепить хорошо оформленные таблички с указанием предприятия, убирающего мусор на данной территории, и телефон его профкома, чтобы каждый прохожий при обнаружении нерадивости смог своевременно просигнализировать;

з) чтобы повысить качество уборки, проводить ее только в светлое время дня, для чего всем КБ, НИИ и прочим подобным организациям перейти на работу в ночную смену;

и) при невозможности выполнить пункт «з» направлять людей на уборку улиц после обеденного перерыва, считая их до конца рабочего дня находящимися в творческой командировке по изучению научной организации труда;

о) если со стороны хулиганов, тунеядцев и трудных подростков будут допущены насмешки типа: «Эй, ты, в шляпе, вон мой окурок забыл подобрать!» или «Что метлой размахалась, очки слетят!», то на них следует отвечать вежливо и тактично, не теряя чувства собственного достоинства;

щ) контроль за качеством уборки вменить в обязанность операторов дворовых территорий и тротуаров,

освободив их от выполнения каких бы то ни было других обязанностей; для оценки качества уборки по пятибалльной системе создать авторитетные комиссии из представителей служб городского хозяйства».

...И, как говорится, пошел набирать силу почин обрадовцев! Уже не осталось в городе ни одного завода, ни одного учреждения, чьи работники не приняли бы в нем непосредственного участия... Хотя, впрочем, нет, одно осталось. Горисполком.

ПОМНИ, ВЛАС!

Если уж говорить начистоту, то в районном центре Обрадовске к небезызвестному злу отношение испокон веку было хотя и отрицательное, но с оттенком некоторой снисходительности и даже благодушия. «Она, конечно, злодейка с наклейкой, много зла приносит,— кручинились иногда отцы и деды города, усевшись вокруг скатерти-самобранки на изумрудном бережку полноводной Обрадовки.— Из-за нее, проклятой, и производительность труда не теми темпами растет, и семейные устои колеблются, и хулиганские проявления случаются. Да только, посудить, не мы же ее внедрили в быт, а Владимир Красное Солнышко. Он же, бают, не дурак был — и вообще, и в этом деле в частности. Да-с... Опять же распивать на троих в подворотне бормотуху — и с этической и эстетической точек зрения — занятие, действительно не радующее взора, но вот если, так сказать, в узком кругу ограниченных лиц, да коньячок, да после финской баньки, да под мобилизующие тосты...

Да, нелегонько покончить с этой отрыжкой прошлого. Однако не будем отчаиваться. Глядишь, все само собой образуется, и, может, даже в исторически короткие сроки не нам, так грядущим поколениям удастся избавиться от нежелательного влечения к спиртному. А пока, пожалуй, не помешает еще по одной...»

В таком вот меланхолическом созерцании жгучей проблемы пребывали обрадовцы немало уже лет, как вдруг однажды утречком открывают газету, а там черным по белому написано: ничего само собой не образуется, и упомянутое зло надлежит изживать немедля.

«Ой-ой-ой!» — вздохнули про себя отцы и деды, а вслух громко закричали: «Ура!» — и, не мешкая, приступили к реагированию.

По обычаю решили прежде всего позаботиться насчет мероприятий, которые, с одной стороны, продемонстрировали бы правильное понимание текущего момента, а с другой — своей масштабностью и своеобычаем утерли бы нос остальным городам и весям. Для составления проекта программы действий привлечены были самые светлые умы, а именно крупный мыслитель районного масштаба Василий Суслопаров, автор брошюры «Некоторые методологические замечания к вопросу о минимально допустимом количестве граней в гармонически развитой личности», художник-плакатист и оформитель стендов «Не проходите мимо» Ульян Баландин и поэт Гермоген Новодевичий, непременный лауреат городских фестивалей «Обрадовская лира». Все они слыли знатоками рассматриваемого предмета, и потому смело можно было рассчитывать на компетентность их рекомендаций.

Первым слово взял В. Суслопаров. Он высказался в том плане, что помимо Владимира Святославича, известного также как Красное Солнышко, определенную долю вины за создавшуюся ситуацию несет, как это ни прискорбно, А. С. Пушкин. Александр Сергеевич хотя и был гением, но однажды непродуманно воскликнул: «Подымем стаканы, содвинем их разом!» Эти легкомысленные строчки еще на школьной скамье западают в неокрепшие детские умы, и, взрослея, человек не то чтобы испытывает страх перед стаканом, но порой начинает бездумно следовать ошибочному совету гениального поэта. В связи с этим В. Суслопаров внес предложение впредь в школьных хрестоматиях пушкинские строки давать в следующей редакции: «Поднимем пеналы, содвинем их разом!»

Тезис В. Суслопарова развил в своем выступлении У. Баландин. В частности, он справедливо упрекнул фламандского живописца П. П. Рубенса за назойливую разработку вакхической тематики и внес предложение заменить питейные емкости на полотнах старого мастера изображением, к примеру, вышеупомянутой брошюры предыдущего оратора. Затем плакатист выдвинул смелую идею отказаться от традиционных, но вызывающих нежелательные ассоциации графинов и стаканов на трибунах и впредь ставить на них глиняные кувшины и кринки. Скромно потупившись, Ульян взял на себя обязательство в течение суток создать плакат «Он зло-

употреблял алкоголем». Художник смело назвал столь короткий срок, ибо намеревался использовать для этой цели уже готовый «Автопортрет».

В заключение своими задумками поделился поэт Г. Новодевичий. «Так как в перспективе вместо водки мы будем принимать минеральную воду,— с пафосом сказал он,— было бы желательно для ускорения адаптации, то есть привыкания к незнакомому напитку, открыть на нашем пищевом комбинате специальный цех по газированию «Столичной», «Российской» и «Московской». А разве не дрогнет сердце пьющего, когда, войдя в знакомый магазин, он прочитает над прилавком мой поэтический лозунг:

Знайте, Света!
Помни, Влас!
Водке — вето!
Пейте квас!

Согласившись в принципе с положениями, выдвинутыми светлыми умами, отцы и деды Обрадовска, памятуя о масштабности, для окончательного их утверждения приняли решение скликать общегородское вече.

...Трое жителей Обрадовска в открытой вольере пивного зала «Рододендрон» не спеша разливали вторую долгоиграющую бутыль портвейна «Кавказ». Делали они это, особенно не таясь. Правда, пьющие граждане не догадывались, что в их падении виноват Пушкин, но зато были прекрасно осведомлены, что средства, предназначавшиеся на строительство лечебно-трудового профилактория, пошли на отливку вечевого колокола. Да и взять граждан под белы руки было некому. Весь контингент обрадовских блюстителей порядка вот уже вторую неделю участвовал в театрализованном хороводе «Ты да я, да мы с тобой объявляем пьянству бой!», проводимом по программе месячника «Ни в одном глазу».

ПЕРЕСТРОИЛИСЬ

В районном центре Обрадовске исстари привыкли держать нос по ветру, потому учуять те или иные новые веяния и тут же должным образом отреагировать никогда не составляло здесь для должностных лиц особого

труда. Где-то еще только в затылках чешут, соображая, что к чему, а в славном городе уже и рапорт заготовлен: докладываем, мол, что пожелание за № 8351 воспринято всем сердцем и исполнено с опережением графика на 100,8 процента. Когда же особенно хотелось отличиться, накидывали, естественно, еще два-три процента, а срок исполнения приурочивали к ближайшей знаменательной дате.

В общем, рекомендация перестроить некоторым образом мозги, чтобы шевелились они впредь в строгом соответствии с четким ритмом научно-технического прогресса, воспринята была обрадовцами не только без паники, но, как заведено, с горячим энтузиазмом. «Раз надо, значит, надо!» — рассудили они и немедля принялись действовать. Да так энергично, что буквально через неделю стало возможным собрать научно-практическую театрализованную конференцию, чтобы обменяться опытом, подбить первые итоги и наметить мобилизующие ориентиры.

Уже внешний вид Дворца культуры работников управления, где собралась конференция, наглядно показывал, сколь крутые перемены произошли в административных головушках. Некогда беломраморные стены были заделаны кладкой обыкновенного красного кирпича — таким образом продемонстрировали обрадовцы свою неприязнь к парадности. По этой же причине 865 погонных метров ярко-алых ковровых дорожек в зале заседаний были заменены такой же длины дорожками более скромного бордового цвета. Их производство, кстати, в кратчайшие сроки освоили на местном текстильном комбинате взамен допотопного ситца, который из-за своей дешевизны занижал уровень благосостояния жителей города.

Первым своим личным опытом умственной переориентации поделился крупный мыслитель районного масштаба, ведающий в Обрадовске вопросами внутренней культуры,— Василий Суслопаров. Под аплодисменты присутствующих он объявил, что перестройка мозгов заняла у него ровно четыре минуты семнадцать секунд. Именно столько времени понадобилось ему для осознания необходимости решительной борьбы с шумихой и пустозвонством. В. Суслопаров предложил отменить фанфары и барабанный бой и впредь принимать дутые обязательства под перезвон гуслей и пение пас-

тушьего рожка. Горячее одобрение вызвала и смелая новаторская идея оратора прилагательные «грандиозный», «впечатляющий» и «стремительный» в речах и докладах заменить соответственно на «широкий», «зримый» и «поступательный», существительное «вал» обязательно сопровождать эпитетом «пресловутый», а слова «количество» и «качество» употреблять в соотношении 1:3.

Следующим взял слово директор пищевого комбината Н. Худяков. Свою речь он посвятил насущной проблеме, как поспеть за научно-техническим прогрессом и не оказаться на его обочине. Эту проблему можно решить, подчеркнул передовой директор, лишь при условии широкого внедрения новейших достижений инженерной мысли, о чем свидетельствует и скромный опыт возглавляемого им предприятия. Так, ввод в действие на комбинате установки непрерывной разливки стали позволил освоить производство пельменей в надежной, не боящейся деформации и коррозии металлической упаковке. Только одно это техническое новшество дало ощутимый эффект — дополнительно 10 000 тонн питательной продукции в год, и это при том, что расход сырья, идущего на приготовление самих пельменей, не увеличился ни на один грамм! Как говорится, овчинка стоила выделки.

— Но жизнь учит,— сказал в заключение Н. Худяков,— не стоять на месте, а дерзать. Обостренное чувство нового, которое охватило нас, подсказало, как добиться очередного успеха без каких бы то ни было капитальных затрат. Освоив выпуск эскимо на палочках из мореного дуба и карельской березы, мы при тех же производственных мощностях и неизменном фонде заработной платы смогли увеличить выпуск продукции в рублях на 300 процентов. Поиск резервов продолжается.

Кардинальная перестройка мозговых извилин, заверил участников конференции начальник коммунальной службы Обрадовска Б. Спиносов, произошла и в головах работников этой отрасли. Все они дружно повернулись лицом к научно-технической революции. Теперь каждый коммунальник без запинок выговаривает слова «интенсификация», «роботизация» и «компьютеризация». Дворники решительно отставили в сторону допотопные метлы и лопаты — у них на вооружении современные ЭВМ. С помощью умных машин в считанные секунды

составляются графики выхода на подметание улиц коллективов проектно-конструкторских и научно-исследовательских институтов города. А слесари-водопроводчики с недавнего времени получили возможность наблюдать за утечкой воды из кранов на экранах дисплеев. Оказалось, что ее вытекает гораздо больше, чем предполагали. Тем самым проект поворачивания вспять всех ручьев бассейна реки Обрадовки получил серьезное техническое обоснование...

Три дня проходила в Обрадовске конференция. Ее участники не без основания расценили проведенное мероприятие как нужное и полезное. А чтобы лишний раз подчеркнуть, что мыслят они теперь совершенно по-новому, решено было соответствующую резолюцию принять не единогласно, как прежде всегда бывало, а при двух-трех воздержавшихся. Только, как ни старались, даже одного такого не удалось найти. И неудивительно, ведь, по данным городского вычислительного центра, в течение недели умственно перестроились 102,4 процента жителей Обрадовска.

НОВОГОДНИЕ МОТИВЫ

Как известно, в канун Нового года положено оглянуться назад, подбить итоги, сделать соответствующие выводы и наметить подобающие планы на будущее. Именно с таким настроением проснулись вчера жители районного центра Обрадовска. Первым делом вытащили они из почтовых ящиков свою любимую городскую газету «Вечерний звон» и, прихлебывая ароматный, душистый грузинский чай, с удовлетворением прочитали в ней следующие сообщения.

Всегда в поиске

Как сообщает центральный вычислительный центр, городское хозяйство Обрадовска в ушедшем году сделало очередной семимильный шаг вперед. В целом план выполнен на 100,5 процента, и это при том, что ни одна из отраслей не справилась с годовым заданием. Помог поиск внутренних ресурсов. Новаторы ЦВЦ подкрутили некоторые гайки у электронно-вычислительных машин «Минск-22», и умный аппарат стал выдавать на каждые десять процентов один сверхплановый.

Впечатляющего успеха добились коммунальники. Теперь на одного обрадовца приходится по цистерне воды в день (с учетом влаги, содержащейся в речах, докладах и произведениях местных художников слова). Порадовали и строители. Творчески переняв опыт работы органов, ведающих исполнением приговоров, они все объекты стали сдавать условно-досрочно с обязательным привлечением к физическому труду представителей интеллигенции.

Горячая страда сейчас у земледельцев Обрадовского района. Несмотря на морозы и метели, они самоотверженно ведут уборку урожая будущего года. Этот временной парадокс объясняется тем, что вот уже на протяжении десятков лет жатва в районе каждый год начинается на неделю раньше, чем в году предыдущем. Нынешняя уборочная страда сильно осложняется, так как она совпала с посевными работами второго года следующей пятилетки, ибо сев по традиции велся ежегодно с десятидневным опережением.

Долгое время с недовыполнением трудились животноводы района. Но после того как они стали включать в план поставок «бычков в томате» и «коровок сливочных», дела заметно пошли на лад.

Поиск резервов продолжается.

Опережая события

Коллективы многих предприятий и организаций славного райцентра вслед за спортивными комментаторами выступили с многообещающим почином повсеместно опережать события. Запевалами стали железнодорожники станции Обрадовск — третий Главный. Они приняли обязательство отправлять пассажирские поезда на полчаса, а скорые на час раньше времени, обозначенного в расписании. По-своему трактовали концепцию ускорения речники. Полюбившиеся жителям города прогулочные речные трамвайчики «Лебедь», «Альбатрос» и «Пингвин» в предстоящую навигацию отдадут швартовы под новыми названиями, более соответствующими ритму сегодняшних будней,— «Стремительный», «Шустрый» и «Летучий обрадовец». Продолжают дерзать пищевики. Учитывая новые направления в моде, они освоили производство лосьона «Имбирный», жидкости для мытья окон «Кубанская» и одеколона «Спотыкач».

Живи, зеленая подруга!

Весомый вклад в дело охраны зеленых друзей внесли совместными усилиями работники целлюлозно-бумажного комбината и ученые обрадовского НИИ дуба и ели. Творческое содружество принесло замечательный плод — освоен выпуск искусственных новогодних елок, которые так любят и детвора, и взрослые обрадовцы. Пушистые и разлапистые творения человеческого ума и рук, они ничем не отличаются от лесных красавиц, хотя родились не в таежной чащобе, а в светлых, просторных цехах передового предприятия. Поражает воображение такой факт. На изготовление искусственной пятиметровой красавицы, что украшает сейчас центральную площадь Обрадовска, ушло ни много ни мало — 158 вековых дубов.

Нипочем капризы моды

Как установили социологи, мода имеет обыкновение меняться каждый год, но зато повторяется через четверть века. Слепой стихии обрадовские обувщики противопоставили трезвый расчет. Вот уже двадцать четыре года она выпускает босоножки одного фасона. Продукции, скопившейся на складах магазинов, будет вполне достаточно, чтобы в наступающем году обуть всех модниц не только Обрадовска, но и Франции, Италии, Испании.

Поступь

Из новых творений

Манят нас неведомые
дали
Интенсификации
и эффективности.
Чтобы мы скорей
их увидали,
Добивайтесь повышения
активности!

Гермоген НОВОДЕВИЧИЙ, неоднократный лауреат фестиваля «Обрадовская лира»

Чемпионы верны себе

Чемпионы района по городкам — атлеты клуба «Сибирские пельмени» встречают Новый год в отличной спортивной форме. Она изготовлена фирмой «Адидас».

ЗАСУЧИЛИ РУКАВА

В районном центре Обрадовске решили покончить с негативными явлениями. Вообще-то с ними здесь можно было и раньше разделаться, да только кто тогда знал, что они именно негативные, а не какие другие.

Вот, к примеру, обрадовские администраторы простодушно полагали обязательным накапливать по каждому делу ворох разного рода бумаг, пока общий вес их не составит полпуда. Ибо как же иначе обозначишь взвешенность и основательность принятого решения отложить рассмотрение вопроса до морковкина заговенья? Теперь же, выясняется, такой стиль работы есть не что иное, как чистейшей воды бюрократизм и волокита. Еще пример. Ходил проситель по кругу из кабинета в кабинет и, казалось бы, воочию убеждался в незыблемости принципа коллегиальности. Что тут плохого? Но совсем недавно удалось обнаружить, что это вовсе и не коллегиальность, а перестраховка. Или вот: испокон веку считалось, что высказать в лицо вышестоящему свое мнение о его выдающихся заслугах, значит, проявить прямодушие и принципиальность. Ан нет, новейшие исследования с использованием спектрального анализа показали, что в данном случае наблюдается феномен подхалимажа и угодничества.

Обрадовцы, когда им на происходившее глаза открыли, поначалу впали в изумленное состояние и на некоторое время лишились даже дара речи. Как же, мол, угораздило нас так опростоволоситься?! Но тут им деликатно напомнили, что не изумляться надо, а действовать. Засучить рукава и решительно избавиться от всего наносного и нежелательного.

— Ура! — возрадовались самые светлые умы города.— Ведь нас хлебом не корми, дай только вволю подействовать, административную свою силушку явить народу. А уж если дозволено рукава засучить, так мы эти негативные явления, пожалуй, и под самый корень изведем, а то еще лучше — переделаем в позитивные. Ведь

чему диалектика учит? То, что сегодня белым выглядит, завтра от неаккуратного пользования меняет цвет на прямо противоположный и соответственно, значит, наоборот... Впрочем, чего это мы разговорились, а протокола не ведем. Без документального оформления любой самый умный разговор на пустословие смахивает...

Наведя таким образом самокритику, тут же избрали президиум, наполнили графины водой, позвали стенографистку и объявили заседание инициативной группы по борьбе с негативными явлениями открытым.

Первому предоставили слово начальнику коммунальной службы Б. Спиносову. Его выступление было в духе времени весьма лаконичным.

— Предлагаю,— отчеканил он,— издать специальный приказ, в коем указать дату, начиная с которой все негативные явления следует считать ликвидированными окончательно и бесповоротно. Метод проверенный. Три года назад в своем распоряжении № 398/41 я объявил наш город «радующим взор», и теперь раздражавшие когда-то жителей кучи мусора и выбоины на асфальте вызывают у них, как утверждает наша социологическая служба, тихое умиление.

— Заманчиво! — воскликнул председательствующий, но через мгновение огорченно вздохнул.— М-да, заманчиво, однако сегодня это не пройдет. Приказ, он, конечно, будоражит воображение, но как бы по нынешним временам не истолковали его как голое администрирование.

— А что, если,— тряхнул забубенной головой непременный лауреат фестиваля «Обрадовская лира» поэт Гермоген Новодевичий,— скликать нам общегородское вече и хором трижды произнести торжественное обещание впредь никому никогда не проявлять ничего негативного. А после этого, если еще в колокола ударить, то, чует мое ретивое, у самого отпетого взяточника душа просветлеет, и он даже без санкции прокурора побежит в казну неправедные деньги сдавать.

— С санкцией-то оно надежней,— подал ехидную реплику плакатист Ульян Баландин,— только все эти вече с колоколами очень уж отдают пустозвонством. Тут, по моему разумению, изобразительное искусство надо задействовать. Предлагаю фасады зданий барачного типа украсить величественными панно, живописующими радость созидания. Человек постоянно воочию

будет видеть, что такое хорошо, и постепенно волей-неволей забудет про сомнительные удовольствия, которые, как известно, порождают негативные явления.

— А уж это, извините, вы толкаете нас на парадность во всей ее неприемлемой в настоящий момент красе! — с полемическим задором воскликнул уязвленный Гермоген.

— Давайте не пререкаться,— строго сказал председательствующий,— а вести разговор по существу. У кого есть дельные предложения, прошу высказываться.

По-настоящему дельных предложений ни у кого не оказалось. Вылез, правда, на трибуну директор пищевого комбината Н. Худяков и промямлил невразумительно, что неплохо бы увеличить выпуск пельменей в сувенирной упаковке, но каким боком деликатесный продукт повлияет на негативные явления, толком объяснить не смог и сконфуженный вернулся на место.

Совсем было приуныли участники заседания, но тут нежданно-негаданно осенило Василия Суслопарова, крупного мыслителя районного масштаба.

— Сподвижники! — торжественно произнес он.— Не с того конца взялись мы за важное дело. Нужна системность. Хотим мы того или нет, а жизнь заставляет искать новые организационные формы. Смекаете, к чему клоню?

— Не-е,— дружно промычали сподвижники.

— А к тому,— горделиво усмехнулся районный мыслитель,— что самая пора приспела создать в нашем славном городе добровольное общество по ликвидации бюрократизма и других негативных явлений. Иначе нам с ними не покончить.

— Ну, Василий! — не удержались присутствующие от восхищения.— Ко всему ключ подберет. Вот что значит владеть методологией!

— Разрешите ваше восхищение считать за принятие данного предложения? — обратился к участникам заседания председательствующий.

Раздались аплодисменты. Ну а дальше дело пошло как по писаному. В один момент был образован Оргкомитет по созданию добровольного общества ДОЛБНЯ (как сложилась эта аббревиатура, объяснять, полагаю, лишне), единогласно сформирован его состав в составе всех присутствующих и нескольких отсутствующих по

уважительным причинам светлых умов и назначена дата первого пленарного заседания...

Ну берегитесь, негативные явления!

ЭКСПЕРИМЕНТ

Администраторам районного центра Обрадовска развязали руки. Не в буквальном, безусловно, смысле, а в том плане, что освободили их от пут разного рода инструкций и предписаний, которые сковывали инициативу и мешали дерзать. В поступившем напутствии настоятельно рекомендовалось творить, выдумывать, пробовать, проводить самые смелые эксперименты, осуществлять самые дерзновенные замыслы, лишь бы дали они эффект, и, желательно, немалый.

— Это будьте спокойны! — заверили обрадовцы.— Мы к новациям сызмальства тягу имеем. У нас, можно сказать, в крови, или, по-современному, в генетическом коде, заложена неуемная страсть чего-нибудь эдакое сотворить, до чего никто из соседей додуматься не мог. А тут уж, не извольте сомневаться, эффект сам собой получается, и завсегда существенный.

И вот стали прикидывать светлые умы города, чем же в современных условиях население славного райцентра и близлежащих окрестностей лучше всего ошеломить.

В ходе обсуждения рождено было немало впечатляющих замыслов, выдвинуты десятки грандиозных проектов. Предлагалось, в частности, закидать всех горожан ондатровыми шапками, воздвигнуть очередной монумент, достигающий главой перистых облаков, вместо устаревающих осетровых начать разведение в реке Обрадовке популярной рыбы минтая, переоборудовать памятник архитектуры двенадцатого века в закрытый теннисный корт, соорудить царь-печку, на которой можно было бы печь блины диаметром в 250 метров. К этой последней заманчивой идее и стали было склоняться, но тут слово попросил крупный мыслитель районного масштаба Василий Суслопаров.

— Прошу слабонервных крепче сжать челюсти! — торжественно изрек он.— Я предлагаю провести в масштабах города и района следующий новаторский эксперимент: впредь не делать ничего нового, а там, где есть возможность, и вообще ничего не делать.

Несмотря на предупреждение, большинство присутствующих от изумления разинуло рты. И раньше В. Суслопаров не раз удивлял неординарностью, парадоксальностью своего мышления, но сейчас его явно занесло. Тут созидать надо, рукава засучивать, благо руки-то развязаны, а он, получается, предлагает их в брюки засунуть или на груди сложить. И потом, какой же может быть эффект, в частности экономический, от ничегонеделания? Все это и было высказано Василию.

— Другой реакции я и не ожидал,— усмехнулся мыслитель.— По-настоящему новаторская идея, она и должна поначалу вызывать оторопь. А теперь разрешите аргументировать. Давайте для ясности посмотрим на конкретном примере, какой экономический эффект может принести внедрение моего предложения. Возьмем самое передовое наше предприятие — обувную фабрику «Сапожок». В прошлом году ее коллектив вышел в лидеры отраслевого соревнования, выполнив план на 104 процента. Это было достигнуто прежде всего унификацией продукции — обувщики стали выпускать лишь женские босоножки 48-го размера, и сошло их с конвейера четыреста тысяч пар. По данным управления торговли, ни одна пара не продана. На текущий год коллектив «Сапожка» взял обязательство выдать на-гора уже полмиллиона пар босоножек. Товарищи, даже очень приблизительные подсчеты показывают, что если наши передовики остановят конвейер и будут в течение года сидеть рядом с ним, сложа руки, то в результате удастся сэкономить порядка десяти тысяч квадратных дециметров высококачественной кожи, пятнадцать погонных километров суровых ниток, на полмиллиона рублей дефицитной фурнитуры. Как видите, экономический эффект выльется не в один миллион рублей. В выигрыше окажутся и сами обувщики. У них значительно вырастут размеры премий за экономию сырья, топлива, электроэнергии. Следует учесть и моральный эффект. Десяткам тысяч горожан и жителей села удастся избежать нервных стрессов, случающихся сейчас с покупателями, когда те видят продукцию фабрики «Сапожок».

— Дело говорит Василий,— подал голос с места народный целитель Степушка Хрумкин.— Опять же, если бы наши повара из кафе «Рододендрон» перестали готовить свои фирменные «котлеты по-обрадовски», то, считай, не одна сотня трудящихся поправила бы свое

здоровье. И больницы, понятно, разгрузились бы, и лекарям облегчение...

— Между прочим,— вступил в разговор ведущий аграрий района Софрон Недородов,— я тут прикинул, и выходит, что прекращение выпуска босоножек и фирменных котлет, на которые, сами понимаете, надо расходовать кожу и мясо,— позволит нам увеличить стадо крупного рогатого скота, как минимум, на тысячу голов. И в земледелии предложение В. Суслопарова сулит немалую выгоду. Издревле получали на наших черноземах по тридцать центнеров на круг. У нас промелиорировано пять тысяч гектаров, и с них мы теперь получаем по шесть центнеров. На этот год мелиораторы замахнулись на две тысячи га. Следовательно, если бы мы дали им сейчас по рукам, то засыпали бы в закрома дополнительно 4800 тонн отборного зерна...

— А как вы видите предлагаемый эксперимент в сфере искусства? — с ехидцей спросил непременный лауреат фестиваля «Обрадовская лира» поэт Гермоген Новодевичий.

— Да очень просто,— саркастически усмехнулся В. Суслопаров.— Вот вы, лично, прекращаете с завтрашнего дня сочинять и издавать свои произведения. Что остается делать читателям? Они, естественно, обратятся к бессмертным строкам Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Тютчева. А как установили социологи, высокая поэзия улучшает душевный настрой, придает бодрость и, следовательно, в конечном счете повышает производительность труда. Вот вам и экономический эффект.

— На самом деле, заманчиво получается,— раздумчиво произнес председательствующий.— Только объясни-ка нам, Василий, чем в предлагаемой тобой ситуации отцы города должны заниматься?

— А ровным счетом ничем,— бойко ответил автор смелой идеи.— Как говорится, заслуженно отдыхать.

Посуровел председательствующий и легонько кулаком по столу пристукнул:

— Твои демобилизационные настроения, Суслопаров, не отвечают требованиям дня. Отдыхать нам предлагаешь? А кто же, извини, дрова ломать будет?

Переглянулись присутствующие: а и правда, исстари этим делом отцы города занимались. Прекрати они сейчас свое занятие, как бы тогда не замерзнуть. Ведь зимы в Обрадовске, случается, очень суровыми бывают.

В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ

Письмо в редакцию

Увы, безжалостное время неумолимо стирает следы предшествующих поколений со ступенек истории. Но не всегда время. Чаще — небрежение и недомыслие отдельных лиц и организаций. Снисходительно посматривают они на доставшееся им наследство в виде материальных и духовных ценностей и, обуреваемые гордыней, кумекают: что бы такое учудить на радость и веселье современникам, какой бы еще град Китеж утопить?

И топят, да не один. А потом приходят потомки и хватаются за голову: эвон сколько памятников зодчества ушло под воду, и все сплошь уникальные, сплошь жемчужины. Повздыхав же, принимают решение: в лепешку расшибиться, но возродить шедевры, вновь явить их миру, потому как созерцание прекрасного вкупе с приобщением к историческому прошлому способствует гармоническому развитию личности и в конечном счете повышению производительности труда. И снаряжаются изыскательские экспедиции, и приглашается для консультаций известный исследователь подводных глубин Жак-Ив Кусто, и для детальной проработки осушения Новокитежского моря создается специальный институт Антиакваπроект, и возводится для него здание в сорок пять этажей, и...

И все это, между прочим, денежек стоит. Притом немалых. Не будем, как говорится, далеко ходить за примерами. Воссоздание первоначального облика расположенной в окрестностях Обрадовска усадьбы помещика-самодура начала XIX века Хрисанфа Оболдуева обошлось в 467 385 рублей 12 копеек. И хотя реставрация этого типичного образца ложнорусского барокко с элементами псевдорусского рококо была завершена еще семь лет назад, сделанная ею брешь в городском бюджете не заштопана и по сей день.

Что из этого следует? А то, что когда-нибудь и мы, ныне живущие, станем далекими предками, и пытливый наш потомок, возжелавший поглядеть, как же существовали обитатели славного райцентра в 1986 году, с огорчением может обнаружить, что ничего подлинного от нашего времени не осталось,— все перекроено, передe-

лано, переиначено на свой лад предыдущим населением. И придется ему, потомку, усугубляя, возможно, нелегкое финансовое положение, выкраивать необходимые средства на проведение реставрационных работ. Между тем эти рубли ой как пригодились бы для сооружения, скажем, детского садика «Постреленок» или компот-бара «Эдельвейс».

Именно горячим желанием хоть в какой-то мере облегчить жизнь грядущим поколениям, избавить их от дополнительных расходов и в то же время удовлетворить их законное любопытство и продиктовано наше письмо. Непосредственным же поводом для его написания послужили просочившиеся из прокуратуры слухи о некоторых намечаемых мероприятиях, которые, будь они осуществлены, могут существенно изменить, а если называть вещи своими именами, даже исказить неповторимое лицо Обрадовска.

Лишь благодаря героическим усилиям широкой общественности удалось спасти ансамбль служебных кабинетов отцов города. Этот выдающийся архитектурно-пространственный памятник недавней эпохи бюрократического ренессанса некоторые горячие головы предлагали переделать в краеведческий музей. Чудовищный дилетантизм, граничащий с невежеством! Ведь изменение функционального назначения любого здания неминуемо ведет к необратимым переменам как его внутреннего содержания, так и внешнего вида. Печально, но эту аксиому, которую надо знать со школьной скамьи, пришлось растолковывать добрых полгода, прежде чем на административных фасадах появились долженствующие таблички: «Памятник казенного зодчества 60—70-х годов XX века. Охраняется...»

Но недолго пришлось нам испытывать чувство законного удовлетворения. Все настойчивее циркулируют слухи о новых готовящихся акциях непродуманного характера. В частности, очевидно, буквально поняв призыв к перестройке, некоторые ставят вопрос о перестройке летней резиденции приемщика стеклопосуды Никиты Волконского в пионерский лагерь. Другие ведут разговоры о том, что надо бы преобразовать квартиру заведующей сектора учета и распределения жилой площади Антонины Лапкиной в общедоступную кунсткамеру. Третьи же доходят до того, что предлагают снести личный гараж директора плодоовощной базы Никодима

Капустьянца и разбить на этом месте городской парк культуры и отдыха.

Не поддадимся, товарищи, эмоциям! Посмотрим на вещи здраво. Прежде всего перечисленные предложения не выдерживают никакой критики с экономической точки зрения. Владельцы уникальных сооружений в кругу друзей и знакомых неоднократно подчеркивали, что содержать в порядке эти строения стоит немалых средств. Таких денег в горисполкоме просто-напросто нет. Тем более нет их там для какой-либо конкретной перестройки в примитивном смысле этого слова. И потом, где же логика? Зачем взваливать дополнительные расходы на местные органы, если такое оказывается под силу частным лицам?

А главное, о чем уже было говорено выше: давайте помнить о потомках, о людях третьего тысячелетия! Вдруг им захочется узнать, а как в конце двадцатого века поживали простые советские бюрократы, взяточники, жулики. Выйдут они тогда на балкон своей крупнопанельной пятиэтажки, справедливости ради тоже сохраненной на века, глянут окрест, и предстанут их взору в нетронутом своем великолепии усадьба скромного приемщика стеклотары, особняк рядовой сотрудницы коммунальной службы, подсобная постройка торгового руководителя среднего звена. И, вытирая слезы умиления, с легкой завистью вздохнут потомки: «Умели же жить люди!»

От имени широкой общественности Василий Суслопаров, мыслитель; Гермоген Новодевичий, поэт, непременный лауреат фестиваля «Обрадовская лира»; Эдуард Утлогузов, краевед

Обрадовск

ПОДХОДЯЩАЯ КАНДИДАТУРА

В районном центре Обрадовске решили преподнести детворе новогодний подарок — устроить во Дворце культуры работников управления веселую, задорную, идеологически затейливую елку под девизом: «Юный обрадовец! Твои отличные успехи в учебе и примерное поведение — залог высокопроизводительного труда твоих родителей!» Праздник должен был открыться «Диало-

гом пионеров», который специально сочинил к этому событию поэт Гермоген Новодевичий:

Пионер. Знаешь, Вера?
Пионерка. Знаю, Влас!
Оба хором. Делу — время,
Потехе — час!

Затем к трибуне, держа в руках доильную установку «Елочка», в гордом одиночестве выходит Снегурочка (Дед Мороз из-за своего красного носа не прошел аттестацию) и звонким голосом объявляет... Впрочем, о чем она объявляет, нет смысла говорить, потому что с кандидатурой Снегурочки как раз и вышла загвоздка.

В ходе обсуждения сценария новогоднего праздника выяснилось, что на эту почетную роль есть немало претенденток. Так, районный мыслитель В. Суслопаров рекомендовал свою тещу, начальник коммунальной службы Б. Спиносов — супругу, народный целитель С. Хрумкин — внучатую племянницу, да и у других достойных граждан города даже дальние родственницы оказались с большими достоинствами. Словом, стыдно говорить, дело чуть до образования фракций не дошло, но тут страсти охладил председательствующий.

— Зря горячитесь, уважаемые сподвижники,— проникновенно сказал он.— Или вы запамятовали о недавно принятом нами же постановлении «О решительных мерах по дальнейшему усилению борьбы с проявлениями кумовства»? Так что выборы Снегурочки проведем по-новому, на широкой демократической основе. А чтобы она в полной мере отвечала сокровенным чаяниям масс, а также соответствовала требованиям, предъявляемым на современном этапе к человеческому фактору, давайте совместно определим ее основные личностные параметры, заложим эти данные в ЭВМ, и беспристрастная умная машина с абсолютной объективностью назовет нам самую подходящую кандидатуру. Итак, у кого какие мнения?..

Первым решил высказаться директор пищевого комбината Н. Худяков.

— Предыдущих Снегурочек мы выдвигали из числа представительниц массовых профессий,— отметил он.— Если мне не изменяет память, в прошлом году была ткачиха, в позапрошлом — повариха, три года назад — сотрудница загса. Нынче, как я уже понимаю, упор де-

лается на органы правопорядка. Вот там и надо искать внучку Деда Мороза.

— И должна она быть не молоденькой вертихвосткой,— добавил мыслитель В. Суслопаров.— А человек с богатым жизненным опытом, чтобы было что ему сказать несмышленому подрастающему поколению.

— Желательно, чтобы наша Снегурочка имела детей,— уточнил народный целитель С. Хрумкин.— С учетом нынешней демографической ситуации, не менее трех, и была нравственно и физически здоровой, активно бы занималась спортом.

— Не будем консерваторами! — запальчиво выкрикнул непременный лауреат конкурса «Обрадовская лира» поэт Г. Новодевичий.— Традиционно Снегурочки были русоволосыми, а наша обрадовская пусть будет жгучей брюнеткой. Между прочим, они более зажигательны при исполнении как служебных, так и домашних обязанностей...

В общем, со все сторон обговорили, какой быть Снегурочке. Заложили искомые данные в умную машину «Минск-22», пощелкала она внутри себя с полчаса и назвала самую подходящую на эту роль кандидатуру:

«Зураб Алдонишвили, старший лейтенант милиции, 46 лет, студент-заочник, бывший тамада, женат, четверо детей, мастер спорта международного класса по вольной борьбе, под судом и следствием не находился».

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Чего уж скрывать, поначалу директивное пожелание всемерно расширять гласность вызвало в районном центре Обрадовске некоторую административную оторопь.

— И за что такая напасть? — опечалились отцы города.— Сколько лет жили без этой гласности и не тужили. Как бы дела ни складывались, а процентики у нас все в гору шли. Чего же еще надо? Да и сами мы эвон какие румяные, гладкие. Это ли не лучшее свидетельство того, каким заслуженным авторитетом и, можно даже сказать, гражданским обожанием пользуемся среди жителей?! Зачем же от добра добра искать? Опять же население наше, откровенно говоря, пока еще без ясного понятия касательно некоторых демократических институтов. Уж сколько раз мы ему, к примеру, растолковывали и по линии общества «Знание» и в юридических кон-

сультациях, и в индивидуальных задушевных беседах, что холестерин вреден, а оно все равно за ним в столицу шастает. Ох, есть опаска: развяжи иному обрадовцу язык, он такое сморозит — хоть святых выноси... Вот если бы предварительно пропустить всех горожан через высшие дипломатические курсы, тогда смело самую широкую гласность можно внедрять...

Поворчали, поворчали таким макаром, ан делать нечего, предписание исполнять надо. Стали коллегиально кумекать, как бы и тут диалектику соблюсти. Чтобы, значит, с одной стороны, впечатляющим образом расширить эту самую, будь она неладна, гласность, а с другой — при проведении оного мероприятия не нанести себе материального ущерба, а еще лучше оказаться с прибытком, хотя бы морального порядка.

Обсуждение проблемы гласности прошло, надо сказать, достаточно активно, в ходе его были выдвинуты довольно смелые идеи. Предлагалось, в частности, встречи депутатов горсовета с избирателями проводить не во Дворце культуры работников управления, а на остановке автобуса № 16 в часы пик; непременному лауреату фестиваля «Обрадовская лира» поэту Гермогену Новодевичьему очередную литературную регалию выдать принародно; в очередях, стоящих за пресловутыми напитками, создать временные профгруппы; проводить футбольные матчи на первенство района в присутствии зрителей; сделать настольной книгой каждого обрадовского руководителя УК РСФСР; публиковать в городской газете «Вечерний звон» метеосводки не только о хорошей погоде, но и о плохой... И много чего еще было наговорено.

Но когда стали эти предложения с разных сторон рассматривать, оказалось, что ни одно для воплощения не годится. Это — и смелое и впечатляющее, да затрагивает конкретные личности, находящиеся в духовном родстве кое с кем из присутствующих. Другое — тоже масштабное и дерзновенное, но требует значительного увеличения расхода дефицитной и строго фондируемой бронзы. Ну, а пятое и десятое — всем хороши, однако их давно уже применяют в своей повседневной практике проворные соседи, так что внедри их — никто твоего подвига не заметит.

Приуныли отцы города, головы повесили и хотели уже было составлять письмо в вышестоящую инстанцию

с просьбой откорректировать планы на гласность в плане сведения ее к нулю, но тут, как всегда, спас всех от конфуза районный мыслитель Василий Суслопаров.

— Эх, мужики! — по-простецки сказал он, хотя отцами города значились и несколько дам.— Сколько раз объяснять вам надо, что главное в любом деле методологически правильно подойти к вопросу. Уясним для начала, что такое широкая гласность, которую от нас требуют. Это, я так понимаю, чтоб как можно больше народу говорило как можно громче. Ну а что сподручнее всего хором во весь голос кричать? Конечно же: «Ура!»

...Через несколько дней в «Вечернем звоне» появилась небольшая информация местного краеведа Э. Утлогузова «Редкое явление природы». «Многие жители нашего города,— сообщалось в ней,— были разбужены вчера ранним утром громовыми раскатами, доносившимися со стороны горисполкома. Даже старожилы не могут припомнить, чтобы в морозном декабре в наших широтах гремел гром».

Надо ли говорить, что пытливый краевед ошибся. Гроза и не думала собираться над Обрадовском. Просто граждане славного райцентра, собравшись на площади Пробуждения (бывшей Большой Демагогической), расширяли гласность.

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Отцы города Обрадовска приуныли. Кругом грохочет перестройка, набирает темпы ускорение, пробует голос гласность, а в славном райцентре, если говорить начистоту, все то же летаргическое состояние с теми же порядком осточертевшими показухой и краснобайством. До сих пор, слава богу, все с рук сходило, но опаска берет: вдруг нагрянет кто сверху, окинет проницательным взглядом обрадовскую действительность, узрит, что в утверждении нового мышления тут и конь еще не валялся, да осерчает и оргвыводы сделает. Тогда уж не только не похлебаешь больше ушицы на изумрудном бережку полноводной Обрадовки, но очень даже запросто можешь загреметь на заслуженный покой по состоянию здоровья.

— И с чем ее едят, эту перестройку?! — сокрушенно вздыхали обрадовские администраторы.

— Соседи справа, — бойко доложили ушлые референты, — с кооперативной колбасой. Соседи слева — с лавашем, испеченным энтузиастами индивидуальной трудовой деятельности. Задние соседи — с крем-брюле, приготовленным из бывшей бормотухи. Ну а передние, те вообще лопают поросят с хреном, выращенных на семейном подряде.

— Ох, не то все это! — недовольно морщили носы отцы города. — При чем тут поросята, когда время требует от нас кардинальных и смелых решений? Тут, намекали сведущие люди из областного центра, желательно отчубучить что-нибудь грандиозное, способное вызвать административный восторг, что-нибудь этакое, раздвигающее границы здравого смысла.

Так как ничего такого-этакого каждой по отдельности светлой голове на ум не приходило, то, соблюдая добрую традицию, решили они пораскинуть мозгами коллегиально. Собрались с утречка в кабинете самого уважаемого отца города и повели деловой, конструктивный разговор.

— Прежде всего, — сказал во вступительном слове председательствующий, — давайте без паники. Быть такого не может, чтобы у нас не нашлось ничего достойного, что следует записать в актив. Помнится, кое-кто из присутствующих публично заверял, что он всей душой за перестройку и вот-вот внесет весомый вклад. Позволю себе спросить: где эти вклады?

— Тайна вклада у нас охраняется государством, — зардевшись, пролепетал начальник коммунальной службы Б. Спиносов, на котором случайно остановил свой взор председательствующий. — Но если это так важно в свете рассматриваемой нами проблемы, то могу сообщить, что лично я свои весомые вклады вношу в сберкассу № 5843/0971, которая рядом с рынком.

— Речь идет совсем о других вкладах, — внес ясность самый уважаемый отец города. — Я спрашиваю, какие конкретно мероприятия мы можем записать в свой актив?

— А-а, — огорченно протянул главный коммунальник Обрадовска. — В этом плане похвастаться пока нечем. Вот если только оформить как достижение систематические перебои в теплоснабжении? По самым скромным подсчетам, за зимний период они позволят нам сэкономить полтора миллиона киловатт-часов элек-

троэнергии, ведь рачительные обрадовцы на это время отключают холодильники.

— Экономией, братцы, никого не удивишь,— рассудительно заметил председательствующий.— Она испокон веку стоит на повестке дня. А нам надо продемонстрировать что-нибудь совершенно новое, чтобы любому проверяющему стало ясно: вот оно, наглядное свидетельство желаемых перемен. Может, агропром нас чем порадует?

— Отчего ж не порадовать? — расплылся в улыбке главный аграрий района Софрон Недородов.— Перемены в нашей системе имеются. Так, в результате совершенствования структуры управления работники аппарата Обрадовского РАПО смолотили в нынешнем году хлеба на 300 центнеров больше, чем в предыдущем. Из них ржаного — на 50, обдирного — на 75 и батонов из импортной муки — на 175 центнеров. И в психологическом плане мы, можно сказать, уже перестроились. Если раньше плохой урожай завсегда объясняли плохой погодой, то теперича объясняем и хорошей.

— Это вы молодцы, что за правду стали держаться,— растроганно произнес председательствующий, но после короткого раздумья снова поскучнел.— Батоны, конечно, момент прогрессивный, но, боюсь, для иллюстрации смелого поиска и творческого дерзания они не совсем соответствуют. Тут бы надо, образно говоря, что-нибудь попикантней.

— Может, наша новация подойдет? — робко спросил директор пищевого комбината Н. Худяков.— Мы в скором времени намечаем освоить выпуск нового сорта пельменей «Сибирский сюрприз». Отталкиваемся в своем поиске от народной традиции. В Сибири, когда это кушанье готовят, обязательно один пельмень делают «счастливым» — вместо мясной начинки кладут пуговицу. Вот мыслим так поставить дело, чтобы в каждой пачке были сплошь «счастливые» пельмени. Однако смежники подводят. С фурнитурой, сами знаете, очень напряженно...

Увы, и другие участники совещания не смогли похвастаться сколь-нибудь заметными достижениями на ниве перестройки. Пытался было поэт Гермоген Новодевичий выдать за откровение свою новую поэму в прозе «Живые человеческие факторы», которая начиналась актуальными словами: «Эх, перестройка! Птица пере-

стройка, кто тебя выдумал...»,— но подавляющее большинство сочло сей опус идеологически скороспелым.

Пригорюнились светлые обрадовские головы: времени прошло эвон сколько, а в славном райцентре, получается, не сделано никакого поворота. Ох, несдобровать, случись какая ревизия!

И тут в который уже раз осенило крупного районного мыслителя Василия Суслопарова.

— Сограждане! — горячо воскликнул он.— Из-за чего, собственно, сыр-бор мы тут разжигаем?! Ведь стоит только методологически правильно подойти к проблеме, и сразу станет ясно, что дела у нас в полном ажуре. Вот некоторые, прямо скажу, паникеры говорят, что не видно-де никакого поворота. Это как посмотреть! Я лично со всей ответственностью заявляю: поворот мы сделали. И поворот крутой. На все 360 градусов! Так и надо объяснять, буде кто поинтересуется, как у нас дела с перестройкой.

На том и порешили.

У НАС В ОБРАДОВСКЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мир тесен. В этом я лично имел возможность убедиться, когда буквально на второй же день своего пребывания в городе Обрадовске познакомился с Петром Ивановичем Неустроевым. Он оказался родным сыном бывшего моего соседа по лестничной площадке Ивана Петровича Неустроева, чьи мемуары, как уже знает читатель, волею их автора были переданы в полное мое распоряжение. Не скажу, чтобы с Петром Ивановичем установились у нас очень уж близкие отношения, более того, не раз он позволял себе делать критические замечания по поводу моих репортажей о кипучей деятельности светлых умов славного райцентра. «Вам, заезжим обозревателям,— как-то не без ехидства сказал он,— конечно, виднее, что по чем, но не все нюансы сможете вы уловить при всем вашем даже великом желании. Потому как на обрадовскую быстротекущую жизнь смотрите, так сказать, со стороны, а мы, в данном случае ваш покорный слуга, проживаем ее совместно со своими героями». В другой раз выразился он еще определеннее: «Нет, коллега, образ Василия Ивановича Суслопарова получился в вашей последней корреспонденции весьма схематичным. А ведь это ж такой самобытный ум! Вот, погодите, соберусь с духом и утру вам нос!»

Свою угрозу Петр Иванович сдержал. Когда срок моей затянувшейся командировки закончился и я с легкой грустью на душе покидал славный райцентр, на вокзале при посадке в купейный вагон пассажирского поезда, долженствующего увезти меня в столицу, он вручил мне банку соленых груздей собственного приготовления и неказистую канцелярскую папку, к кото-

рой была приколота записка: «Дорогой коллега! Надеюсь на Ваше благожелательное прочтение сего труда. Если оно окажется таковым, то распоряжайтесь им (моим трудом) по собственному усмотрению. Даже можете его издать. Хотя, должен оговориться, перед Вами лишь незначительная часть замысленного. Буде возможному читателю понравятся мои бесхитростные заметы, сообщите, и я с готовностью продолжу их. Заранее благодарный Неустроев».

Уже в вагоне под мерный перестук колес я прочитал повесть Петра Ивановича и при некотором внутреннем несогласии с авторской оценкой отдельных лиц и событий, все же решил предложить ее вниманию читателей. При нынешнем буме мемуарной литературы, возможно, и нижеследующий опус будет проглочен без нежелательных последствий.

В. Егоров

Обрадовск — Москва,
декабрь 1987 года

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ, НАПИСАННАЯ ИХ ОЧЕВИДЦЕМ П. И. НЕУСТРОЕВЫМ

ГЛАВА I

Серый хищник подает голос. Истоки доброй традиции. Слухам надо верить. Чему учат в университетах. Одобрительные аплодисменты. Наши современницы умеют работать красиво. Читатель начинает сомневаться

Минувшим летом произошел в нашем городе один в общем-то незначительный биологический казус, а именно: с наступлением июльского полнолуния, когда диск естественного спутника Земли и очертаниями, и скорбно снисходительной ухмылкой своей приобрел окончательное сходство с физиономией заведующего плодоовощной базой Никодима Ивановича Капустьянца, в городском парке имени Степана Разина стал выть волк. Истины ради надо признать, что выл он не философически мудро, как у Чингиза Айтматова, а довольно примитивно, на одной ноте, хотя и звучно, но с какими-

то гнусными подхалимскими интонациями, более приличествующими работнику среднего звена административно-управленческого аппарата, нежели хищнику, которому природа назначила быть твердым и последовательным во взглядах на жизнь, пусть кому-то и представляются они ошибочными. И что еще огорчительнее, когда я услышал этот вой, то показался он мне удивительно сродни вокализам, исполнявшимся в не столь давние времена близким моим знакомцем Ванюшей Онучиным, бывшим референтом бывшего нашего мэра Василия Даниловича Гамова, на служебных пикниках, в которых и я пару раз сподобился принять участие.

Добрая народная традиция потчевать уважаемых гостей из центра не в чопорной обстановке банкетного зала, а на лоне природы, в укромном уголке заповедной дубравы, что начинается в пятнадцати километрах от Обрадовска и тянется широкой полосой вдоль правого крутого бережка полноводной и быстроструйной Обрадовки почти до самой границы района, зародилась, как недавно установил местный краевед и историограф Эдуард Каллистратович Утлогузов, в период Смутного времени. Тогда в Обрадовск зачастили посланцы от разных Лжедмитриев, и, чувствуя нутром, что лица, чьи интересы представляют оные визитеры, обыкновенные самозванцы, но в то же время не желая попасть впросак, буде кто-нибудь из них усядется-таки на трон, предусмотрительные наши предки стали устраивать совместные с ними трапезы подале от любопытных глаз, дабы избежать нежелательной огласки и злоязычия со стороны рядовых смердов, слабо разбирающихся в тонкостях дипломатического этикета. С годами ритуал хлебания ушицы без всяких там церемоний — «расстелем персидский ковер (с конца сороковых годов нынешнего столетия — брезент) на травушке-муравушке и закусим чем бог (в новейшие времена — райпотребсоюз) послал» — доведен был до совершенства, и только благодаря ему планы взимания податей (в девятой — одиннадцатой пятилетках — производства товаров широкого потребления) корректировались сверху всегда в сторону уменьшения. Впрочем, призывно манящая дымком от костра «уха по-обрадовски» (случалось, и стерляжья!) еще не раз будет помянута в моем повествовании, так что, пожалуй, не стоит сейчас отвлекать на нее внима-

ние терпеливого читателя. Вернемся к серому хищнику.

Итак, с раннего утра — как сейчас помню, дело было в субботу, 26 июля,— по славному райцентру поползли слухи, будто в городе объявился волк. Правда, видеть его никто не видел, но вот волчий вой явственно слышали не менее полутора десятков горожан, по разным причинам бодрствовавших в полуночное время. Не знаю, как у вас, а в Обрадовске принято верить слухам. Наверное, потому, что какими бы несуразными они подчас ни казались, тем не менее оправдывались абсолютно всегда. Да вот взять хотя бы, к примеру, недавний слух о снижении цен на бельевые прищепки. Им и так грош цена, однако вдруг ни с того ни с сего по всем очередям прокатился доверительный шепот: «Вы прищепки-то не покупайте, с первого марта подешевеют на сорок процентов». И действительно ведь подешевели. Ну не на сорок процентов, а на двенадцать, и не все виды, а только деревянные, уже снятые с производства, но, по сути, народная информация оказалась вполне достоверной.

Еще пример. Уж совсем чепуховыми, абсурдными даже казались многим разговоры о том, что решено срыть шестой обрадовский холм, самый высокий из семи, а потому, очевидно, и прозванный Великой горкой.

— Чего люди мелют? — укоризненно вздыхали эти многие.— Знамо, язык без костей. Кому такая глупость может в голову взбрести, чтобы просто так, за здорово живешь срыть целый холм? Никаких полезных ископаемых в нем не содержится, а ценность он представляет как раз в своем натуральном виде — и историческую, ибо именно здесь обосновались поначалу первобытные наши предки, и архитектурную — как основной градообразующий ландшафтный элемент. Нет, что-то вы загнули, батенька!

— Поживем — увидим! — лукаво улыбался «батенька».— Я, знаете, сам ушам своим не поверил, когда такое услышал. Но информацию получил из очень надежного источника. Племяш мой намедни чинил сливной бачок на третьем этаже горисполкома, там, где самые компетентные лица обретаются, и они при нем, не таясь, обсуждали, как половчее нашу Великую горку сровнять с землей. Какому-то шибко большому начальнику она не глянулась.

А и точно. Проплывал по долгу службы мимо наше-

го города один Достаточно Ответственный Товарищ. (Кстати, почему ответственных товарищей называют ответственными, если их не принято привлекать к ответственности?) Ну, естественно, помощник или, может, специально выделенный экскурсовод давал ему пояснения, какие такие достопримечательности находятся на берегах Обрадовки. Можно предположить, что про Обрадовск доложил он примерно следующее: «Районный центр Обрадовск, основанный по преданию легендарным Чурилой Пленковичем, привольно раскинулся на семи холмах...»

— А ну-ка, мы их сейчас пересчитаем,— шутки ради сказал Достаточно Ответственный товарищ и начал загибать пальцы. Насчиталось только шесть. Укоризненно посмотрел Достаточно Ответственный товарищ на экскурсовода: как же, мол, так, молодой человек, вы людей в заблуждение вводите?

Сконфузился экскурсовод, вытащил из портфельчика путеводитель, открыл нужную страницу — там про семь холмов написано.

— Может,— говорит,— когда вы пальцы загибали, один пальчик у вас нечаянно отогнулся?

— Ну, уж раз дело пошло на принцип,— осерчал Достаточно Ответственный товарищ,— давай, капитан, задний ход, мы их снова пересчитаем. И прошу всех присутствующих принять участие в установлении реального количества холмов этого — как его? — Обрадовска.

Дали задний ход, потом медленно поплыли в прежнем направлении. Столпились все на палубе, зорко оглядывают панораму города, холмы считают. Раз... два... три... На шести остановились, ни у кого семи не набралось.

— Чему вас только в университетах учат! — насмешливо глянул на вконец стушевавшегося экскурсовода Достаточно Ответственный товарищ.

Видно, обидная эта реплика задела за живое экскурсовода, припомнил он, чему его в университетах учили, и хлопнул себя по лбу:

— Извините, товарищ Ответственный товарищ, действительно запамятовал: если глядеть на Обрадовск с середины реки, то видится только шесть холмов, потому как седьмой, низкорослый, располагается аккурат позади предыдущего, шестого.

Внимательно выслушал это сообщение Достаточно

Ответственный товарищ, задумался глубоко и наставительно изрек:

— Не дело это. Реальность всегда должна находиться в строгом соответствии с документами. Раз холмов обозначено семь, то седьмой обязательно должен быть виден. А если его какой другой загораживает, кто обрадовцам мешает срыть этот другой? Правильно я говорю?

Тут, конечно, раздались одобрительные аплодисменты.

Через некоторое время казус с обрадовскими холмами обнародован был на межобластном симпозиуме по борьбе с приписками, ну и, сами понимаете, судьба Великой горки оказалась предрешена...

И чтобы уж окончательно покончить с этой, по правде говоря, мелковатой, не имеющей большого общественного звучания темой о слухах, расскажу в заключение такой эпизод.

О снятии с поста того же Василия Даниловича Гамова куда как задолго стали поговаривать. Ни одного вроде даже облачка, не то что тучки, на его служебном небосклоне тогда не просматривалось. Тем не менее сбылся прогноз, поначалу никак не укладывавшийся в голове. Рухнул Василий Данилович, что называется в одночасье.

Как всегда свежевыбритый, благоухающий заграничным лосьоном «Spartacus», бодрым пружинистым шагом вышел он ровно в восемь тридцать из своего подъезда и протянул руку, чтобы открыть дверцу персональной «Волги». (Надо отметить, наш бывший мэр отличался демократизмом в общении с нижестоящими и категорически запретил своему шоферу оказывать эту немудрящую услугу, чем, кстати, весьма обидел доброго малого.) Так вот, протянул он руку да так и застыл с протянутой рукой: машины не было. Недоуменно повел Василий Данилович очами по сторонам, но и там она не обнаружилась. Тугие розовые щеки товарища Гамова вспыхнули багровым румянцем от справедливого негодования. Еще бы, нарушался главный принцип, им исповедуемый.

— Первопричина наблюдающейся разболтанности районного хозяйственного механизма,— любил повторять он назидательно и с трибуны и в ходе доверительных бесед,— кроется именно в низкой исполнительской

дисциплине и отсутствии пунктуальности при осуществлении элементарных служебных функций. Какими бы прекрасными производительными силами мы ни располагали, но если человеческий фактор позволяет себе опаздывать к станку или отвлекаться в процессе производственной деятельности на совершение известных злоупотреблений, вряд ли в такой ситуации можно рассчитывать на то, что сегодня будет лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня...

Уже пять минут простоял недвижно Василий Данилович на крыльце, а машины все не было. Перебрав все оттенки первой части спектра от розового до кумачового его пышущее гневом лицо готово уже было приняться испускать инфракрасное излучение, но тут за углом дома послышался лихой посвист метлы, затем показалась она сама, а через мгновение и ловко управляющая ею дворничиха Екатерина Петровна, которую мэр в силу присущего ему демократизма по-простецки звал тетей Машей.

Производя своим примитивным орудием труда поистине реактивные движения, дворничиха стремительно приближалась к крыльцу. «Умеют же красиво работать наши современницы!» — несмотря на душивший его гнев, невольно отметил про себя товарищ Гамов, и взор его потеплел. Но тут жесткая метла шваркнула по его начищенным до блеска ботинкам, и тетя Маша неожиданно грубым голосом гаркнула:

— Чаво расстоялись тут? Аль не видите — мету?!

— Я... я...— только и успел пробормотать ошарашенный мэр, как тетя Маша перебила его язвительно:

— Чай, не слепая, вижу, что вы. Кто же еще пеньком стоять будет, не пошевелится, когда чистоту для вас же, охламонов, наводят?

— Ну, знаете! — начал приходить в себя Василий Данилович.— Вы что это, тетя Маша, себе позволяете? Уж не в алкогольном ли вы опьянении?

— Трезва я, касатик, трезва,— ехидно пропела дворничиха.— А вот вы, видать, с утра накачались. Ишь одеколонищем как разит! Людей не узнаете. Какая я вам тетя Маша, когда я уж шестьдесят шестой годок Екатерина Петровна. Работающая, между прочим, ветеранка труда, почти что мать-героиня. А вот с вами, голубок, еще надо разобраться...

— Да как вы смеете таким недопустимым тоном со мной разговаривать! — повысил голос Василий Данилович, стыдясь, что обстоятельства вынуждают его изменить той доверительной манере, в которой он взял себе за правило вести беседу с рядовыми избирателями.

— А вот и смею! — нахально ухмыльнулась тетя Маша, так непредвиденно для Василия Даниловича оказавшаяся Екатериной Петровной.— Потому как не оправдали вы, товарищ Гамов, доверия трудящихся, не сумели сберечь в чистоте звание народного избранника. Вот мы и порешили отозвать вас с высокого поста. Чтоб без толку, значит, не протирали штанов в руководящем кресле. Сообчение об этом по радиво в шесть утра сделали, да вы небось еще почивать изволили. Ну, ничаво, в газетке тоже пропечатают...

Допускаю, что здесь возможный читатель моих Записок недоверчиво покрутит головой:

— Эка загнул автор! Да ни в жизнь не поверю, чтоб простая дворничиха позволила себе по-хамски разговаривать с мэром, пусть даже и бывшим. Во-первых, она — женщина, значит, создание нежное и деликатное. Во-вторых, чего это она так разошлась, если и раньше, согласно руководящим рекомендациям, имела полное право высказать любому должностному лицу все, что думает о негодном стиле его работы? Так что совсем необязательно было ей ждать, пока В. Д. Гамова снимут с высокого поста. И, наконец, очень сильно сомневаюсь, что сам мэр, как утверждает автор, ничегошеньки не знал о готовящейся отставке.

Ну не скажите! Всякое бывает в жизни, и эпизод с дворничихой мною ничуть не выдуман. Чтобы развеять малейшие сомнения в его достоверности, сообщаю, что его не единожды воспроизводил сам Василий Данилович Гамов после завершения игры в лото, которой он самозабвенно предавался, выйдя на заслуженный отдых, в компании бывших своих сподвижников. Когда кто-нибудь не отпускался из дома сварливой супругой, место отсутствующего дозволялось занять мне. А дословно запоминать все говоренное — это, уж извините, моя профессиональная привычка.

Если вышеприведенный довод не убедил тебя, читатель, постараюсь в следующей главе опровергнуть твои возражения по пунктам.

ГЛАВА II

К вопросу о трепетных созданиях. Простор для здоровой критики. Не надо спорить с автором. Какой импульс лучше? Без ложной скромности. Посланец центра расслабляет ремешок. Манящий вой меньшого брата

Итак, сначала насчет нежных и деликатных созданий. Да, женщины и у нас в Обрадовске именно такие. Более того, они еще и возвышенные, очаровательные, трепетные, легкоранимые, мятущиеся натуры, что, однако, не мешает некоторым из них (да что там некоторым — абсолютно всем!) быть иногда сущими каракатицами. «Взять мою Катерину,— недоуменно разводил руками супруг той же дворничихи Леонтий Михеевич, прозванный за многодетность Папой Римским,— грех жаловаться, баба она по натуре добрая, но уж шибко чувствительная. Чуток ослаблю к ней сексуальное внимание, становится агрессивной, ну что твой Эйзенхауэр!» (Естественно, фамилии американских президентов Леонтий Михеевич с годами заменял.)

Теперь по поводу свободы критики. Этим правом обрадовцы тоже не обделены. Только воспитанные на поучительных прецедентах, они мужественно подвергают остракизму исключительно лиц, уже сошедших с исторической сцены, а вот деяния сиюминутных начальников неизменно вызывают у них умиление. Случается, иной веселого нрава администратор даже специально какую-нибудь глупость сморозит, а все равно раздается окрест восхищенный возглас: «Ваше последнее откровение восприняли всем сердцем. Единодушно и горячо поддерживаем, одобряем и обязуемся!» Улыбнется сначала весельчак администратор: «Ишь ты, здорово я их, простаков, разыграл!» А потом, услышавши, как этот возглас целую неделю повторяют и старые и малые, да с выражением, от души, задумается и вдруг, к вящему своему изумлению, обнаружит, что вовсе и не глупость он сморозил, но высказал суждение весьма здравое, при некотором же снисхождении и вовсе мудрое. Правда, на новом историческом витке, когда действующие лица поменяются и начнет функционировать диалектический закон «отрицания отрицания», все равно выяснится,

что глупость, она и есть глупость, из каких бы уст ни вылетела. Вот тогда — и только тогда! — открывается широчайший простор для здоровой ядреной критики.

И последний контраргумент: по поводу якобы неправдоподобной ситуации, когда снимаемый с высокого поста ни сном ни духом не ведает, что его участь решена, и узнает о своем служебном низвержении, как говорится, post factum. Так вот, не знаю, как у вас, а у нас в Обрадовске именно так все и происходит. И объясняется это исключительно гуманизмом вышестоящего начальства. Я лично этот гуманизм приветствую. Ну, посудите сами, что лучше? Еще, скажем, за месяц получить уведомление о грядущей потере номенклатурной должности и, значит, все это время, ежедневно и еженощно страдать, томиться, негодовать, мучиться угрызениями совести, кусать себе локти — да это с ума сойти можно! Или: утречком в хорошем настроении зайти в свой служебный кабинет, не обратив внимания на скорбное выражение лица всегда приветливой секретарши, и увидеть за своим столом, где каждый карандашик известен до последней грани, совсем незнакомого тебе человека, который, состроив чуть жалостливую улыбку, вежливо попросит у тебя ключи от сейфа, потому как с сегодняшнего дня этот ответственный участок работы поручено вести ему. Ну, тут, конечно, легкий шок неизбежен, но только и всего.

Нет, уважаемый читатель, с автором лучше не спорить. Но все-таки, чтобы быть до конца объективным, признаюсь: в эпизоде с дворничихой я действительно несколько изменил правде жизни, заставив бедную Екатерину Петровну изъясняться покалеченным русским языком. Однако к этому побудили меня суровые правила хорошего литературного тона. Если в современном произведении появляется пожилая, а тем более старая женщина, представительница какой-нибудь массовой профессии, как-то: колхозница, ткачиха, бульдозеристка, шпалоподбойщица, ну и тем более дворничиха,— она просто обязана иметь в своем лексиконе слова «энтот», «радиво», «сообчение» и еще нежно любимое всеми прозаиками отглагольное существительное «сумление»...

Косноязычно (теперь понятно, почему), без надлежащих официальных формулировок изложила дворничиха Василию Даниловичу сообщение о его отставке, но

он сразу поверил ей. «Любят обрадовцы низвергать кумиров, которых сами же с любовью сотворяют!» — с горькой укоризной подумал мэр, теперь уже бывший, и взор его невольно затуманился. Он вынул платочек из нагрудного кармана и аккуратно промокнул им уголки глаз. И камень растаял бы, наблюдая за этими трогательными действиями еще вчера гордого в осознании великой своей значимости администратора, можно сказать, властителя бытовых и жилищно-коммунальных дум населения целого города. Вот и у дворничихи легким минорным перезвоном отозвались добрые струны души, и, шмыгнув пару раз носом, она заговорила снова своим прежним, не без приятности, голосом:

— Да вы не шибко-то печалуйтесь, Василий Данилович. Подумать только, энто какой же груз агромадный вы на своих плечах тащили. Помяните мое слово, теперича, когда его сбросили, только настоящая жизнь у вас и начинается. Пенсию вам определят достаточную. Тут не может быть никакого сумления. Детишек вы уже пристроили. Сиди себе на скамеечке да семечки лузгай. (Здесь Василия Даниловича слегка передернуло.) А то, когда вечер теплый, как хорошо в лото поиграть! Да и потом, я вам скажу, у нас в Обрадовске на вашем посту никто своей смертью не помирал. Всех сымали. Бывалыча, страшно вспомнить, все с треском, да каким! А вас-то потихому отстранили, разве что по радиво оглашение сделали. Но не обидное, без всяких там разъяснений про ваши художества. Просто коротенько так сказали, что, мол, освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию по личной просьбе с учетом мнения избирателей...

При этих словах Василий Данилович вдруг почувствовал, что из него будто какой-то пар выходит.

«Неужели прав был Суслопаров?» — с тоской подумал он и судорожно защемил ноздри большим и указательным пальцами левой руки, а ладонью правой плотно зажал рот. Тщетно! Неведомый пар заструился из ушей. Холодея от догадки, что свершается непоправимое, Василий Данилович явственно ощущал, как его персона претерпевает весьма нежелательные и обидные превращения: тело теряет упругость, обмякает, а голова наливается тяжестью простых неуказующих мыслей.

«Эй, кто там наверху! — мысленно возопил он, задирая голову.— Не дай иссякнуть до конца!»

Но, видно, страстная эта мольба не была услышана: таинственное испарение продолжалось еще с минуту, до тех пор, пока Гамов не почувствовал, что и испаряться-то больше нечему. Лишь в районе селезенки вроде бы застрял крохотный сгусток летучей субстанции.

«И на том спасибо!» — горько вздохнул Василий Данилович и разжал начинающий уже наливаться баклажанной синевой нос.

Нет, проницательный читатель, ты ошибаешься! Автор отнюдь не намерен отдавать дань чертовщине и мистике, без которых не обходится ныне ни один уважающий себя писатель-реалист. Все обстоит гораздо проще. Впрочем, чтобы ты до конца понял суть перемен, испытанных Василием Даниловичем Гамовым при известии о снятии его с высокого поста, мне придется сделать еще одно отступление и хотя бы вкратце ознакомить тебя со взглядами на интересующий нас предмет В. И. Суслопарова, который в тот трагический момент совсем не случайно вспомнился бывшему мэру.

Тезка и один из ближайших сподвижников Гамова, теперь уже тоже бывший начальник районного управления внутренней культуры населения Василий Иванович Суслопаров, слыл в нашем городе большим философом. Это его перу принадлежала нашумевшая в свое время брошюра «Некоторые методологические замечания к вопросу о минимально допустимом количестве граней в гармонически развитой личности», в которой он довольно-таки убедительно доказывал, что оных граней у нормального индивида может наличествовать всего две, конкретно же: неуемная тяга к повышению производительности труда и изначальная потребность скандировать.

В ходе уже упоминавшихся служебных пикников, когда наступала пауза, вызванная необходимостью предаться блаженной истоме после отведывания ухи по-обрадовски, наш мыслитель любил потолковать о вещах возвышенных, эфемерных, не поддающихся грубому осязанию. В частности, мне довелось слышать его рассуждения о том, надо ли общественной мысли биться ключом или достаточно ей просто дерзать, какой импульс лучше — творческий или новый мощный, где кончаются нравственные начала и начинается духовное благосостояние. Но, что, конечно, понятно и извинительно, все свои философствования Суслопаров неизменно

сводил к разговору о некоей, открытой лично им администраторской субстанции, которая только одна и отличает начальствующий состав от подчиненных.

— Будучи воинствующим материалистом,— не совсем внятно начинал он, дохрустывая севрюжий хрящик,— я предпочитаю термин «субстанция», хотя для простоты изложения вполне приемлемо и бытовое расхожее понятие «администраторский дух». Так вот, если человек обделен им, ему никогда не занять даже самого маленького руководящего кресла. И ведь народ — шапку перед ним надо снять! — это давно подметил. «Ишь надулся!» — говаривал русский мужичок в эпоху крепостного права о старосте, или бурмистре, или еще каком выдвиженце. Вслушайтесь: на-дул-ся! — Василий многозначительно поднимал указательный палец.— Значит, вдохнул что-то и как бы задержал дыхание. А теперь, товарищи, давайте без ложной скромности посмотрим на самих себя. Все мы люди разные, кого, как говорится, бог наградил умственными способностями, кого — какими другими, случается у иного администратора и вообще никаких свойств и качеств не видно, а тем не менее каждый, согласитесь, чувствует себя приподнятым в глазах окружающих. И приподнимает его этот самый администраторский дух. Так как он придает легкость, то можно предположить, что это какая-то газообразная субстанция, смесь, скажем, гремучего газа с сероводородом, а может, и вообще пока еще неизвестный элемент системы Менделеева. Впрочем, не собираюсь отбивать хлеб у физиков и химиков, ведь наше, философов, поле деятельности — сфера чистого разума...

— Гм, весьма любопытная теория,— улыбался очередной представитель центра.— У нас в столице мыслителей, кажется, хоть отбавляй, и деньги государство им платит немалые, а вот до такого еще никто не додумался. И ведь есть резон в ваших рассуждениях, право же, есть...

— Товарищ Суслопаров у нас вообще горазд на идеологические придумки,— подавал тут реплику Василий Данилович.— Вот вы давеча, Александр Ильич, одобрительно отозвались о нашем почине «Каждому коллективу — надлежащий микроклимат!». Так это тоже идея Василия.

— Да, с микроклиматом у вас действительно занятно получается,— благосклонно кивал головой Александр

Ильич.— Но, знаете, эта теорийка насчет администраторского духа очень и очень заманчива. Только вот, уважаемый товарищ философ.— Тут следовала снисходящая, но с оттенком язвительности, улыбка в сторону Суслопарова.— Замыкаться в сфере чистого разума в наше динамичное время непозволительно. В свете последних указаний, теория без практики — это некоторым образом витание в облаках, и нашей философской мысли давно пора спуститься на грешную землю...

— Он спустится, Александр Ильич, обязательно спустится,— стремительно вступал в разговор мэр, видя, что высокий гость вроде бы начинает выражать неудовольствие. Кто его знает, может, в студенческие годы какой-нибудь философ оскорбил его действием или на свой счет принял он, по правде сказать, не совсем корректное высказывание Суслопарова об абсолютном отсутствии у иных администраторов каких бы то ни было способностей, только от греха подальше, справедливо рассуждал Василий Данилович, надо срочно «менять пластинку». И он призывно хлопал в ладоши.— Как там, Никодим Иванович, шашлычок готов у нас?

— Всенепременно! — отзывался лирическим тенорком уже знакомый нам Капустьянц, непременный участник всех неофициальных вылазок на лоно природы.

— Как, еще и шашлычок?! — постанывал высокий гость. Но постанывал как-то расслабленно и обреченно, понимая, что от судьбы, как говорится, не уйдешь и придется претерпеть, дабы не обидеть радушных хозяев.

— Да вы не беспокойтесь,— успокаивал Василий Данилович.— Шашлык товарищ Капустьянц готовит по рецептам своих предков, и получается он вроде той воздушной субстанции, о которой Суслопаров только что вам докладывал. Сам растает во рту, и не заметите. А для удобства пищеварения — компания у нас мужская, стесняться некого — ремешочек лучше расслабить.

— Уж если так, можно рискнуть,— покорно вздыхал посланец центра и расслаблял ремешок, одновременно стараясь расстегнуть и верхнюю брючную пуговку, потому как предчувствовал, что одним шампуром тут не обойтись...

Конечно, шашлык в исполнении Никодима Ивановича Капустьянца заслуживает более подробного описания, как, впрочем, и уха по-обрадовски. Автор даже знает рецепты этих аппетитнейших блюд и посвящен

в секреты их приготовления. Однако не затем взялся он за перо, чтобы утереть нос Похлебкину, им движут совсем другие помыслы, определить которые предоставим право въедливым критикам. А сейчас позвольте завершить эпизод, долженствовавший, как, надеюсь, помнит читатель, лишний раз подтвердить, что дыма без огня не бывает и к слухам надо относиться с уважением, какими бы нелепыми они нам порой ни казались.

...Видя, как на глазах у нее теряет монументальность, тускнеет, скукоживается еще пять минут назад величественный мэр, дворничиха огорченно всплеснула руками:

— Ах ты, господи, прости меня грешную. Не думала я, старая, не ведала, что так шибко вы, Василь Данилович, напужаетесь. По глупому своему соображению, уверена была, что вы уж, поди, давно подготовлены к этой судебной превратности. (В скобках замечу, что ни до какого суда, как о том мечтали некоторые пылкие и легкомысленные обрадовцы, дело с бывшим нашим мэром не дошло. Просто Екатерина Петровна в силу необходимости соответствовать речевой характеристике, навязанной ей автором, говорит так о превратности судьбы.) Слухи-то про вас, считай, с год как ходят.

Да, если уж слухи о снятии самого Гамова, как мы знаем, полностью подтвердились, то надо ли удивляться, что изустное сообщение о волке, обосновавшемся чуть ли не в самом центре Обрадовска, большинством населения нашего города сразу же было принято на веру без сомнений и колебаний. Ну, а уж когда в «Вечернем звоне» появилась заметка Э. Утлогузова «Здравствуй, санитар леса!», тут даже записные скептики прикусили языки. Пытливый краевед установил, что последний раз присутствие волков в нашем районе зафиксировано было в начале тридцатых годов, а в пределах городской черты они вообще никогда не появлялись за всю тысячелетнюю историю Обрадовска. Иначе такой факт обязательно бы нашел отражение в летописях и уж подавно в произведениях фольклора, которые сплошь и рядом откликаются и на куда менее значительные события. «Коли народ счел нужным сохранить в своей исторической памяти,— патетически восклицал Утлогузов,— такую пустяковину, как топор, некогда проплывший по Обрадовке из города Чугуева, то о забредшем в населенный

пункт диком, но тем не менее меньшом нашем брате он непременно поведал бы в былинах, песнях, сказах!» Заканчивался же газетный этюд страстным призывом: «Горожанин! Продли сегодня бодрствование свое и дождись, когда над мирными крышами нашего славного райцентра проплывет в полночной тишине этот манящий, загадочный звук «о-у-у-у!». Какие чувства, какие мысли разбудит он в твоей душе? Отрадно, если это будут мысли о единении с родной природой, о необходимости сохранения в ней экологического равновесия...»

ГЛАВА III

«А ты не хочешь высказаться?» Коварный удар сапогом. О культуре дискуссий. Любимое блюдо Жозефа Луи Гей-Люссака. Опора на творческие кадры. Народ у нас отзывчивый. Папа Римский посрамлен

Забегая вперед, скажу, что с санитаром леса оказалось не все так романтично, как живописал наш неистовый радетель экологического единения. К слову сказать, Эдуарда Каллистратовича заносило весьма частенько, а посему после его публикаций приходилось на страницах «Вечернего звона» помещать читательские отклики pro и contra, которые ответственный секретарь редакции Анатолий Карпович Бескорыстных, неустанно пекущийся о том, как бы похитрее завлечь недоверчивого подписчика, снабжал интригующими рубриками: «Хочу поспорить», «А у меня другое мнение», «Рассудите нас, люди!», «Ищем истину», «Читатель одобряет, сомневается, негодует», «А ты не хочешь высказаться?», «Параметры гласности». Впрочем, последний плод напряженного журналистского поиска нерадивым наборщиком был переиначен в «Периметры гласности», в каковом виде и закрепился в газете, так как появление новой актуальной рубрики было сразу же замечено и благосклонно одобрено самим Василием Даниловичем Гамовым. Когда же референт Ванюша Онучин робко, но не без ехидства, намекнул мэру, что в «Вечернем звоне», наверное, имели в виду все-таки не периметры, а параметры, Василий Данилович со свойственным ему демократизмом рассудительно заключил: «А не один ли хрен?»

Не знаю, согласится ли со мной читатель, но сейчас, пожалуй, самое время вспомнить о том, какой накал страстей вызвал в прошлом году совершенно невинный на первый взгляд фенологический этюд Утлогузова «Росистыми тропами». Повествуя о грибной поре, о «скромных утехах и тихих радостях гриболовов» (Эдуард Каллистратович в своих опусах любил щегольнуть неологизмом), автор в заключение между прочим посетовал, что «иной обрадовец за доблесть почитает с высокомерной ухмылкой обрушить сапог на доверчивое создание природы — мухомор, который в отличие от большинства своих лесных собратьев не прячется от людей, а, напротив, без всякой опаски так и норовит попасться нам на глаза, и яркая окраска его будто молит призывно: «Возьми меня в лукошко, человек-труженик!»

Видно, трогательная эта картина до того распалила краеведа, что он подавил в себе внутреннего цензора и исторг из глубин сознания и души следующие далеко не однозначные строки:

«И на эту немую мольбу следует коварный удар сапогом. Так и хочется крикнуть: «Остановись, занесенная нога! Ты же ничего не знаешь об этом пластинчатом. Ведомо ли тебе, к примеру, что французы всем другим грибам предпочитают именно мухомор? Не только за его нарядный праздничный вид, но и за обилие в нем микроэлементов и витаминов, впитывая которые наливается бодростью ослабший организм. Отринь свою национальную кичливость и задумайся: неужели народ, давший миру Вольтера и Бальзака, Бизе и Дебюсси, Делакруа и Ренуара, Гей-Люссака и Реомюра, Наполеона, наконец, при всем конечно же критическом отношении к этой крупной исторической личности, неужели стал бы этот великий народ употреблять в пищу что-нибудь заведомо несъедобное?!»

Неудивительно, что этот пассаж взбудоражил широкую общественность славного райцентра и она засыпала редакцию «Вечернего звона» письмами-откликами. Причем авторы их заняли диаметрально противоположные позиции — они или горячо одобряли, или гневно негодовали. Сомневающихся не было. Анатолию Карповичу пришлось изрядно попотеть, чтобы привести в удобочитаемый вид выплеснувшиеся на бумагу эмоции обрадовцев равно как восхищенных, так и разъяренных Э. Утлогузовым.

Тут следует отметить, что как раз в это время в наш город вернулась мода на дискуссии. Как и всякая другая, она имеет свойство повторяться через каждые два-три десятка лет. Такой достаточно длинный в масштабах жизни одного поколения перерыв привел к тому, что оное поколение и без дискуссий научилось обходиться вполне прекрасно, а полемические навыки были им порядком подрастеряны, если не сказать, и вовсе утрачены. Судите сами. Так, при попытке возобновить в нашем пединституте лингвистический диспут о сравнительной частотности применения сослагательного и повелительного наклонений, ярый приверженец последнего профессор А. Костоправов, между прочим, человек с интеллигентной бородкой и любимец студенчества, позволил себе выбрать в качестве главного аргумента однотомный словарь С. И. Ожегова, в результате чего его оппонент доцент Е. Приблудович получил сотрясение мозга средней тяжести и две недели вынужден был провести на больничном.

В свете подобного рода фактов пример культуры дискуссий призвана была подать пресса. Однако дело осложнялось еще и тем, что одновременно с возвращением вышеупомянутой моды средства массовой информации получили рекомендацию доносить до своих читателей и слушателей живое слово широких масс в его первозданном виде. Ибо укоренившаяся в иных изданиях пусть и продиктованная благими намерениями сомнительная практика редактировать, приглаживать, припудривать читательские письма сплошь и рядом приводила к шаблонизации и обезличиванию человеческого фактора, который интересен именно своей индивидуальностью, своими неповторимыми личностными качествами.

Насколько удалось Анатолию Бескорыстных выполнить эту сверхзадачу, можно судить по собственноручно подготовленной им подборке откликов на публикацию «Росистыми тропами». Подборка была сопровождена усеченной рубрикой «Читатель одобряет и негодует», небольшим врезом и редакционным комментарием. Заняла она в «Вечернем звоне» добрую половину третьей страницы или, выражаясь языком газетчиков, по́лосы. Право же, подборка заслуживает быть воспроизведенной полностью, но, опасаясь, что в таком случае может потускнеть в глазах придирчивого читателя мой соб-

ственный труд, ограничусь выдержками, судя по которым с достаточной степенью достоверности можно представить, как выглядела в целом эта газетная акция.

ВСЯКИЙ ЛИ ГРИБ КЛАСТЬ В ЛУКОШКО?

Мнения читателей разделились. Спор будет продолжен.

Большой резонанс вызвали опубликованные неделю назад раздумья нашего экологического обозревателя Э. Утлогузова «Росистыми тропами». Мыслями о затронутых газетой проблемах сочли своим гражданским долгом поделиться люди разных возрастов и профессий, разного жизненного опыта. Металлург и врач, комбайнер и повар, видный деятель культуры и скромный директор станции автотехобслуживания, по-разному подходят они к предмету нашей дискуссии, но всех читателей — и это не может не радовать! — объединяет обостренное чувство нового, чувство личной причастности к тем необратимым благотворным переменам, что происходят нынче в Обрадовске, к тому свежему живительному ветру, который выдувает из нашего быта все затхлое, замшелое, морально устаревшее, чуждое нашему образу и подобию. Вчитайтесь в публикуемые ниже бесхитростные человеческие документы и вы увидите: место изъеденных молью обветшавших догм по праву занимает живая пульсирующая мысль. Итак, слово читателям.

Ко времени сказано

...Может, я чего не понимаю, но замечательная статейка Эрика Утлогузова (автор письма, видимо, был очень взволнован, берясь за перо, и слегка спутал имя нашего обозревателя, его зовут Эдуард.— *Прим. ред.)* проняла меня до слез. Очень справедливо расставлены им все акценты, особливо насчет мухомора. Я давешний ваш подписчик, и душа радуется, что на страницах любимой газеты появляются такие острые публицистические статейки. Так держать, «Вечерний звон»!...

Павел Размышляев, ветеран труда

Нас читают в Ленинграде

...Проезжая через г. Обрадовск на международный симпозиум, случайно купил в вокзальном киоске Вашу уважаемую газету, где хорошо знакомый мне по прежним публикациям Э. Утлогузов с большим знанием дела рассмотрел вопрос о мухоморе как таковом. Газета мне очень пригодилась, так как к нашему всеобщему стыду — и пора это признать, как говорится, перед всем миром,— сервис в поездах дальнего следования у нас весьма далек от мировых стандартов...

Лев Прямоуглов-Бедолагин, академик

Ленинград

Убедился на личном опыте

...Сам я родом с цветущей Украины, но считаю себя исконным обрадовцем, потому что здесь нашел свое счастье. Это счастье поначалу трошки омрачала мама моей жены, грубо говоря, теща. Она очень любила критиковать меня и даже повышала голос до крика. Чем бы закончилась моя семейная жизнь, неизвестно, но нашлась в нашей замечательной интернациональной бригаде добрая душа, которая посоветовала подкармливать тещу мухоморами. Их рекомендует принимать в жареном виде «при трясении конечностей, изжогах, тучнотелости, а также для смягчения ндрава» народный целитель Ст. Хрумкин. Подтверждаю: средство очень хорошее. Тещу я начал подкармливать в конце июля, а уже к началу сентября характер у нее стал задумчивый, а голос тихий, и тучнотелость свою она потеряла настолько, что на нее обратил внимание одинокий пенсионер с соседнего подъезда, и она соединила с ним свою судьбу... Напечатайте, пожалуйста, рецепт, как заготовлять мухоморы впрок...

Тарас Х., такелажник

Сильно сомневаюсь

...Ни в жизнь не поверю, что Гей-Люссак употреблял в пищу мухоморы...

Андрей Колотовкин, комиссар студенческого строительного отряда

Доколе?!

...С негодованием прочитала сомнительное произведение небезызвестного Э. Утлогузова в моей любимой газете. Всегда доверяла каждому ее слову, а тут не могу. В который уже раз пытаются подсунуть гражданам нашего славного города тухлые идейки с закордонным запашком. Твист вместо кадрили. Джинсы вместо гигиеничных сарафанов. Пепси-кола вместо кваса. И вот теперь предлагают мухомор вместо боровика. Так и до стриптиза, братцы, недолго дойти.

Ефросинья Дубравина, стрелок военизированной охраны, кормящая мать

Не могу молчать

Уважаемая редакция! Как ваш постоянный автор и почитатель не могу пройти мимо «Росистых троп». Откликаюсь, как всегда, в стихотворной форме. На сей раз родилась басня.

Дед Егор и Мухомор

Басня

Однажды некий Мухомор,
Прикинувшись простым моховиком,
Тайком проник в заветную корзину
И ну бахвалиться: «Да знаете, кто я?
С кем лично я знаком?»
Но тут старик Егор,
Согнув натруженную спину,
Нахала рассмотрел в упор
И вынес справедливый приговор:
«Тобой не стану я кормить даже скотину,
А посему проваливай, злодей,
Освободи местечко для груздей!»

* * *

Мораль у басни сей
Ясна без лишних споров:
На случай аттестации какой
Всегда держи опору
На энергичных творческих людей,
А старых мухоморов
Без разговоров
Гони немедля на покой!

Гермоген Новодевичий, непременный лауреат фестиваля «Обрадовская лира»

От редакции. Как видим, мнения разделились. Кому-то это может и не понравиться. А зря! Ведь именно в споре рождается истина. И пока она не родится, мы намерены продолжить на страницах газеты заинтересованный читательский разговор.

Не правда ли, доверительно-искренней получилась подборка? Но истины ради должен сообщить, что парочка «человеческих документов» все-таки была сочинена от первой до последней строки самим Анатолием Бескорыстных. В частности, письмо академика. Очень уж хотелось ответственному секретарю украсить дискуссию каким-нибудь именем всесоюзного звучания. Человеку, не знающему тонкостей газетной технологии, поступок видного журналиста может показаться предосудительным, однако на самом деле ничего зазорного в нем не было. Во-первых, Анатолий Карпович практически ничем не рисковал, так как буквально каждый день в центральных и периферийных изданиях появлялись открытые и просто письма на самые разные темы, под которыми одиноко или вкупе с пятком имен местного масштаба красовалась подпись Льва Самсоновича Прямоуглова-Бедолагина. Так что само мировое светило, уже слегка отягченное склерозом, вряд ли могло упомнить, в защиту чего и против кого оно намедни выступало. Во-вторых, текст письма был так ловко скомпилирован ответственным секретарем из недавних выступлений академика, что, собственно, всего лишь три слова в публикации «Вечернего звона» не принадлежали его перу, а имено :«Обрадовск», «Утлогузов» и «мухомор»...

Раз мы уж заговорили об откликах, позволю себе заметить, что каждая уважающая себя редакция районной газеты всегда держит в запасе шесть-семь постоянных «откликал», в любое время готовых «горячо поддержать» или «гневно осудить». Для этих целей, как правило, достаточно располагать всего одним поэтом (если такового нет, сгодится и прозаик, желательно пишущий для детей и юношества), одним инженером-программистом, одной воспитательницей детского дошкольного учреждения и тремя-четырьмя представителями массовых рабочих профессий. В идеале, конечно, «откликалы» должны различаться также по полу и возрасту. Народ у нас отзывчивый, поэтому подобрать авторский актив гораздо проще, чем это может показаться со стороны. Вот с той же Ефросиньей Дубравиной, чья фа-

милия уже добрых два десятка лет регулярно появляется на страницах «Вечернего звона», как дело было.

В году так шестьдесят седьмом тогда еще молодой, но уже подающий надежды литсотрудник Толик Бескорыстных получил задание написать репортаж об открытии нового цеха по производству сибирских пельменей. А заодно поручили ему передать отклик на речь, которую произнес накануне на коллоквиуме сотрудников городского вычислительного центра, начинавший делать первые шаги на славном поприще Василий Данилович Гамов. Приехал Толик на пищекомбинат, быстренько осмотрел «просторный светлый цех, где труд будет в охотку», но представителей массовых рабочих профессий в нем не обнаружил. Огорченные отсутствием на тот момент сырья, они уединились в душевой, где самозабвенно предавались лузганью семечек.

Огорчился было Толик, что редакционное задание может оказаться под угрозой срыва, но тут же вспомнил, что при входе на комбинат смерила его профессионально любопытным взглядом молодая дебелая вахтерша. «А что? — подумал он.— Вахтеры — это ж самая что ни на есть массовая профессия». И решительно направил шаги к проходной.

Ефросинья долго не могла уразуметь, чего от нее хотят, но когда поняла, что никакого обременения ее скромному уму требуемый отклик в газету не принесет, махнула рукой:

— А чего там! Валяйте! Мы своей прессе завсегда доверяем. Вас же специально обучали, как половчее отражать мнение рядового трудящего. Только вы уж постарайтесь, чтобы мои слова шли от сердца, чтобы чувствовалось, что я натуральным образом взволнована и гражданская моя совесть не дозволяет мне помалкивать, когда свершается очередное эпохальное событие. А что касается энтих ЭВМ, то я так кумекаю, что без них ни в жисть не решить тех грандиозных задач, которые поставила перед нашим городским хозяйством научно-техническая революция.

«Лучшей кандидатуры на роль откликалы я не найду!» — обрадованно подумал Толик, но все же решил задать еще несколько тестов на гражданскую сообразительность.

— Ваше отношение к силам зла, воинствующим мракобесам, воротилам большого бизнеса?

— Гневно осуждаю их происки, которые обречены на провал.

— А что вам больше по душе — суровый реализм, воспевающий пафос созидания, или формалистические выкрутасы, смакующие некоторые наши временные упущения?

— Ох, чует сердце, что в энтих выкрутасах, как вы выражаетесь, ничего путного быть не может, одно баловство.

— Так разрешите тогда, уважаемая товарищ Дубравина,— патетически воскликнул Толик,— зачислить вас в наш рабкоровский актив и по мере надобности ваше гражданское отношение к важнейшим событиям общественной жизни отражать на страницах «Вечернего звона» без предварительного с вами согласования?

— Раз надо, я завсегда согласна. Только чтоб ни одного слова супротив народных интересов от моего имени пропечатано не было.

— Это уж будьте спокойны,— заверил Бескорыстных.— Вам придется откликаться лишь на события, которые будут продиктованы исключительно интересами трудящихся нашего города, а остальные прочие, сколько бы их ни случилось, мы откликами не подкрепляем...

По правде говоря, когда в «Вечернем звоне» стали появляться заметки за подписью Е. Дубравиной, кое-кто отнесся недоверчиво к ее авторству. Но так как поддерживала она всегда именно то, что надо было поддерживать, и ругала именно то, что надо было ругать, да и говорить вскоре стала теми же газетными словами, то даже записной скептик слесарь-наладчик сосисочного цеха Леонтий Михеевич, он же, если не забыли, Папа Римский, вынужден был почесать в затылке:

— Шут его знает, может, и сама Фроська сочиняет. Опять же, чего ей не сочинять? Сидит себе в тепле да посапывает в обе ноздри.

А по прошествии некоторого времени на комбинате даже стали гордиться своей рабкоршей:

— Читали, как наша Фроська разделала Барри Голдуотера? Небось до самых печенок проняла реакционного сенатора!..

— Правильно Фроська пишет, что линия горисполкома на реконструкцию бани отвечает чаяниям народа...

— Ну, Ефросинья, ведь в самую точку попала! И

впрямь от лузганья семечек мужские достоинства ослабевают. А мы-то еще сомневались, чего это управление торговли приняло решение продавать их не больше двух стаканов в одни руки...

Правда, после вышепроцитированного Фросиного отклика прежнее сомнение ненадолго вернулось к Папе Римскому.

— Прочитал твою статейку, Ефросинья Романовна,— издалека начал он.— Крепко написала. По делу. Только какая же ты, скажи на милость, кормящая мать, если твоему Пашке уже третий десяток пошел?

— Так все равно же обалдуй до сих пор на моей шее сидит,— просто объяснила скромная выразительница общественного мнения...

Боюсь, как и Папу Римского, иного скептически настроенного читателя давно уже гложет сомнение: а во всем ли можно доверять автору? Вот откуда ему, к примеру, известны некоторые тонкости газетной кухни?

Самокритично признаю: вопрос поставлен совершенно справедливо, и уже в следующей главе постараюсь исправить свое упущение. Хотя должен предупредить: удовлетворение законного читательского любопытства о скромной персоне автора неминуемо уведет наш рассказ в сторону и когда-то еще удастся вернуться к серому хищнику, о котором, признайтесь, вы уже начали подзабывать?!

ГЛАВА IV

Работница прилавка повышает голос. Еще одна ячейка государства. Пример интеллектуального самопожертвования. Нобелевский комитет на прежних позициях. Понурое молчание. Что известно о заботах губернатора Фиджи. Ваш покорный слуга

Вообще-то представляться надо сразу. Иначе не исключены недоразумения, последствия которых порой даже трудно предугадать. Тут невольно приходит на память эпизод, связанный опять же с Василием Даниловичем Гамовым, с его первой попыткой хождения в народ, каковую он предпринял, вступив в должность мэра.

Бог его знает, то ли начитался наш избранник сказок «Тысячи и одной ночи», где переодетые дервишами визири шастают по базарам, чтобы из первых уст

услышать одобрительное мнение народа по поводу упорядочения цен на урюк, то ли установку какую конфиденциальную получил сверху, то ли уже упомянутый демократизм толкнул его на этот опрометчивый шаг, только буквально на второй день после вступления на высокий пост, никого не предупредив, двинул он с утра пешочком в ближайший овощной магазин.

Ну там, известно, кроме редиски, скукожившейся на солнышке от долгого ожидания тары, и шилоподобной морковки, самый крупный экземпляр которой был вдвое меньше мизинчика продавщицы Марии Бабочкиной, за глаза называемой покупателями Мадам Баттерфляй, хоть шаром покати. Народ, однако, численностью до трех десятков человек образовал очередь, так как работница прилавка неопределенно пообещала, что должны завезти картошку, но когда — кто его знает.

— Ты уж, Маша, сказала бы поточнее,— проситель-но гундели самые нетерпеливые,— до обеда или опосля? А то, может, отлучиться успеем для ведения домашнего хозяйства?

— Ну, ей-богу, зла на вас не хватает,— лениво огрызалась Мадам Баттерфляй.— И что за бестолочь народ! Русским же языком говорю: когда привезут, тогда и привезут. Ждите! — И, сладко зевнув, пошутила: — В соображение бы взяли: доставляют-то ее аж с Антильского архипелага, это ж тысячи морских миль, мало ли какие задержки могут случиться в дороге — цунами там или айсберг обогнуть надо, а вам ишь обязательно до обеда подавай. Перебьетесь!

Во время этого диалога и произошло первое явление народу Василия Даниловича Гамова. Аккуратно придержав за собой дверь, он твердым шагом прошествовал вдоль очереди и, подойдя к прилавку, внушительным голосом произнес:

— Товарищ продавец, почему у вас в разгар летнего сезона так беден ассортимент овощей?

— Чего-чего? — удивленно протянула Мадам Баттерфляй, покручивая на пухлом пальчике колечко стоимостью раза в полтора больше суммы, выделяемой Обрадовским горисполкомом на развитие торговой сети.

— Я спрашиваю, почему, судя по выкладке товаров,— Василий Данилович ткнул пальцем в сторону вяленой редиски,— у вас столь ограничен выбор зеленой продукции?

— Чего это он тут выступает? — обратилась продавщица непосредственно к очереди, не удостаивая Василия Даниловича даже взглядом.

— Мужчина, наверное, интересуется, почему луку зеленого нету,— с готовностью откликнулась бойкая старушенция из хвоста очереди.

— А ничего умнее он больше спросить не мог? — Мадам Баттерфляй адресовала свой вопрос бабке, упорно игнорируя настырного незнакомца, который, надо признать, несколько поутратил свой боевой пыл.

— Так он, видать, с Луны свалился,— подхалимски хихикнула бабка, польщенная вниманием, какое оказала ей продавщица.— В энтом магазине ить отродясь зеленого луку не было. Подтверди, Мария Семеновна, я ить, почитай, два десятка лет сюда хожу.

Мадам Баттерфляй уловила некоторый оттенок фамильярности в голосе словоохотливой покупательницы и недовольно зыркнула на нее. Лишь после этого она наконец-то перевела свой взор на Василия Даниловича:

— Откуда, говорю, ты такой умный взялся? А еще каску напялил!

Василий Данилович искренне полагал, что рядовой трудящийся, а именно таким хотел он выглядеть при посещении магазина, всем другим головным уборам предпочитает защитную пластмассовую каску. По крайней мере в них всегда красовались на первой странице «Вечернего звона» и на плакатах известного мастера этого публицистического вида графики Ульяна Баландина жизнерадостные рядовые трудящиеся.

— Прошу не отклоняться от темы,— тщетно пытаясь придать своему голосу металлическое звучание, проговорил Василий Данилович,— и ответить по существу на поставленный мною вопрос.

— Ну уморил! — расхохоталась Мадам Баттерфляй.— Чтоб я перед всяким-каждым отчитывалась?! Не дождешься!

— И правда, мужчина, не мешайте продавщице работать! — раздался недовольный голос из середины очереди.

Эта, прямо скажем, подобострастная реплика лишний раз подтвердила актуальность концепции, выдвинутой В. И. Суслопаровым в его монографии «Очередь. Ее гносеология и перспективы использования в просветительской работе». На основе многолетних личных со-

циологических наблюдений наш мыслитель установил, что очередь является, пожалуй, одним из самых массовых коллективов трудящихся, однако в силу ряда изначально присущих ей неблагоприятных факторов, как-то: нестабильность и разнородность состава, повышенная эмоциональная возбудимость, заторможенность в восприятии информации, получаемой извне, и т. п.— она трудноуправляема, и ориентация ее на достижение благородных целей может быть достигнута лишь при условии предварительно проведенной большой просветительской работы.

В полемическом задоре Василий Иванович позволял себе даже подняться против авторитетов — в его труд, безусловно, эти положения не вошли, но бесстрашно провозглашались им в ходе хлебания дармовой ушицы на бережку быстроструйной Обрадовки.

— Полагаю, с развитием цивилизации именно очередь становится первичной ячейкой государства,— убежденно говорил он, обсасывая лавровый листик.— Во-первых, несмотря на меняющийся состав, она — и это ли не живое свидетельство диалектичности? — в своем роде всегда постоянна. Сколько, как говорится, бурь прогремело над нашим райцентром, а она все выдержала, все превозмогла. Во-вторых, каждая очередь представляет собою как бы срез по горизонтали всего общества, ту, образно говоря, каплю, которая является его зеркалом — ведь в очередях стоят и старики, и молодежь, и люди среднего возраста, и мужчины, и женщины, и представители самых мирных профессий, и военнослужащие, и активные общественники, и лица, склонные к известным злоупотреблениям...

— Истинно так! — не удерживался тут от одобрительного восклицания кто-нибудь из высоких потчуемых гостей.

— А посему,— вдохновенно восклицал районный мыслитель,— именно в очередь должен быть перенесен центр просветительской работы. Ибо она, как лакмусова бумажка, выявляет все наши достижения, служит надежным барометром духовной жизни, объективным показателем социальной активности граждан. Убежден, приспела пора создавать в очередях первичные ячейки общества «Знание», а если пойти дальше, то и временные профсоюзные группы...

Мда, порой Василия Суслопарова здорово заноси-

ло, так что будет лучше нам вернуться в овощной магазин.

Так вот поддержка очереди придала еще больше нахальства продавщице, и она, смерив докучливого покупателя взглядом боярыни Морозовой с известной картины художника Сурикова, гневно рявкнула:

— А ты, собственно, кто такой?

— Василий Данилович Гамов,— с достоинством представился мэр и, будучи человеком воспитанным, снял каску.

Увы, из ложной скромности Василий Данилович не назвал своей должности, а так его фамилия, которая очень скоро будет у всех на устах благодаря неординарным деяниям ее носителя, пока еще оставалась безвестной и ничего не сказала Мадам Баттерфляй.

— Ишь Васька да Гама, оказывается, к нам приплыл! — ехидно пропела продавщица, выпускница, между прочим, географического факультета.— Ну и плыви, голубок, дальше.

Коллектив очереди дружным хохотом отозвался на эту незамысловатую импровизацию Мадам Баттерфляй.

Василий Данилович растерянно моргал глазами, недоумевая, почему же покупатели, в массе своей безусловно трудолюбивые и сознательные люди, не только не оказали ему моральной поддержки, хотя он отстаивал их же коренные насущные интересы, но даже и осмеяли его. И действительно: почему иной герой, который, кроме устрашающих размеров негодяйства по отношению к своим согражданам, ничего более не совершил, удостаивается сказаний и песен народных, а другой такого же ранга общественный деятель, возжелавший исключительно мирными средствами приохотить население к потреблению, скажем, весьма полезной для здоровья растительной ливерной колбасы, на большее, чем скабрезный анекдот, не может рассчитывать?!

Так в полном недоумении бочком-бочком и пошел Василий Данилович Гамов к выходу, не ведая, что отныне к нему накрепко приклеится прозвище, данное нахальной продавщицей. Но вот ведь что знаменательно, прозвище это оказалось для нашего мэра как раз впору, и не столько в силу явной схожести звучания ФИО его и любознательного португальца, открывшего морской путь в Индию, сколько потому, что сам он, как вскоре выяснилось, питал страсть к путешествиям и регулярно стал

совершать вояжи в сопредельные районы, а также за рубежи Отечества.

Из своих дальних поездок возвращался он всегда обогащенный новыми идеями. Так появились у нас после его турне по Скандинавии майки, украшенные обрадовской символикой, и носовые платки в виде схемы автомобильных дорог района. Правда, выпуск последних пришлось очень скоро прекратить. Из-за нестойкости красителей, усугубленной случившейся эпидемией гонконгского гриппа, автотрассы на платках расплывались, и водители сплошь и рядом сбивались с пути. Как установили органы народного контроля, это послужило единственной причиной участившихся задержек доставки потребителям нужных грузов и значительного пережога дефицитного бензина.

К сожалению, не дала ожидаемого эффекта и предпринятая мэром попытка перенести на обрадовскую почву принцип платного пользования общественными туалетами, подсмотренный им у венгерских друзей. В порядке эксперимента на самофинансирование было переведено единственное в Обрадовске такого рода коммунальное санитарно-гигиеническое учреждение на два раздельных очка, размещенное при вокзале. Расценки горисполком установил, кажется, вполне божеские: «Удовлетворение малой нужды — 10 коп., большой — 15 коп., пользование прессой — 5 коп.». Дня три новое хозрасчетное заведение, если позволительно так назвать дощатый сортир и специально построенную в трех метрах от него будку тех же архитектурных форм, где разместился кассир-контролер, пользовалось большой популярностью у горожан. Василий Данилович светился счастьем от сознания, что его идея встретила такой живой отклик у широкой общественности.

— А ты, Ванюша, сомневался, что не пойдет народ,— добродушно выговаривал он своему референту.— Нет, народ — он прогрессивное нутром чует и всегда окажет поддержку начинанию, если оно несет культуру в быт. А мы все робеем, сомневаемся, оглядываемся на ветхозаветные традиции и обычаи. Смелее надо рушить косное, отжившее и не бояться перенимать у соседей пусть и непривычные для нас, но удобные и весьма рациональные формы человеческого общежития. Я тебе даже так скажу: запроси мы с клиента двугривенный, он бы и с двугривенным расстался с превеликой ра-

достью, лишь бы к настоящей культуре приобщиться, почувствовать, что и он с обочины мировой цивилизации вступил на ее торную дорогу...

Ванюша Онучин на эти проникновенные слова криво улыбался. Тут следует внести ясность. Ванюша всегда улыбался криво по причине повреждения лицевого нерва. В начале своей службы при Василии Даниловиче он, стремясь выразить одновременно и восхищение и умиление глубиной сформулированного мэром с его же подсказки тезиса «без труда не поднимешь производительность труда», малость перестарался и на всю жизнь остался косоротым. Впрочем, этот дефект здорово помогал ему скрывать истинные чувства, что при его беспокойной и самоотверженной работе было совсем не лишним.

Возможно, кому-то из читателей определение «самоотверженная» покажется не очень подходящим к характеристике деятельности референта, но вдумайтесь: не в том ли как раз его предназначение, чтобы *самому отвергнуть себя* как личность и без сожаления отдать весь свой умственный потенциал в распоряжение непосредственного начальника? Да, референты и помощники — вот истинные рулевые прогресса. Именно из их светлых голов исходят мысли, которые вкладываются затем в уста деятелей, вытолкнутых сумасбродной судьбой-индейкой на авансцену истории, и озвученные этими последними становятся постулатами, доктринами, концепциями. Именно они пишут речи-бестселлеры, которые произносят с трибун другие. И не авторы, а лишь чтецы-декламаторы, к тому же, как правило, с плохо поставленной дикцией, срывают «долго не смолкающие аплодисменты» и вставание зала. Что же движет этими безвестными героями, выбравшими путь интеллектуального самопожертвования? Злые языки утверждают: хороший харч. Я же убежден: истинное величие духа и бескорыстие ума. И как не порадоваться, что при наметившейся в нашем городе тенденции к снижению числа вещающих наблюдается заметное увеличение контингента мыслящих, то бишь референтов и помощников! Впрочем, увы, в семье не без урода. Я лично слышал сетования одного столичного гостя все на том же бережку Обрадовки по поводу низкого качества подбираемых ему помощников.

— Вам повезло, Василий Данилович,— с завистью

говорил он, кивая на скривившегося в загадочной ухмылке Ванюшу Онучина.— А вот у меня с помощниками ну прямо беда. За три года, как доверили мне ответственный пост, пятого меняю, и все пишут такую галиматью, что произносить ее тошно. Поверите, читаю с трибуны доклад, а сам чувствую, что глупость высказываю, несу, знаете ли, несусветную чушь...

Да, Василию Даниловичу с референтом действительно повезло, и можно только сожалеть, что пренебрег он при реализации «туалетного проекта» Ванюшиными сомнениями.

Удовлетворив любопытство, оказавшееся, увы, праздным, жители Обрадовска просто-напросто перестали посещать «общедоступный очаг элементарной гигиены бытовых отправлений» — такой сложный эвфемизм применил в своем репортаже для обозначения привокзального нужника уже знакомый читателю Анатолий Бескорыстных. Прижимистое мужское население экономило гривенники у железобетонного забора, уступами огораживающего станционный пакгауз. Ну, а нежные и деликатные создания, если путь их лежал мимо «общедоступного очага», ускоряли шаг и на исходившие от сопровождающих кавалеров заботливые предложения «Не желаете ли культурно воспользоваться новой коммунальной услугой?» отвечали мужественно: «Ужо до дома потерплю».

Еще с полгода, наверное, начальник вновь созданного городского управления хозрасчетных санитарно-гигиенических объектов Аркадий Григорьевич Сосонкин, оберегая душевный покой мэра, уж очень близко к сердцу принимавшего сообщения о малейших перебоях в функционировании любимого детища, грубо говоря, втирал ему очки. В отчетах главка количество человеко-посещений общедоступного туалета № 1 из месяца в месяц шло по нарастающей, так что к концу второго квартала удалось довести ежедневный объем новой услуги на душу населения, включая временно отсутствующих отпускников и командированных, а также разбитых параличом обрадовцев, до 95 копеек. Коллектив управления уже готовился получать премии за досрочное доведение основного показателя до первой круглой цифры, уже подбиралась кандидатура миллионного посетителя, как случившийся в штате Невада подземный толчок силою в три балла докатился до Обрадовска и, как установила

специально созданная горисполкомом комиссия во главе с А. Г. Сосонкиным, «вызвал деформацию несущих конструкций популярного привокзального сооружения». Проще говоря, нужник завалился набок. «Его дальнейшая эксплуатация,— пришли к выводу специалисты,— не отвечает условиям техники безопасности. Необходимо провести значительные реставрационные работы, которые потребуют определенного времени. Других жертв и разрушений нет». Как известно, госплан весьма неохотно выделяет средства на реставрацию непромышленных объектов, так что и по сей день единственный у нас общедоступный санитарно-гигиенический очаг являет собой печальное зрелище. Однако это обстоятельство нисколько не умерило кипучей организационно-статистической деятельности нового ведомства, руководимого Аркадием Григорьевичем, и это ли не свидетельство преимуществ планового начала в системе управления над рыночной стихией?!..

Не исключаю, что уже знакомый нам возможный читатель этих записок намерен здесь сделать автору справедливый упрек: горазд, мол, он, автор, критиковать своих героев за то, что их иногда заносит, а самого-то эка куда в сторону отклонило! И вообще, узнает ли в конце концов он, читатель, что за история вышла в Обрадовске с санитаром леса, ведь из-за него, кажется, и начал автор городить свой огород?

Наберитесь чуточку терпения. Всему свой черед, или, как любил повторять Никодим Иванович Капустьянц, каждому овощу — свой срок реализации. Сейчас же, я думаю, прежде всего надо завершить рассказ о первом посещении В. Д. Гамовым овощного магазина № 1/13. В то время, правда, он носил фирменное название «Сельдерей». Но впоследствии в одном авторитетном издании появилась публикация, в которой со ссылкой на каких-то нобелевских лауреатов утверждалось, что сей овощ в больших дозах вреден для здоровья. А так как обрадовцы ни в чем меры не знают, то горисполком вынес мудрое решение прекратить выращивание столь ненадежного огородного растения впредь до изменения своей позиции Нобелевским комитетом. Естественно, и название магазина пришлось упразднить.

Теперь по истечении срока давности все чаще и чаще стали раздаваться голоса, требующие вернуть нашему, опять же единственному в городе, овощному магазину

славное имя. Мотивируются эти ходатайства тем, что сельдерей разводить начали еще при Чуриле Пленковиче, что не одно поколение достойных граждан на нем взращено, что лучше всяких новомодных биостимуляторов способствует он укреплению дисциплины желудка, повышает работоспособность, которую, чего греха таить, за последние засушливые годы обрадовцы малость подрастеряли, да и вообще пора восстановить справедливость и ликвидировать еще один провал в исторической памяти.

Впрочем, не о сегодняшних заботах договорились мы вести речь. Однако, повествуя о делах давно минувших, я не намерен предаваться ностальгии по «старому доброму времени», хотя в нем и остались все самые лучшие годы, нет, мною движет лишь желание познакомить идущее нам на смену поколение с уроками истории, а там пусть оно само решает, что перенять у отцов и дедов, а где соломку подстелить. В этом плане итоги первого выхода в народ Василия Даниловича Гамова и сегодня могут представить определенный интерес.

Придя в горисполком, созвал он экстренное заседание руководителей всех подразделений и коротко проинформировал их о своей встрече с нахальной продавщицей и явно подрастерявшим гражданские начала коллективом очереди.

— В свете вышеизложенного, как будем жить дальше, товарищи сподвижники? — таким горестным вопросом заключил мэр свою речь.

Сподвижники, не привыкшие еще к демократическим выкрутасам Василия Даниловича, понуро молчали.

И тут слово взял шустрый молодой человек с обаятельной улыбкой, начальник пожарной команды города старшина сверхсрочной службы Иван Онучин. Скромная должность, безусловно, не давала ему оснований считать себя сповижником, и вообще на заседание он попал случайно. Проводил Ванюша в здании горисполкома плановую ревизию огнетушителей, увидел, как сломя голову бежит в конференц-зал солидный руководящий состав, созванный на экстренное заседание, профессионально подумал: «Не пожар ли?» — и примкнул к бегущим. Ну а потом, когда председатель начал держать речь, преждевременный уход из зала мог быть воспринят как неуместная демонстрация.

— От имени личного состава вверенной мне части,— уставным голосом отчеканил бравый старшина,— разрешите заверить вас, Василий Данилович, что мы горячо приветствуем вашу инициативу и берем обязательство снизить возгораемость на три процента.

Хотя Ванюшино выступление на первый взгляд никакого отношения к предмету разговора не имело, но мэру понравились и быстрота реакции, и уверенность тона, и, что там закрывать глаза, продемонстрированная с такой готовностью личная преданность, ныне кое-кем исключаемая из положительных качеств, в то время почиталась за одно из главнейших достоинств казенного человека. Надо ли говорить, что именно после этого мэр и приблизил к себе Ванюшу.

Ну а само заседание пошло дальше по проторенной дорожке. У нас ведь как? Главное, чтобы кто-нибудь первым в прениях выступил, а за вторым, третьим, пятым, десятым дело не встанет. Словом, в тот раз далеко не всем желающим удалось засвидетельствовать публично свое умиление новаторским поступком дорогого Василия Даниловича. Единогласно приняли постановление, где первым пунктом присвоили В. Д. Гамову звание почетного горожанина Обрадовска, а вторым признали нетерпимыми все еще наблюдающиеся случаи нарушения правил торговли и потребовали от директора плодоовощного объединения Н. И. Капустьянца принятия решительных мер по их пресечению и недопущению в дальнейшем.

Василия Даниловича такая коллегиальная отзывчивость руководящего ядра, признаться, порадовала.

— Высказанные в мой адрес принципиальные товарищеские славословия,— подчеркнул он в заключительном слове,— я расцениваю как аванс без вычетов. Его еще предстоит отработать. Заверяю вас, уважаемые соратники, что приложу все силы, чтобы оправдать ваше доверие, доверие всех граждан славного райцентра. Однако позволю себе кое в чем не согласиться с некоторыми выступавшими, хотя и разделяю их чувства. Тут раздавались голоса, чтобы я поберег свою нервную систему и не ходил больше в народ. При всем желании, товарищи, это не в моих силах. Ведь я — плоть от плоти. Так что и не уговаривайте! Другое дело, может, есть резон подумать об организационных формах моих хождений. Тут, пожалуйста, обещаю с пониманием рассмотреть лю-

бые конструктивные предложения. И еще. Почему, товарищи, мы стесняемся широко информировать население о своей работе, чаще всего плодотворной. Почитайте наш «Вечерний звон». Что заботит губернатора Фиджи — там со всеми подробностями расписано, а какие творятся в родном горисполкоме знаменательные дела — об этом ни гугу...

Дельные замечания принято в нашем журналистском корпусе принимать близко к сердцу, и потому реакция на них следует незамедлительная. Уже следующий номер «Вечернего звона» вышел с новой рубрикой «У нас в Обрадовске. Хроника городской жизни». Открывался раздел следующей информацией:

«Грубость наказуема.

Обрадовский горисполком на своем экстренном заседании, созванном по инициативе В. Д. Гамова, рассмотрел вопрос о некоторых нарушениях правил торговли в фирменном овощном магазине «Сельдерей». Из компетентных источников стало известно, что вчера в этой торговой точке работник прилавка М. С. Бабочкина облаяла неизвестного посетителя, хотя тот не давал для этого оснований. Директору плодоовощного объединения Н. И. Капустьянцу, в чьем ведении находится «Сельдерей», предложено усилить просветительскую работу в коллективе. Как сообщил редакции Н. И. Капустьянц, нарушительница правил торговли сурово осуждена коллегами, принято обязательство план третьего квартала выполнить на 88 процентов, что на 3 процента больше, чем за тот же период прошлого года. На заседании горисполкома присутствовал и выступил с речью В. Д. Гамов. Он единогласно избран почетным обрадовцем.

Соб. инф.».

Эту в некотором роде историческую заметку я запомнил дословно, потому что сам ее редактировал. Позвонили нам в редакцию из горисполкома, таинственным шепотом сообщили, что посыльный через полчаса привезет важный документ протокольного характера, который надо поставить в номер. Редактором у нас тогда был Василий Иванович Суслопаров, выдвинутый затем в начальники управления внутренней культуры. Как и большинство философически настроенных людей, был он несколько оторван от земных реалий, а потому решил, что раз документ протокольный, то, значит, это что-то по

линии правоохранительных органов, и поручил подготовить его к печати вашему покорному слуге, который вел в «Вечернем звоне» рубрику «Из зала суда».

ГЛАВА V

Обстоятельства вынуждают. Последствия метеоритного дождя. Кому положена льгота на бронзу. Конкретная личность и типический образ. Тещу надо ублажать. Эффект монументальности. «Топорики» или «Семен Семеныч»? Вопрос к читателю

Желает того читатель или нет, но автор намерен сделать эту главу последней. И совсем не потому, что оказались исчерпанными события, достойные быть занесенными на скрижали истории нашего славного райцентра. Нет, мое решение продиктовано как раз обстоятельствами противоположного толка.

Время пребывания на высоком посту Василия Даниловича Гамова, а именно он, но никак не серый хищник, о чем, надеюсь, вы уже догадались, является настоящим героем моего повествования, было настолько насыщено разнообразными знаменательными деяниями, что даже простое их протокольное изложение потребовало бы многих томов. Вот хроника только одного дня, воспроизведенная по страницам газеты «Вечерний звон» за 17 июня 1972 года. (Поверьте, выбор на этот газетный номер пал совершенно случайно, ибо вырвал я его из старой подшивки не в качестве аргумента, а чтобы завернуть мочалку. Прежде чем в пятницу вечером сесть за написание данной главы, я предусмотрительно решил загодя приготовить все банные причиндалы — хуже нет искать их утром, когда, взглянув на часы, вдруг понимаешь: еще минута, и ты уже не успеешь вкусить блаженство первого пара!) Итак, что же происходило в Обрадовске в тот рядовой будничный день?

Обрадовский горисполком принял постановление «О неотложных мерах по дальнейшему искоренению лузганья семечек в общественных местах». В целях оздоровления микроклимата время продажи шелушащегося продукта ограничено с 11 до 14 часов. В одни руки отпускается не более двух стаканов.

Выпущен десятитысячный с начала пятилетки пель-

мень. Право скушать юбилейный деликатес коллектив передового пищекомбината единодушно предоставил почетному горожанину В. Д. Гамову.

Председатель горисполкома В. Д. Гамов осмотрел выбоины на проспекте Акселератов между домами № 4 и № 16/31. Как пояснил начальник коммунальной службы Б. Спиносов, выбоины образовались в результате выпадения метеоритного дождя из созвездия Близнецов. После осмотра выбоин В. Д. Гамов выступил с краткой речью.

Речь В. Д. Гамова

— Ну надо же! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Непременный лауреат фестиваля «Обрадовская лира» Гермоген Новодевичий сплел венок сонетов. Тема нового произведения маститого поэта — любовь и верность в условиях перехода на трехсменный режим работы.

В городском парке культуры и отдыха им. С. Разина состоялось торжественное открытие скульптурной композиции «Аллегория интеллектуального целомудрия». Покрывало с композиции сбросил начальник управления внутренней культуры населения В. Суслопаров...

Извините, но об этом событии, право же, стоит рассказать чуть подробнее.

В свое время, если помните, были установлены льготы на изготовление изделий из бронзы. Непонятно почему, но на районные центры они, увы, не распространялись. Естественно, Василий Данилович почувствовал себя ущемленным.

— Не хочу роптать,— не раз говаривал он с горькой усмешкой Ванюше Онучину,— но наша многотрудная мэрская работа совершенно не обеспечена стимулами увековечивания. А ведь рассудить, именно нам в первую очередь надо выделять дефицитный сплав. Тем же, кто повыше, куда сподручнее воздвигать себе памятники нерукотворные.

Ванюша все кривился и помалкивал. Понимал он, что не сочувствия от него ждут, а конструктивных решений, только что тут придумаешь, если номенклатура любимого руководителя, увы, не предусмотрена для воплощения в бронзе. И все-таки ушлый референт даже из этой, казалось бы, безысходной ситуации нашел

достойный выход, в который уже раз продемонстрировав незаурядную шустрость своего ума.

— Прежде всего, Василий Данилович,— спросил он с загадочной улыбкой,— не пробовали ли вы смирить свою гордыню?

— Пробовал неоднократно, но она не смиряется,— чистосердечно признался мэр.

— Теперь разрешите полюбопытствовать,— все так же по-джокондовски ухмыляясь, продолжил Ванюша,— что для вас более приоритетно: бронза как материал воплощения или само воплощение?

— Пожалуй, воплощение,— после длительного раздумья ответил Василий Данилович.

— Тогда чего ж печалиться! — радостно потирая руки, воскликнул Ванюша.— Воплотим вас в мраморе, и проблема снята.

— Эх, Иван! — вздохнул Василий Данилович.— Неужели ты думаешь, что не рассматривал я этот вариант? Из мрамора, может, и получше бы даже было, да только действующие директивные рекомендации для прижизненного изваяния конкретных лиц, каковым и я являюсь, предписывают употреблять исключительно одну лишь бронзу. Даже чугун возбраняется. А ты говоришь, мрамор...

— Обижаете, Василий Данилович,— нарочито громко вздохнул референт.— Об этом ограничении я помню. Оно-то и мешало мне сразу смикитить. А тут вот намедни рассматривал я антиалкогольный плакат Ульяна Баландина, который, как вы знаете, является почти точным воспроизведением его же автопортрета, и будто озарение какое нашло. Бронзы мы, Василий Данилович, так и так не достанем. И из мрамора не положено. Тупик вроде. А что, если использовать баландинский опыт? Воплотить вас в мраморе не как конкретную историческую личность, а как типический образ нашего современника. Обяжем скульптора придать изваянию полное портретное сходство с вами, а чтоб никто не придрался, пусть задрапирует он вашу фигуру в римскую тогу, скажем, или тунику. И чтоб уж всякие подозрения в личной, так сказать, нескромности окончательно отвести, попросим Суслопарова дать какое-нибудь заковыристое название монументу.

— Золото ты мое! — только и смог вымолвить расчувствовавшийся мэр.

В скором времени в разных концах Обрадовска стали воздвигаться мраморные изображения мужчины средних лет, с гордо вздернутым носом, чуть заплывшими глазами, двойным волевым подбородком — ну ни дать ни взять наш любимый мэр, и только чугунные таблички на постаментах рассеивали этот оптический обман. Двойник Василия Даниловича Гамова, усевшийся на привокзальной площади в позе роденовского «Мыслителя», которого облачили, правда, в косоворотку и галифе, был поименован как «Деятель, размышляющий о необходимости упорядочения». Другой якобы Василий Данилович, повторивший пластику микеланджеловского «Давида», но только в тенниске и трусах, возвысился у входа на городской стадион и олицетворял «Деятеля, озабоченного гармоничным развитием личности».

Появился у нас и целый ряд других «Деятелей», в частности, у Дворца культуры работников управления — «всматривающийся в перспективы дальнейшего развития», у 5-го отделения милиции — «требующий решительного устранения отмеченных недостатков», у крытого рынка — «вдохновляющий горожан на творческий поиск». Названия, призванные обескуражить возможных заезжих критиков, давал скульптурам, как вы поняли, Василий Иванович Суслопаров. Неистощимый на идеологические придумки, он же предложил оформить случившийся в нашем городе мраморный бум как стихийное народное движение под лозунгом «Даешь монумент в каждый микрорайон!».

Что же касается скульптурной композиции, установленной в парке культуры и отдыха имени С. Разина, из-за которой, собственно, я и был вынужден сделать это отступление, то изображала она отнюдь не Василия Даниловича Гамова, как, наверное, предположил мой чересчур сообразительный читатель, а родную тещу нашего мэра Лилию Гавриловну.

В отличие от своей дочери Альбины Глебовны, женщины добродушной, покладистой, искренне считающей, что лучший способ самовыражения — это освоить новый рецепт маринования корнишонов или приготовления варенья из арбузных корок, Лилия Гавриловна была натурой общественно активной и позволяла себе, как утверждали не без основания злые языки, совать нос во все дела, которые вершил Василий Данилович. Поговаривали даже, что она поколачивает своего зятя. Лично я

в это не верю, хотя, глядя на ее сухопарую жилистую фигуру, можно было предположить, что Лилия Гавриловна не чурается семейных баталий и способна одерживать в них славные победы. По крайней мере большинство горожан считало, что именно желание ублажить сварливую тещу и продиктовало мэру решение установить скульптурную композицию в ее честь.

Здесь мне придется сообщить об одной незначительной детали. Откровенно говоря, и упоминать-то о ней неловко, но, избрав жанр исторической хроники, я просто обязан это сделать. Дело в том, что сочиненное Василием Ивановичем Суслопаровым название скульптурной композиции, моделью для которой послужила мэрова теща, хотя и было возвышенно-трогательным, но среди широких масс населения нашего города решительно не прижилось. Задуманную «Аллегорию» в обиходе все стали именовать «Сисястой Лилькой» или просто «Сисястой».

Если учесть, что Лилия Гавриловна была, как уже отмечалось выше, особой весьма тощей, с более чем скромными телесными возвышенностями, а высекал ее в мраморе специально приглашенный из столицы лауреат, исповедующий в своем творчестве сугубый реализм, то легко приписать обрадовцам склонность к язвительности и насмешкам. Между тем эти черты им совершенно не свойственны, скорее их отличают простосердечие и открытый взгляд на все происходящее. Словом, они привыкли называть вещи своими именами. Вот и водруженную в городском парке новую скульптуру нарекли, ничуть не отступая от истины, потому как приклоненная и простирающая вперед руки беломраморная дамочка с лицом мэровой тещи действительно была довольно полногрудой.

Кстати, на это несоответствие образа с прототипом обратил внимание и сам Василий Данилович Гамов при осмотре скульптуры перед ее транспортировкой на место воздвижения.

— Видите ли,— обиженно засопел выдающийся ваятель в ответ на робкое недоумение мэра,— в данном случае вы наблюдаете так называемый эффект монументальности, который достигнут исключительно лишь за счет простого троекратного увеличения всех пропорций модели. Для наглядности приведу такое сравнение: если я в три раза увеличу теннисный мячик, то неподготов-

ленный зритель может принять его за пушечное ядро или кокосовый орех. Кстати, сама модель осталась весьма довольна моей трактовкой ее образа...

— Ах, довольна?! — радостно воскликнул Василий Данилович.— Тогда, естественно, все вопросы снимаются...

Вот у «Сисястой Лильки», или, если вам больше нравится, «Аллегории интеллектуального целомудрия», и обнаружил я разгадку леденящего душу воя, с упоминания о котором началось наше повествование. Надо сказать, что данная статуя, между прочим, довольно скоро ставшая настоящей достопримечательностью славного райцентра, была установлена поблизости от Павильона настольных развлечений, где уже в наше время обосновалась компания заслуженно отдыхающих Василия Даниловича Гамова и его сподвижников. Порой до глубокой ночи самозабвенно предаются они игре в лото, игре на первый взгляд немудрящей, но требующей отменной реакции, зоркости глаза и некоторой финансовой интуиции.

Признаться, я люблю наблюдать, как играют наши бывшие отцы города и его светлые умы. Любо-дорого видеть, как загораются их очи, когда прихлопывают они счастливой пуговкой последнюю незакрытую цифирку в нижнем ряду карты, как бледнеют их щеки, когда та же удача выпадает соседу. Чувство умиления особенно охватывает меня, когда холщовый мешочек переходит в руки Василия Даниловича, и он, зачерпнув из него пригоршню деревянных бочоночков, лишь мельком бросает взгляд на них и кричит скороговоркой:

— Тридцать два, семьдесят восемь, барабанные палочки (это значит — одиннадцать), сорок девять, дедушка (такой псевдоним дан цифре девяносто), пятьдесят четыре, топорики, девятнадцать...

— Постойте, постойте,— спохватывается вдруг Василий Иванович Суслопаров,— какие «топорики»?

— Заиграно! Продолжайте, Василий Данилович,— торопит бывший начальник коммунальной службы Спиносов.

— Нет, не продолжайте,— начинает кипятиться наш бывший мыслитель.— Объясните, пожалуйста, товарищ Гамов, что это такое — «топорики»?

— «Топорики»,— снисходительно улыбается бывший мэр,— это, и младенцу известно, семьдесят семь.

— Это, может, в какой-нибудь Португалии,— язвительно протягивает Суслопаров, намекая на прозвище, данное горожанами Василию Даниловичу,— семьдесят семь называют «топориками», а у нас в Обрадовске это число искони зовется «Семен Семенычем»...

Тут возникает горячая перепалка, в ходе которой кто-нибудь обязательно произносит обидные слова:

— Правильно вас с поста поперли, если вы до такой простой истины никак не дотумкаете!

На что оппонент с ходу отвечает:

— Ну а вас, очевидно, поперли за то, что у вас ума палата, да только ключик от нее потерян?

И всякий раз ссору гасит Ванюша Онучин, который снова служит в нашем городе брандмейстером.

— Помяните мое слово,— проникновенно говорит он.— Нас еще призовут.

Последнее слово, очевидно, как раз его и надо помянуть, Ванюша произносит врастяжку, с некоторым завыванием.

Когда в Обрадовске поползли слухи о волке, смутное подозрение шевельнулось во мне, но и только. Но вот однажды, чуть раньше, чем обычно, покинув компанию лотошников, я проходил мимо «Сисястой Лильки». Жутковатая картина открылась тогда передо мной.

Освещенный полной луной, стоял, обнимая постамент и прильнув щекой к могучей Лилькиной коленке, Ванюша Онучин. Лицо его было белее мрамора, пошедшего на скульптуру, глаза закрыты, и из них мелкими алмазами струились слезы. А разверстые уста бывшего референта сначала чуть слышно, а потом все громче, все протяжнее исторгали тоскливые звуки:

— Нас еще призовут... Нас и-о и-о-у-у... И-о-у-у... О-у-у-у!

...И вдруг мне почудилось, что откуда-то издалека раздался ответный вой.

Не твой ли это был голос, читатель?

КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

АВИТАМИНОЗ

Научно-популярный роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой автора навещает его давняя знакомая и открывает ему глаза

— Боже! Какой ты краснощекий! — воскликнула Лора.

Я самодовольно ухмыльнулся. Лора, а с недавних пор, как стала бабушкой, уже Лариса Алексеевна, была моей однокурсницей. Последний раз мы виделись лет пять назад, и поэтому, не скрою, ее восклицание порадовало меня: значит, выгляжу я еще молодцом.

— Нет, какая сила воли! — Она всплеснула руками.— Он даже улыбается!

— А почему, собственно, мне не улыбаться? — удивился я.

— Ты что, притворяешься? Или тебя держат в неведении? — вопросом на вопрос ответила Лора.

— Послушай, в чем все-таки дело, черт побери?! — Я, кажется, начал терять терпение.

— Да, все сходится,— грустно констатировала Лора.— И этот румянец, и эта необъяснимая вспыльчивость. Разве врачи не предупреждали тебя?

— Какие врачи? Я не помню, когда был в поликлинике.

— Ты знаешь, я тоже давно уже не доверяю официальной медицине.— Лора явно обрадовалась моему признанию.— Что могут наши врачи, если все они исповедуют псевдогуманизм? — И она очень артистически передразнила всех наших врачей: — «Головка, го-

ворите, болит? Из носика течет? Горлышко пощипывает? Не волнуйтесь, больной, абсолютно ничего страшного. Сейчас я вам выпишу рецептик. Попьете таблеточек, микстурочки сладенькой по чайной ложечке, горчичнички поставите, и все как рукой снимет». А больному, наоборот, хуже становится. Почему? — Лора вопросительно посмотрела на меня.

— А действительно, почему это ему хуже стало? — поинтересовался я.

— А потому,— торжественно объяснила она,— что его организм де-мо-би-ли-зо-ван (именно так, по слогам, было произнесено это слово) успокоительными сентенциями представителя официальной медицины. Белые шарики — полагаю, тебе известно, что именно они призваны бороться с этими гадкими вирусами и микробами — наивно верят, что «ничего страшного нет», и продолжают вести безмятежную жизнь. И их можно понять. Зачем суетиться, если тебя об этом никто не просит?! Кстати, ты, как человек интеллигентный, наверное, слышал про методику врачевания, которую применяет народный целитель Степушка Хрумкин?

— Нет,— пробормотал я, конфузясь оттого, что, кажется, не отвечаю требованиям, предъявляемым ныне интеллигентам.

— Так вот,— наставительно сказала Лора,— народный целитель добивается потрясающего эффекта, потому что решительно отвергает ложно понимаемое милосердие. На что бы ни жаловался пациент, Степушка ставит всего один-единственный диагноз: «Допрыгался, милок! Не сегодня завтра хватит тебя кондрашка!» Представляешь, каково такое услышать?

Я представил и содрогнулся.

— Во-о, и тебя проняло! — просияла Лора.— А догадываешься, что с больным делается? Правильно, с ним случается шок. Или, другими словами, он в этот момент испытывает колоссальные эмоциональные перегрузки, так называемый стресс. Но что такое стресс для человека? — Лора порылась в своей сумочке, вытащила из нее какой-то листочек и, заметив, что я удивленно слежу за ее действиями, пояснила: — Это выписка из последней брошюры Степушки Хрумкина «Тело аки сосуд хворобы». Послушай, как образно и в то же время точно он пишет: «Встряс организму завсегда пользителен. Он навроде милицейского свистка заставляет встрепе-

нуться: чегой-то неладное случилось!» — Здесь цитата закончилась, Лора победоносно взглянула на меня — каково, мол, а? — и дальше продолжила уже своими словами: — В общем, все жизненные ресурсы в момент стресса мобилизуются, и эти самые шарики, о которых я тебе говорила, услышав сигнал тревоги, проникаются сознанием опасности и, понимая, что лучшая защита — это нападение, стремительно атакуют противных вирусов и микробов. Те не ожидали такого натиска и терпят сокрушительное поражение. Болезнь побеждена.

— Ура! — невольно воскликнул я.

Погоди радоваться,— вздохнула Лора.— В твоем случае, боюсь, все будет не так просто.

— Ну, не тяни! — взмолился я.— Что все-таки у меня?

— Мужайся! — Лора крепко сжала мою руку.— Кто-то должен был открыть тебе глаза. Пусть это сделаю я. Так вот, все признаки говорят о том, что у тебя...— Она выдержала паузу, во время которой я явственно услышал, как в бешеном темпе, сделавшем бы честь любому виртуозу ударнику, отбивает барабанную дробь мое сердце, и горестным шепотом закончила: — У тебя... авитаминоз.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ставшая самостоятельной лишь потому, что диалог, начатый в первой, непомерно затянулся

...— И только-то! — присвистнул я, испытывая не то чтобы облегчение, а, скорее, разочарование. (Наверное, таким же обманутым чувствует себя руководящий жулик районного масштаба, полагавший, что своим воровством он весь мир изумит, а его, поймавши за руку, лишь пожурили и даже выговор объявили без занесения.) — Нашла чем напугать! Авитаминоз — ведь это что-то детское...

Видно, я легкомысленным восклицанием обидел Лору, потому что она насупила брови, если такое выражение подходит к тем тонюсеньким черным ниточкам, что

ровными дужками окаймляли сверху ее глаза, и сокрушенно покачала головой:

— Да-с, медицинские познания у широких кругов населения, и ты тому наглядный пример, находятся на уровне каменного века. Дорогой мой, авитаминоз, да будет тебе известно, первопричина доброй дюжины заболеваний, из которых инфаркт выглядит самым милым. Устраивает тебя перспектива получить его?

— Ни в коей мере! — искренне признался я.

Скажу откровенно, уверенный тон Лоры, которым она говорила об этом самом авитаминозе, не только поколебал мое иронически легкомысленное отношение к ее словам, но и зародил во мне смутную тревогу. Я, каюсь, действительно полный профан в медицине. А ведь она не стоит на месте. Каких-нибудь сто лет назад всех болезней-то было по пальцам перечесть, а сейчас их уже сотни, если не тысячи! Да и старые недуги как изменились! И, увы, не в лучшую сторону. Простой добрый насморк стал теперь «острым респираторным заболеванием», а раз «острым», тут уж, значит, шутки с ним плохи. Тихую патриархальную простуду, которую одно удовольствие было изгонять при помощи баньки, стаканчика перцовой настойки и чая с малиновым вареньем, после изобретения антибиотиков удалось трансформировать в загадочный гонконгский грипп, который не признает ни перцовки, ни варенья. Вот и авитаминоз, кто его знает, во что он нынче превратился!

— Считай, тебе крупно повезло! — отвлек меня от грустных размышлений бодрый голос Лоры.— Я ведь чувствовала, что с тобой что-то стряслось. Поэтому я и здесь. Не удивляйся, просто у меня открылись телепатические способности. Да-да, телепатические. Мой Вовик (так Лора называет своего супруга) тоже никак не мог поверить, хотя именно из-за него они и обнаружились. Представь, как только он задерживается на работе, у меня перед глазами возникает самое настоящее видение: стоит мой Вовик в пивном зале, что рядом с его службой, вместе с сослуживцами Ильей Федоровичем и Валентином Алексеевичем. Заявляется он домой, вздыхает жалобно, мол, опять местком затянулся или заставили срочно планы корректировать, а я ему смотрю пристально в глаза и выкладываю: не ври, пиво пил с тем-то и

тем-то. Сначала он думал, что я случайно угадываю, но после двадцатого точного попадания признал: «Ну, Лорочка, а ты, оказывается, телепат!»

— И что, так ни разу и не ошиблась? — изумился я.

— Иногда ошибаюсь,— самокритично призналась Лора.— Это когда они не только пиво пьют. И представляешь, в таких случаях видение бывает каким-то расплывчатым, туманным. А сегодня вот ты встал перед глазами. Я в ваш универмаг заехала, обещали здесь кое-что выбросить. Но, оказалось, приехала рано, выбросят только после обеда. Вышла я из магазина, стою, размышляю, как убить эти три часа, и вдруг в голове возникает твой четкий образ. И этот образ, извини, улыбается жалкой и глупой улыбкой, и я буквально кожей почувствовала: с тобой что-то неладно. И видишь, не ошиблась. У тебя типичный авитаминоз. Его первый признак — покраснение щек.

Я взглянул в зеркало. Щеки у меня на самом деле были румяные. А что, если это действительно признак серьезного заболевания? Память услужливо подсказала, что в классических романах именно румянцем были покрыты щеки умирающих героинь.

— Но откуда же он мог взяться у меня, этот авитаминоз? — стыдясь своего жалобного голоса, тихо-тихо выдавил я.— Ведь я же не курю.— Когда-то случайно мне попался журнал «Здоровье», и я вычитал, что никотин убивает не только лошадей, но и витамины.

— Ну, что ж, давай попробуем установить причину твоего заболевания.— Лора на секунду задумалась.— Румянец, это ясно как дважды два, вызывается сужением сосудов. Согласен? — Я кивнул, но она все же сочла нужным объяснить.— Когда сосуды суживаются, кровь, естественно, с натугой пробивает себе дорогу, а от натуги, как известно, человек краснеет.

Я был буквально сражен столь гениально простым и очевидным доказательством болезненного происхождения моего румянца, которым я так глупо гордился каких-нибудь четверть часа назад.

— А знаешь ли ты, что вызывает сужение сосудов? — спросила Лора, когда я слегка пришел в себя.

Нет, этого я, к стыду своему, не знал, и мне осталось лишь потупить глаза под ее строгим взглядом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

из которой любознательный читатель может почерпнуть кое-какие небезынтересные сведения

— Сужение сосудов, как правило, объясняется избытком холестерина.— В голосе Лоры появились учительские интонации.— Надеюсь, тебе известно, что такое холестерин и из чего он вырабатывается?

Это ее постоянное «надеюсь, тебе известно», когда речь заходила о вещах мне абсолютно неведомых, заставляло меня чувствовать себя не выучивавшим урок первоклассником. Но отвечать что-то надо было, и я промямлил:

— Холестерин... Гм, холестерин. Название явно синтетическое. Какая-нибудь новинка?

Лора закатила глаза, и я понял, что ответ не сходится.

— Холестерин, запомни это,— наставительно сказала она после того, как ее глаза, наткнувшись на невидимую преграду и не сумев преодолеть ее, откатились обратно,— не имеет никакого отношения к синтетике. Это, как бы тебе попроще объяснить, очень гадкое и противное вещество, которое сужает кровеносные сосуды. А вырабатывается оно из мяса.

«Теперь понятно, почему у нас бывают перебои с мясом,— невольно подумал я.— Оказывается, оно идет на выработку этого дурацкого холестерина. И ведь сколько раз писали в газетах о фактах, когда из хорошего сырья делают всякую дрянь, а дело, как видим...» Я не успел до конца додумать свою мысль, потому что Лора неожиданно спросила:

— Признайся, ты употребляешь мясо?

— У-у-употребляю,— пробормотал я виновато, словно меня уличили в чем-то весьма предосудительном. Наверное, так оно и было, потому что глаза у Лоры снова стремительно закатились.

— Самоубийца! — вскрикнула она минуты через две, которые ей понадобились, чтобы вернуть свои глаза на отведенное для них природой место.— Теперь мне ясно, почему тебе уже сорок семь, хотя когда-то мы были ровесниками. Да, дорогой мой, мясо приближает старость, со скоростью курьерского поезда.— Эту фразу,

отметил я про себя, она наверняка вычитала, но вряд ли в брошюре Степушки Хрумкина.— Надеюсь, у тебя хватает ума варить его в несоленой воде?

— Видишь ли,— я окончательно сконфузился под ее пристальным взглядом.— Дело в том, что я никогда не отвариваю ни бифштексов, ни шашлыков, ни свиных отбивных...

Кажется, про отбивные я сказал зря, потому что, услышав название этого популярного блюда, Лора впала в обморочное состояние. Я бросился на кухню за водой. Когда вернулся, она вроде бы уже очнулась. Более того, увидев стакан в моих руках, даже приподнялась со стула.

— Что это у тебя? — в ее глазах стоял неподдельный ужас.

— Обыкновенная вода,— успокоил я ее.— Холодная. Прямо из-под крана.

— Из-под крана?! — Ее тело потрясла конвульсия, но сознания она, слава богу, не потеряла.— Ты что, хочешь отправить меня на тот свет?

Этого я не хотел, хотя Лора своими обмороками, вздохами и закатыванием глаз уже стала несколько утомлять меня.

— Не беспокойся,— заверил я.— Эту воду я пью каждый день.— И для убедительности сделал пару глотков.

— Теперь я вижу, что ты действительно сводишь счеты с жизнью,— сокрушенно покачала головой Лора.— Разве тебе неизвестно, что хлорированная вода служит благоприятным фоном для развития различных неврозов. Один заграничный профессор, я сама читала, обследовал тысячу невротиков, и оказалось, что 99,93 процента из них употребляли водопроводную воду. Неужели тебе не терпится пополнить ряды этих несчастных?

— Что ты, я вполне могу потерпеть,— поспешно ответил я.— Но, прости, не представляю, как можно обойтись без воды.

— Без воды и правда нельзя обойтись,— снисходительно улыбнулась Лора.— Более того, ее надо пить не менее пяти литров в сутки мелкими глотками. Так рекомендуют йоги. Но только...— Она многозначительно подняла палец.— Только ледниковую.

— Помилуй! — Я был несколько ошарашен ее заяв-

лением.— Но, насколько мне известно, в нашем городе нет ледников, не водятся они и в области.

— При желании у нас все можно достать! — отпарировала Лора.

Возразить было нечем, и я смущенно опустил голову.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой — наконец-то! — разговор заходит о принципах рационального питания

Когда я поднял глаза, то увидел, что Лора извлекает из своей сумочки колоду листочков, очевидно тоже заполненных цитатами. Увы, теперь мне, кажется, предстояло выслушать целую лекцию.

— Ледниковая вода — важный, но не единственный компонент,— начала Лора, заглянув в снятый с колоды верхний листочек,— в арсенале средств борьбы с различными болезнями, одолевающими человечество в эпоху научно-технической революции. Могу смело утверждать... Это не я могу смело утверждать, а доктор Пращуров, чью концепцию я излагаю,— пояснила Лора и добавила традиционное: — Надеюсь, тебе известно это имя? Ах, неизвестно. Ему вот-вот дадут Нобелевскую, тогда все узнают об этом гениальном человеке. Он хотя и не медик, он — специалист по двигателям, но заткнет за пояс всю академию медицинских наук. В этом ты сейчас сам убедишься.— И она продолжала: — Так вот, могу смело утверждать, что все без исключения болезни — суть побочные продукты цивилизации. Природа не закладывала в генетический код человека ни коклюша, ни инсульта, он приобрел их сам. И приобрел через желудок...

— Вот те на́! — не удержался я от восклицания.

Лора отложила листочки в сторону и с превосходством посмотрела на меня.

— Признайся, ты потрясен?

Я кивнул: это было действительно так.

— А ведь как гениально просто! — улыбнулась она, радуясь за неизвестного мне гениального Пращурова.— И между прочим, свое учение доктор Пращуров строит, исходя из дарвиновской теории происхождения человека. Надеюсь, ты слышал о Дарвине?

Тут уж обрадовался я, потому что о Дарвине я слы-

шал еще в школе, и слышал много хорошего. Получив от меня эту информацию, Лора облегченно вздохнула:

— Значит, ты сразу все поймешь. Видишь ли, доктор Пращуров в своей концепции исходит из того, что мартышки, от которых, как это доказано Дарвином, мы произошли, существа сугубо растительноядные. Следовательно, все наши внутренние органы в течение тысячелетий, а может даже и миллионов лет, были ориентированы... Я доступно излагаю?

— Вполне,— откликнулся я, и она продолжала с еще большим воодушевлением:

— Да, наши печенка, селезенка, почки, кишки, а главное — желудок были ориентированы исключительно на растительную пищу — плоды и листья, травку и нежные молодые побеги кустарников и деревьев. Когда же мартышка взяла в руки палку и превратилась в человека, а тот стал с жадностью поедать меньших своих братьев.— Тут Лору всю передернуло.— Понимаешь, о ком я говорю? — В ее глазах стояли слезы.— Да, да, меньших наших братьев — барашков, телят, поросят, гусят, утят...

— Цыплят табака,— подсказал я.

— Правильно,— кивнула Лора.— И еще многих-многих разных птичек, рыбок и зверюшек, то не приспособленные к такой варварской пище внутренние человеческие органы стали давать сбои, выходить из строя. Так начались болезни. Правда, природа снабдила организм человека изрядным запасом прочности, и он переработает и твой бифштекс, и шашлык.— Она с саркастической улыбкой посмотрела на меня.— Но с какими издержками! Питаться трупами животных — да, да, все эти бифштексы и шашлыки — суть трупы — это все равно что заправлять «Жигули» топливом, предназначенным для самосвала.— У Лоры, я знал, машины не было, так что сравнение наверняка принадлежало специалисту по двигателям.— Конечно, какое-то расстояние — несколько метров или даже километров «Жигули» проедут и на несвойственном для них горючем, но затем мотор начнет чихать, глохнуть и в конце концов выйдет из строя.

Мрачное будущее, уготованное Лорой «Жигулям», ввергло меня в уныние. Я догадывался, что, прибегнув к иносказанию, она намекает на ожидающую меня перспективу.

— И как скоро это может случиться? — с трепетом спросил я.— Эта остановка мотора?

— В любой момент! — безжалостно изрекла Лора.

— А что же делать? — чуть не заплакал я.— Неужели нет никакого выхода?

— Выход есть! — торжественно воскликнула Лора.— И его предложил доктор Пращуров. Надо заправлять «Жигули» бензином только той марки, на которую ориентирован его двигатель.

— Ты хочешь сказать, что мне надо перейти на растительную пищу? — догадался я.— Стать вегетарианцем?.. А что? Может, попробовать? Вон Лев Толстой одно время питался рисовыми котлетками, и ничего. Да я и сам люблю картошку с соленым огурчиком.

— Да, тебя спасет только вегетарианство! — с пафосом произнесла Лора.— Но не старое допотопное с его рисовыми котлетками, а современное чистое вегетарианство. Чтобы исцелиться от авитаминоза и застраховать себя от других болезней, ты должен перейти на натуральную растительную пищу, которую употребляли наши далекие предки. Неужели ты полагаешь, что мартышки солили огурцы?

— Ты права,— вынужден был признать я.— Вряд ли у них хватило бы на это ума. Но почему наших далеких предков ты упорно называешь мартышками. Мне кажется, Дарвин имел в виду просто обезьян.

— А разве мартышки не обезьяны? — резонно отпарировала Лора.

— Ну хорошо, пусть будут мартышки.— Не имело никакого смысла ее переубеждать.— Но как ты представляешь мой рацион? Что они там ели, эти твои мартышки? Кокосовые орехи, финики, пальмовые листья, молодые побеги баобаба? Где я это все возьму?

— Не волнуйся! — рассудительно сказала Лора.— Кокосы и финики ели африканские мартышки. А те, которые жили в доисторические времена в средней полосе России и от которых произошли мы, ели, естественно, то, что росло в здешних лесах. А наш растительный мир, представь себе, по богатству видов не только не уступает африканскому, но и превосходит его. И большинство наших зеленых друзей очень питательны и калорийны. Попробуешь и сам убедишься, что за прелесть листики подорожника, цветочки клевера, веточки липы, как аппетитно похрустывает на зубах береста! Да, именно в

них, в дикорастущих, твое спасение, как, впрочем, всех здравомыслящих людей. И оно, это спасение, у тебя под боком — до вашего чудесного лесопарка всего четыре автобусных остановки.— Тут Лора посмотрела на часы.— Ах, извини, мне надо бежать. Но ты, по-моему, уже все понял. Кушай зеленого друга — и ты исцелен! — Она торопливо стала складывать в сумочку свои листочки.

— Но кого конкретно кушать? — спросил я.— Зеленых друзей, ты сама сказала, так много, с кого начинать?

— Пожалуй, для начала тебе лучше всего подойдет вот это.— Лора протянула мне один из листочков, по виду наиболее потрепанный.— Это будничное меню. Надеюсь, тебе будет все ясно без объяснений.

И она упорхнула.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

рассказывающая об энергичных попытках автора применить на практике теоретические рекомендации

После ухода Лоры я минут десять сидел недвижимо, подавленный и разбитый, печально размышляя о своей судьбе. Я слышал, в моем возрасте любая болячка прилипает надолго, так что и с этим авитаминозом придется повозиться, но другого выхода нет, здоровье, как говорится, дороже. Когда небольшая внутренняя борьба желудка с рассудком закончилась в пользу последнего, я твердо решил последовать наставлениям Лоры и рекомендациям доктора Пращурова. Первым делом внимательно изучил оставленный мне листочек. На нем было написано следующее:

Приложение к монографии д. т. н.
Р. Г. Пращурова «Двигатель внутреннего сгорания»: Летний повседневный стол (сицилианский вариант новоиндийской диеты).

Первый завтрак

1. Салат из подорожника.
2. Отбивная хлорелла с листьями ясеня.
3. Желудевый кофе (готовится на ледниковой или дождевой воде).

Второй завтрак

1. Тимофеевка (300 г) или овсюг (250 г). По выбору.

Обед

1. Винегрет из молодых побегов камыша, стеблей кок-сагыза и цветов репейника, заправленный тополиным пухом.
2. Бульон ольховый.
3. Шницель из лопуха с березовой кашей.
4. Настой ромашки аптечной.

Полдник

1. Клевер (250 г) или люцерна (300 г). По выбору.

Ужин

1. Одуванчики в собственном соку.
2. Хвощ полевой натуральный с почками липы.
3. Дикие сливы взбитые.

Весьма заманчиво, подумал я, ознакомившись с меню. Правда, я не представляю, как выглядит хлорелла, и могу перепутать люцерну с овсюгом. Но все эти названия, по крайней мере, мне хорошо знакомы по художественной литературе. Надо будет полистать еще популярные брошюры о жизни растений, чтобы восполнить некоторые пробелы в своем ботаническом образовании, однако уже сейчас я смело могу запастись подорожниками и одуванчиками, лопухами и клевером.

Будучи человеком действия, я уже в следующее воскресенье отправился в ближайший лесопарк.

И вот не спеша бреду по широкой асфальтированной тропе и зорко смотрю по сторонам, выискивая одуванчики и подорожники. Помню, они росли на каждом шагу. Но почему-то в нашем лесопарке их нет. Обочь тропы зеленеет лишь какая-то низкорослая шершавая травка.

Уже полчаса прошло, а мне не попалось на глаза ни одного растения из летнего повседневного меню. В глубоком раздумье остановился я у какого-то дерева. Трудно было определить его вид, потому что его вид ужасал. Ствол у него обглодали примерно до двухметровой высоты. Стоял прекрасный весенний день, но ветки дерева были по-зимнему оголены, и только на самой верхушке трепыхалось несколько листочков. В полном недоумении уставился я на это загадочное явление природы.

— Интересуетесь? — вывел меня из задумчивости строгий мужской голос.

Я оглянулся. За моей спиной стоял старик в формен-

ном кителе с зелеными петличками, указывающими на его принадлежность к лесному ведомству, с двустволкой на плече. Смотрел на меня лесник почему-то не очень приветливо.

— Да вот,— кивнул я на дерево.— Никак не могу понять, что с ним такое. Зайцы, что ли, объели?

— Разве заяц запрыгнет на такую высоту? — усмехнулся лесник.

— Ну, тогда, может, лось?

— И не лось,— вздохнул лесник.— Доцент тут один повадился эту липку обдирать.

— Кто-кто? — переспросил я, не поверив своим ушам.

— Доцент, говорю,— спокойно объяснил лесник.— Звание такое у него. Преподает, значит, молодежи какие-то науки. Дважды я его выслеживал, но догнать не мог. Шустро, однако, бегает. Они все тут шустрые. Дамочка одна, брюнетка, на одуванчиках специализируется, и в возрасте уже вроде пенсионном, а так шпарит, мой зеленый патруль — ребятишки из шестого класса — не смогли ее перехватить, стреканула, что твоя косуля.

— И много их тут кормится? — спросил я, начиная догадываться, почему не встретил на своем пути ни подорожника, ни клевара, ни лопуха.

— Да, считай, уж несколько сотен,— вздохнул лесник.— Плодятся, шельмы, как кролики. Всего лет пять назад первые появились. А так дело пойдет — еще пятилетка, и изведут весь лес на корню.

— А что это за люди?

— Контингент довольно пестрый,— охотно разъяснил лесник.— Доцента я уже упоминал, так вот такого рода состав широко представлен. Они все ветки да кору жуют. Мы уж для них стали веники заготавливать, так нет, живое дерево предпочитают. Вот еще некоторые домашние хозяйки. Те больше на лужайках пасутся. Несколько деятелей от искусства. Но от них урон небольшой. Мелковаты. Словом, почти сплошь интеллигентные люди. Поветрие среди них такое: с каким-то авитаминозом борются и, чтобы здоровье сохранить, кушают «зеленых друзей» в натуральном виде. А предводителем у них какой-то доктор.

— Доктор Пращуров,— подсказал я.

— А ты, мил человек,— подозрительно покосился на меня лесник,— случаем, сам не из них?

— Нет, что вы, я просто прохожий,— чувствуя, как краснею, ответил я.

— А то смотри, прохожий,— сурово сказал лесник.— Скоро их отлов начнем. Наше руководство добивается, чтобы дали лицензию для начала на десять особей. Вроде бы в главке не возражают.

Дальше слушать сурового лесника мне почему-то не захотелось, я попрощался с ним и легкой рысцой направился к автобусной остановке, радуясь, что любое дело у нас должно пройти через бюрократические рогатки. Не то вопрос об отлове уже давно был бы решен положительно...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

и последняя, в которой автор прощается с читателем

Дома, вспоминая свою прогулку по лесопарку и двустволку лесника, я пришел к выводу, что в силу ряда объективных причин не могу следовать наставлениям Лоры и рекомендациям Пращурова. Увы, я, как и прежде, люблю съесть бифштекс или шашлык. Но, утешаю себя, оправданием мне может служить то, что мясо, если вдуматься, есть не что иное, как переработанная травка, то есть те самые клевер, тимофеевка, люцерна, которые рекомендует доктор Пращуров.

Помни об этом и ты, читатель!

«КРАСНАЯ СТРЕЛА»

Дорожные байки

Чего только в поезде не наслушаешься! Перестук колес обладает магическим свойством развязывать языки, порой совершенно случайные попутчики делятся друг с другом такими сокровенными тайнами, которые не доверят ни родной жене, ни председателю месткома.

Как сейчас помню истории, услышанные в купейном вагоне поезда Ленинград — Москва, именуемого «Красной стрелой», в ночь на первое января 1963 года. Дата эта врезалась в память не только потому, что то был единственный Новый год, встреченный мной в пути, но и потому, что на дорогу купил я в буфете Московского вокзала города на Неве полкило языковой колбасы, которая как раз в 1963 году вышла из моды.

Когда я зашел в купе, там находились двое: средних лет здоровяк с бычьей шеей и тщедушный гражданин предпенсионного возраста с оттопыренными ушами. На столике уже стояли бутылка шампанского и бутылка коньяка, а здоровяк и оттопыренноухий пассажир выгружали из своих портфелей разнообразную снедь, как-то: буханку черного хлеба и батон, баночку маринованных маслят, с десяток яиц, пирожки домашней выпечки, шпроты и еще какие-то консервы. В заключение извлечен был завернутый в промаслившуюся пергаментную бумагу внушительный сверток, судя по очертаниям, заключавший в себе курицу.

— Так-с, молодой человек,— обратился ко мне пожилой пассажир.— Вот готовимся к встрече Нового года. Если желаете, милости просим к нашей компании.

— Да у меня только колбаса,— смутился я.

— Профинтил, значит, командировочные,— проба-

сил здоровяк.— А еще небось и от жены заначку утаил, да и ту тоже профукал. Впрочем, ладно, гони свою колбасу! И колбаса сгодится. Давай-давай, глазами потом лупать будешь! Через пять минут — Новый год.

Не привыкший к столь бесцеремонному обращению, я хотел было возмутиться, но тут в купе протиснулся бочком еще один наш попутчик, которого как раз не хватало до полного комплекта. Видно, с ним что-то стряслось, потому что в его покрасневших глазах стояли слезы и он беспрерывно шмыгал своим острым, напоминающим птичий клюв, носом.

— Наконец-то все в сборе! — радостно воскликнул пассажир с оригинальными ушами.— Давайте по традиции сначала проводим старый год. Слава богу, прошел он без потрясений и ознаменован был надлежащими достижениями.

Пассажир, склонный к хамству, откупорил шампанское, разлил его по стаканам, мы чокнулись и выпили. Тут же было налито по второй, потому как по поездному радио раздался звон кремлевских курантов.

— С Новым годом, дорогие товарищи! — торжественно прогудел здоровяк.

— С новым счастьем! — добавил ушастый.

Когда немножко закусили (кстати, к моей тихой радости, вклад прибывшего последним пассажира в наш общий котел составил лишь небольшой кулек карамелей), по предложению все того же неугомонного пассажира тщедушной комплекции стали знакомиться.

— Товарищ Паромов,— отрекомендовался здоровяк.— Руководитель учреждения.

— Ну-с, а меня как старшего по возрасту зовите Михаилом Леонтьевичем,— лучезарно улыбнулся ушастый пассажир.— Служу начальником отдела кадров.

— Поэт Анзор Кохинхин,— поднялся с сиденья взволнованный пассажир, поклонился по сторонам и всхлипнул.

Представился и я.

Естественно, выпили за знакомство. На сей раз коньячка. Завязалась беседа. Как водится, поговорили о переменчивой ленинградской погоде, о видах на урожай, об игре сборной по хоккею. Потом Михаил Леонтьевич посетовал, правда без надрыва, а, скорее, даже весело, на участившиеся покалывания в пояснице, что дало повод руководителю Паромову безапелляционно заявить:

— Служи вы в моем ведомстве, я бы вмиг вас на ноги поставил.

— Знаете какой-нибудь рецепт? — заинтересовался Михаил Леонтьевич.— Йога или средство народной медицины?

— Средство мое собственное! — гордо изрек товарищ Паромов.— Раз проявляете интерес, могу доложить. Только попрошу во время моего выступления не чавкать! — Он выразительно посмотрел на поэта, уминавшего грибки, и начал рассказ, который предварительно озаглавил как

ЦЕЛЕБНОЕ СРЕДСТВО

Нет, правильно утверждают ученые, что в наш динамичный век без стрессов, то есть крупных неприятностей, никак нельзя. Я эту научную истину и раньше стихийно чувствовал, а тут как-то в одном популярном журнальчике наткнулся на статью медицинского академика, который эти самые стрессы пропагандирует. Без них, мол, человечество очень даже скоро перемрет. И объясняет, в чем тут дело.

Оказывается, нашего первобытного прародителя стрессовые ситуации подстерегали буквально на каждом шагу. То, глядишь, мамонт на него чуть не наступил, то тигр над самым ухом рявкнул, то свой же соплеменник каменным молотком едва не огрел по башке, чтоб на облюбованную им соплеменницу не пялил глаза. И вот организм нашего далекого предка к этому приспособился. Начал в момент потрясения вырабатывать необходимые для нормальной жизнедеятельности вещества, както: инсулин, адреналин, пироксилин и прочие. И эту, прямо скажем, дурацкую привычку заложил питекантроп или там неандерталец в генетический код всего человечества, передал, стало быть, последующему потомству, в том числе и нам с вами. Так что у современного трудящегося адреналин, к примеру, вырабатывается, лишь когда он попсихует, а когда спокоен — подстерегают его всякие болячки. Потому как центральная нервная система демобилизована безмятежной жизнью, не на что ей, понимаете, реагировать.

А чтоб уж совсем не осталось сомневающихся в целебности стрессов, представители научного мира, сообщает академик, провели следующий эксперимент. Взяли

две клетки и посадили в каждую по мыши. В одной клетке микроклимат устроили типа кисловодского, тамошнюю мышь кормили только «докторской» колбасой и швейцарским сыром, а по вечерам заводили ей музыку Вивальди. Другую же клетку то поставят на электроплиту, так что температура чуть ли не до ста градусов подскакивает, то в холодильник «Юрюзань» засунут на целый час, кормят же подопытную мышь исключительно «завтраком туриста», да еще вместо Вивальди заводят посреди ночи поп-музыку. И что вы думаете? В первой клетке мелкий грызун буквально через пару недель лапки откинул, не вынес испытания комфортом. А та мышь, что регулярно стрессовые потрясения получала, и по сей день бегает — энергичная, подтянутая.

Очень меня взволновала эта научно-популярная статья. В опасности, выходит, человечество. Мамонты ведь давно все повымерли, а чтоб с тигром встретиться в естественных условиях, так это ж в Уссурийскую тайгу надо лететь — в копеечку стресс обойдется. У академика никаких рекомендаций насчет того, как в создавшейся благодушной ситуации выкручиваться, нету, просто ограничился констатацией фактов, засунул читателям ежа под череп — и точка. Но я лично дотумкал, что следует делать. Если природа все меньше и меньше этих стрессов подбрасывает, то надо нам самим их организовывать, делать друг дружке, так сказать, крупные неприятности в моральном плане. Тогда всякие там инсулины будут вырабатываться не хуже, чем у питекантропов.

За все человечество я, конечно, не ответчик, а вот способствовать поднятию жизненного тонуса у членов вверенного мне коллектива готов с превеликим удовольствием, тем более выясняется, что дело это гуманное.

Прихожу, значит, с утра на работу и первым делом подчиненных зорким взглядом окидываю. Вижу, чего-то сегодня у Марьи Антоновны вид неважнецкий. Адреналин, видно, плохо вырабатывается. Вызываю ее, голубушку, к себе.

— Ты, Марья Антоновна,— говорю,— выглядишь — хоть отпевай. Белых тапочек только не хватает.

Тут, кстати, отмечу, что я в коллективе со всеми на «ты». Для демократичности обращения. И хоть эта Марья Антоновна на пятнадцать лет постарше меня, исключения ей не делаю, чтоб, не дай бог, не подумали, что у меня кто-то в любимчиках ходит.

— Действительно, голова немного побаливает,— простодушно отвечает Марья Антоновна, не реагируя на мою бестактность.

— Просто так,— продолжаю я,— голова болеть не будет. Может, разжижение мозгов у тебя? Оформляй, если успеешь, инвалидность. У нас здесь не богоугодное заведение.

— Ох! — вскрикивает Марья Антоновна и достает, естественно, платочек. А лицо у самой красными пятнами покрывается. Пошел адреналинчик!

— Нюни нечего распускать! Микробов здесь напустишь, а может, они у тебя заразные,— заключаю я разговор и указываю Марье Антоновне на дверь...

Так, одной стрессик устроил, здоровьишко подправил. Кто следующий?

Следующей оказывается Леночка Тихонравова. Давно я обратил внимание, что при встрече со мной она бледнеет и глаза в сторону отводит.

— Чего это ты, прекрасная Елена,— с сарказмом спрашиваю ее,— глаза прячешь? Пакость какую задумала?

— Что вы,— лепечет Леночка,— просто я хотела попросить вас отпуск мне предоставить как студентке-заочнице. Сессия у меня скоро.

— А стоит ли продолжать обучение? — иронизирую.— Что-то незаметно, чтоб у тебя ума прибавилось. В твои-то годы не на сессию надо брать отпуск, а декретный.

После этого моего замечания Леночка становится пунцовой, прямо как свекла в винегрете.

Ну, Леночке, сами понимаете, стресс создать было пару пустяков. А вот с Иваном Алексеевичем пришлось повозиться. Но и его пронял. Приносит он отчет. Закончил его точно в срок и составил, надо признать, отменно, ну, буквально не к чему придраться.

— Ни одной ошибки,— говорю Ивану Алексеевичу с улыбкой. А он, вот простота, не замечает, что улыбка-то у меня ехидная, и тоже улыбается.— Зря зубы скалишь,— осаживаю его.— Знаешь такую народную мудрость: не ошибается тот, кто ничего не делает?

— Это меня не касается,— отвечает Иван Алексеевич и улыбаться, конечно, перестает, но цвета лица не меняет.

Тут я для закрепления стресса добавляю пару мужских выражений.

— Мне,— дрожащим голосом отвечает Иван Алексеевич,— университетское образование не позволяет ответить вам теми же словами. Но знайте, мысленно я характеризую вас идентично вашему высказыванию.

— Ах ты, шпана! — в полный голос кричу я.— Вон из моего кабинета.

А сам с удовлетворением отмечаю, что щеки у Ивана Алексеевича не отличаются теперь по цвету от его темно-серого костюма. Пироксилином[1], значит, снабдил я его в избытке.

Вот так и начал заботиться о своих подчиненных. Каждый день то одному, то другому организую стрессовую ситуацию.

А они? Вместо благодарности начали на меня жаловаться: нетактичен, мол, хам и грубиян. А начальство тоже хорошо. Вызывает меня и говорит буквально следующее: «Товарищ Паромов! Вы уж, пожалуйста, в разговоре с подчиненными постарайтесь сдерживать себя, выбирайте, будьте добры, выражения». И все это доброжелательным тоном, сочувственно даже.

А у меня, между прочим, здоровье тоже не железное. Одышка в последнее время замучила. Да и голос пропадать стал — хочешь на подчиненного крикнуть как следует, а вместо этого визг какой-то несолидный выходит. Словом, мне самому эти стрессы позарез нужны. И может, было бы очень полезно, если бы на меня кулаком по столу кто стукнул?..

...После того как руководящий товарищ Паромов закончил свой рассказ, в купе воцарилась тишина. Каждый, наверное, размышлял о том, насколько искренен был рассказчик в своем желании, чтобы на него кто-нибудь стукнул кулаком по столу. Наконец, когда затянувшееся молчание уже грозило перейти в неловкое, заговорил Михаил Леонтьевич.

— Раз речь зашла на медицинские темы,— он обвел нас ласковым взглядом,— дозвольте и мне сообщить на сей счет одну историю, которую я рискну назвать

---

[1] Когда товарищ Паромов первый раз употребил это слово, я подумал, что он просто оговорился, но теперь вижу, что рассказчик не очень сведущ в медицинской терминологии и путает взрывчатое вещество с каким-то гормоном.— *Прим. авт.*

НАПОЛЕОН ПЯТЫЙ

Один руководящий работник в ходе исполнения служебных обязанностей умственно оплошал. Поначалу в нашем коллективе... Да что там, как говорится, наводить тень на плетень. Спятил, стало быть, не какой-нибудь инкогнито, а наш непосредственный начальник Геннадий Африканович Балбошин. Но так как приключившийся с ним случай, во-первых, носит чисто медицинский характер, а во-вторых, крайне нежелательно, чтобы его огласка повлекла за собой возможные аллегории, то указывать название возглавляемого тов. Балбошиным учреждения нет особой надобности. Для ясности же сообщу, что деятельность наша имеет сугубо арифметическое направление: приводить к общему знаменателю показатели, которых добиваются различные организации, расположенные в близлежащих окрестностях.

Так вот, на первых порах в коллективе абсолютно никто не заметил, что Геннадий Африканович малость тронулся. Да и как заметишь?! Речи он произносит соответствующие, задачи ставит масштабные, к подчиненным, как положено, относится по-отечески. Обнаружилась же его умственная аномалия в связи с женским праздником Восьмое марта. По этому традиционному поводу издал он приказ. Приказ как приказ: ни одна труженица не забыта, и формулировки все подобающие. Только вот подпись под приказом поставлена несообразная: «Наполеон Пятый».

Как говорится, факт умопомрачения налицо. Народ, естественно, приуныл и ко мне как завкадрами с вопросом: как, мол, жить дальше? И не следует ли сообщить о случившемся конфузе в вышестоящую инстанцию?

Стою я у доски объявлений, окруженный вопрошающим коллективом, в десятый раз перечитываю злополучный приказ и лихорадочно соображаю, почему же все-таки Балбошин пятым Наполеоном вознамерился стать, а не четвертым, ведь их в истории, кажется, всего три обозначено. Ничего не решив на сей счет, я тем не менее говорю:

— Успокойтесь, коллеги. Не первым же себя объявил Геннадий Африканович. И Ивану Ивановичу сообщать об этом мелком психическом недоразумении нет абсолютно никакого резона. Оттого что Геннадий Африканович мнит себя Наполеоном, ничего же не измени-

лось. Показатели у нас отличные, производственный травматизм изжит начисто, текучесть кадров равна нулю. А вспомните, что было до прихода Балбошина?

Вспомнил коллектив, и горько стало ему от мысли, что может лишиться любимого начальника. Ведь это же именно при нем столько отрадных перемен произошло! И мебель сменили на финскую, и шторы новые повесили, и полы везде отциклевали. Вместо счетов у каждого по арифмометру. На озере Бирюзовом соорудили Дом рыбака с сауной. А главное, премии теперь регулярно получаем — и в повышенном размере. Ну, а придет кто другой? Вдруг держиморда какой или того хуже — слюнтяй. Дисциплина расшатается, пойдут дрязги, склоки. Б-р-р!!!

В общем, единодушно порешили: от добра добра не ищут. И разошлись по рабочим местам.

Первое время, правда, некоторые смущались называть Геннадия Африкановича Наполеоном Пятым, но довольно скоро попривыкли, а потом уже и вовсе во вкус вошли. И закипела у нас деятельность пуще прежнего. У других то недовыполнение, то недопоставки, то низкое качество, у нас же всегда полный ажур, из месяца в месяц идем, как говорится, с нарастающим итогом. И опять же добиваемся этого исключительно под руководством непосредственного начальника. Вернее — под водительством.

Надо сказать, что, после того как почувствовал себя Геннадий Африканович Наполеоном Пятым, возлюбил он старинные слова и обороты, которые, если вдуматься, и действительно вышли из употребления преждевременно. Посудите сами. Взять хоть эпитеты, которыми мы обычно начальство характеризуем. «Уважаемый», «дорогой», «любимый» — и то стесняемся сказать. И слова эти уж больно стертые, затасканные, не отражающие в полной мере глубины чувств. А теперь послушайте, как звучат «достославный», «достопочтенный» или, скажем, «незабвенный»,— это ж музыка для руководящего слуха, оратория, да и только.

Кроме любви к старославянским речениям проявлялись иногда у Геннадия Африкановича и другие, так сказать, неординарные причуды, могущие иному посторонне му скептику показаться странными. Так, в скором времени сшил он себе треуголку. Признаться, увидев его впервые в этом головном уборе, коллектив оторопел:

теперь-то уж недомогание начальника вылезет наружу. Но так как руководитель наш человек интеллигентный, воспитанный, то и треуголку он надевал, только когда шел от подъезда к машине и соответственно наоборот. Так что случайные прохожие принимали Геннадия Африкановича за популярного артиста, снимающегося в историческом фильме.

Когда отмечался пятилетний юбилей пребывания Г. А. Балбошина на вверенном посту, приготовили мы ему в качестве сувенира настоящий тульский самовар. А местный умелец дядя Леша, который трудится в мастерской по ремонту зонтов и чемоданов, той, что у рынка, и по совместительству выполняет граверные работы, по всей окружности водонагревательного сосуда вывел славянской вязью сочиненную общими усилиями надпись: «Неустрашимому воителю с упущениями, устроителю благополучия подчиненных, радетелю образцового правопорядка и крепкой трудовой дисциплины, несравненному стратегу, под мудрым водительством коего одержаны многие производственные виктории, в достопамятный день славного юбилея — благодарный коллектив».

Самовар юбиляр принял благосклонно, правда указал, чтоб в следующий раз заменили эпитет «мудрый» на «коллегиальный». Тут, естественно, мы зааплодировали, но Геннадий Африканович против обыкновения не улыбнулся по-отечески, а, наоборот, брови нахмурил и, повернувшись ко мне (подарок-то я ему вручал), высказался в том смысле, что самовар самоваром, но негоже нам забывать, что он не хухры-мухры, а Наполеон Пятый. Посему более приличествует ему шпага.

Намек мы поняли, стали обзванивать торговую сеть. Ни в универмаге, ни в кооптorге, ни даже в культтоварах шпаг в продаже не оказалось. Взгрустнул коллектив. Но выручила нас главбух Алла Борисовна. Сильно смущаясь, заявила она, что сынок ее в юношестве увлекался фехтованием, был даже чемпионом областного совета спортивного общества «Динамо», только специализировался он на рапире, и одна такая с тех времен у них в доме сохраняется, потому как очень удобна для протыкания капусты во время ее квашения, чтобы выпустить, значит, образующийся углекислый газ.

Рапира ли, шпага ли, говорим Алле Борисовне, не до спортивных тонкостей, когда каждая минута дорога,

тащите ее скорей, авось сойдет. Притаскивает Алла Борисовна свою рапиру, которая, кстати, выглядит вполне как шпага и к тому же находится в хорошем состоянии, ибо главбух наш, знаем, большая любительница квашеной капусты и прочих солений. Пока она за холодным оружием бегала, сочинили сообща надпись, не менее публицистическую, чем на самоваре. Но вот беда, к дяде Леше мы пришли, когда он уже отобедал. Шрифт умелец выбрал подходящий — готической конфигурации, но по понятным причинам допустил ошибки в расчетах, и уместилось у него на клинке только два слова: «Презревшему угрызения...»

Однако делать нечего, другой шпаги в наличии не имеется, съездить же в областной центр, поискать ее там, никак уж не успеваем. В общем, приготовившись к худшему, преподносим шпагу, то есть на самом деле рапиру, Геннадию Африкановичу. Прочитал он надпись на клинке и замер. Держит, значит, в одной руке якобы шпагу, другой лысину свою поглаживает, есть у него такая привычка, и молчит. Коллектив, конечно, застыл в опасении. Тут я решил каламбуром спасти положение: заслуги, говорю, мол, у вас большие, а надпись коротковатой получилась.

Геннадий Африканович еще с минуту помолчал, потом к вящей нашей радости отечески улыбнулся и изрек:

— Краткость — сестра таланта.— И, подумав, добавил:— Ты, Михаил Леонтьевич, запиши-ка эту мою мысль и не забудь ее при надлежащем случае обнародовать.

После этих слов, сами понимаете, невозможно было удержаться от ликования и троекратного скандирования «ура!». Вдохновились мы, новый прилив сил почувствовали и заработали с наивысшей отдачей — только арифмометры трещат. В кратчайший срок полугодовые показатели не только привели к желаемому знаменателю, но даже превысили. Там, где раньше было два процента роста, ухитрились пять вывести, а где пять — все десять. И за такой самоотверженный труд приготовились получить премии. Геннадий Африканович приказ отдал — каждому по месячному окладу.

Только приезжает из банка наш главбух Алла Борисовна вся в слезах. Увлек я ее в свой кабинет, дал водички выпить, спрашиваю, кто обидел.

— Ой, беда, Михаил Леонтьевич,— всхлипнула Алла Борисовна,— отказался банк деньги выдать. У них, говорят, подпись «Наполеон Пятый» среди распорядителей кредитов не значится. Если, говорят, у нас начальство сменилось, то должны мы из вышестоящей инстанции соответствующее уведомление представить. Объясняю им, что Наполеон Пятый — это вроде бы как административный псевдоним товарища Балбошина. Но там, вы же знаете, буквоеды, чернильные души. Денежки, говорят, мы платим настоящие, и поэтому на документе не псевдонимная подпись должна стоять, а подлинная. Придется, наверное, сигнализировать по инстанции. Геннадий Африканович золотой, безусловно, руководитель, но, если выбирать между ним и премиальными, тут и вопроса не может быть.

— Не спешите, Алла Борисовна,— говорю успокаивающе,— зачем же начальника менять, когда проще привести в соответствие его анкетные данные. Закон этому не препятствует. Я вот лично дважды отчество сменил и один раз фамилию. Очень простая процедура, никакого бюрократизма.

Пошел я с этой идеей к Геннадию Африкановичу. Выслушал он меня и с некоторым даже неудовольствием говорит: «Давно пора было сообразить. Если я Наполеон Пятый, то и в паспорте так должно быть записано».

Документ, удостоверяющий личность Наполеона Африкановича Пятого, бывшего Балбошина Г. А., наша городская паспортная служба оформила буквально за день. Теперь дело оставалось за тем, чтобы новую подпись утвердила вышестоящая инстанция. Составили мы следующее прошение: «В силу производственной целесообразности и ввиду изменения пунктов 1 и 3 в анкетных данных распорядителя кредитов нашего учреждения просим отдать распоряжение впредь считать Балбошина Геннадия Африкановича Наполеоном Пятым со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Текст, что и говрить, отредактирован был благоразумно, но когда послали бумагу в инстанцию, беспокойство охватило: вдруг там не одобрят просимой нами перемены и аллегории сделают. День проходит, другой. Из инстанции никакого ответа. Коллектив совсем приуныл. И когда уж ожидание истомило всех окончатель-

но, прибывает курьер, вручает мне пакет под расписку. Срываю я дрожащей рукой сургучи, достаю из конверта бумагу, разворачиваю ее и вижу, что на нашем прошении в верхнем левом углу энергичным четким Иван Ивановичевым почерком начертано: «Принять к исполнению. Наполеон Четвертый».

История, рассказанная Михаилом Леонтьевичем, была выслушана нами с огромным вниманием, а по ее окончании слово взял, не испросив предварительно согласия, появившийся пять минут назад в нашем купе гражданин в голубом тренировочном костюме, чьи габариты были еще внушительнее, чем у товарища Паромова.

Кто часто ездит по железным дорогам страны, тот знает: в любом вагоне любого поезда обязательно найдется субъект, которого почему-то не устраивают попутчики, доставшиеся ему согласно купленным билетам, и буквально через полчаса после отправления он начинает бродить по вагону и заглядывать в приоткрытые двери, выискивая компанию, которую мог бы осчастливить своим присутствием. И если где-то затеяли игру в подкидного или принялись травить дорожные байки, он тут как тут. Без всякого приглашения такой тип присаживается к вам и уже через минуту, заглядывая в ваши карты, громко шепчет: «Бей тузом!» Вы следуете его рекомендации и остаетесь «дураком». «Не тем тузом надо было»,— укоризненно качает он головой. Так как никакого другого туза у вас не было, вы начинаете тихонько его ненавидеть. Когда же после его громогласного заявления: «Ну, с такой картой любой дурак сыграет!» — вы проигрываете, то вам не остается ничего другого, как передать ему колоду, сославшись на неожиданно возникшую потребность подышать в тамбуре свежим воздухом. Если же пассажир-прилипала набредет на компанию, занятую беседой, он дожидается первой паузы и, отодвинув вас локтем, объявляет: «А вот со мной еще почище случай был!»

Именно этими словами и предварил примкнувший к нам субъект в тренировочном костюме свое повествование, которому он дал несколько тривиальное название.

СИЛА ВНУШЕНИЯ

Недавно наш культорг Леня Переборов затащил к нам гипнотизера. По части организации встреч с интересными людьми Леня большой дока. То Эдиту Пьеху пригласит, то Олега Блохина, то Юлиана Семенова,— одним словом, самых дефицитных товарищей. А теперь вот гипнотизера где-то раздобыл.

Ну, в клубе народу полно. Каждому хочется поглядеть, что это за штука — гипноз. Одни говорят — мистификация, другие про какие-то биотоки толкуют. Я, между прочим, на стороне первых.

В общем, обмениваемся между собой мнениями, шум стоит, и тут наш Леня выводит на сцену этого самого гипнотизера. Вполне приличный гражданин черноморской наружности, средних лет, плешивый,— словом, ничего особенного. Сначала он нам лекцию прочитал об этой самой телепатии, объясняя, что это все вполне на принципах материализма. Терминов, которыми он сыпал, я не запомнил, поэтому пересказывать его слова не стану. Ну, а потом самое интересное началось.

Попрошу, говорит гипнотизер, одного товарища из публики подняться на сцену, и я продемонстрирую вам, какой может быть сила внушения. Желательно, добавляет, чтоб товарищ был скептически настроен. Для большей убедительности, значит.

Никто, однако, не выходит. Смущаются.

Ну, здесь меня соседи подталкивают: давай, мол, Утробин. Ты внушениям плохо поддаешься. С тобой он не справится.

Раз товарищи просят, выхожу. Посмотрел вблизи на этого гипнотизера, еще невзрачнее он мне показался. Костюмчик на нем так себе, рубашка, правда, чистенькая, и при галстуке. Но глаза обыкновенные, не пронзительные, не то что, скажем, у нашего мастера. Ну что, думаю, он внушить мне сможет?

А гипнотизер меня спрашивает, знаю ли я его. Чтоб, значит, убедились, что никакого обмана не будет.

— Первый раз этого товарища вижу,— честно говорю я.

Спросил он еще мое имя, отчество, а потом тихо так шепчет мне: «Я, Федор Федорович, чувствую, что вы не верите в силу гипноза, и поэтому, признаюсь честно, абсолютно ничего внушить вам мне не удастся. Но на-

деюсь, вы не будете столь жестоким и не позволите, чтобы я с позором провалился. Поэтому, умоляю вас, когда я снова спрошу вас об имени, отчестве, назовите себя Василием Ивановичем. Ну, а потом уж, если вы другие мои внушения не исполните, мне не так стыдно будет».

Сначала я, конечно, сразу его разоблачить хотел. Но так уж он своей откровенностью меня сразил, что я согласился: ладно, говорю, валяйте.

Отходит гипнотизер в сторону и громко говорит:

— Все знают, как зовут этого товарища?

— Знаем!— кричат из зала. (Я в приказах часто фигурирую.)

— Как вас зовут?— обращается он ко мне и жалобно подмигивает.

Я тоже ему подмигнул и отвечаю:

— Василий Иванович.

В зале, конечно, оживление и даже аплодисменты.

Подходит ко мне гипнотизер, нежно жмет мою руку и снова шепотом говорит: «Спасибо, Федор Федорович, выручили меня, спасли от полного посрамления. Я, безусловно, не вправе больше рассчитывать на вашу любезность, но рискну попросить вас выполнить еще одну просьбу. Конечно, если не хотите — не надо, но от этого, между прочим, мое служебное положение зависит. Тут в зале мой начальник сидит, и если сеанс не удастся, то выговора мне не миновать, а у меня их уже два есть».

Посмотрел я на гипнотизера, и жалко мне его стало. Сам выговоры получал, знаю, как это неприятно. Мало ли у кого срывы бывают по работе. Зачем сразу же выговор? Валяйте, говорю.

Ну, попросил он меня после этого цветы на паркете собирать. Воображаемые цветы, сами понимаете.

Собрал я этот воображаемый букет, подал ему и говорю тоже шепотом: «Хватит меня разыгрывать. Давайте дальше по-честному».

«Что ж,— вздыхает он, и даже слезы вроде в глазах появились.— Спасибо и на этом, Федор Федорович. Но если бы вы последнюю мою просьбу выполнили, мне бы оклад на 15 процентов повысили. Сейчас я 120 рублей получаю, а у меня жена, двое детей, да еще алименты плачу».

Присмотрелся я к нему: костюмчик-то совсем плохонький и рубашка застиранная. Прибавка жалованья ему ой как не помешает.

«Черт,— говорю,— с вами, я сам по себе знаю, что такое алименты, так что валяйте, пользуйтесь моей добротой».

Пожимает мне благодарно гипнотизер руку, отходит в сторону и торжественно провозглашает:

— Товарищи, вы сейчас воочию убедитесь, что может сделать сила внушения. Мой друг Федор Федорович (я уже ему другом стал!), как видите, по комплекции совсем не гимнаст (какой уж там гимнаст — 58-й размер брюк ношу), и вот он сейчас по моей просьбе выполнит тройное сальто, что не удавалось сделать ни одному спортсмену в мире[1].

В зале тишина. Смотрю я на гипнотизера и говорю ему глазами: ну уж дудки, шлепаться я тут на смех людям не буду. Вижу, он поскучнел сразу и робко так тоже глазами про алименты мне напоминает.

Была не была, думаю, надо помочь человеку. Разбежался и это самое тройное сальто исполнил.

В зале после этого овация. Гипнотизер раскланивается. И объявляет:

— Ну вот, товарищи, убедились, что может сила внушения. На этом сеанс гипноза разрешите считать законченным.

...Теперь в нашем коллективе все верят в гипноз. Кроме меня, конечно. Я-то знаю истину. Просто развито в нас чувство товарищества, взаимовыручки, значит, а некоторые этим пользуются.

Закончив свой рассказ, пассажир в голубом тренировочном костюме молча взял со столика стакан, в котором еще оставалось на треть коньяка — это поэт смаковал его мелкими глоточками, мы же воспринимали благородный напиток по-старославянски залпом,— и с безмятежной улыбкой осушил граненый сосуд. Этот явно непроизвольный поступок оказал благотворное воздействие на Анзора Кохинхина, пребывавшего доселе в меланхолии.

— Други!— патетически воскликнул он.— В праздничную ночь более к месту истории с оптимистической

---

[1] Действие рассказа происходило за две недели до того, как Вадим Биндлер впервые в истории акробатики выполнил этот элемент.— *Прим. авт.*

концовкой, но дозвольте поведать вам о трагедии. Ее можно было бы назвать «Невинная жертва», или «Жизнь, положенная на алтарь литературы», но я — поэт и потому нарекаю ее согласно поэтической традиции:

* * *

(Три звездочки)

Людям, далеким от литературы, возможно, неизвестно, что самая дефицитная профессия в этом цехе — критик. Прозаиков — пруд пруди, драматургам — имя легион, о нашем брате не говорю, в кого ни плюнь — стихотворец. А вот продолжателей дела Белинского и Писарева — раз-два, и обчелся. Почему, спросите, пишущая братия не идет в критики? Отвечаю. Потому как нет морального стимула. Поэт зачтет с эстрады стихи, ему восторженные девицы записочки присылают, умоляя о свидании. Прозаик издаст роман и с законным основанием ждет, чем его удостоят. Драматургу, вы знаете, после каждой премьеры — корзина цветов и овации. Литературным же критикам ни записок не пишут, ни регалий не раздают, ни цветов не преподносят. А ведь им, бедолагам, за одно то, что они по долгу службы обязаны прочитывать современную печатную продукцию, при жизни памятники ставить надо.

С другой стороны, некоторые литераторы не идут в критики, прямо скажем, по недомыслию. Уж очень буквально понимают они, что раз критик, то должен критиковать. Опасное заблуждение! Со времен неистового Виссариона ситуация, слава богу, изменилась к лучшему. Критик, согласно последним веяниям, обязан поддерживать молодые литературные силы, ободрять силы среднего литературного возраста и возносить на долженствующую высоту слабеющие силы маститых.

Но как бы то ни было, более или менее приличного критика нынче днем с огнем не найдешь. Поэтому вы поймете, какой удар получил коллектив нашего журнала, где я, кстати, возглавляю отдел поэзии, когда от нас безвозвратно ушел, переквалифицировавшись в метрдотели, заведующий отделом критики и библиографии. Наш главный редактор, имя его не буду называть, оно и так достаточно широко известно, буквально

рвал на себе волосы. Еще бы, по нынешним понятиям, каждый уважающий себя журнал немыслим без раздела критики. Ибо где же тогда раздавать лавровые венки?

Ну, месяца три-четыре мы еще держались на созданном заделе, потом Главный — так любовно называем между собой нашего редактора — сагитировал лечившего его дантиста письменно поделиться своими яркими впечатлениями о двулогии «Хламида» и «Монада» безусловно знакомого и вам по передачам телевидения известного романиста. Обещал еще написать свои «Литературные мечтания» сантехник, обслуживающий дом, где проживает Главный, но это было так зыбко, так ненадежно. Словом, нам позарез требовался свой, постоянный, числящийся в штатном расписании критик. Но где его найти?!

И вот в один счастливый день Главный, прогуливаясь по окрестностям подмосковного дачного поселка, столкнулся нос к носу с курицей. Другой бы на его месте сказал «кыш!» и пошел дальше, а наш редактор, будучи человеком большого полета мысли, задумчиво посмотрел на домашнюю птицу, и в его голове родилась смелая идея.

— Голубушка!— обратился он к курице.— А не согласились бы вы возглавить в моем журнале отдел критики?

— Куда мне!— скромно ответила курица.— У меня же мозги, извините, куриные.

— Не смущайтесь этим, сударыня,— наш Главный тоже любил старинные речения.

— Мне, конечно, льстит ваше предложение,— заколебалась курица,— но у меня и сейчас неплохая профессия: работаю несушкой, недавно повысила квалификацию — перешла на несение диетических яиц. К тому же не уверена, что у меня именно то перо, которое вам требуется.

— Милая вы моя,— Главный недаром славился даром убеждения.— Кто же вам запрещает нести яйца? Несите себе на здоровье, только пусть это будет ваше хобби, а основная работа — писание рецензий, обозрений, если хотите, даже монографий. Что же касается перьев, пусть и это вас не тревожит, литературные коллеги быстренько вас пообщипают, и получится как раз то, что требуется.

Так в нашем журнале появилась новая заведующая отделом критики и библиографии — Валенсия Петровна Леггорн. Оказалась она курицей на редкость приятной и коммуникабельной. Мы в ней просто души не чаяли. Насчет чая ли — извините за каламбур: профессиональная привычка — заварить или кофе — лучше ее никто не мог. Опять же безотказно ссужала она редакционную молодежь энными суммами до получки или гонорара.

Что же касается творческого роста, то и он был налицо. Если поначалу Валенсия Петровна из робости непременно придавала заглавиям своих критических статей вопросительную интонацию — «Куда идет поэт Арсений Пупкин?» или «Куда катится деревенская проза?», то совсем скоро стала обходиться без этого знака препинания, что сразу повысило весомость ее выступлений,— «Куда ведет езда в незнаемое», «Куда шагает современный рассказ», «Куда движется комедия». Нашу критикессу заметили на литературном Олимпе, стали посылать на различные диспуты, встречи, вечера. Можно сказать, что как раз популярность и сгубила ее.

Две недели назад Валенсия Петровна отбыла в Ленинград, чтобы принять участие в беседе за «круглым столом» на тему: «Моменты ирреального в произведениях отечественных реалистов». Мы порадовались за коллегу, когда узнали, что ее сообщение было с большим пониманием встречено уважаемой аудиторией. Но после этого она как в воду канула.

Не появилась она в редакции ни через неделю, ни через десять дней, ничего не дал и объявленный нашими читателями из МВД всесоюзный розыск. Тогда Главный командировал меня на берега Невы, чтобы я на месте попытался выяснить все обстоятельства таинственного исчезновения Валенсии Петровны Леггорн.

Ленинградские коллеги сообщили мне, что последний раз заведующую отделом критики нашего журнала видели в обществе кинодраматурга Василия Ядреных. Направлялись они, судя по всему, в гостиницу, где остановилась Валенсия Петровна.

Со сценаристом Васей Ядреных мы были немного знакомы, и я без предварительного звонка пошел к нему домой. Дверь мне открыл сам хозяин, но я с трудом узнал его. Движения его были лихорадочно быстры, лик ужа-

сен, а изо рта исходил запах отнюдь не фиалок или ландышей.

— Спасибо, что пришел,— возопил кинодраматург, увидев меня, и бухнулся на колени.— Может, ты облегчишь мои нравственные муки?!

— Что стряслось?— спросил я, с трудом поднимая его шестипудовое тело.

— Хана мне, братец!— зарыдал он.

— Да объясни, черт возьми, толком!— не выдержал я.

— Я такое, братец, пережил,— всхлипывая, начал рассказ Василий Ядреных,— что моя бедная психика вряд ли после эдакого потрясения придет в норму. По завершении «круглого стола» об этом самом ирреальном был у нас, естественно, товарищеский ужин. Начало его помню, а потом — полный провал памяти. Просыпаюсь в незнакомой комнате, по обстановке — вроде бы гостиничный номер, обретаюсь не где-нибудь на полу, а чин чином на полутораспальной кровати, откидываю одеяло и... представь мой ужас! — рядом лежит совершенно голая, точнее сказать, начисто ощипанная курица. Синюшного цвета, вся в пупырышках — как вспомню, содрогаюсь! Ну, думаю, Василий, надо завязывать, и тебя она, родимая «Сибирская», не пощадила — вот уже галлюцинации начались. Только руку-то я это протянул — и оказывается: не плод горячечного воображения со мной рядом лежит, а самая натуральная курица, по рубль семьдесят пять за килограмм. Еще тошнее мне стало. Значит, стащил я где-то этот полуфабрикат и уж так хорош был, что спать его вместе с собой положил. Но, ты меня знаешь, плагиатором я никогда не был, чужого не брал. Начинаю размышлять, где же это я мог уцепить курицу, и туманно так припоминается, что ходил вроде к шеф-повару предъявлять претензии — по поводу непрожаренных цыплят табака... Ну, взял я свою курицу за лапку — вообрази, в каком был состоянии, если почудилось, что она спросила: «Куда пойдем?» — и, не считая ступенек, бегу вниз в ресторан. «Вот,— говорю работникам общепита,— вчера машинально прихватил вашу курицу, получайте обратно».— «Да нам таких некондиционных не поставляют,— отвечают они,— хотя, впрочем, вчера другая смена работала, так что давайте — найдем ей какое-нибудь применение...»

— Ну а дальше? Что было дальше?— нетерпеливо

спросил я, поняв, что речь идет о нашей Валенсии Петровне.

— А дальше я бегом из гостиницы, заскочил в ближайшую пивную, махнул три кружки — не отпускает, как вспомню курицу, снова колотун начинается. И вот, считай, уже две недели не проходит это наваждение. Хана, видно, братец, мне...

Не стал я дальше слушать стенаний Василия Ядреных, шапку в охапку, поймал такси — и в упомянутый им гостиничный ресторан. Сначала там отнекивались, знать, мол, ничего не знаем, не ведаем, но когда я пригрозил народным контролем, шеф-повар признался во всем. Да, подтвердил он, две недели назад неизвестный гражданин, прилично одетый, но с большого похмелья, буквально силой всучил им неизвестную второсортную курицу. Так как гостиничный ресторан является предприятием высокой культуры обслуживания, то употребить здесь данную курицу сочтено было невозможным, ибо из-за своей некондиционности она не годилась ни для бульона, ни в качестве цыпленка табака. Поэтому ее отдали друзьям-соперникам по соревнованию — коллективу вокзального ресторана в обмен на пучок сельдерея, который испокон веку в большом дефиците. На вокзале курей, известное дело, реализовать гораздо проще, лоточная торговля там широко развита, а пассажир, тот хватает все без разбора.

Я бросился на вокзал. Директор вокзального ресторана любезно разъяснил мне, что да, в течение целых двух недель они торговали курами, был большой завоз этой птицы, однако как раз сегодня продали последнюю и теперь в дорожные наборы пойдет индейка, но, естественно, не целиком, а кусками.

Так нелепо оборвалась литературная деятельность Валенсии Петровны Леггорн.

Долго мы не могли прийти в себя после жуткой истории, которую рассказал поэт Анзор Кохинхин[1]. Первым обрел дар речи товарищ Паромов.

---

[1] Опасаясь, что не все читатели хорошо знают орнитологическую литературу, считаю своим долгом сообщить следующее: фамилия поэта, рассказавшего трагическую историю, буковка в буковку совпадает с названием породы кур, только в отличие от яйценоских леггорнов кохинхины выращиваются на мясо, которое особенно вкусно в жареном виде под белым соусом.— *Прим. авт.*

— Вот не думал, сколь опасна профессия литератора,— вздохнул он.— По этому поводу следует выпить, а заодно и закусить. Посмотрим, что там положили в дорожный набор вокзальные рестораторы?

Товарищ Паромов принялся разворачивать пергаментный сверток. Показалась куриная ножка. Поэт глянул на нее, вскрикнул «Ах!» и без чувств повалился на руки Михаила Леонтьевича. Я побежал к проводнице, чтобы попросить у нее нашатыря или чего другого, что помогает при обмороках.

— Вот паразиты!— выслушав мою просьбу, сказала хозяйка вагона.— Уже один успел налакаться.

...Ее слова лишний раз убеждают меня в том, что путешествие, во время которого услышал я вышерассказанные истории, проходило действительно в ночь на Новый, 1963 год, ибо тогда еще не был издан приказ министра путей сообщения об обязательном изъятии из лексикона лиц, связанных с обслуживанием пассажиров, грубых слов и словосочетаний.

ВРЕМЕНА ГОДА

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

В бодрящий зимний денек, когда столбик термометра упал куда-то далеко вниз и мороз пробирает до костей, когда даже нос страшно высунуть на улицу, что может быть лучше подледного лова рыбы?! Это одно из самых!.. Да что там из самых!! Это самое увлекательное времяпрепровождение в суровую зимнюю стужу!!!

Вы никогда не занимались подледным ловом? Напрасно. Но еще не поздно наверстать упущенное. Уверен, что, прочитав эту небольшую инструктивную статью, вы в первую же субботу смотаете удочки. (Объяснения специальных рыбацких терминов приведены в конце настоящего пособия.)

Итак, мой рассказ для тех, кто ни разу в жизни не держал в руках гарпун, трал, самодур. Бывалым рыбакам, которые с закрытыми глазами отличают ерша от минтая, мой подход к теме, может, покажется упрощенным, а изложение чересчур сухим. Да простят они меня. Ведь я не ставлю перед собой задачу ознакомить новичков со всеми тонкостями подледного лова, а просто хочу дать им общее представление об этом небезынтересном занятии, привить им самые элементарные навыки, ввести в курс дела. Но, как говорят черноморские рыбаки, пора уже брать бычка за рога.

При классическом подледном лове, хотя он и называется подледным, залезать под лед совсем необязательно. В этом, пожалуй, и состоит главная его прелесть. Освоить же приемы зимней рыбалки для человека неглупого не составит особого труда.

Во-первых, отправляясь на подледный лов, следует экипироваться по всем правилам. Учтите, что на рыбалке

вы будете не один. Там, как нигде, велика вероятность встретить знаменитого скрипача, популярного киноактера и, между прочим, кого-нибудь из начальства. Поэтому, чтобы не показаться в их глазах неряхой, наденьте парадный костюм и не забудьте до блеска начистить ботинки. Галстуки для подледного лова рекомендуется подбирать темных тонов. В зависимости от погоды захватите одну-две мормышки и соответственно закуски.

Завзятые рыболовы берут еще с собой удочку, червей и ломик-пешню, чтобы было чем глушить крупных пескарей. Если не хотите выглядеть белой вороной, возьмите их и вы. Где достать зимой червей? Да это проще простого! Разве вы не обращали внимания, что как раз зимой в вашем городе проводятся все земляные работы?! Правда, иные рыбаки сушат дождевых червей еще с лета или разводят их в ванной круглый год, но на мой взгляд, делают они это скорее от перестраховки.

Вот вы и готовы для подледного лова. Теперь попрощайтесь с друзьями, утешьте жену — и в путь. Ни в коем случае не идите пешком, даже если живете на берегу реки. На рыбалку принято ездить поездом и не менее как километров за сто двадцать. Как хорошо пройтись от станции по заснеженному полю или по застывшему в сонной дреме мрачному лесу. Снежок похрустывает под ногами, шалунья метель забирается за ворот, зуб на зуб не попадает. Бр-р-р! Красота!

Наконец вы у цели. Выбирайте место поуютнее и начинайте долбить лунку. Зимой и река, и ее берега покрыты снегом, так что не огорчайтесь, если вдруг вместо проруби выроете колодец. Разделавшись с лункой, закидывайте подальше удочку и смело приступайте к процессу ужения. Открывайте термос, в который жена налила настоящей ухи из свежемороженого окуня, откупоривайте припасенную мормышку — и поехали! Почувствовав, что начинается клев, залезайте в спальный мешок или, еще лучше, идите в ближайшую деревню и ситесь переночевать: мир не без добрых людей, кто-нибудь да приютит обязательно. Тут как раз очень кстати будет вторая мормышка. После сна найдите, если хотите, удочку, которую вы закинули вечером, и с богатым уловом возвращайтесь домой.

Какая же все-таки это замечательная штука — подледный лов!!!

* * *

Объяснение специальных рыбацких терминов, встречающихся в тексте:

У д о ч к а, г а р п у н, т р а л — орудия лова рыбы.

М и н т а й — самая распространенная порода рыб в средней полосе России.

П е с к а р ь — по свидетельствам видевших его, весьма крупная рыба.

Е р ш — еще крупнее.

Б ы ч о к — очень крупная рыба (о чем говорит само название).

У ж е н и е — процесс принятия пищи (очевидно, от искаженного: у ж и н а т ь).

К л е в — полусонное состояние (ср.: к л е в а т ь н о с о м).

М о р м ы ш к а — широко распространенная у рыбаков мера объема жидкости — 0,25 литра.

У л о в — обязательно сопровождается эпитетом б о г а т ы й. Точное значение слова не выяснено.

ЕЩЕ О БЕГЕ ТРУСЦОЙ

Весна — самое доброжелательное время года. Пригревает солнышко. Звенит капель. Распускаются почки. Проклевываются первые одуванчики. Вовсю заливаются скворцы, грачи, куропатки, утки, гуси, индейки и другие пернатые, прилетевшие из дальних стран. И люди тоже радуются пробуждению природы. Улыбки на лицах прохожих сплошь милые, ласковые, светлые, на худой конец, снисходительные. Поэтому начинать бегать трусцой лучше всего в весеннюю пору.

Этому чудодейственному способу неуклонного развития мышечно-двигательного аппарата в последние годы посвящается громадное количество научных монографий, популярных журнальных публикаций и развлекательных телевизионных передач. Естественно, что в безграничном море информации, зачастую весьма противоречивой, неподготовленному человеку легко утонуть, а уж захлебнуться — пара пустяков.

Заботой о спасении такого рода утопающих и продиктованы настоящие заметки. В них вы не найдете ни сложных графиков, ни замысловатых диаграмм, ни пространных цитат из авторитетных зарубежных источни-

ков. Они, по моему глубочайшему убеждению, порой только расхолаживают потенциальных энтузиастов, ибо требуют определенных умственных затрат, что в данном случае вряд ли целесообразно. Чтобы доказать социальную да и любую другую значимость бега трусцой, право же, можно обойтись без математических выкладок и расчетов, достаточно лишь четко и ясно ответить на три основополагающих вопроса: «За чем бегать?», «Когда бегать?» и «Кому бегать?».

На первый вопрос ответ одновременно и прост, и сложен. Жизнь настолько разнообразна в своих проявлениях, что побудительные причины, заставляющие побежать трусцой, могут быть самыми неожиданными. Я лично был свидетелем того, как в буфете Центрального Дома литераторов один известный поэт обратился к маститому прозаику со словами: «Сбегай за Сережей. Его очередь подходит». И маститый прозаик побежал трусцой. Словом, бегать и набегаться можно практически за чем угодно — за картошкой, за слесарем-водопроводчиком, за путевкой в санаторий, за лирическим тенором, за квасом для окрошки, за запчастями, за двухтомником Марины Цветаевой, за начальником цеха, за справкой о прививке, за славой, за импортными джинсами и даже неизвестно за чем.

Но если уже точно установлено, за чем надо бежать, то на второй вопрос ответить несложно. В отдельных работах, посвященных бегу трусцой, рекомендуется начинать его чуть ли не в шесть часов утра. Глубоко ошибочное мнение! За заготовками и сырьем, поставки которых срывают смежники, вы набегаетесь в рабочее время, но вот за пельменями лучше сбегать в обеденный перерыв, когда народу в магазинах почему-то бывает меньше. В вечерние часы, как правило, бегают «еще за одной».

И последнее: кому надлежит бегать трусцой? Ответ вроде бы очевиден: любому, кто пожелает. Так-то это так, но есть все-таки одна категория населения, которую природа как будто специально предназначила для этого. Как для услаждения нашего слуха созданы соловьи и вышестоящее начальство, как для ласкания глаз — розы и тринадцатая зарплата, так для бега трусцой — бабушки. Конституция организма этих удивительных созданий такова, что она просто-напросто требует от них обязательной утренней пробежки за хлебом и молоком, потом после небольшого тайм-аута с принтерского рывка в дет-

ский сад с внуком или внучкой на руках, далее — преодоления марафонской дистанции по маршруту: рынок — химчистка — магазин «Тысяча мелочей» — мастерская по ремонту обуви — гастроном — аптека — домоуправление — и напоследок опять же затяжного спурта в детский сад. Именно регулярными занятиями бегом трусцой объясняет современная медицинская наука редкую жизнестойкость бабушек.

В заключение короткое замечание о форме. Не следует гоняться за модой, главное, чтобы обувь не жала, а одежда не стесняла движений. Некоторые специалисты советуют с наступлением теплой погоды надевать легкоатлетические трусы. На сей счет у меня нет определенного суждения, ибо я не знаю, как будет выглядеть в них та или иная бабуся.

АУ!

Увидев этот заголовок, читатель сразу догадается, что речь пойдет о грибах. Так вот, в прошлое воскресенье я ходил в лес по грибы. Друзья уговорили. Это, объяснили они мне, лучший отдых в выходной день. Очень увлекательное и интересное занятие.

Стыдно признаться, но я грибы никогда раньше не собирал. Впрочем, как-то в детстве... Хотя, нет, тогда мы собирали клубнику у соседа дядя Феди. Тоже было очень увлекательно и интересно.

Почитав соответствующую литературу о сборе грибов, я выяснил, что стать грибником проще простого. Для этого требуются резиновые сапоги, ватник или старый плащ и лукошко (так у грибников принято называть обыкновенную корзину). Все эти предметы любезно одолжил мне мой сосед, который «и сам бы с удовольствием махнул в лес, если бы не проклятый ревматизм, заработанный на этих грибах».

Упоминание о ревматизме несколько поколебало мою решимость, но назвался груздем — полезай в кузов, и уже в шесть часов утра я вместе с несколькими тысячами людей, обутых в резиновые сапоги и одетых в повидавшие виды плащи, штурмовал электричку. Вагон был набит битком. На моем плече пристроился какой-то пенсионер, а сам я примостился на коленях у солидного дяди с не менее солидным лукошком в руках, в котором сидели двое подростков, очевидно дети владельца кор-

зины. Как только электричка тронулась, за окном начал моросить дождь.

— Эх, зонтик забыл захватить! — вздохнул я.

Кажется, эти слова были произнесены некстати, потому что попутчики посмотрели на меня с осуждением, а пенсионер так прямо заерзал на моем плече и назидательно проворчал:

— Дождь, молодой человек, это очень хорошо. После него самые и грибы.

— Да какие нынче грибы! — сердито сказал солидный мужчина. — Вот, помню, в шестьдесят пятом году я по грибы с косой ходил: поодиночке срезать — руки уставали.

— Это точно, — сразу согласился пенсионер, — раньше был гриб так гриб! Любо посмотреть. А сейчас найдешь белый, срежешь его, присмотришься — а это вовсе и не белый, так, лисичка какая-то.

— Но все-таки найти что-нибудь можно? — забеспокоился я.

— Если с умом искать, — снисходительно пояснил дядя, — всегда найдешь. Я вот на прошлой неделе около дома в скверике маслят нашел целую банку.

— А у нас в классе, — высунулся из корзины один из подростков, — Алешка Тимонин в пятницу сто восемьдесят шесть подберезовиков собрал.

И тут в ход пошли цифры прямо-таки астрономические. «Ну, сотню белых или там подберезовиков я с первого раза не найду, — самокритично подумал я, — но пару десятков волнушек должен».

В самом радостном настроении сошел я с электрички. Вдалеке синел лес. Я бодро заспешил к нему. При ближайшем рассмотрении лес оказался садоводческим товариществом «Золотой ранет». Настоящий лес, объяснили мне садоводы-любители, чуть подальше, километрах в семи отсюда.

И вот он настоящий лес. Как и положено, растут в нем березки, осинки, елки. Словом, много разных деревьев хвойных и лиственных пород. Только грибов под ними почему-то нет. Добрых два часа бродил я по лесу — и ни одной сыроежки! Когда уж совсем отчаялся, вижу у елочки гриб. Не то чтобы боровик, а скорее опенок, у меня, знаете, даже сердце екнуло. Осторожно подбираюсь к нему с надветренной стороны, чтобы не спугнуть, протягиваю руку и...

— Куда лезешь!— слышу чей-то грубый бас.

Смотрю, под соседней елочкой лежит мужчина, курит сигарету.

— Да вот гриб нашел,— простодушно объясняю ему.

— Ха-ха!— расхохотался басовитый незнакомец.— Я этот подгруздок уже три часа сторожу. Жду, пока он вырастет.

— Зачем же сидеть и ждать?— удивился я.— Мне говорили, что сейчас грибов в лесу хоть отбавляй!

— Да вы, я смотрю, совсем неопытный грибник,— смягчился бас,— мало еще в жизни видели. Знаете последние статистические данные: в лесах Подмосковья на каждый белый гриб приходится 32,8, на подосиновик — 27,4, на сыроежку — 11,3 грибника. Эти цифры мне по секрету жена племянника сообщила, она в ЦСУ работает. Почему по секрету? Так если их обнародовать, транспорт какой убыток понесет — никто ж тогда за грибами не поедет.

И тут я поднял голову, огляделся и сквозь редкую листву березок, осинок увидел, что по лесу бродят толпы людей в ватниках и сапогах, с лукошками в руках.

— Ау!— издал я традиционный клич грибников.

— Ау! — отозвались сотни мужских, женских, старческих и младенческих голосов...

КАК МАРИНОВАТЬ АРТИШОКИ

С приходом осени начинается горячая пора заготовки впрок даров полей, садов, огородов, овощных магазинов и палаток. Наряду с традиционными солеными рыжиками и вареньем из лепестков роз стол сталевара и чабана, милиционера и учителя пения, профсоюзного активиста и солистки балета хорошо дополнят маринованные артишоки. Эти неприхотливые фрукты, а точнее — корнеплоды, могут водиться в любой климатической зоне нашей необъятной страны. Они размножаются как в естественных условиях, так и в неволе.

Для маринования лучше всего отобрать годовалые артишоки молочно восковой спелости. Предварительно их следует ощипать, а затем обдать крутым кипятком, чтобы легче снимался панцирь. После того как артишоки будут очищены, рекомендуется каждый экземпляр насухо протереть полотняной салфеткой и слегка провялить на солнце, ни в коем случае не допуская их сопри-

косновения друг с другом, ибо это может исказить вкусовую гамму.

Перед маринованием подготовленные таким образом артишоки обязательно обжаривают в тандыре (тануре) в течение двух-трех суток, непрерывно помешивая. Кстати, тандыр очень удачно вписывается в интерьер городской квартиры. Топится он исключительно кизяками, предпочтительнее верблюжьими, которые кроме жара дают еще и тонкий аромат, напоминающий запах цветущего вереска.

Для обжаривания артишоков тандыр разогревается до температуры 900 градусов по Цельсию. Это дает возможность убить находившихся в нем микробов и бактерий. Опытный кулинар ни в коем случае не выбрасывает их, а осторожно, стараясь не повредить хрупкие тельца, стряхивает в сотейник, чтобы в дальнейшем использовать для приготовления соусов к блюдам из боровой дичи. Когда микробы и бактерии удалены из тандыра, в него укладываются артишоки, чуть сбрызнутые кунжутным маслом.

Пока артишоки обжариваются, готовится маринад. Его рецептура не отличается сложностью, хотя в одной национальной кухне могут превалировать несколько иные компоненты, чем в другой. Допускаются вариации и в очередности закладки продуктов. Однако главным остается строгое соблюдение пропорций. На два с половиной литра мукузани (в северной кухне его иногда заменяют цинандали, а в юго-западной — хванчкарой) следует взять два чайных (250 г) стакана армянского коньяка, желательно ереванского разлива. Жидкости сливаются в широкую эмалированную кастрюлю, тщательно перемешиваются и взбиваются до консистенции густой сметаны. После этого кастрюля ставится на слабый огонь. В момент закипания в нее бросают стебель базилика. И затем последовательно через каждые полчаса — щепотку мускатного ореха, на кончике ножа чабера, пять можжевеловых ягод, один бутон гвоздики, по небольшому корешку петрушки и женьшеня, три капсулы кардамона, чайную ложку аниса, горсть кардобенедикта (имеретинского шафрана). Бадьян, майоран, кориандр и углекислый аммоний добавляются по вкусу.

Маринад будет готов, когда выпарится 27/29 его первоначального объема. Поджаренные артишоки кладутся тонким слоем на дно чистой стеклянной посуды (вполне

подойдет баночка из-под майонеза) и заливаются охлажденным маринадом. Посуда плотно обвязывается марлей и ставится в погреб со льдом. Через сорок три дня маринованные артишоки можно считать пригодными к употреблению. Однако следует помнить, что это кушанье не является самостоятельным, оно подается лишь в качестве гарнира к популярному блюду с е д л о в ы х у х о л я в к л я р е. (Способ приготовления последнего смотри в книге «Если к вам нежданно нагрянули гости».)

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Возможно, Вам показались знакомыми строки, которые Вы только что прочитали. Не удивляйтесь, ничего загадочного тут нет. Просто эти мои сообщения о приметных явлениях различных времен года в свое время публиковались в периодической печати, а конкретнее — в одной из центральных газет. Без ложной скромности скажу, что они не прошли незамеченными. Каждое вызвало страшное количество откликов. К сожалению, точную цифру привести не могу, так как руководство редакции (почему-то именно ему, а не автору были адресованы отклики читателей) передало мне лишь малую толику их. «Остальные слишком эмоционально написаны»,— со вздохом объяснило руководство свое нежелание довести до меня общественное мнение в полном объеме Подозреваю, оно (руководство, а не мнение.— *В. Е.)* просто позавидовало моей популярности.

Со своей стороны хочу заверить, что решение предать гласности нижеследующие человеческие документы, в которых мною не изменено ни единого слова, продиктовано отнюдь не тщеславием, а лишь стремлением еще раз напомнить о непреложной истине: духовный мир иного нашего современника куда загадочнее, чем это мнится иному литератору, пытающемуся его отобразить. Впрочем, судите сами.

Товарищ главный редактор!

Мы, коллектив рыболовов-любителей отдела главного механика, выражаем решительное несогласие с содержанием статьи «Подледный лов». Она написана человеком, который весьма плохо представляет, что такое на-

стоящий подледный лов. А поэтому, хотел он того или нет, но он бросил тень на этот вид досуга, которому отдают свое свободное время миллионы людей в нашей стране и в братских странах. Подобные статьи, как «Подледный лов», не популяризируют зимнюю рыбалку, а, наоборот, могут отпугнуть некоторых людей, которые подумают, зачем ехать куда-то за сто двадцать километров, когда проще «сообразить на троих». Такой результат получается тогда, когда пироги печет сапожник, а сапоги изготавливает пирожник. Может, автор статьи «Подледный лов» в каком-нибудь другом деле что-нибудь и понимает, а тут он простофиля, т. е. профан. Об этом говорит хотя бы тот факт, что он считает ерша крупнее пескаря, хотя они бывают одинаково большой величины. И еще непонятно, почему он советует надевать для подледного лова галстуки темного цвета. Может, думает, что пестрый галстук отпугнет рыбу? Так вот будет ему известно, что рыболов занимает над лункой такую позицию, чтоб его фигура не отражалась. Поэтому, какой на нем надет галстук, для рыбы не имеет значения. Просим поместить наше опровержение в газете.

И. Шиколенко, В. Крутилин, Н. Поляковский, Е. Дворников, А. Ильин и другие, всего 17 подписей, сотрудники НИИХТРЭА

Москва

Уважаемые члены редколлегии!

В опубликованной в вашей газете корреспонденции «Подледный лов» утверждается, что слово «ужение» означает (цитирую дословно) «процесс принятия пищи (очевидно, от искаженного *ужинать*)». Позвольте не согласиться с уважаемым автором. Представляется более правильным и, кстати, более простым соотнести отглагольное существительно *ужение* с глаголом *удить*. Видимо, автора «Подледного лова» смутило чередование согласных *д* и *ж*, но это чередование широко встречается в русском языке (ср. лудить — лужение, следить — слежение, но ходить — хождение), как, впрочем, и в ряде других славянских языков. (Подробнее об этом см. Л. Я. Симкин «К вопросу о некоторых аспектах историко-морфологического взгляда на чередование согласных *д* и *ж*» в сборнике «Воззрения отечественной лингвистической мысли XIX века на чередование

согласных *д* и *ж».)* Не исключается, что у определенной категории людей, а именно у любителей подледного лова, могло произойти переосмысление слова *ужение* в том плане, как его трактует автор статьи. Но и в этом случае надо было сделать сноску, что речь идет о проявлении так называемой народной этимологии или же о профессиональном жаргонизме. (В скобках позволю себе привести для сравнения пример из сферы, судя по всему, близкой автору. Слово «рыба» в речи доминошников означает не какую-то конкретную рыбу, скажем камбалу, а позицию, при которой, несмотря на наличие костяшек в руках играющих, ходить им нечем.) Надеюсь, уважаемые члены редколлегии согласятся с моим замечанием и позаботятся о том, чтобы впредь на страницах их уважаемой газеты не допускалось столь, мягко говоря, вольное толкование слов, долженствующих входить в словарный запас каждого культурного человека.

Новосибирск *Л. Симкин, аспирант*

Уважаемая редакция!

Разрешите поспорить с одним из положений статьи «Еще о беге трусцой». В ней в целом правильно ставится вопрос о полезности бега трусцой, который правильнее называть оздоровительным бегом, но в конце неожиданно делается вывод, что им следует заниматься только бабушкам. Никто не спорит: любой женщине средних и пожилых лет пойдет на пользу оздоровительный бег. Но по собственному опыту смеем утверждать, что это занятие подарит бодрость и здоровье и молодой женщине, и девушке, и девочке подросткового возраста. Приглашаем редакцию и автора статьи принять участие в работе нашего клуба «Юнона». Тогда вы все увидите своими глазами. Совместные тренировки по пятницам в 9 часов утра. Ждем. Возраст свой не указываем, но при встрече вы убедитесь, что каждая из нас выглядит моложе себя как минимум на десять лет.

К. А. Трошина, прабабушка; Л. И. Горбунцова, бабушка; В. А. Русакова, жена и мать двоих детей; Л. Евсеева, племянница; Раечка Тимянская, ученица первого класса

Ленинград

Уважаемый главный редактор!

Думаю, всех работников здравоохранения удивила и разочаровала помещенная в Вашей газете статья «Еще о беге трусцой». В ней безапелляционно утверждается, что так называемый бег трусцой является панацеей чуть ли не от всех болезней. Что можно сказать по этому поводу? Современная медицинская наука, на которую ссылается автор, считает, что наряду с регулярными занятиями физкультурой (а не только бегом!) необходимейшим условием обеспечения жизнестойкости любого человеческого организма (в том числе и бабушкиного) является рациональное питание, а также посильный физический или умственный труд. Игнорирование этих важных факторов может привести к однобокому развитию личности, что нанесет ущерб обществу.

Е. Краснолуцкий, врач-диетолог

Кисловодск

Дорогой главный редактор!

На последней странице моей любимой газеты, которую я выписываю уже 37 лет, прочитал статью под названием «Ау!». Я начал читать ее, потому что подумал, что там будет рассказано о поиске заблудившихся в лесу малолетних детей. Заметки о заблудившихся детях и как их спасли всегда интересно читать, и спасибо, что вы их часто печатаете. Мне лично запомнилась одна такая заметка о мальчике, совсем маленькой крошке, который заблудился в глухом лесу, забыл, в какой местности, потому что заметка была не в прошлом году, а, наверное, три или четыре года назад, но даже не заплакал, когда его нашли с помощью общественности, потому что питался ягодками и жевал веточки от елочек. Ничего этого нет в статье «Ау!». Мне непонятно, почему ее напечатали. Объясните. До свидания.

Ваш постоянный подписчик
И. Т. Бойцов

Астраханская область

Товарищ редактор!

Вам не стыдно печатать опусы вроде «Ау!»? Во-первых, в заголовке явное подражание А. Вознесенскому. Читали его «О»? Во-вторых, я четырежды перечитал это самое «Ау!» и только на четвертый раз в одном месте улыбнулся. Не слишком ли низкий кпд?

Харьков, проездом *Б. Лыпко, инженер-технолог*

Главному редактору газеты от ветерана труда Шелкова Л. В.

Заявление

Прошу привлечь к административной ответственности и строго наказать, как у вас принято, в литературном порядке, а именно: ничего не платить автору статьи «Ау!» за его неуважение к ветеранам труда, которое видно из того, что, описывая свою поездку в электричке, он написал, что на его плече пристроился какой-то пенсионер. Это смешно даже подумать, чтобы среди ветеранов труда, вышедших на заслуженный отдых, нашелся бы кто-то, кто забрался бы на плечо неизвестному человеку. Это кляуза и клевета. Зато сплошь и рядом молодые девки и ребята не уступают места ветеранам труда не только в электричках, но и в трамваях и автобусах. Вот об этом и надо писать, чтобы уважали старших.

Рязанская область, Шацкий район *Леонтий Васильевич Шелков, ветеран труда*

Уважаемая газета!

Я, житель Прибалтики, в вашей газете на шестой странице прочитал статью «Как мариновать артишоки». Там написано: для обжаривания артишоков тандыр разогреть до температуры 900 градусов по Цельсию. Для

нагрева до такой температуры какая же посуда выдержит? Из чего же изготовляют этот тандыр, если не секрет? Если только из редких металлов. Я всю жизнь выписываю вашу газету и верю каждому ее слову. А тут что-то не так.

Подпись неразборчива

Уважаемый тов. редактор!

Вопреки утверждению автора заметки «Как мариновать артишоки» их разведение в нашей стране ограничивается небольшой зоной. К тому же эта культура никогда ранее не имела да и ныне не имеет большого хозяйственного значения. Не следовало бы также писать: «фрукты, а точнее, корнеплоды». Это все равно что написать: «коза, а точнее корова».

М. Потапович, член общества любителей природы

Гродно

В редакционную коллегию газеты

Прошу редакционную коллегию разъяснить содержание статьи в вашей газете (№ 121 за этот год) на шестой странице под заголовком «Как мариновать артишоки». Во-первых, что такое артишок? Во-вторых, обжаривают в тандыре, в скобках — тануре, в течение двух-трех суток, непрерывно перемешивая. Кто выдержит трое суток перемешивать? Эффективный для обжаривания артишоков тип печи топится исключительно кизяками, и еще вопрос — предпочтительнее верблюжьими. Где их взять? Что такое мукузани? Что такое хванчкара? И много-много непонятных слов: шафран, бадьян, кориандр, углекислый аммоний. Я просто диву даюсь, как корректор и вообще редакционная коллегия пропускают на своих страницах центральной газеты такую галиматью. Наверно, из чисто гонорарских соображений. Просто мне непонятно. Дело в том, что я как-то писал хорошую статью в вашу газету по поводу защиты Миро-

вого океана от загрязнения. Мне пришел через два месяца ответ от вас, что не нашлось на странице газеты площади. А на всякую галиматью у вас находится площадь! Прошу незамедлительно ответить, ибо буду писать в ВЦСПС как член профсоюза.

Морозов Андрей Фролович

Киев

* * *

Прочитав это последнее письмо, я изменил свои творческие планы и ограничил цикл четырьмя сообщениями, дав ему нынешнее название, хотя первоначально он задумывался как «Двенадцать месяцев».

ЧУЖАЯ СУДЬБА

Из записок инопланетянина Антона Пришельца

Профессор обхватил левым ухом подбородок и крутанул его вниз. Этот жест — студенты хорошо знали привычки своего научного руководителя — означал у него крайнюю степень недовольства. Сейчас должен последовать разнос. Даже самые турбовалентные моментально зациклились, опасаясь стать жертвой старого брюзги.

— Молодые люди!— багровым тоном, не предвещавшим ничего хорошего, начал профессор.— Поверьте, я сам был молодым...

Студенты недоверчиво завибрировали.

— Да-да, я тоже был молодым,— для убедительности профессор придал словам ультрафиолетовый оттенок,— но в наше время никто, да-да, никто не мог позволить себе столь легкомысленного отношения к учебе. Только что я проверил ваши самостоятельные опыты, и у меня зубы встали дыбом. Ни один из вас не смог сшурупить правильно. А некоторые работы столь некорректны, что остается только ушами развести. Впрочем, полюбуйтесь сами.— Он развинченно подъюлил к многохранному болванзеру, занимавшему добрую половину аудитории, и нажал на круск.

...Знаменитый Поэт, со смаком отхлебывая ароматный кофе из изящной фарфоровой чашечки, не спеша просматривал любимую газету. Она, как всегда, была заполнена сообщениями о его персоне. Всю первую страницу занимало интервью с корифеем современной поэзии об итогах его работы за минувший год и задумках на будущее. Итоги ошеломляли. Волшебник пера выпустил в разных издательствах пятитомное, семитом-

ное и десятитомное собрания своих сочинений, шестнадцать отдельных сборников и сорок шесть буклетов. По заказу мелевидения была отснята восьмисерийная лимфа по одному из его ранних сонетов. Не менее впечатляющи были и планы на будущее.

На второй странице в хронике важнейших событий культурной жизни сообщалось о возвращении на родину из поездки по Анции и Царии делегации деятелей искусств, возглавляемой Знаменитым Поэтом. На протяжении вот уже четырех десятилетий он регулярно совершал зарубежные турне и каждый раз убеждался в том, что иноплеменники абсолютно незнакомы с его многогранным творчеством. Это льстило его самолюбию. Ведь, как объяснил в своей монографии «Мощь таланта» Самый Твердокаменный Критик, произведения нашего поэтического гения, что официально удостоверено десятью знаками «Золотая лира», столь самобытны, что никак не поддаются переводу. Его художнические откровения и озарения на любом недружественном языке выглядят банальнейшими пошлостями.

И на остальных страницах вплоть до последней, шестнадцатой, где была помещена премилая пародия на его последнюю басню, то и дело мелькало имя Знаменитого Поэта. Но сегодня газетный фимиам не радовал его. Он вспомнил, как вчера, приехав в лучший концертный зал столицы на свой творческий вечер, случайно услышал за спиной разговор двух читателей.

— Просто диву даешься,— приглушенным басом говорил один,— как этот графоман, убогий рифмоплет, к тому же малосимпатичная личность, ухитрился стать Знаменитым Поэтом. Ведь все знают, что он нуль на палочке, а на́ тебе — ежегодно премии, лавровые венки и очередная «Золотая лира». Какая-то чудовищная нелепость!

— Знаете, как его называют братья по литературному цеху? — хихикнул тенорком другой.— Бездарь в золотом переплете. А ведь издается. Да миллионными тиражами! Действительно, мистика какая-то! Он пожинает лавры, явно ему не предназначенные. И ведь это ясно как божий день. Так в чем же дело?

Знаменитый Поэт прокрутил в памяти этот вчерашний разговор и грустно вздохнул:

— Завистники! У настоящего таланта завистников всегда больше, чем почитателей.

Так в свое время объяснил феномен его официального признания и полного читательского равнодушия Самый Проницательный Критик. Но в данном случае критик был далек от истины. Все объяснялось гораздо проще...

— Напомню вам, молодые люди,— мысли профессора слегка полиловели,— что пять гобсеков назад высший эпителий нашей суперцивилизации выделил университету, где вы имеете незаслуженную, как я убедился, честь обучаться, Третью планету системы солнца Угу для проведения лабораторных опытов. Конечно, те простейшие микробоподобные, что ее населяют, не самый приятный объект для исследования. Вы знаете, что они кушают не только самих себя, но и даже среду своего обитания. Хотя у них налицо зачатки разума, однако все без исключения их популяции настроены на самоуничтожение. Вам известен наш святой принцип: «Живи сам и не мешай жить другим». Поэтому не наше дело спасать микробов Третьей планеты, но пока они еще не сожрали друг друга, было бы не по-хозяйски отказаться от испытаний на этих тварях новых алгоритмов.

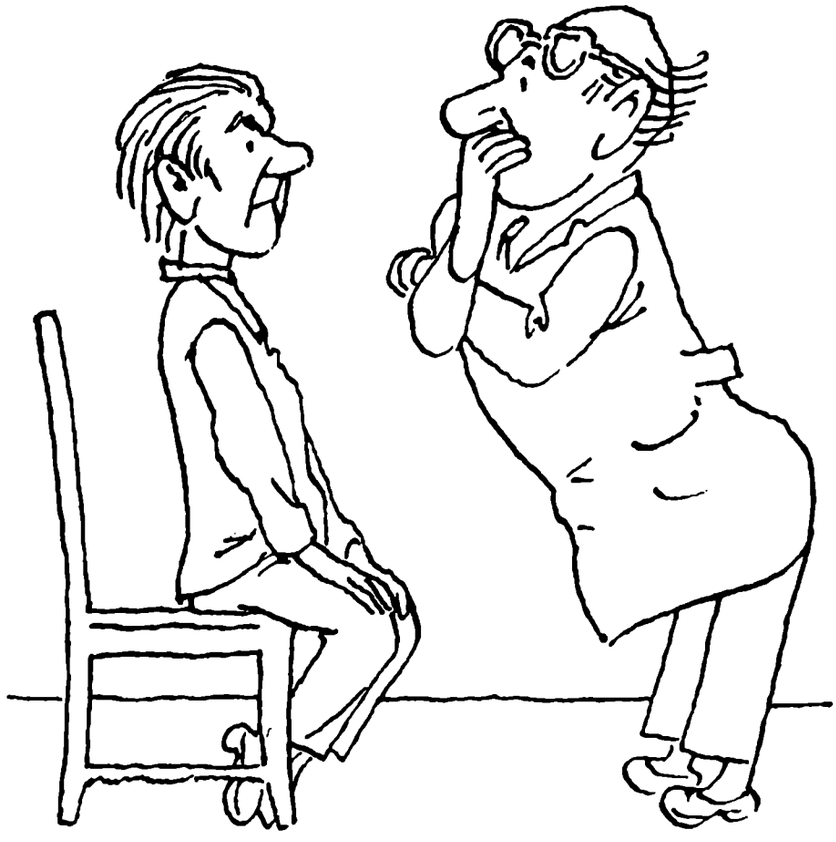
— Ведь чем хорош микробоподобный?! — Тут профессор зазеленел от восторга.— В течение только одних наших суток он проходит полный жизненный цикл! Это же находка для программистов-генетикосоциологов. Безусловно, нас сдерживают исповедуемые нами принципы абсолютного гуманизма. Поэтому высший эпителий запретил под страхом утилизации создавать алгоритмы жизни королей, премьер-министров, полководцев, ученых-атомщиков, продавцов винных отделов, футбольных нападающих и других лиц, могущих своей деятельностью вызвать преждевременные катаклизмы на Третьей планете. Но все равно у нас в руках остается богатейший материал — так называемые поэты. Эти особи практически не влияют на ход исторического развития общественно-политических формаций Третьей планеты, поэтому работа с ними не сопряжена с риском. К тому же в последнее время они стали, пожалуй, наиболее плодовитым подотрядом в одной из самых многочисленных популяций.

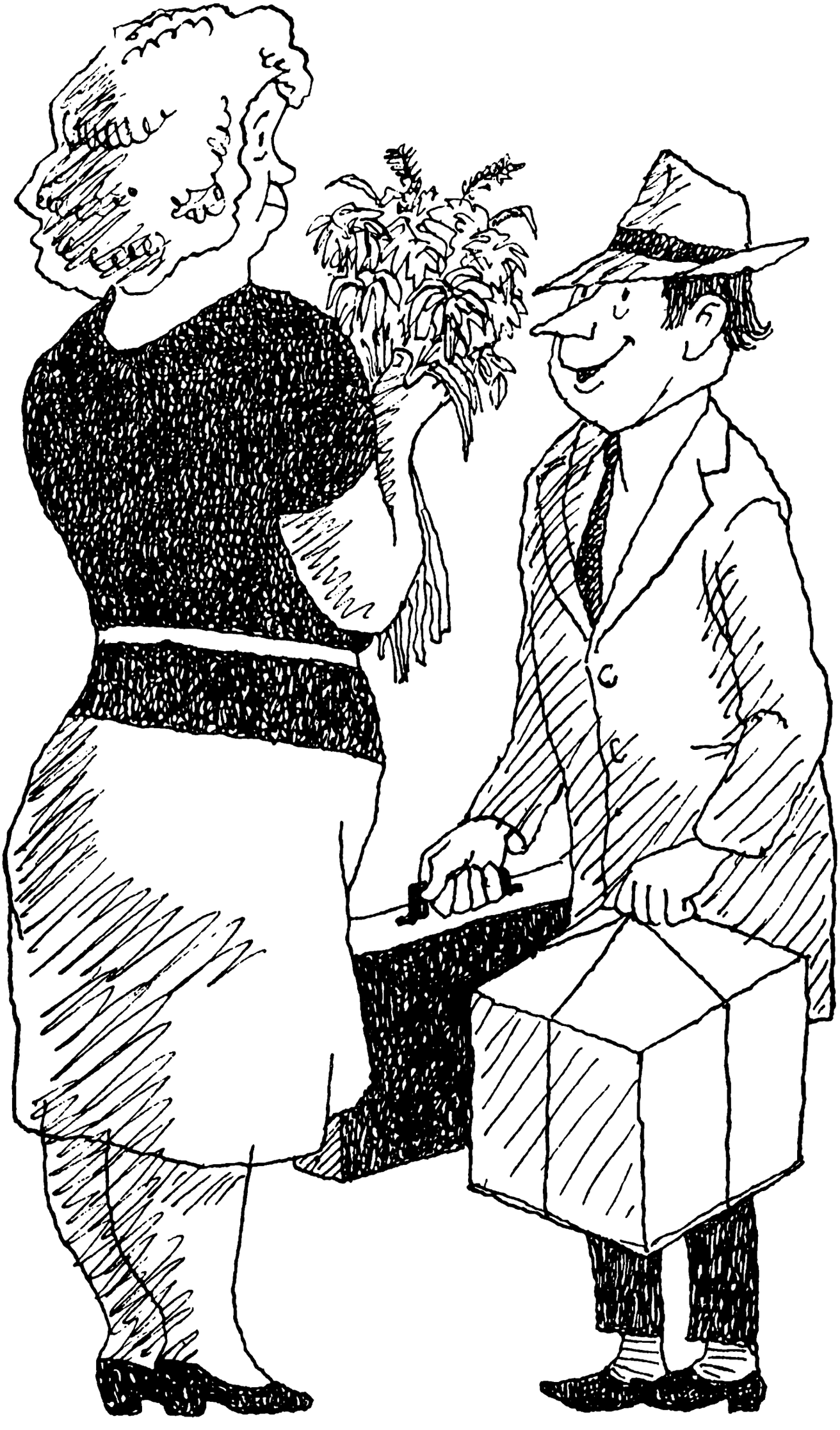
И как же мы распоряжаемся этим благодатным материалом? — ехидно сконвульсировал в заключение профессор.— Весьма бездарно! Вы только что видели, он поколыхал на болванзер,— тот ужасный суррогат,

извините за резкость, который смикитил студент Эх Ма. Давно уже отработанный стандартный алгоритм биографии Знаменитого Поэта он ввел в генетический код самого заурядного графомана, к тому же отличающегося личностными свойствами, намного превышающими среднюю мерзопакостность микробоподобных. Я внимательно изучил начальную декомпозицию данных подопытного микроба, и она совершенно ясно показала, что ему на роду было написано стать метрдотелем ресторана «Явсланский базар». Теперь же он ходит в Знаменитых Поэтах, и ошибку уже не исправишь. Как же вы умудрились, молодой человек, допустить такой грубый ляп?

Студент Эх Ма, к которому был обращен вопрос, лихорадочно загальванизировал, пытаясь придумать сколь-нибудь приемлемое объяснение. Не мог же он признаться, что вчера, когда проводил опыт, все хромосомы были для него на одно лицо — сказались последствия вечеринки, во время которой он не менее триллиона раз прикладывался к самонастраивающейся морботухе.

НЕМНОЖКО ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ





ANAS PENELOPE

Посадили сразу полдюжины судей. Обыкновенных шестерых жуликов упрятать за решетку и то событие, а тут сами отправители правосудия загремели. Такого ЧП не случалось за всю историю далекой республики. Вот и командировали младшего советника юстиции Сергея Петровича Зубкова на бывшую окраину посмотреть, что да как. «Взятки-то они наверняка хапали,— напутствовало его начальство,— но ты деликатно прощупай, не перегнул ли там кое-кто палку».

«Попал, как кур во щи»,— невесело подумал Сергей Петрович, выслушав наставление руководства. (Автору немного совестно перед эрудированным читателем за своего героя, который исказил популярную пословицу, долженствующую звучать несколько иначе, а именно: «попал, как кур в ощип», но младший советник юстиции, будем к нему снисходительны, за дискуссиями о чистоте русского языка не следил, предпочитая болеть за «Спартак», хотя после Старшинова и братьев Майоровых это, увы, уже не та команда, а потому и представлялись ему вместо отвлеченного ощипа вполне понятные щи, что, справедливости ради, ничуть не искажало смысла народной мудрости.) Действительно, миссия на долю С. П. Зубкова выпала довольно щекотливая, да к тому же совсем неожиданно: ехать в командировку должен был начальник его отдела Саркисов, но тот в самый последний момент заболел — давление подскочило, оно у гипертоников всегда подскакивает, когда надо увильнуть от неприятного поручения, а может, и правда, подскочило,— как бы то ни было, теперь уже Сергею Петровичу предстояло выяснить, почему это вдруг обмишурилось полдюжины служителей закона.

Сначала он попытался загодя выстроить кое-какие предположения, полистал даже служебные справки последних лет, относящиеся к республике, но, не обнаружив в них ни малейшего намека на могущий быть конфуз с тамошними судьями, бросил ломать голову, справедливо рассудив: «Не боги горшки обжигают, авось не оплошаем». Приняв такое решение, опробованное до него в затруднительных ситуациях не одним поколением русских людей, Сергей Петрович пришел в спокойное, пожалуй, даже несколько приподнятое расположение духа, которое совершенно утвердилось в нем после рассказов коллег, объяснивших, что апрель — лучшая пора для командировок в те края. Во-первых, происходит цветение природы, а во-вторых, бараны, коими его непременно будут угощать, не столь жирны, как осенью. Но, впрочем, это уж дело вкуса.

В аэропорту встречал Зубкова ответственный работник аппарата (так он отрекомендовался) Расул Агаевич, приземистый, крепкий, чуть склонный к полноте мужчина лет сорока пяти — пятидесяти. Весь он, казалось, излучал неподдельное радушие, какое в Москве Сергею Петровичу довелось наблюдать лишь в Сандунах, куда однажды затащил его школьный товарищ Нёма Зонденвейер, да и то лишь после того, как банщик получил от Нёмы пятерку «за все про все». После утомительного перелета командированному единственно, чего хотелось, — так это выпить бутылочку боржоми и поспать часика три. Поэтому, взглянув на безоблачное небо и увидев, что солнце находится в зените, Сергей Петрович приуныл: рабочий день в разгаре, и как бы любезные хозяева не стали с ходу вводить его в курс дела.

Расул Агаевич будто прочитал эти мысли и, распахивая дверцы черной «Волги», сказал, обращаясь одновременно и к Зубкову, и к шоферу:

— На дачу! Нашему уважаемому московскому гостю с дороги непременно надо отдохнуть.

Слово «дача» немножко смутило московского гостя, и он, привыкший останавливаться во время командировок в скромных гостиничных номерах (из расчета 2 руб. 60 коп.— суточные плюс 1 руб. 56 коп.[1] — квартирные), с весьма заметным испугом спросил:

---

[1] Читатель безусловно догадался, что дело происходило не позднее 1981 года, когда квартирные были существенно повышены.— *Прим. авт.*

— А почему на дачу, а не в гостиницу?

— Понимаете,— засветился белоснежной улыбкой Расул Агаевич,— дача — это, так сказать, условное название, а вообще-то она обыкновенная гостиница, только для уважаемых товарищей.

И чтобы окончательно успокоить москвича, радушный хозяин поспешил добавить, что номер будет стоить всего полтора рубля, и завтракать далеко ходить не надо — тут же буфет имеется. Готовят по-домашнему, так что, пожалуйста, биточки, котлеты, а цены почти как в передовых совхозах — по себестоимости.

— Раньше,— с легким вздохом продолжил Расул Агаевич,— за проживание гостя соответствующие ведомства расплачивались. Традиции, понимаете, гостеприимства. Но теперь, говорят, не каждый обычай соблюдать надо. А чем плохо уважаемому гостю весь почет оказать, я лично не совсем понимаю.

— Да уж порядок есть порядок,— только и мог что сказать Сергей Петрович.

С одной стороны, гостеприимство в трактовке Расула Агаевича казалось ему делом весьма достойным. Но, с другой, он смутно ощущал, что дармовой харч может нежелательным образом влиять на исполнение служебного долга.

Пока ехали по городу, Расул Агаевич, предварительно выяснив, что гость впервые в здешних краях, взял на себя роль гида, и за пятнадцать минут путешествия Зубков узнал, в каких домах жил бывший «первый уважаемый человек нашей республики» до того, как он стал бывшим, показаны были также бывшие места жительства бывших «второго» и «третьего» человеков. О других памятниках зодчества Расул Агаевич не упомянул ни разу, очевидно по причине их незначительности.

«Гостиница» размещалась почти в центре города. Скорее это был санаторно-курортный комплекс. В большом ухоженном саду с клумбами и фонтанчиками располагались на почтительном расстоянии друг от друга несколько одноэтажных и двухэтажных коттеджей. У одного из них, имевшего вид более стандартный, чем остальные, «Волга» остановилась.

Скромный полуторарублевый номер выглядел как люкс в областном центре Нечерноземной зоны — комната метров восемнадцати с двумя кроватями и телевизором в углу, ванная и туалет раздельные. Временное при-

станище для уважаемых гостей было обставлено современной мебелью, очевидно финского производства, и украшено картиной неизвестного художника, который запечатлел на фоне бескрайнего хлопкового поля орденоносца, вкушающего арбуз. К комнате примыкала крытая веранда, куда Расул Агаевич и пригласил Сергея Петровича после того, как тот смыл со своих рук дорожную пыль. Через широкую стеклянную дверь просматривались два дачных плетеных кресла и такой же столик, на котором, как посчитал Зубков, был водружен макет высокогорного хребта. Когда профессионально ловким движением Расул Агаевич сдернул накрахмаленную до синевы скатерть, то глазам гостя предстала гряда разнокалиберных бутылок, салатница с зеленью и два румяных цыпленка табака.

Осознав, что столь шикарно сервированный стол предназначен для него, Сергей Петрович самым решительным образом начал протестовать, но Расул Агаевич, послушав его до первой паузы, сам взял слово и произнес не очень длинную, но весьма убедительную речь о том, что хотя нет ни бога, ни аллаха, однако вот бывают же такие счастливые совпадения — приезд уважаемого гостя пришелся как раз на день рождения старшего сына. Но первенец сейчас в Москве, пошел по стопам отца — учится на юридическом факультете МГУ, жена лечится в Ессентуках — очень ее печень беспокоит, а младший сын еще пионер. Так что не с кем было бы поднять бокал по такому радостному для каждого отца поводу, но вот на счастье уважаемый гость — с вниманием выслушаем его советы.

— Ну, раз младший у вас еще пионер,— смутился Сергей Петрович,— тогда конечно. Но соглашаюсь, как говорится, скрипя сердцем.

После второй Сергей Петрович перестал корить себя за то, что смалодушничал, и, будучи по природе своей человеком добрым и компанейским, почувствовал к Расулу Агаевичу необычайную симпатию. Конечно же все это угощение от чистого сердца, потому что какой смысл Расулу Агаевичу брать его на крючок, если он не уполномочен принимать какие-либо решения, а должен, говоря словами высокого начальства, просто провести рекогносцировку на местности и потом объективно доложить, что увидел. Только и всего.

Расул Агаевич зорко следил, чтобы рюмки больше двух-трех минут не оставались пустыми, но сам каждый раз лишь половинил свою, шутливо пояснив гостю: мол, коран запрещает пить по полной. Неудивительно поэтому, что за какой-нибудь час усидели они бутылку армянского и распочали затем «Столичную», а так как доля Сергея Петровича составила две трети, то после четвертой рюмки водки его развезло, и, почувствовав это, он запросил пардону. Расул Агаевич не стал настаивать, но на посошок все-таки выпили и трижды расцеловались.

Договорились, что сегодня уж уважаемый гость пусть отдыхает, а завтра — суббота, делами заниматься нельзя, поэтому есть предложение совершить экскурсию в заповедник — гордость республики. Водятся там редкие звери и пудовые сазаны. Ехать каких-нибудь сто двадцать километров. Директор соседнего с заповедником совхоза — двоюродный брат Расула Агаевича, так что отказываться никак нельзя — там уже ждут.

— Замечательные вы люди! — растроганно воскликнул Сергей Петрович.— А вас, Расул Агаевич, почитаю за старшего брата.

Тут Расул Агаевич замахал руками и решительно возразил, что хотя, мол, за его плечами и будет годков на десять — пятнадцать больше, чем у Сергея Петровича, но в определенном смысле старшим братом все-таки надо считать уважаемого московского гостя.

После этого ничего не оставалось, как выпить еще по одной, на этот раз действительно по последней. На прощание снова расцеловались, и Расул Агаевич выпорхнул из комнаты. (Довольно плотный обед никак не отразился на легкости его движений.)

Сергей Петрович накрыл скатертью останки цыплят табака, аккуратно поставил пустые бутылки под стол и, посчитав, что номер приведен в порядок, завалился спать.

Поначалу долго снился ему беспокойный сон про то, что передовой хлопкороб на картине вовсе и не ест арбуз, а читает книжку английского писателя Майн Рида «Всадник без головы», и эта явная несуразица страшно раздражала Сергея Петровича. Он проснулся, долго анализировал, с какой стати замешался тут Майн Рид, вспомнил наконец, что книжку про безголового всадника просила достать дочка, и, когда все таким образом

стало на свои места, сходил в туалет и затем уже спал без всяких сновидений.

Пробудившись в семь часов утра, Сергей Петрович с помощью болгарской зубной пасты «Поморин» снял неприятный налет во рту, выпил стакан боржоми и почувствовал себя заново родившимся человеком. Стояло теплое солнечное утро, цвели яблони и еще какие-то деревья,— может, абрикосы, а может, миндаль, радостно щебетали птицы, словом, место, куда он попал, было ну просто райским.

Когда приехал Расул Агаевич, Зубков уже успел побриться и принять душ. Завтракали в буфете, где действительно придерживались российской кухни,— подали им капусту провансаль, бифштекс и какао. Насчет рюмочки Сергей Петрович категорически отказался, и Расул Агаевич не стал настаивать, потому как дорога предстояла хоть и не очень дальняя, но и не шибко хорошая — в «Камышовой долине» и песок и болота, для страховки придется ехать на газике, что, конечно, помедленней и трясет больше.

— Ну, а главное, силы надо поберечь,— подмигнул Расул Агаевич,— руководство заповедника с нетерпением ждет уважаемого товарища из Москвы.

Дорога не показалась Зубкову ни плохой, ни дальней. Алик держал скорость порядка шестидесяти километров, а Расул Агаевич рассказывал о местных нравах, которые, будучи в основе своей глубоко моральны, более того — патриотичны, тем не менее легко могут быть неправильно истолкованы людьми несведущими и даже подведены под соответствующие статьи Уголовного кодекса. Изредка, когда рассказчик делал паузу, Сергей Петрович выглядывал из машины — и тогда его взору открывались чрезвычайно красивые места.

Шоссе сперва попетляло по дну ущелья довольно мрачного вида, потом легким ажурным мостом перекинулось через бурную речку, но тут же сделало поворот на девяносто градусов и долго бежало рядом с ней, пока, очевидно, его не вывело из себя ее ни на секунду не прекращающееся ворчанье. Словно муж от сварливой жены, полезло оно тогда, не разбирая дороги, прямо в гору — лишь бы не видеть постылую,— и, откуда только силы взялись, взобралось на такую крутизну, что дух захватывало; отсюда, отдохнув самую малость на перевале, еще покрытом снегом, покатилось вниз, в широкую

зеленую долину, усыпанную веснушками маков и тюльпанов, и здесь снова встретилось с той самой речкой; да, видать, разлука положительно сказалась на ее характере, и теперь она уже была доброй и спокойной и журчала что-то очень ласковое.

Это уже пошли заповедные места. С шоссе свернули на проселок, где действительно немножко потрясло, пока объезжали бесчисленные озерца и болота, заросшие необыкновенно высокими камышами («отсюда и название заповедника»,— совершенно справедливо заключил Сергей Петрович). Но вот после какого уж по счету зигзага дорога неожиданно уткнулась в укрытое густыми зарослями цветущей сирени приземистое двухэтажное строение.

— Приехали! — облегченно выдохнул Расул Агаевич.

Чьи-то заботливые руки открыли дверцу газика и помогли выбраться наружу сначала ему, а потом и Сергею Петровичу.

У крыльца строения, являвшего собой, без сомнения, административный центр заповедника, стояла группа мужчин, одетых, несмотря на двадцатипятиградусную жару, довольно строго. Двое, выдвинувшиеся чуть вперед, были в темных костюмах, при зеленых велюровых шляпах, блестящих галстуках и лакированных ботинках. Трое остальных обмундировались гораздо проще, но опять же не первой молодости пиджаки их были застегнуты на все пуговицы.

Увидев столь торжественную депутацию, Зубков со смятением подумал, а не превратится ли пикник на лоне природы — на что можно было рассчитывать по намекам Расула Агаевича, когда он приглашал совершить эту экскурсию,— в заурядную официальную тягомотину с длинными речами и обязательной демонстрацией достижений передового коллектива.

Между тем началась процедура представления. Расул Агаевич охарактеризовал Сергея Петровича как «нашего уважаемого товарища из центра, выполняющего ответственное поручение», что вызвало у всех пятерых встречающих улыбки самой высокой степени сердечности. Из двух мужчин в зеленых шляпах, стоявших чуть впереди, один оказался директором заповедника Михаилом Ибрагимовичем. («По-нашему-то я не Михаил,— счел нужным объяснить он,— но для русских товари-

щей, с которыми постоянно приходится работать, так понятнее».) Владелец же второй зеленой шляпы по имени Рашид имел совершенно неудобопроизносимое отчество. («Да и произносить его необязательно, ведь у нас, как и у англичан, скажем, отчества нет»,— заметил Расул Агаевич.) Рашид здесь тоже был гостем. Он занимал пост заместителя директора текстильного комбината в столице республики и приехал на выходной к старому другу, тому самому директору совхоза, который доводился двоюродным братом Расулу Агаевичу. Но директора, как на грех, вызвали на целый день в райком, где анализировались итоги весенне-полевых работ, и вот он вместо себя откомандировал в заповедник приятеля, поручив ему извиниться перед уважаемым московским гостем и все такое прочее. Бритоголовый старик с орденом Славы на потертом пиджаке был представлен как старший егерь Исмаил, а остальные двое граждан вообще никак не были названы, хотя и им Сергей Петрович пожал руки.

Когда наконец установили «ху из ху» («кто есть кто», как говорят те же англичане), Михаил Ибрагимович сказал на родном языке что-то двоим анонимам, и они моментально исчезли вместе с шофером Аликом.

Сергей Петрович переминался с ноги на ногу, не зная, как вести себя в данной ситуации. На помощь пришел Расул Агаевич.

— Дорогой директор,— обратился он к Михаилу Ибрагимовичу,— расскажи, пожалуйста, уважаемому гостю о жемчужине нашей республики, а мы с товарищем Рашидом об этом уже хорошо знаем и поэтому лучше проверим, как выполнил свои социалистические обязательства товарищ Исмаил.

— Рыба очень замечательный поймался, товарищ начальник, не сомневайтесь,— заулыбался егерь...

— Наш заповедник,— торжественно начал Михаил Ибрагимович, когда они остались вдвоем,— образован ровно пятьдесят лет назад. Его территория составляет...

И директор начал цитировать какую-то научно-популярную брошюру. Рассказ его изобиловал цветистыми оборотами вроде — «в живописной излучине полноводной реки произрастают гигантские злаки, ошибочно называемые камышами», «неустанная забота о сохранении родной природы принесла замечательные плоды...» — и еще много чего в том же духе. Сергей Петро-

вич узнал, что в заповеднике водятся камышовые коты и обыкновенные шакалы, лебеди и орлы, змеи и ящерицы,— в общем, сотни самых разнообразных млекопитающих, пресмыкающихся и птиц, среди которых несколько видов весьма редких. Еще он узнал, что коллектив заповедника уже завершил квартальный план по заготовке сена и сейчас прилагает все усилия, чтобы встретить приближающийся юбилей выполнением повышенных обязательств по сдаче государству шкурок нутрий.

О нутриях Михаил Ибрагимович распространялся довольно долго, скромно подчеркнув, что разводить их здесь начали по его инициативе. Тут Сергей Петрович поинтересовался, а не Тимирязевку ли закончил Михаил Ибрагимович, и немного смутился, услышав, что директор — кадровый профсоюзный работник. Заповедник он возглавляет всего третий год, а до этого был и председателем постройкома, и председателем райпрофсожа — это, значит, по железнодорожной линии, а еще раньше — начальником отдела в республиканском совете профсоюзов. Должности эти менял Михаил Ибрагимович, во-первых, следуя почину Валентины Гагановой, а во-вторых, что скрывать, дает еще знать о себе в здешних краях такая отрыжка прошлого, как национальное кумовство...

Нынешней своей должностью, доверительно объяснил гостю Михаил Ибрагимович, он вполне доволен. Наука, конечно, не профсоюз, но при старании и ее оживить можно. Вот до него совсем разленился коллектив, егери других забот не знали, как объезжать территорию да считать, не убавилось ли этих шакалов или гусей. Ну, гусей еще куда ни шло — их пострелять одно удовольствие, а шакалы-то кому нужны? А он быстренько всем нашел работу: заготовки сена организовал, нутрий развел и имеет теперь намерение запустить в озеро толстолобика и белого амура, читал в газетах, что питаются эти рыбы любой растительностью, а здесь тех же камышей — ешь не хочу. Рыбу согласен брать кооптorг для дальнейшей реализации населению — вот и еще одна статья дохода. Словом, надо только проявить инициативу — и даже такое заведомо убыточное хозяйство, как заповедник, даст в конце концов прибыль.

Тут Михаил Ибрагимович как будто спохватился, что завело его куда-то в сторону, и снова взялся за пе-

ресказ брошюры. В заключение пошли осматривать музей, под который отведен был весь второй этаж дома. Первую комнату целиком занимал красавец олень с шикарными рогами, на которые, прикинул Сергей Петрович, можно повесить не меньше десяти головных уборов. В следующей комнате стояли вдоль стен слегка облезший камышовый кот, захудалая дворняжка, оказавшаяся шакалом, и обыкновенный заяц. Третья заполнена была снопами камышей и других каких-то растений, а на двух столах разместились коллекции стрекоз, бабочек и жуков. И, наконец, в последней, самой просторной, экспонировались птицы. В стеклянных ящиках, похожих на аквариумы, находились: какой-то орел (надписи на подставках были только на латыни), цапля и три или четыре утки, которые вроде бы ничем не отличались друг от друга, но названия имели разные. Несколько «аквариумов» вообще пустовали.

— Наиболее ценные реликты,— показывая на пустые ящики, сказал Михаил Ибрагимович,— вручаем уважаемым гостям. Такая, понимаете, традиция.

Показывать больше было нечего, и Сергей Петрович забеспокоился, не вернется ли снова директор заповедника к популярной брошюре, но тут очень кстати появился один из безымянных граждан в застегнутом на все пуговицы пиджаке и торжественно объявил, что все готово.

Когда спустились на первый этаж, Сергей Петрович, шедший впереди, по ошибке вместо входной открыл дверь в туалет и был буквально ослеплен белизной новенького чехословацкого унитаза — о таком мечтала жена, когда затевали ремонт, но полагалось кому-то дать «на лапу», а он, естественно, отказался — и пришлось довольствоваться отечественным.

Михаил Ибрагимович решил, очевидно, что гость открыл эту дверь с определенной целью, и, смущаясь, объяснил:

— Вот оборудовали, понимаете, по последнему слову техники, а пользоваться не решаемся. Напугал один член-корреспондент из Ленинграда. Видите ли, в наших местах водятся скорпионы, очень, понимаете, ядовитые насекомые. А этот академик открытие сделал, что размножаются скорпионы только там, где вода журчит,— такой у них, понимаете, инстинкт.

Михаил Ибрагимович, судя по его заблестевшим

глазам, хотел еще кое-что рассказать о странных повадках ядовитых тварей, но тут входная дверь распахнулась, и они увидели Расула Агаевича, который с деланной укоризной произнес:

— Заставляете себя ждать, дорогие товарищи. Уха стынет!

На берегу озера под раскидистым деревом,— может, ива, а может, вяз (в определении пород деревьев, исключая березу, ель, сосну, дуб и рябину, Сергей Петрович был полный профан, да и автор, признаться, тоже),— возвышался деревянный помост, застланный коврами, правда довольно потертыми, и обложенный по бокам атласными подушками, весьма засаленными. В пиалах уже золотилась жирная уха из сазана, а сама полупудовая рыбина еле-еле уместилась в большом эмалированном блюде, напоминавшем таз, каковым оно и было на самом деле. Возле каждой пиалы стоял полный стакан водки.

Первым взял слово Расул Агаевич. Говорил он недолго, но весьма четко охарактеризовал политический момент и провозгласил такую здравицу, что выпить пришлось до дна. Отдышавшись, принялись за уху. Была она чрезвычайно вкусна, о чем, чтобы сделать приятное хозяевам, восторженно заявил Сергей Петрович.

Уже захмелевший егерь Исмаил обрадованно улыбнулся:

— Очень замечательный рыба — сазан. Только мало-мало ее остался. Нутрий всю сожрала. Очень плохой зверь.

Михаил Ибрагимович, на которого первый стакан, казалось, не произвел никакого воздействия, бросил на егеря гневный взгляд и, повернувшись к Сергею Петровичу, сокрушенно развел руками:

— Товарищ Исмаил — бесстрашный воин и передовой производственник. Согласно рекомендациям центральной прессы, как ветерана всегда приглашаем его в президиум. Но, понимаете, детство товарища Исмаила проходило еще до революции, и поэтому он имеет пробелы в образовании и не понимает, что нутрия — очень перспективное животное.

На этом инцидент был исчерпан. Расул Агаевич произнес второй тост, тоже весьма обязывающий, но, слава богу, стаканы на этот раз были налиты лишь до половины. По третьей выпили за служебные успехи москов-

ского гостя, потом Сергей Петрович поднял стакан за радушных хозяев, последовали тосты за здоровье «всеми нами уважаемого Расула Агаевича», «чуткого руководителя Михаила Ибрагимовича», «новатора текстильной промышленности товарища Рашида», «героя войны, который и сейчас твердо держит винтовку в руках, товарища Исмаила»... Пили ли за здоровье двоих неизвестных, между прочим так и не расстегнувших пиджаки во время всей трапезы, Сергей Петрович впоследствии не мог вспомнить.

Отложилось только у него в памяти, что, когда шофер Алик усаживал их с Расулом Агаевичем в газик, появился вдруг директор заповедника Михаил Ибрагимович, который еще задолго до окончания застолья уже храпел на атласных подушках, и сунул в руки Сергею Петровичу какую-то птицу, повторив несколько раз:

— Согласно традиции. Наш самый ценный реликт.

Утром на тумбочке у кровати Зубков обнаружил деревянную подставку с надписью по-латыни, но самой птицы не оказалось. Наверное, во время тряски, когда выезжали из «Камышовой долины», она отклеилась от подставки и вывалилась где-то по дороге. Сквозь хмельную дрему Сергей Петрович отметил, что Алик несколько раз останавливал машину и захлопывал заднюю дверцу, которая на чересчур уж крутых ухабах открывалась сама собой.

...Примерно через год после описываемых событий теперь уже советник юстиции Сергей Петрович Зубков пришел на традиционную встречу выпускников школы. Одноклассников набралось всего человек семь. Стали судачить, почему не пришел тот, другой, вот даже всегда аккуратная староста Рита Шишкина не явилась. Тут Нёма Зонденвейер, который чуть запоздал, и поэтому решили, что он, наверное, уехал к тетке, пропел басом:

— «Где же ты, моя Пенелопа?»

Сергея Петровича будто в бок что-то толкнуло.

— Послушай, Нёма,— сказал он.— Ты же орнитолог. Тут мне одну птицу подарили. Чучело. Названия не запомнил. Два латинских слова и одно вот, кажется, «пенелопа».

— А, наверное, «anas penelope»,— протянул Нёма.

— Точно! — обрадовался Сергей Петрович.— И что, очень редкая птица?

— Да что ты, обыкновенная дикая утка. Водится практически на всей территории Союза.

После этих небрежно брошенных слов стало почему-то Зубкову нестерпимо грустно.

* * *

Собственно, на этом рассказ кончается. Все, что хотел сказать автор, он сказал. Но, не исключено, найдутся читатели, которым позарез надобно знать, а как все-таки с судьями, из-за которых поехал в командировку Сергей Петрович Зубков. Так вот, факты, как говорится, подтвердились. Взятки они действительно хапали. Но и палку по отношению к ним тоже перегнули. Сергей Петрович составил на этот счет обстоятельный доклад, положительно оцененный руководством. Судьям сроки скостили, и все они постепенно вышли на свободу. А один, очевидно по недоразумению, даже выбран в местный комитет.

ДОЧКА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ

Ирочка Бычкова решила выйти замуж.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит,— сказала она матери. (Ирочка была девушка с юмором.)

Татьяна Викторовна поначалу не придала серьезного значения словам дочери, на секунду только подняла голову от вязанья:

— За кого же? Уж не Толик ли сделал предложение?

Толик был Ирочкин однокурсник, долговязый конфузливый юноша, влюбленный в Ирочку и чуть ли не каждый день посвящавший ей свои новые стихи («Ужасно графоманские»,— утверждала Ирочка). Но, несмотря на эту свою влюбленность, он ну никак не годился в женихи. Милый мальчик — за таких замуж не выходят, с такими только дружат. И Татьяна Викторовна искренне радовалась этой дружбе, потому что она оберегала ее неопытного ребенка от нехороших компаний, ведь на курсе, так считала Татьяна Викторовна, наверняка были уже развращенные циничные молодые люди из тех, что вместе с родителями подолгу жили за границей, а там можно набраться чего угодно.

— Представь себе, не Толик! — с вызовом бросила Ирочка, негодуя, что мать так безучастно отнеслась к ее заявлению.

Тут Татьяна Викторовна встревожилась, даже отложила в сторону вязанье:

— Так кто же он, твой избранник?

— Зовут его Володя, но это имя тебе ни о чем не говорит. Мы познакомились с ним у Ленки на дне рождения. Он ее какой-то дальний родственник.

— Постой-постой,— недоуменно сказала Татьяна

Викторовна.— Но ведь у Леночки день рождения был всего неделю назад.

— Любовь с первого взгляда,— торжественно произнесла Ирочка.— Надеюсь, ты веришь в такую любовь?

— Выпороть бы тебя! — не сдержалась Татьяна Викторовна, но тут же умерила гнев, увидев, как дочь упрямо поджала губы.

«Да, характер у Ирочки строптивый, если встретит сопротивление, назло будет упорствовать, хотя, может, в душе и признается потом в своей неправоте. Поэтому надо взять себя в руки, сделать вид, что ничего особенного не случилось, а там дочка перебесится, как говорится, и все встанет на свои места». И, приняв такое решение, Татьяна Викторовна уже спокойно (внешне спокойно, конечно, а внутри-то творилось черт знает что) спросила:

— Так кто же все-таки этот Володя?

— Скоро узнаешь,— все еще дуясь на мать, сухо ответила Ирочка.— В шесть часов он придет свататься.— И удалилась в свою комнату.

У Татьяны Викторовны появилось желание ворваться, не войти, а именно ворваться к дочери, крикнуть ей, что она неблагодарное, злое, жестокое существо, и отшлепать как следует. Чтоб поняла наконец, что она еще сопливая девчонка, что не может, не имеет права решать свою судьбу без матери. Потому что единственное, что осталось в жизни у матери, это она, ее дочь, ее Ирочка. Но вместо всего этого Татьяна Викторовна ушла на кухню, принялась чистить картошку и чистила ее долго-долго. И все это время плакала — беззвучно и без слез.

Ровно в шесть раздался звонок, и Татьяна Викторовна, открыв дверь, увидела на пороге невысокого, чуть лысеющего брюнета — шляпу он уже снял и прижимал ее к груди в церемонном поклоне. Потом брюнет вручил хозяйке букет очень красивых хризантем, надел шляпу и, освободив таким образом руки, подхватил стоявшие на полу большую коробку с тортом и элегантный портфель-дипломат и вступил в квартиру. Там он передал коробку и портфель Ирочке, которая уже стояла в прихожей и лучезарно улыбалась, и стал аккуратно, не спеша снимать пальто.

Татьяна Викторовна застыла с букетом в руке, совершенно не соображая, как ей себя вести и что говорить,

потому что в голове стучало одно и то же: «Господи! Он же, наверное, вдвое старше Ирочки». Из этого столбняка вывел ее жизнерадостный возглас дочери:

— Володя! Ты произвел на маму обалденное впечатление.

— Ирочка, что за слова?! — строго сказала Татьяна Викторовна, сразу придя в себя.— Что о тебе подумает Владимир... э-э...— Она не заканчивала фразу, ожидая, что он подскажет свое отчество.

— Надеюсь, вы меня будете звать просто Володей,— улыбнулся он.

— Да, конечно,— смутилась Татьяна Викторовна и, стараясь сгладить возникшую по ее вине неловкость, засуетилась.— Что же мы стоим в прихожей? Пожалуйста, проходите. Надеюсь, не откажетесь поужинать с нами.

— Ну, мама, ты в своем репертуаре! — Ирочка бросила на мать осуждающий взгляд.— Человек только пришел, и ты сразу тащишь его за стол. Мы сначала поболтаем с Володей у меня, послушаем музыку, а потом уж можно и твоей картошки поесть.

— Ириша, ты не права,— укоризненно покачал головой Володя.— Родителей вообще нельзя критиковать. Учти на будущее, когда вместе с моими будем жить.

— Конечно, если хотите, послушайте сначала музыку.— Татьяна Викторовна вконец растерялась от бестактности дочери, а еще больше от уверенных слов Володи о будущем их совместном житье с Ирочкой где-то у его родителей и оттого, как он спокойно называет ее дочь по-своему — Иришей.

«Значит, у них уже все решено,— горестно подумала Татьяна Викторовна,— и меня ставят перед свершившимся фактом. И уже ничего не изменить, потому что этот Володя, напоминающий чье-то телевизионное лицо, но не из постоянных, а так — виденное раз или два на экране, так вот он — не какой-то там влюбленный студент, сочиняющий юношеские стихи, а взрослый, уверенный в себе мужчина, которому пришла пора жениться и который решил жениться, и вот он идет к этой цели твердо и неумолимо». И на глазах у нее навернулись слезы, но они не заметили этого, потому что видели только друг друга.

Потом она добрых полчаса сидела одна на кухне и все не решалась, ставить ли подогревать картошку

с мясом, которая, кажется, удалась, как, впрочем, всегда ей удавалась, это было ее фирменное блюдо, а они в это время заводили в Ирочкиной комнате модные пластинки и, наверное, целовались.

Потом Володя хвалил ее картошку, а перед этим он достал из своего дипломата бутылку шампанского и бутылку какого-то неслыханно отборного армянского коньяка, и они выпили за знакомство: Ирочка — шампанского, а Татьяна Викторовна и Володя — коньяка, оказавшегося действительно весьма приятным на вкус. Причем Володя выпил рюмку не до конца и, заметив немножко удивленный взгляд Татьяны Викторовны, счел нужным объяснить:

— Я ведь хотя без пяти минут инженер-технолог коньячного производства, но сам практически непьющий. И, знаете, не чувствую себя от этого ущемленным.

— Да, мама, представь,— защебетала Ирочка.— Мы с Володей были в ресторане, так он действительно заказал себе пятьдесят граммов коньяка. На него официант вот такие шары вытаращил.— И Ирочка показала, какими круглыми стали глаза официанта, когда он услышал Володин заказ.

То ли от коньяка, то ли от рассудительного Володиного голоса, его интеллигентных манер Татьяна Викторовна поуспокоилась и даже рискнула спросить:

— А как понимать это «без пяти минут инженер»? Значит, вы, Володя, заканчиваете институт. Какой же?

— Да, вот диплом только остался,— охотно отозвался Володя.— Я заочник. Сам из Еревана. А заканчиваю московский пищевой. Знаете, столичная марка, она везде ценится.

От этих слов у Татьяны Викторовны сердце оборвалось: «Как? Так он еще и не москвич! Так это он, говоря о своих родителях, имел в виду Ереван. Это что же, Ирочка туда уедет?» И она с нервным смешком вслух повторила этот вопрос:

— Так вы что — намерены увезти Ирочку к себе в Армению? Она еще глупая девчонка, но вы-то должны понять, что ей нельзя бросать университет, ведь она только на первом курсе...

Тут Татьяна Викторовна поймала себя на мысли, что говорит так, будто вопрос об Ирочкином замужестве уже решен и осталось лишь обговорить детали.

— ...И потом, вы так мало знакомы. Вам надо как

следует проверить свои чувства, обстоятельно все взвесить.

— Не вижу логики,— перебила Ирочка.— Сколько прикажешь нам проверять свои чувства? Может, двадцать лет? — Она повернулась к Володе.— Антоновы, мамины знакомые, прожили двадцать лет, а недавно развелись. Значит, чувство у них было непрочное. А мы с Володей как познакомились, в первый же вечер поняли, что созданы друг для друга.

— Не кипятись, Ириша,— строго сказал Володя.— Татьяну Викторовну можно понять. Ведь ты у нее единственная. Но заверяю вас, Татьяна Викторовна,— он уже обращался к ней и даже чуть привстал со стула,— вы никогда не пожалеете, что отдаете свою дочь за меня, Ирочка не бросит университет, она просто переведется в Ереванский. И там есть филологический факультет и романо-германское отделение. А жить, конечно, нам будет удобнее в Ереване. У нас свой домик. Я у родителей тоже единственный сын, и они отдают нам весь второй этаж. Машины, правда, у нас нет, но если Ириша захочет, мы ее купим...

— Да разве дело в машине! — всплеснула руками Татьяна Викторовна.

— А машина, мама, если будет, ничего плохого в этом нет,— вставила Ирочка.

На этом разговор прервался, и чай пили в молчании, только Татьяна Викторовна, чтоб разрядить обстановку, похвалила торт.

Володя кивнул, принимая похвалу, и пояснил, что торт он выбрал именно такой, потому что знает, что Ириша любит, чтоб было больше крема.

Потом они ушли в кино на девятичасовой, а Татьяна Викторовна стала убирать со стола посуду, перемыла ее всю и только тогда, присев на табуретку у окна и глядя на грустные вечерние огни, по-настоящему дала волю слезам.

Такой зареванной и застала ее соседка Вера, пришедшая попросить, «если, конечно, найдется, горчицы, а то сделала студень, только без горчицы или там хрена, сами понимаете, не тот вкус». Но, выпалив с порога эту просьбу, Вера увидела, что Татьяна Викторовна недавно плакала и сейчас еле сдерживает слезы, горчица тут же вылетела из головы, и Вера стала обнимать Татьяну Викторовну и спрашивать участливо: «Что случилось?

Что случилось?» И Татьяна Викторовна, которая не то чтобы недолюбливала Веру, скорее просто сторонилась соседки из-за ее всегдашней шумной навязчивости, вместо того чтобы промолчать или отделаться ничего не значащим объяснением, непонятно для себя самой вдруг выложила соседке все: и то, что Ирочка решила выйти замуж, и что жених намного старше ее и сам армянин, и что собираются уехать они в Ереван.

Вера слушала внимательно и постепенно сама начала всхлипывать. А когда Татьяна Викторовна закончила свой невеселый рассказ, запричитала:

— Ой, Танечка Викторовна, так судьба ж такая материнская! Ведь рано или поздно, а дочь замуж отдавать надо. Ой, этой разлуки не минуешь!

И вдруг оборвала жалобный речитатив, заговорила спокойно, рассудительно:

— А что он намного старше Ирочки, это и хорошо даже. Значит, нагулялся и теперь ее одну любить будет. И что с Кавказа — не расстраивайтесь. Значит, нужды она знать не будет. Там все обеспеченные. А ведь, наверное, еще и видный из себя.

— Да не очень,— вздохнула Татьяна Викторовна и вдруг вспомнила, кого же ей напоминал Володя.— Знаешь, Вера, похож он на бывшего чемпиона мира по шахматам. Фамилию вот только не могу вспомнить.

— Так на Петросяна, наверное,— подсказала Вера.

— Ой нет, вспомнила,— Татьяна Викторовна даже обрадовалась.— На Михаила Таля он похож, вот на кого.

— Ну что же, значит, приятный мужчина,— с какой-то даже завистью вздохнула Вера.— Да они с Кавказа все симпатичные. Немудрено, что Ирочка без памяти в него втюрилась. У меня ведь, Татьяна Викторовна, первый тоже был армянин...

Хотя прошел уже год, как справила здесь новоселье Татьяна Викторовна, и первой, с кем познакомилась, была Вера, отличавшаяся редкой словоохотливостью, так что очень скоро Татьяна Викторовна знала, что Вере тридцать пять, что работает она в магазине «Галантерея», и, если чего надо, пожалуйста, не стесняйтесь, и что квартиру предоставили не ей, а мужу Серафиму Ивановичу, служащему в комитете профсоюза, что детей у них нет по причине неудачного аборта, что Серафим Иванович пьет редко, зато когда выпьет, теряет соображение и все рвется ехать к какой-то Люсе, но, отрезвев,

кто такая Люся, не признается, и много еще чего из биографий самой Веры, ее мужа, ее родителей, подруг по работе узнала Татьяна Викторовна, но вот что Вера второй раз замужем, услышала впервые.

— ...Левоном его звали, по-нашему — Левой,— после небольшой паузы продолжала Вера.— Мне тогда, как и вашей Ирочке, только-только восемнадцать исполнилось, и я после курсов полгода как в магазине работала. В мужском отделе. Новеньких — тех в мужской, там дефицита меньше. В магазине как раз с Левой и познакомилась. Галстук он покупал. Полчаса, наверное, выбирал. Ну, это я сразу сообразила, из-за меня. Хочет, значит, со мной познакомиться и не решается. И он мне тоже в сердце запал. Высокий такой, стройный, с черными усиками и конечно же в ихней кепке. Знаете, такие большие, аэродромами их еще зовут. Наконец решился он и спрашивает: «Девушка, а какие у вас планы сегодня после работы?» Я к тому времени эти «какие у вас планы после работы?» слышала уже не один раз, но вежливо, культурно всех отшивала, не дурочка, чувствую, что без серьезных намерений спрашивают, а так, чтоб поматросить и бросить. Но тут вижу: понравилась я этому кавказцу по-настоящему. И он мне тоже. Что-то в них есть такое, перед чем устоять невозможно...

Вера замолчала, видимо вызывая в памяти образ своего Левона, а потом, как-то даже непохоже на себя, поспешила закончить рассказ:

— В общем, сводил он меня в ресторан, не скупился там. В парке Горького погуляли, а на следующий день в загс заявление отнесли. Он все торопил. Командировка, говорит, у меня через десять дней кончается, а мы должны поехать ко мне в Самотлор уже как супруги. Тогда вроде не было этой выдержки в сорок дней или он сумел уговорить работников загса, только через неделю нас уже расписали. Я все эти дни прямо ошалевшая от счастья ходила. И подруги еще завидуют: счастливая, мол, какого туза отхватила. Я-то им говорила, что он с золотом дело имеет. Это вот сейчас, когда телевизор цветной каждый день смотришь, еще в курсе событий, а тогда-то я в общежитии жила, газет никаких не читала, все соображала, как получше замуж выйти. Лева, когда мне сказал, что он по черному золоту специалист, мне и в понятие не могло прийти, что так нефть называют, подумала, видно, сорт такой есть золота, наверное очень цен-

ный, а Лева сам — ювелир. Я ведь такая доверчивая, и имя мое ну точно мне соответствует. Самотлор же этот — тогда о нем и не слышно было, а название самое что ни на есть кавказское. Да что там вспоминать, Татьяна Викторовна, приехала я в эту дыру, а через неделю собрала чемодан и распростилась с Левой навсегда. В следующий раз, сказала ему, когда с девушками знакомиться будешь, кепку свою дурацкую снимай, чтоб их в обман не вводить.

Татьяна Викторовна невольно улыбнулась:

— А Володя Ирочкин, между прочим, не в кепке, а в шляпе был.

Вера приняла эти слова всерьез и стала успокаивать:

— Нет, что вы рассказали, можно не сомневаться, жених у Ирочки в самый раз: и обеспеченный со стороны родителей, и сам специальность хорошую приобретает, и непьющий. А это, Татьяна Викторовна, по нашим временам большая редкость. Я даже так скажу: пусть он и старше, и облысеет скоро, и живет в Ереване, лишь бы не пил..

Ирочка вернулась поздно, раскрасневшаяся, оживленная и прямо с порога выпалила нетерпеливо:

— Ну, как, мам, тебе Володя? Правда, прелесть? Ах, я так в него влюблена!

— Ирина, давай поговорим серьезно,— умоляюще попросила Татьяна Викторовна.— Я понимаю, ты увлечена, но нельзя же терять голову. Подумай о своем будущем. Ведь это чудо, что ты учишься в университете. Это тебе как счастливый лотерейный билет достался. Там же все чьи-то дети. А ты была никто, с улицы, а поступила. Так надо дорожить этим счастьем...

— Ой, мам, завела свою любимую пластинку,— недовольно сказала Ирочка.— «Университет — такое счастье, потому что там все чьи-то дети». А вот твой Толик, например, сын обыкновенных родителей. Папа у него инженер, а мама врач, и даже не в Москве, а в каком-то подмосковном санатории, в Барвихе кажется. Я знаю: ты скажешь, что он старше меня и что не москвич. Но, между прочим, старше всего на тринадцать лет, а это нормально для брака. И Ереван, к твоему сведению, тоже столица.

Татьяна Викторовна молчала, подбирая слова, которые могли бы убедить дочь, наглядно показали бы всю

глупость и легкомысленность ее решения, но слов таких не находилось, а все вертелось в голове «выпороть бы тебя», и Татьяна Викторовна не нашла ничего лучшего, как снова заплакать.

— Мама, это нечестно, ты давишь мне на психику,— обиженно сказала Ирочка.— Но все равно ты меня не переубедишь.— И, чмокнув мать в лоб, пожелала ей спокойной ночи.

И эта ночь, да и следующие три или четыре останутся для Татьяны Викторовны одним из самых тяжелых воспоминаний. Ни валерьянка с пустырником, ни валокордин, которые принимала она перед тем, как лечь в постель, не приносили желанного сна. Только клала голову на подушку, сразу начинал крутиться многосерийный, вмещающий восемнадцать с лишком лет жизни, фильм под названием «Мать и дочь». В нем было много радостных эпизодов: и первый крик Ирочки, когда сестра подняла вверх, чтобы хорошо видно было мамаше, сморщенное красненькое тельце, и сказала громко: «дочь», и первые шаги: Ирочка сделала их не в комнате, а на полянке, в солнечной березовой роще,— они снимали тогда дачу в Валентиновке; и стишок, который она сочинила в три года,— «дождик, дождик, дождик, лей, намочи меня сколей!»; и первая пятерка за рисунок, изображавший Красную Шапочку,— такой уморительный, жаль, не сумела его сохранить; и их совместные походы на каток — Ирочка каталась, а она стояла за заборчиком и гордилась, что дочь, пожалуй, лучше всех делает «пистолетик» и «ласточку», а когда падает, не плачет; и третье место на районной олимпиаде по английскому языку, это было уже в восьмом классе; и, наконец, поступление в университет, во что Татьяна Викторовна все никак не могла поверить, даже когда прочитала в списке принятых «Бычкова И. Д.», даже когда Ирочка торжественно показала ей новенький студенческий билет. Были в этом фильме, которому все-таки, наверное, больше подходит название «Дочь» или даже «Дочурка», и грустные моменты, прежде всего болезни дочери, случавшиеся срывы в учебе, несколько ссор по пустякам, когда она вступила в так называемый переходный возраст, но радостного было гораздо больше, и от этого еще горше становилось на душе...

Володя приходил каждый вечер, всегда с цветами, пил чай, обстоятельно рассказывал о себе, о том, как

прочно, надежно устроят они с Иришей совместную жизнь. Ирочка в это время смотрела на него восхищенными глазами, и Татьяна Викторовна все больше и больше убеждалась, что дочь действительно не на шутку влюблена, и незаметно для самой себя как-то примирилась с мыслью о скором замужестве Ирочки и только уговаривала их пожить в Москве, пока Ирочка не закончит университет, или хотя бы не перейдет на четвертый курс. Володя, бесшумно прихлебывая чай, кивал: «Я вас понимаю, Татьяна Викторовна»,— и тут же приводил множество доводов, разумных и убедительных, в пользу своего плана на устройство семейной жизни. В общем, сошлись на том, что на Май полетят в Ереван, и Татьяна Викторовна тоже, там подадут заявление, свадьбу же сыграют в июне, когда Ирочка сдаст экзамены за первый курс, а Володя как раз защитит диплом.

Это предложение, как догадалась Татьяна Викторовна, Володя предварительно согласовал с родителями, потому что начались звонки из Еревана и Володин отец Назар Ованесович, у которого по телефону голос был добрым и радушным, что соответствовало рассказам Володи о его чудесном характере, стал уговаривать ее, чтоб она обязательно прилетела с детьми, чтоб своими глазами убедилась, как хорошо будет ее дочери, и чтоб о свадьбе не беспокоилась, все расходы они берут на себя, и о приданом тоже, потому что лучшее приданое Ирочки — ее красота, ее молодость.

Татьяна Викторовна теперь все меньше вспоминала о трогательных эпизодах из дочкиной жизни и все чаще задумывалась о жизни своей, о том, как будет переносить свое одиночество, нагрянувшее к ней в сорок три года. Она несколько раз поймала себя на мысли о том, что не прочь возобновить знакомство с Яковом Борисовичем, инженером из Киева, приезжавшим в качестве толкача на их завод два года назад. Тогда она даже один раз сходила с ним в театр втайне от дочери, и он робко намекал ей, что остался вдов и что она вот тоже одинока, но Татьяна Викторовна, хоть Яков Борисович и был ей симпатичен, решительно оборвала все эти разговоры, потому что тогда у нее была ее дочь, ее свет в окошке, ее Ирочка. Яков Борисович потом звонил несколько раз из Киева, но последний телефонный разговор состоялся меж ними чуть ли не полгода назад...

Зачастила Вера, и Татьяна Викторовна радовалась

ее визитам, потому что поняла вдруг, что это хорошо, когда есть человек, которому можно поплакаться, излить свою душу. Вера всегда близко к сердцу принимала и ее воспоминания о детстве Ирочки, и ее сегодняшние заботы о предстоящей свадьбе, и ее невеселые мысли о будущем своем одиноком житье-бытье. Вера утешала, подбадривала, давала советы.

— Да не беспокойтесь вы о дочери,— в который уже раз убеждала она Татьяну Викторовну.— Ирочка у вас девушка с характером, образованная. Володя, помяните мое слово, у нее еще попляшет. Это вот меня, дуру некультурную, моему Левону легко было провести. Я ведь тогда деревня деревней была, хоть и опасалась многого, а доверчивость моя все сильней оказывалась. Только Лева начал за мной ухаживать, такую историю я учудила. Девчонки из магазина во время перерыва о чем только не болтают, а я, дура деревенская, все слушаю, ума-разума набираюсь. И вот зашел у них разговор о том, какие маски для лица лучше. Одна какую-то сметанную делает, другая — из земляники, а Наташка, она и сейчас у нас работает, заявляет, что самую нежность коже придают огурцы. Разговор-то зимой был, в феврале, и мне, конечно, и в голову не могло прийти, что речь идет о свежих огурцах. Перед работой поперлась на рынок, купила килограмм огурцов, да выбирала, чтоб засол был получше, а вечером, перед тем как на свидание к Левону идти, сделала себе эту самую маску. Еле вытерпела — щипало до невозможности. Лева посмотрел на мою красную рожу, удивился, но ничего не сказал. И про то, что от меня чесноком да укропом разит, тоже виду не подал. Так сильно любил, значит... Ну, а разве с Ирочкой может такая история случиться? Что вы, Татьяна Викторовна, не пропадет она, не горюйте! Давайте лучше о приданом подумаем. Я вот узнала, какие там обычаи в Армении. Свадьбу, точно, они берут на себя. Но приданое за невестой должно быть такое: по дюжине простыней, наволочек, пододеяльников и по дюжине нижнего белья.

— По двенадцать штук каждого! — не удержалась Татьяна Викторовна.— Это ж расход какой!

— Конечно, от пережитков это идет,— согласилась Вера.— Но если нет такого приданого, то, бывает, семья жениха его покупает, только это уж тень на невесту.

— Нет, раз уж такой обычай, я Ирочке все, что положено, куплю,— твердо сказала Татьяна Викторовна.— Деньги у меня есть. (Деньги эти — четыреста рублей — она по крохам собирала в течение года, экономя на всем и даже связав две кофточки на продажу, о чем Ирочка, естественно, и не догадывалась, чтобы купить на них себе шубу, а то в старом пальто ходить уже стало неприлично, хотя она и перелицевала его всего четыре года назад.)

До мая оставалось каких-нибудь десять дней, и Татьяна Викторовна во время перерыва стала наведываться в соседний универмаг, чтобы не прозевать, когда выбросят постельное белье, это такой дефицит, и ей повезло — она купила наволочки и простыни, остались пододеяльники. Нижнее белье для Ирочки ее не беспокоило, эту заботу взяла на себя Вера и даже обещала достать французские бюстгальтеры — вот-вот должны были их получить.

За этой беготней по магазинам Татьяна Викторовна и не заметила как-то, что давно уже не видела Володю, и что Ирочка перестала с ней говорить о предстоящей свадьбе, и что, когда бы она ни пришла, дочь уже дома, пока звонок из Еревана не открыл ей глаза.

— Что там случилось с детьми? — с тревогой спрашивал Назар Ованесович.— Звонил Володя и буквально плакал. Говорит, что Ирочка раздумала выходить замуж. Умолял, чтобы я попросил вас уговорить ее. Сам он стесняется.

— Первый раз слышу, что они поссорились,— искренне призналась Татьяна Викторовна.— Успокойтесь, думаю, это несерьезно.

Совсем недавно она была решительно против брака дочери, а теперь чувствовала себя неловко перед Володиным отцом, которого знала только заочно, но уже прониклась к нему уважением, чувствовала себя виноватой и перед Володей, у которого что ни говори, а была масса достоинств, и эти достоинства, кажется, начинали перекрывать и то, что он старше Ирочки и что живет не в Москве.

Пришла дочь, и Татьяна Викторовна обрушилась на нее с упреками:

— Как же тебе не стыдно перед свадьбой устраивать сцены! Вы еще не помирились?

— Нет, не помирились,— сказала Ирочка.

— А когда помиритесь? — Татьяна Викторовна все еще не верила в серьезность случившегося.

— Никогда! — коротко отрезала Ирочка, но, увидев ничего не понимающие, испуганные глаза матери, сжалилась и, так уж и быть, объяснила причину разрыва: — Мама, ты не представляешь, какой он оказался скучный и заурядный.

— Но ведь это несерьезно,— каким-то просительным, заискивающим тоном произнесла Татьяна Викторовна.— Вы ведь помиритесь, правда?

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит! — ответила Ирочка.

БАБОЧКА

Стыдно в этом признаваться, но я не помню, как звали мою первую учительницу. Впрочем, не помню и никого из ребят, с кем ходил в школу в приамурском поселке Моховая Падь. А вот девочку, которая сидела впереди, помню. Потому что был в нее влюблен.

Но влюбился я в Лиду Гречанкову не сразу. И, может, не влюбился бы вовсе, не будь на вооружении у нашей учительницы одного воспитательного приема, боюсь, уже в те годы отвергнутого педагогической наукой После каждой четверти наша учительница перетасовывала класс, рассаживая нас согласно полученным отметкам. Пожалуй, единственным, кого не затронули эти миграционные процессы, был я. Как первого сентября сорок четвертого года посадили меня за вторую парту в первом ряду от окна, так за ней же встретил я и первое апреля сорок пятого — начало четвертой четверти, день, когда я вдруг обнаружил, что девочка, которая теперь сидит впереди, самая красивая в классе.

Я и сейчас отчетливо вижу ее — тоненькая, светловолосая, большеглазая и почему-то всегда бледная. Даже после переменок, проходивших в сплошной беготне, румянец не трогал ее лица. И еще стоит перед глазами голубая жилка на худенькой шее. Словом, Лида Гречанкова представлялась мне слабым и хрупким существом, непременно нуждающимся в моей защите.

К сожалению, очень скоро появилось для этого немало поводов, и в основном давал их ее сосед по парте, на редкость конопатый и драчливый мальчишка. Он наступал ей на ногу, когда она отвечала с места, толкал локтем в бок, когда она старательно выводила прописи, а как только раздавался звонок на переменку, считал своим долгом дернуть ее за косички. Надо сказать, что

в нашем классе далеко не у всех девочек были косички,— большинство мам той военной поры превыше соображений красоты ставили требования санитарии и гигиены и стригли наголо не только сыновей, но и дочек, да хорошо еще «под машинку», а то чаще ножницами — «лесенкой». В утешение же нам приводился единственный довод: «волосы будут лучше расти».

Хотя благородный гнев и захлестывал меня всякий раз, как Лида получала толчок или пинок от своего соседа, я сдерживал его, ибо эти действия по отношению к девчонкам считались в нашем классе общепринятой нормой поведения, и выступи кто против них, то ему тут же бы приклеили обидную кличку «девчатник». Но когда конопатый злодей ни с того ни с сего взял чернильницу-непроливайку и в один момент доказал, что она не отвечает своему названию, вытряхнув на аккуратную Лидину тетрадку целую гроздь жирных фиолетовых клякс, я не стерпел и изо всей силы стукнул его кулаком по спине. Конечно же после уроков пришлось драться с Лидиным обидчиком, и победителем в том поединке стал не я. Мой противник был потяжелее и посильнее меня, так что и в последующих стычках с ним я, как правило, оказывался побежденным.

Но мое мужество заметили. Лида пригласила меня к себе домой, правда не одного, а еще с четырьмя или пятью девочками и мальчиками, чтобы показать нам свое сокровище — перевязанную розовой ленточкой толстую пачку открыток. Несмотря на мое чувство к Лиде, открытки не произвели на меня впечатления. На большей части из них были цветы, или одиночные, или в букетах, на меньшей — дома, с колоннами или со львами у входа. Только одна открытка представляла интерес — фотография памятника: какой-то человек скачет на лошади, вытянув вперед руку. Лида оказалась еще и доброй девочкой. Своим подружкам она подарила по открытке с домами, а мне — с изображением всадника. Я пририсовал к его руке саблю, и получилось очень красиво.

А потом и я позвал Лиду к себе, чтобы и она познакомилась с предметом моей гордости — собственноручно выполненными рисунками, которые неизменно вызывали восторг и зависть у моих друзей. Я лучше всех в классе рисовал сражения наших с немцами. Это были многофигурные композиции. В небе летали краснозвезд-

ные самолеты и строчили из пулеметов, на земле извергали огонь краснозвездные танки и пушки. Впереди и сзади них бежали бойцы с винтовками, саблями и красными знаменами. Для фрицев у меня всегда оставалось мало места, и поэтому их солдаты и боевая техника размерами были вдвое меньше наших и к тому же все до единого уже выведены из строя, о чем свидетельствовали густые клубы дыма, окутывавшие вражеские самолеты, танки и пушки, и горизонтальное положение самих фашистов. Я тоже не пожадничал и подарил Лиде один из лучших своих рисунков.

Когда на сопках, вплотную подступавших к нашему поселку, вовсю начал таять снег, я уговорил Лиду пойти вдвоем за сладкими желудями. Опытным путем мы с ребятами установили, что перезимовавшие желуди бывают ничуть не хуже конфет. Только надо искать такие, которые уже пообсохли на солнце, слегка потрескались и приобрели бурый цвет, а вот желуди с зеленой кожурой были твердые и невкусные. Кажется, Лида оценила это лакомство, но в настоящий восторг ее привели подснежники — бледно-синие и бледно-фиолетовые мохнатые колокольчики на коротеньких мохнатых ножках. И я с радостью рвал для нее эти цветки, растущие действительно прямо из ноздреватого серого весеннего снега.

Наверное, у нас и еще были свидания, но они как-то стерлись из памяти, и следующее воспоминание относится уже к летним каникулам, когда я пытался научить Лиду ловить руками вьюнов в речке Переплюйке. Не уверен, что это официальное название, но именно так все жители Моховой Пади именовали ручей, протекавший за околицей поселка. Вообще-то ловить вьюнов дело нехитрое. Надо просто зайти на самое мелкое место, где вода не доходит даже до щиколоток, и терпеливо ждать, когда вьюн начнет преодолевать этот перекат. Тут только не зевай, хватай его за голову и выбрасывай подальше на берег. Если же промахнешься, уцепишь за туловище или хвост, он обязательно выскользнет из рук. Но Лида очень боялась вьюнов, они казались ей похожими на маленьких змей, на которых и в самом деле были похожи.

Однако занятия наши рыбной ловлей прервались совсем не потому, что каждый раз при виде пойманного мной вьюна Лида от страха поднимала визг. Нет, причина была куда поважнее. В августе началась война с

Японией, и стало не до рыбалки и не до любви. Война заполнила собой нашу мальчишескую жизнь всю без остатка. С утра мы залезали на самую высокую сопку и часами смотрели в сторону Амура, ожидая, когда же снова будут стрелять «катюши». Их залпы мы видели в день объявления войны и надеялись, что они обязательно повторятся. А еще мы ожидали, что нас прилетят бомбить японские самолеты, и поэтому целую неделю рыли возле своего наблюдательного пункта здоровенную яму. Сверху накрыли ее досками, утащенными без спроса из дому, и замаскировали ветками, так что получился самый настоящий блиндаж, в котором, мы не сомневались, запросто можно будет пересидеть любую бомбежку.

Но самолет над нашим поселком появился лишь однажды, и летел он так высоко, что не было никакой возможности разглядеть, звезды или кружки у него на крыльях. А славные «катюши» уже на второй день войны стреляли где-то далеко-далеко, так стремительно драпали японские самураи. И хотя мы жили совсем рядом с границей, ни одного сражения так и не увидели. Обидно, конечно, только мы даже не успели расстроиться как следует, потому что снова пришла Победа. Первая, когда мы победили немцев, запомнилась тем, что взрослые плакали. И не только женщины, но даже военные с орденами на груди. Эта вторая Победа была веселой. Офицеры и солдаты играли на красивых аккордеонах и губных гармошках, все пели и плясали, а вечером был салют из пушек и в небо взлетели разноцветные сигнальные ракеты.

А еще эта Победа оказалась сладкой. В самом прямом смысле. Разгромив проклятых самураев, стали возвращаться наши отцы — на побывку, в отпуск, а то и насовсем. И все они обязательно привозили конфеты, очень много конфет в красивых ярких обертках. Кроме того, нас щедро снабжали ими и совсем незнакомые танкисты, которые сразу же после окончания войны стали приезжать в наш поселок на своих грозных боевых машинах. Все-таки нам здорово повезло, что командование выбрало Моховую Падь базой именно для этого рода войск, потому что почти все мы мечтали тогда стать танкистами. Еще бы, ведь такой формы — черных шлемов, черных комбинезонов и больших черных перчаток — не имели даже кавалеристы. Танкисты были

очень добрые дяди. Они не только разрешали нам потрогать гусеницы и постучать по броне, но и помогали забраться на сам танк, а некоторым ребятам, в том числе и мне, посчастливилось посидеть немножко на месте механика-водителя и подержаться за рычаги управления. А то, что у танкистов карманы были набиты конфетами, думаю я сейчас, объяснялось просто: это в наших глазах они выглядели взрослыми, а, по сути, ведь были те же мальчишки, не успевшие из-за войны вдосталь наесться сладкого.

Где-то в конце сентября на день или на два заскочил домой отец. Конечно же и он привез нам с сестрой конфет, но я моментально забыл о них, как только отец вручил мне настоящую трофейную саблю в зеленых ножнах и штык из вороненой стали с деревянной рукояткой: хитрые японцы могли прикреплять его к винтовке, а могли действовать им как кинжалом. Подарки, полученные сестрой, не шли ни в какое сравнение с моими. Это были чисто девчоночьи вещи: цветастое шелковое платьице, бусы и несколько брошек, из которых легкую зависть вызвала лишь божья коровка, сделанная из блестящих камешков.

Единственное обстоятельство несколько омрачало радость: ни саблю, ни штык нельзя было принести в школу, чтоб похвастаться перед классом. Учительница наверняка бы высмотрела их, и тогда — прощай, оружие, одну саблю она уже зажилила. Поэтому мне отводилась роль простого наблюдателя и советчика, когда во время переменок в дальнем углу школьного двора, где нас не мог видеть любопытный учительский глаз, ребята вытаскивали из карманов и полевых командирских сумок, заменявших нам портфели, свои богатства и начинали горячо обсуждать, что ценнее: бинокль или пустой автоматный диск, пистолетная обойма с маленькими патрончиками или десять больших винтовочных, компас или ручная граната «лимонка», правда без взрывателя. Ну, а после уроков мы шли к своим любимым танкистам и снова и снова просили их подтвердить, что на войне танк лучше пушки, самолета и линкора.

И вот однажды, возвращаясь от танкистов, я увидел, как к бараку, где жила Лида, подъехал грузовик. Из кабины вылез офицер в длинной шинели. Мне стало любопытно, к кому он приехал, и я замедлил шаг. Офицер вошел в барак, а через минуту оттуда выскочила Лида,

подбежала к машине и сказала что-то шоферу. Потом она увидела меня и радостно закричала:

— А за нами папа приехал! А мы сейчас уезжаем, уезжаем!

Танки, пушки, самолеты, линкоры в одно мгновение вылетели из моей головы, и их место заняла худенькая девочка, которая, я видел это снова, была самой красивой на земле. Мне сделалось нестерпимо грустно, и я спросил, насовсем ли они уезжают, и Лида, улыбаясь, ответила:

— Насовсем! Насовсем! Папу демобилизовали! — Она с удовольствием произнесла это трудное новое слово.

Вот и все. Больше я никогда не смогу рассматривать с Лидой ее открытки и мои рисунки, никогда больше мы не пойдем вместе за подснежниками и не будем ловить похожих на змей вьюнов.

— До свидания! — сказала Лида.— Папа попросил чтобы я и мама собирались как можно скорее.

И тут я вспомнил, что при расставании полагается что-нибудь подарить на память, лучше всего свою фотографию, чтобы, глядя на нее, не забывали тебя.

— Лида! — умоляюще протянул я.— Вы, пожалуйста, не уезжайте сразу, я быстро-быстро вернусь.

Казалось, ноги сами несли меня всю неблизкую дорогу до дома. Там, к моему счастью, никого не оказалось: мама еще не пришла с работы, а сестра, наверное, гуляла с подругами. Прямо с порога я устремился к этажерке, взял наш семейный альбом и стал лихорадочно перелистывать его. Сначала шли фотографии мамы в детстве и ее братьев, потом совсем молодого папы, потом мамы и папы вдвоем, их друзей, моих теток и дядьев по папиной линии и уже в самом конце наши с сестрой. Их было несколько, но, к своему ужасу, я обнаружил, что ни одна не годилась для моей цели. На первой меня запечатлели в возрасте шести месяцев — совершенно голого, на другой, где мне было года полтора, я сидел на коленях у бабушки, на третьей, уже лет трех от роду, я как маленький, держал в руках плюшевого мишку. И, наконец, на самой последней мы стояли вместе с сестрой, одетые в шубки. На обратной стороне было написано: «февраль 1941 года». Конечно, можно аккуратно отрезать сестру и подарить Лиде половину фотокарточки, но только и на этой, последней по

времени, я был совершенно непохож на себя — какой-то малюсенький толстощекий карапуз, глядя на которого можно лишь смеяться, а не грустить.

Я страшно обиделся, что за четыре с лишним года меня ни разу не сфотографировали, и со злостью швырнул альбом обратно на этажерку. Этажерка закачалась, с ее верхней полки упала коробочка, в которой сестра хранила разные свои безделушки, и они рассыпались по полу.

Как будто сама судьба подсказывала, что надо делать. Если у меня нет подходящей фотографии на память, то ведь не придумаешь ничего лучше, как подарить взамен девочке какое-нибудь украшение. У сестры их вон сколько, подумал я, и, может, она не заметит пропажи, если взять одну брошку. Конечно, в первую очередь мой взгляд остановился на блестящей божьей коровке, но благоразумие взяло верх — ее-то сестра наверняка хватится. И я скрепя сердце выбрал самую неприметную — маленькую костяную бабочку, по цвету похожую на обыкновенную капустницу, только резные крылышки-паутинки были у нее овальной формы.

Мне было стыдно брать чужую вещь, но, оправдывал я себя, все-таки она не совсем чужая, а родной сестры, которая, кстати, во время последней нашей ссоры разломала сделанную мной из ниточных катушек пушку, очень похожую на настоящую, так как я раскрасил ее в зеленый цвет, а ободки колес сделал черными. Получается, что теперь мы квиты. Уверив себя в этом, я зажал в кулаке брошку и бросился бежать в обратный путь.

Грузовик еще не уехал, но шофер уже крутил ручку, заводя мотор, а Лида с мамой уже сидели в кабине, а их папа — в кузове, на вещах. Вещей было совсем немного, поэтому так быстро они и собрались.

Я остановился метрах в пяти от машины и расстегнул пальто, чтобы отдышаться. На мое счастье, мотор никак не заводился, и Лидин папа спрыгнул на землю, чтобы помочь шоферу. Он увидел меня и спросил:

— Ты что, мальчик, с Лидой пришел проститься?

Я молча кивнул. Лидин папа постучал в стекло кабины и сказал, чтобы выпустили на минутку Лиду: с ней пришли проститься.

Когда Лида подошла ко мне, впервые за все время нашего знакомства на ее щеках появился румянец. На-

верное, ей было стыдно перед родителями, что ее пришел провожать мальчик. Да и я чувствовал, как горит мое лицо.

— До свидания! — тихо сказала Лида и подала руку на прощание.

— До свидания! — ответил я и положил в протянутую ладошку костяную бабочку.

— Что это? — спросила Лида.

— Это тебе на долгую память,— объяснил я.— Чтобы ты меня не забыла.

Из кабины высунулась Лидина мама и крикнула:

— Лида, пригласи мальчика в гости, пусть приезжает к нам в Ленинград.

Но Лида не успела повторить этого приглашения, потому что мотор завелся и Лидин папа тотчас же подхватил свою дочку, передал ее маме в кабину, а сам ловко запрыгнул в кузов.

— Поехали! — весело приказал он шоферу, и грузовик сначала медленно, а потом все быстрей и быстрей покатил по припорошенной первым снежком дороге. И перед тем как загородила его на повороте сопка, Лидин папа помахал мне рукой...

...В это трудно поверить даже мне самому, но через десять с небольшим лет я снова встретился с Лидой Гречанковой.

Тогда я учился в Московском университете, на втором курсе филологического факультета. Я только что сдал последний экзамен зимней сессии, не помню уже какой, но помню — на четверку, и, довольный, покуривал на лестничной площадке, когда ко мне подошел один из старшекурсников и сделал неожиданное предложение поехать на каникулы в Ленинград. Кто-то из их компании заболел, и я могу занять его место. Условия идеальные. Ленинградские филфаковцы обеспечивают бесплатным общежитием, гарантируют дешевую кормежку в студенческой столовой, так что расходы минимальные, считай, только на дорогу, ну и на билеты в музеи, а это копейки. Я, не раздумывая, согласился. Тем более что финансовая сторона меня не страшила — стипендия честно заработана, а родители целиком отдавали ее в мое распоряжение.

Когда старшекурсник, облагодетельствовавший меня, ушел, я принялся размышлять о предстоящей экскурсии. Вот тогда-то из глубин памяти выплыло это

имя — Лида Гречанкова, а затем и она сама — бледная светловолосая девочка с голубой жилкой на худенькой шее.

Дома, получив от мамы согласие на поездку, я спросил ее, не сохранились ли у нас случайно мои военные рисунки, которые рисовал в первом классе. У меня еще была для них специальная папка.

— Случайно сохранились,— улыбнулась мама.— Они в нашем большом чемодане, завернуты в клеенку.

Я достал из-под кровати чемодан, вытащил приметный сверток и обнаружил в нем массу «исторических» реликвий: школьные дневники, мои и сестры, наверное за все классы, наши похвальные грамоты, тетрадки с моими сочинениями по литературе, отмеченными пятерками. Находилась в этом архиве и та самая папка. Рисунки мои по технике исполнения оказались отнюдь не выдающимися, да и вид у них был неважнецкий. Бумага пожелтела, синее небо стало серым, обмундирование у солдат выцвело, знамена поблекли, и только клубы дыма, окутывавшие танки с ненавистной свастикой, остались густо-черными. Но совсем не рисунки, как думала мама, интересовали меня. Среди них должна была быть подаренная Лидой открытка, которую я тогда же положил в свою заветную папку.

И она, к великой радости, оказалась цела-невредима: Петр Первый с моей саблей в руке. На обратной стороне слева аккуратным почерком были написаны следующие строчки, я помню их дословно: «Дорогие Леша и Клава! Поздравляю вас и маленькую Лидочку с Новым 1941 годом! Пусть он принесет вам много счастья и веселья. Заглядывайте ко мне почаще. Я всегда рада вас видеть. Маруся». А сбоку после типографского «Куда» неведомая мне Маруся четко вывела адрес семьи Гречанковых.

Чтобы не было лишних расспросов, я незаметно сунул открытку в карман и еще некоторое время с напускным интересом рассматривал содержимое папки.

Ленинград ошеломил нас гордым достоинством, строгой величественной красотой. Я полюбил его с первого взгляда, и он, не желая ни с кем делить эту любовь, заставлял меня с утра до вечера бродить по своим набережным, проспектам и площадям. И я все откладывал и откладывал визит по адресу, указанному на старой открытке. Но за три дня до окончания нашей самодеятель-

ной экскурсии я все-таки понял, что буду очень жалеть, если вернусь в Москву, так и не попытавшись разыскать Лиду Гречанкову.

Эта мысль пришла ко мне на Невском, и я не стал утруждать себя поисками справочного киоска, а остановил какую-то старушку, выходившую из булочной, справедливо рассудив, что хлеб покупают жители города, приезжие — те питаются в столовых, и спросил, не знает ли она, как попасть на улицу, обозначенную в открытке. Старушка действительно оказалась коренной ленинградкой и обрадованно сообщила, что улица, которую я ищу, всего в двадцати минутах ходьбы отсюда, и очень толково объяснила, сколько и где сделать поворотов, чтобы выйти на нее.

Уже через десять минут я стоял у длинного пятиэтажного серого здания, построенного, в этом я уже стал немножко разбираться, в начале нынешнего века, не раньше. Сердце мое учащенно билось. Именно здесь, как утверждал адрес на открытке, до войны жила семья Гречанковых.

«Но живет ли сейчас? — вдруг испуганно подумал я.— Ведь не обязательно они вернулись на старую квартиру, могли за это время получить новую, а то и вовсе переехать в другой город». Однако отступать от задуманного было уже по меньшей мере глупо, и я решительно вошел в подъезд. Квартира, которую искал, была на третьем этаже, как поднимаешься — первая слева.

Мне очень хотелось, чтобы на звонок вышла сама Лида, однако дверь открыла невысокая пожилая женщина. Она вопросительно смотрела на меня, а я все никак не мог собраться с духом, но наконец выпалил:

— Скажите, пожалуйста, здесь живет Лидия Гречанкова?

— Вы к Лиде? — удивилась женщина.— Но она сейчас на работе.

Вместо того чтобы обрадоваться, что нашел-таки Лиду, что здесь она, что никуда не делась, я глупо спросил: «Как на работе?» Почему-то мне представлялось, что Лида тоже должна быть студенткой, ведь она лучше всех училась в нашем классе.

— Извините, но вы кто будете? — слегка насторожилась женщина.

— Ее старый знакомый,— правдиво ответил я.

— Ах, старый! — она не смогла сдержать улыбки.—

Тогда приходите вечером. Лида будет после шести.

До шести оставалось три часа, и эти три часа я бродил по Ленинграду, не замечая красоты его проспектов, набережных, мостов. Я мог думать только об одном — о близкой встрече с девочкой из моего детства.

Вечером дверь открыла та же женщина. Она пригласила меня войти и крикнула:

— Дочка, это к тебе. Тот самый молодой человек.

Из прихожей я увидел, что в комнате, дверь ее была открыта, сидят за столом и пьют чай лысоватый мужчина и девушка, издали никак не похожая на мою Лиду, хотя бы потому, что волосы у этой темные.

Девушка вышла из комнаты и уставилась на меня ничего не понимающими глазами. Вблизи она тоже была не похожа: высокая, стройная, но совсем не бледная и не большеглазая. И только чуть заметная жилка пульсировала на шее, подсказывая, что это та самая Лида Гречанкова.

— Извините, я вас не знаю,— пожала она плечами и чуть покраснела.

Оттого что Лида смутилась, робость моя пропала, какое-то тихое ликование овладело мной, я решил подурачиться немного и по праву старого друга перешел на «ты»:

— Как не знаешь? Мы с тобой очень хорошо знакомы.

— Вы ошибаетесь, я вас вижу в первый раз,— совсем уже обескураженная моим запанибратским обращением, сказала Лида и выразительно посмотрела на маму: мол, честное слово, она меня не знает.

— Да нет,— возразил я, стараясь быть как можно более серьезным.— Ты видела меня по меньшей мере раз триста.

Мужчина, который до этого прислушивался к нашему странному разговору из комнаты, счел необходимым выйти в прихожую. Это без сомнения был Лидин отец — те же глаза, нос. Он посмотрел на меня не очень-то приязненно, и я понял, что пора открывать карты.

— Мы встречались в поселке Моховая Падь!

Первой среагировала Лидина мама.

— Господи! — она всплеснула руками.— Так вы из Моховой Пади!

А за ней вскрикнула Лида:

— Ой, неужели Борис?!

— Какой еще Борис? Что, так изменился, что нельзя узнать? — И я назвал свое имя.

По выражению Лидиных глаз я понял, что, увы, оно ей ничего не сказало.

— А как вы нас разыскали? — деловито осведомился Лидин отец.

Вместо ответа я протянул ему открытку с памятником Петру Первому. Лидин отец долго рассматривал ее, и лицо его мрачнело. Без слов передал он открытку жене. Та только взглянула на нее и заплакала.

— Молодой человек,— все еще сквозь слезы обратилась она ко мне.— Оставьте, пожалуйста, эту открытку нам. Я уж и не думала, что осталось хоть что-нибудь на память о лучшей моей подруге. Она погибла в блокаду...

А потом меня накормили ужином, и мы вместе пили чай, вспоминали Дальний Восток, сорок пятый год, наше далекое детство. Лида, к легкому моему огорчению, начисто забыла и про желуди, и про подснежники, и про вьюнов, зато рассказывала о совсем других событиях из школьной жизни, которые забыл я. Мне было очень хорошо в этой милой, гостеприимной, настоящей ленинградской семье.

Но вот пришло время прощаться, и Лидин отец нарочито строгим голосом дал указание дочери показать гостю дорогу к остановке автобуса, который довезет прямо к общежитию. Надо ли говорить, что от этой остановки я проводил Лиду до дома, и мы еще постояли немного, болтая о разных пустяках.

С каждой минутой я все больше убеждался, что она очень симпатичная девушка, которая, пожалуй, не затерялась бы даже на нашем девичьем факультете, и ругал себя последними словами за то, что так поздно нашел ее. Надо бы еще обязательно встретиться, но завтра Лиде предстояло сдавать зачет (она все-таки была студенткой, только училась на вечернем отделении какого-то технического вуза), а на послезавтра наша экскурсионная группа в полном составе взяла билеты на «Пиковую даму». Не потому, что мы все до единого оказались горячими поклонниками оперного искусства, а скорее, чтобы с пользой скоротать последний вечер, ведь «Красная стрела» уходила почти в полночь. С учетом этого обстоятельства, дающего шанс, что кто-нибудь из ребят усту-

пит мне свой билет, я пригласил Лиду в театр. И действительно, один из старшекурсников вошел в мое положение.

И вот я стою у театра. Слякотная погода, которая держалась целую неделю, сменилась легким морозцем. Идет пушистый снег. И как сказочная принцесса возникает из снежной круговерти стройная девушка.

А когда я сдал в гардероб наши пальто и получил возможность как следует разглядеть Лиду, то почувствовал, что вроде снова влюбляюсь. Она казалась мне очаровательней любой из множества толпившихся в фойе красавиц в изысканных вечерних туалетах, хотя и была одета в простенький темный костюм и на ней не было никаких украшений, кроме маленькой брошки в виде бабочки.

Что-то заставило меня остановить взгляд на этой бабочке. Бледно-зеленый, почти белый цвет, овальные крылышки-паутинки... Так это ж мой подарок! И вряд ли Лида выбрала эту брошку случайно. Значит...

Она заметила мой взгляд.

— Нравится? Правда, красивая? А знаешь, кто мне ее подарил?— У меня перехватило дыхание.— Борис Снегирев. Ну, мальчик, который сидел со мной за одной партой. Он еще был самый сильный в нашем классе.

«Ты все перепутала, Лида,— хотел сказать я.— Это же мой подарок». Однако ничего не сказал.

БУТЫЛКА ФРАНЦУЗСКОГО КОНЬЯКУ

Заместитель начальника отдела одной из никому не нужных, но тем не менее благополучно существующих организаций, более справедливо называемых «конторами», некто Воронцов садился в купейный вагон скорого поезда Москва — Рига, будучи в прекраснейшем расположении духа. Его радовало, что стоял теплый летний вечер, что командировали его не в Кирово-Чепецк, как намечалось, а в столицу союзной республики, что, расщедрившись, Леонид Леонидович дал неделю на утряску дела, которое он надеялся провернуть за два дня, а значит, целых пять останется для Рижского взморья — какая-никакая компенсация за отпуск, выпавший ему на ноябрь. Эти уважительные поводы привели к тому, что командированный поставил коллективу отдела бутылку «Сибирской» и три бутылки фетяски — не так уж и много для пятерых мужчин в возрасте от двадцати семи до сорока одного года, к тому же не слишком утомившихся от исполнения своих служебных обязанностей.

Автор предвидит упреки со стороны широкой общественности за то, что не искажает ли он действительность, заставляя весь коллектив, пусть и небольшой, пить на рабочем месте. Что ответить на эту справедливую критику? Во-первых, пишется не документальный очерк, а рассказ, законы жанра которого дозволяют, в пределах допустимого, конечно, кое-что придумать, вообразить и даже гиперболизировать. Во-вторых,— может, это будет служить смягчающим вину обстоятельством? — распитие происходило уже после окончания рабочего дня. А в-третьих, и это главное, для развития сюжета позарез необходимо, чтобы герой садился в поезд

несколько навеселе. Но дома он пьет только по праздникам да когда гости приходят. И вообще выглядело бы крайне неправдоподобно, если бы Воронцов пришел домой и при жене, которая, между прочим, заканчивает работу на целый час раньше, следовательно, обязательно будет при сем присутствовать, стал бы употреблять спиртное до тех пор, пока не захорошеет, как того требует сюжет. Можно было бы, посоветуют некоторые, проводить автору своего героя в какое-нибудь уютное кафе. Но, честное слово, ни одного сколь-нибудь приличного предприятия общественного питания поблизости от места работы Воронцова не было. Имелась, правда, в конце переулка пивная-автомат, называемая завсегдатаями «В мире животных», но там объявили санитарный день, а посылать компанию, скажем, в «Баку» или «Арагви» автор просто не решился — наверняка придется стоять в очереди. Но если б герой опоздал из-за этого на поезд, не случилось бы с ним того маленького происшествия, которое и послужило сюжетом для этого рассказа.

А так Воронцов прибыл на вокзал минут за пятнадцать до отправления. Уже объявили посадку, и пассажиры не спеша рассаживались по вагонам. Между прочим, на Рижском вокзале не увидишь той давки, которую на Казанском обязательно создают обвешанные мешками и авоськами, набитыми до предела батонами колбасы и банками сгущенного молока, энергичные женщины в черных плюшевых жакетах. Нет, на Рижском вокзале пассажиры несут исключительно кожаные чемоданы, перехваченные ремнями с блестящими пряжками, или элегантные дорожные сумки на молниях, и уж они, естественно не отпихивают соседей локтями, как это принято на Казанском, а, наоборот, вежливо уступают друг другу дорогу и подают дамам руку, когда те садятся в вагон. Чем объяснить такую разницу в поведении пассажиров двух направлений, автор не знает. Может, здесь сказывается каким-то образом влияние магнитного поля...

В купе уже находились двое. Дама, из тех, которые вот-вот перейдут пенсионный рубеж, но выглядят на десять лет моложе, доставала из чемодана халат явно импортной расцветки. А за столиком сидел пожилой мужчина, можно сказать старик, в костюме серого цвета в широкую черную полоску, какие были в моде лет... а, впрочем, они никогда и не были в моде. Глубокий шрам

на лысой голове и орденская колодка говорили о том, что человеку пришлось повоевать. Ветеран деловито лущил вареное вкрутую яйцо, судя по горе скорлупы на аккуратно расстеленной газете, уже третье или четвертое по счету.

— К такой закуске, папаша, никак не помешает,— вместо приветствия сказал Воронцов, доставая из портфеля бутылку фетяски, которая уже «не пошла» и потому была передана командированному.

— Нельзя мне,— серьезно ответил бывший воин.— Язва у меня. С сорок пятого года.

— Ну, спирта, к сожалению, нет,— развел руками Воронцов.— Язву-то, говорят, спиртом хорошо лечить.

— Слыхал и про такой способ,— все так же серьезно, не принимая шутливого тона нашего героя, сказал ветеран.— Только он не по мне, я бережусь. Вот уж, считай, тридцать два года диеты ни разу не нарушил.

— Извините, а что за диета у вас? — поинтересовалась дама.— Что вы исключаете из рациона?

— Порцион-то у меня обыкновенный,— охотно пояснил язвенник.— Ем все, что старуха сготовит. Это я только на вино диету блюду. И на белое, и на красное.

— Так, может, у вас и язвы никакой нет,— усмехнулась дама.

— Как нет! — не на шутку обиделся старик.— Меня же из-за нее и демобилизовали. Майор медицинской службы Фрумкин лично освидетельствовал и дал такое заключение, а нынче он до профессора дослужился, здесь, в Москве, работает. Слыхали про такого?

— Да мало ли в Москве Фрумкиных,— протянула дама и стала выгружать из чемодана косметику, давая тем самым понять, что разговор потерял для нее всякий интерес.

Ветеран-язвенник, видно, хотел что-то сказать в защиту уважаемого профессора, но только крутанул головой, крякнул и принялся за следующее яйцо.

— Далеко ли едете, товарищи? — переменил тему разговора Воронцов.— Я лично до Риги.

— Я тоже,— буркнула дама и брезгливо поджала губы, из чего нетрудно было заключить, что ей претит та развязность, с которой ведет себя попутчик.

— А мне в Юрмалу,— не в пример даме охотно отозвался старик.— Слыхали про такое место?

— Первый раз еду в те края,— признался Воронцов.

— Курортное место эта Юрмала,— пояснил ветеран.— Как Ялта, только на Рижском взморье. Завком уж второй раз путевку выделяет. И ни копейки за нее не плачу. Чего ж не съездить, если такое отношение?

— Это конечно! — чтобы что-то сказать, сказал Воронцов.

Ветеран принял эту реплику за поощрение к дальнейшему рассказу и пустился в воспоминания:

— Очень уж мне в этой Юрмале три года назад понравилось. Чистенько. Аккуратненько. А когда домой возвращался, колбасу хорошую купил. Названия не запомнил, а вкусом как московская «докторская», только гораздо вкуснее. А стоит на гривенник дешевле...

Ветеран бы еще и еще говорил про свою памятную поездку, но так как он лицо эпизодическое, то можно и прервать его. Автору, откровенно признаться, более любопытно было бы послушать даму, потому как, наверное, много интересного и поучительного могла рассказать особа, выглядевшая на целых десять лет моложе своего возраста, но дама продолжала сидеть с насупленным видом, который недвусмысленно показывал, что навязанные автором попутчики ее никак не устраивают, однако приходится терпеть, такова уж судьба пассажира, который пока Уставом железных дорог СССР лишен права выбора соседей по купе.

Когда поезд тронулся и трое обитателей купе уже подумали, что четвертый попутчик опоздал, он появился в дверях. Вернее, это была она. Лет двадцати трех (так определил Воронцов, а на самом деле ей уже двадцать семь), с распущенными по плечам согласно моде волосами. Лицо у нее было ничем не примечательное, разве что нос чуть великоват, но зато близорукие глаза за стеклами очков были большими и необыкновенно синими. Словом, она являла собой типичный пример молодых особ женского пола, которых принято называть не девушками, а девицами (с переносом ударения на второй слог, что придает пренебрежительный оттенок этому нежнейшему русскому слову).

— Привет! — жизнерадостно воскликнула девица, протискиваясь в купе (девушка, конечно бы, сказала «здравствуйте» или «добрый вечер»).— Уф, чуть не опоздала.

Даже Воронцова, который, как помните, был под градусом и сам вел себя немного развязно, покоробила

такая фамильярность. Дама, та вообще после первого же взгляда на попутчицу впала в уныние. А ветеран так крутанул головой, что стало страшно за сохранность его шейных позвонков.

— Джентльмены, помогите вещи поставить,— сказала затем девица.

Воронцов, сообразив, что это обращение относилось, наверное, все-таки не к ветерану, а к нему, поднялся, молча взял из ее рук довольно легкий чемодан и закинул наверх. Еще из багажа была у девицы яркая синтетическая сумка-мешок с надписью «Химия-77», которую Воронцов пристроил под нижнее сиденье у столика. То ли координация движений у него по известным причинам несколько нарушилась, то ли вагон в этот момент тряхнуло, только стукнул он слегка сумку об пол — и в ней что-то звякнуло.

— Ой! — взвизгнула девица.— Осторожнее, у меня там «Наполеон».

— Ого! — с наигранным удивлением произнес Воронцов, снова входя в роль разбитного парня.— Французский коньяк? Так что его прятать, давайте на стол.

— Что вы! — кокетливо защебетала девица.— Это я сувенир везу. А тем более на столе уже, кажется, есть бутылочка.

— Ну что ж, если вам жалко французского коньяка, то нам не жалко молдавской фетяски,— все в том же дурашливом тоне продолжил Воронцов.

— И, представьте, не откажусь,— приняла игру девица.

Тут ветеран снова крутанул головой и крякнул, что, как вы уже поняли, выражало у него крайнюю степень неодобрения. А дама, прихватив халат и несколько тюбиков с кремами, гордо покинула купе и удалилась в сторону туалета.

Воронцов принес от проводницы два стакана, разлил в них вино.

— Будем знакомы! — чокнулся с девицей.

Та отпила пару глотков и вскрикнула:

— Ой, что ж мы за знакомство выпили, а не познакомились. Как вас зовут?

— Воронцов,— сказал Воронцов и, увидев недоумение в глазах попутчицы, поспешно добавил: — Алексей.

...А вот действительно, почему одного всю жизнь, хоть доживи он до седых волос и стань председателем

передового хозяйства, все Никиткой кличут? Другого же, у того еще молоко на губах не обсохло, а его уважительно Александром Сергеевичем величают, хотя и никаких постов он не занимает. Ну, а третьих, как и нашего героя, знают исключительно по фамилии. Скажут, к примеру, «лучше всего это дело поручить Жукову», и пусть Жуковых будет пять, десять, тысяча, всем ясно, о ком именно идет речь. Так что хоть и назвал наш герой свое имя, а автор даже знает, что отчество у него Степанович, но и в дальнейшем будем его по-прежнему именовать Воронцовым.

— А меня зовут Людмила,— сказала девица.

— А как все-таки, Люда или Мила? — спросил Воронцов.

— А как хотите,— хохотнула она.— Меня один знакомый вообще зовет Люми — и Люда, и Мила одновременно.

...Вот так примерно, пустыми, ничего не значащими разговорами начинаются, продолжаются и заканчиваются дорожные знакомства. Воронцов подпустил туману, сообщив, что сам он занимается конструированием разных хитрых машин и едет в ответственную командировку, однако это не произвело на Людмилу того впечатления, на которое он рассчитывал. Она же, оказалось, работает тоже в какой-то конторе и возвращается из отпуска в свой городок, что в пяти часах езды от Риги.

Конечно, не только об этом сообщили друг другу наши герои, но, честное слово, и в купе, пока сидели за фетяской, и потом в тамбуре, куда вышли покурить, не было сказано ничего такого поучительного, что бы могло представить интерес для читателей. Главное, что важно для автора, во время этого пустого разговора Воронцову вдруг стало нестерпимо жалко самого себя.

«Черт возьми,— размышлял он,— ведь мне уже тридцать семь. Жизнь проходит, а я даже ни одного романа по-настоящему не закрутил. Днем — служба. Вечером — телевизор. Раз в месяц — кино. Ну, еще с сослуживцами раздавишь бутылку, если премия, или в отпуск кто идет, или, как я сейчас, в командировку. Вот и все радости. А тут, оказывается, ездят по железным дорогам девицы с синими глазами. И почему бы не приударить за ними, тем более что они, кажется, со значением посматривают на нас?!»

И Воронцов начал уж всерьез подумывать, а не по-

просить ли у Людмилы адресок и вместо Рижского взморья заглянуть к ней. А что? Утереть нос тому жлобу, для которого предназначен «Наполеон».

Но тут Людмила посмотрела на часы, вскрикнула: «Ой, как мы заболтались!» И они вернулись в купе. Ветеран лежа читал газету. Дама уже изготовилась спать и попросила молодых людей последовать ее примеру, тем более что девушке вставать раньше всех.

Улеглись, выключили свет, но еще долго ворочались все четверо.

Воронцов думал, а не завернуть ли действительно на обратном пути в этот городишко.

Людмила думала, что ей уже стукнуло двадцать семь, но этот конструктор со значением посматривал на нее, правда, он, конечно, навеселе, но все равно, значит, она еще может нравиться.

Ветеран думал, что он, дурак, у этой девчонки — она же тамошняя — не узнал названия колбасы, которая вкуснее «докторской». Записал бы ее — и тогда проще в магазине спрашивать. Только брать надо на обратный путь уже не три килограмма, как давеча, а четыре... А то, вернее, и пять.

Дама тоже ворочалась, но, представьте, весьма грациозно, и думала о... Но о чем думают дамы, которые выглядят гораздо моложе своих лет, автор ума не может приложить.

...Проснулся Воронцов от крепкого запаха коньяка.

У столика стояла Людмила, держала в руках «Химию-77» и всхлипывала:

— Как же так? Я ее только за горлышко взяла, чтоб переложить поудобней, а дно отвалилось. Кофточку вот всю залила. Да бог с ней, с кофточкой. Бутылку эту я ж ко дню рождения одному хорошему знакомому везла.

Обращалась Людмила к даме, которая, полулежа на своей полке, с интересом слушала причитания девицы.

— Это, наверное, молодой человек, когда ставил ваши вещи, разбил бутылку,— высказала предположение дама.— Разбудите его и потребуйте деньги, ведь вы не миллионерша, думаю, а французский коньяк стоит недешево.

— Да что вы! — сквозь слезы сказала Людмила.— Какие деньги? Может, я сама где стукнула эту бутылку. Да и дело совсем в другом. Знакомый, у которого день

рождения, говорил, что он с удовольствием распил бы бутылочку французского коньяку. А у нас ведь его не бывает, и в Риге трудно достать. А тут такая удача: смотрю, на новом Арбате спокойно продается...

Воронцов лежал на своей верхней полке, повернувшись к стене, и делал вид, что спит. «А ведь это я кокнул бутылку,— припоминал он.— Точно, звякнуло, когда ставил сумку. Может, действительно, встать и дать ей четвертную. Да нет, неудобно. Лучше попытаюсь в Риге достать этого самого «Наполеона» и завезу ей, когда буду возвращаться. Вот обалдеет девица...»

Тут дверь купе со скрипом отъехала, и проводница профессионально злым голосом сказала:

— Давайте, девушка, поживее. Поезд всего минуту стоит, ждать вас не будем.— И, унюхав спиртной запах, возмутилась:— О! Да у вас тут вино, что ли, разлили? Сами подтирать будете, прислуг нет.

— Да нет, это у меня бутылка коньяка в сумке разбилась,— объяснила Людмила.— Сумка прочная, так что ничего не вытекло. Я сейчас в туалет вылью.

— Так я и дам тебе вылить,— зашлась проводница.— Что, я туалет для твоего коньяка чищу?!

— Ну если нельзя, я не буду,— всхлипнула Людмила.— Я на вокзале в урну вылью.— И, повернувшись к даме, попрощалась:— Всего хорошего!

— Вот молодежь! — довольно громко сказала дама, когда Людмила ушла.— Французского коньяка им хочется! — И грациозно повернулась на другой бок.

Ветеран спал, и коньячный дух, который еще некоторое время стоял в купе, ничуть не мешал его сновидениям.

Воронцов смотрел в стену, вспоминал попутчицу с синими глазами и постепенно приходил к выводу, что будет по меньшей мере нелепо и глупо, если он действительно заедет на обратном пути в этот городишко. Но и когда окончательно утвердился в этом своем решении, все равно оставалось как-то муторно на душе.

«Очевидно, от фетяски,— успокоил он себя.— Не надо было мешать».

СОН

Профессору Льву Владимировичу Владимирскому было худо. Накануне по случаю сегодняшнего отбытия их бригады районное начальство устроило уху, и вот закономерный результат: голова трещит, все тело ломит, будто он не коньяк пил, а целый день валуны ворочал, во рту препогано, уже третью таблетку валидола разжевал – не от сердца, оно, слава богу, в норме чтоб как-нибудь отбить нежелательный запах, но сам чувствует, как от него, что называется, разит за версту. «Надо будет пациента посадить подальше»,— решает профессор и передвигает стул, стоявший по правую руку впритык к столу, чуть ли не к самой стенке. Кабинет заведующего хирургическим отделением, предоставленный на время командировки в его распоряжение, мал и невзрачен Стены выкрашены в грязно-розовый цвет, который странным образом ассоциируется у Владимирского с прокисшим борщом, и потому каждый взгляд на них вызывает приступ тошноты.

Сейчас бы очень помогли граммов сто коньячку. У Юрия Евгеньевича, гематолога, должна была остаться в холодильнике непочатая бутылка молдавского. Хотя уже без пяти девять, так что ее наверняка открыли, не мучаются, как некоторые. А все интеллигентность дурацкая, не поддайся он на уговоры этой тощей и, по-видимому, сварливой медсестры, сидел бы с коллегами в уютном люксе и восстанавливал подорванное здоровье. Уж так она канючила, так умоляла мужа ее посмотреть, чуть ли не ревмя ревела — не смог отказать. И вот ситуация: у самого, можно сказать, абстинентный синдром[1] (профессор, как на лекциях в медицинском

[1] Синдром — совокупность симптомов заболевания. Абстинентный синдром — синдром похмелья.

институте, где заведовал кафедрой психиатрии, так и в рассуждениях с самим собой, употреблял для обозначения того или иного состояния организма исключительно научные термины и лишь в беседах с больными и их родственниками вынужден был заменять строгую латынь обыденными словами), но синдром синдромом, а придется читать нотации о вреде злоупотребления алкоголем. У пациента, которого он готовится принять, если жена, конечно, не склонна к аггравации[1], дело дошло до хронического галлюциноза. Тут, пожалуй, нотациями не обойтись, придется его куда-то определять. Вот и еще забота: профилакторий, где он консультирует, забит до отказа, и в клинике очередь на полгода вперед.

Владимирский принялся было прикидывать, что делать с этим галлюцинирующим Луньковым, так, кажется, его фамилия, но тут накатил очередной приступ тошноты, который он снял несколькими глотками воды. Вода была холодная и напоминала ему вчерашний боржоми. Как только выгрузили из машины припасы, Иван Акимович, во всем чувствуется хозяйственная жилка, бутылок восемь минеральной прямо в сетке опустил в озеро для охлаждения. Да... Не первый раз выезжает он в районы и ведь знает: везде распорядок одинаковый. После лекций перед врачами, средним медперсоналом в городском Дворце культуры по линии общества «Знание», после консилиумов и консультаций обязательно будет устроен перед отъездом шашлык или пельмени, если зимой, или вот, как сейчас, уха. Ведь знает, а не убережется... Впрочем, как говорит Григорий Миронович, время от времени надо развеяться. Завоблздравом — умный мужик. Шефство над райбольницами — его идея. Раз в квартал примерно выезжают в район на недельку четыре-пять специалистов из института, городских клиник и в придачу кто-нибудь из облздрава. Общение с коллегами, работающими в глубинке, пользу дает немалую, случаи из практики встречаются прелюбопытные, да и советы областных светил медицины кое-что значат для подшефных. Ну, и в плане развеяться... Принимают их по первому разряду, потому как обязательно найдутся у начальства или,

---

[1] Аггравация — преувеличение отдельных симптомов заболевания.

что чаще бывает, у их жен, мамаш и детишек болячки, о которых хочется поговорить с кандидатами, а то и докторами наук. С тех пор как объявили в очередной раз решительную борьбу с алкоголизмом, Григорий Миронович обязательно включает профессора Владимирского в шефские бригады. Лев Владимирович на подъем легок, никогда не отказывается — надо так надо...

Размышления Владимирского о плюсах и минусах шефских командировок прервал нерешительный стук в дверь.

«Это хорошо, что вовремя пришел,— отметил профессор, взглянув на часы.— Кладу минут двадцать на все про все, собирание анамнеза[1] сокращаю до минимума, рекомендации самые общие...» И, одобрив такой план действий, он деланно бодрым голосом крикнул:

— Смелее, пожалуйста!

Дверь приоткрылась, в нее бочком протиснулся невысокого роста щуплый мужчина, сказал «здрасьте» и застыл на пороге.

— Проходите смелее! — все так же неестественно бодро пригласил профессор и, указывая на стул у стенки, предложил: — Присаживайтесь поудобнее, и побеседуем.

Мужчина неспешным шагом подошел к стулу, сел на самый краешек и принял исключительно неудобную позу, какую придают своим клиентам фотографы, делая снимки на документы. Он, не мигая, уставился на Владимирского, и в его глазах, казавшихся неправдоподобно синими из-за бронзового загара на лице, ясно читалось, что он готов выслушать любые наставления.

Профессор сразу же, как пациент вошел, обратил внимание на загар, но сейчас он отчетливо разглядел, что тот не имел специфических оттенков, с абсолютной точностью указывающих на алкогольное происхождение, а был того здорового цвета, который характерен для людей, и зимой и летом подолгу работающих на открытом воздухе. Кроме глаз и загара, ничего приметного в лице мужчины не было: тронутые сединой у висков редкие русые волосы, невысокий, прорезанный морщинами лоб, белесые брови, чуть вздернутый

---

[1] Анамнез — совокупность сведений, сообщаемых больным врачу.

нос, словом, лицо, каких тысячи, увидишь такое и будешь долго гадать, встречал ли ты его раньше. И одет пациент был так же заурядно: в крупную светлую полоску темно-серый костюм, белая рубашка с блестящим галстуком, мода на которые пришла из солнечных республик Закавказья лет десять назад да так и сохраняет по сей день немало приверженцев среди мужского населения российского Нечерноземья. Костюм был совсем как новенький, тщательно выглаженный и, видимо, надевался лишь по самым торжественным случаям, о чем говорили значок ударника коммунистического труда и орденская планка.

Владимирский машинально отметил: «За отвагу» как и у него, потом, наверное, за Варшаву или Прагу (у него была за Будапешт), дальше, само собой, за победу над Германией и две юбилейные. Он взял историю болезни, которую жена этого бывшего фронтовика предусмотрительно принесла из поликлиники, и сделал вид, что внимательно изучает ее, приговаривая «так-с, так-с», хотя уже заранее просмотрел ее и не нашел ничего достойного внимания. В ней было всего три записи: первая, двадцатилетней давности, констатировала, что состояние здоровья у Федора Степановича Лунькова позволяет ему работать шофером, вторая — что в марте 1969 года болел он в течение шести дней острым респираторным заболеванием, и третья, прошлогодняя, зафиксировала вывих голеностопного сустава левой ноги.

«Сколько ни талдычим,— с раздражением подумал Владимирский,— а организовать регулярное проведение диспансеризаций не можем. Надо этот факт взять на заметку».

Неестественная поза, принятая Федором Степановичем Луньковым, наконец-то утомила его, и он попытался переменить ее, отчего стул заскрипел тонким дискантом.

Владимирский поднял голову и врачебно доброжелательным тоном проговорил:

— Так-с, Федор Степанович, для начала давайте познакомимся поближе. Вам достаточно будет знать, что я — профессор Владимирский Лев Владимирович, а вот мне придется вас порасспросить подробней. Супруга ваша коротко рассказала, что вас беспокоит, но чтобы выяснить причину, мы должны начать, как говорится, от рождения.

Луньков конечно же не подозревал, что anamnesis vitae[1] был любимым коньком профессора Владимирского, и поэтому никак не мог уразуметь, зачем это понадобилось профессору расспрашивать его, не сваливался ли он, например, в детстве с крыши или не попадал ли в аварии, когда работал шофером, не болели ли его мать и отец менингитом или какими душевными расстройствами, а также дядья, тетки, братья, другие родственники, давно ли он женат и первый ли это брак, живет ли он в своем доме или в казенной квартире, не конфликтует ли с начальством, какие имеет вредные привычки и еще уйму всяческих вопросов позадавал, прежде чем перейти к тому, из-за чего, собственно, и затащила жена Лунькова на этот прием.

Не взяв в толк, к чему клонит профессор, Луньков подолгу задумывался, старался отвечать обстоятельно, тщательно выбирал слова из своего не очень-то обширного запаса, но то и дело сбивался и переспрашивал: «Значица, интересуетесь, почему шоферить бросил? Причин, значица, не было, просто на строительстве больше платить обещались». Про себя Федор Степанович заметил, что ученый доктор хотя и подробности всякие расспрашивал про родственников, но ответы выслушивал равнодушно, а вот когда он твердо повторил, что никаких травм и ушибов головы ни в детстве, ни в зрелости не получал, вроде даже расстроился и с надеждой спросил: «А на фронте не были контужены?» И когда Луньков, чувствуя себя почему-то виноватым, ответил, что, слава богу, от этого пронесло, а вот осколочное ранение имеет, профессор недовольно протянул «так-с, так-с». Никакого впечатления не произвело на профессора сообщение о том, что дети выросли здоровыми, сын в армии — как полагается, отличник боевой и политической подготовки, дочь после техникума замуж вышла и в областном центре осталась, зато с неохотой сказанное признание, что с женой, известно, бывают ссоры скандального характера, пришлось профессору явно по душе, и он даже записал что-то на своем листочке.

Владимирский поначалу, как всегда заинтересованно, расспрашивал пациента, стараясь найти тот внешний раздражитель, который когда-то дал толчок для будущих

---

[1] Anamnesis vitae (анамнез жизни) — сведения об условиях жизни, труда и быта больного, его привычках и т. п.

изменений в психике человека. Профессор признавал наследственность, гены и прочую биологию, но оставался непоколебим в убеждении, что психические расстройства в девяноста случаях из ста вызываются причинами социального порядка, и поэтому не без гордости повторял на лекциях выведенную им лично из основополагающей формулы «бытие определяет сознание» производную: «нарушения сознания определяются непорядками бытия». Но постепенно бесконечные «значица» Лунькова начали его раздражать, да к тому же снова стало мутить, и он умышленно пропустил несколько вопросов, которые считал обязательными. Да, впрочем, и так все кажется ясно. Пациент отнюдь не дипсоман[1], до delirium tremens[2] еще далеко, просто налицо бытовой алкоголизм, хуже, если уже начался латентный[3] период хронического.

И профессор, может быть, несколько неучтиво, чего он никогда себе не позволял, оборвал пациента, коряво объяснявшего в тот момент, что в смысле, значица, выпивки вредной привычки у него нет, потому как он может пить, а может и не пить, а в одиночку, пусть она в холодильнике и стоит, он никогда не откупорит, но вот с компанией, это он признает, не отказывается пропустить...

— Ну, к этому мы еще, наверное, вернемся, а теперь, Федор Степанович, пожалуйста, поподробнее, на что жалуетесь.

— Да я сам-то не жалуюсь,— торопливо сказал Луньков,— это вон жена.— И он махнул рукой в сторону двери.

— Супруга немного ввела меня в курс дела. Рассказала, что по ночам мучают вас кошмары, но вот об их характере лучше если уж вы сами расскажете.

— Какие такие кошмары? — искренне удивился Луньков.— Вот, Нюрка, чего набрехала! Просто сон мне дурной снится. Все время одинаковый. Я и пришел к вам, потому что жена сказала, что вы лекарство пропишете, чтоб он перестал сниться.

— Так вот, чтоб я правильно определил, какое ле-

---

[1] Дипсоман — человек, подверженный запоям (дипсомании)

[2] Delirium tremens — белая горячка.

[3] Латентный — скрытый, незаметный для больного и окружающих период болезни.

карство вам требуется,— снова перейдя на мягкий врачебный тон, объяснил Владимирский,— мне надо побольше знать о характере ваших сновидений. Может, тогда проще будет, если я вам снова задам несколько вопросов, а вы постарайтесь ответить на них покороче, но не упуская ничего существенного. Итак, что же вам снится?

«Зачем пятнадцать минут языком мололи? — с неудовольствием подумал Луньков.— Все ученость свою хотят показать. Нет чтоб сразу это спросить да выписать таблетки, небось от дурных снов такие имеются. Так нет, интересно ему, чем тетя болела да часто ли пью. Пью, между прочим, на свои, а на работу хмельной не хожу, нормы выполняю по сто двадцать процентов. Так-то...»

— Ну-с, так что ж это такое вам снится? — переспросил Владимирский, слегка обеспокоенный затянувшимся молчанием.

— Да вот, значица, такой дурной сон,— начал Луньков неохотно. – Как будто дело сейчас, и вроде как на войне я. Значица, дан мне приказ расстрелять одного человека. Кричит мне Сережкин, наш лейтенант: «Огонь!» Нажимаю, я, значица, на крючок, а автомат не стреляет. Нажимаю, а он не стреляет. Аж пот меня прошибает, а он не стреляет. А лейтенант все подает команду. А человек этот, которого я в расход должен пустить, только щерится и молчит. Ну, вот и весь сон. Просыпаюсь, значица, сильно пропотевший.

— Любопытно... И давно это сновидение вас беспокоит?

— Да меня оно не то чтоб очень беспокоит,— чистосердечно признался Луньков.— Это жену больше. Говорит, толкаюсь я во сне, кричу, ну, и потею на нее, значица.— Луньков умолчал, что когда, увидев первый раз этот сон, проснувшись, пересказал его Нюрке, сочувствия никакого не встретил, услышал только злое: «Допился, охламон несчастный».— Ну, а первый раз приснился когда, это я точно скажу: День Победы, значица, отмечали, после этого и приснился.

— Так-с,— понимающе протянул Владимирский,— естественно; на праздник выпили?

— Естественно,— согласился Луньков.

— И сколько?

Луньков наморщил лоб, видимо, производя в уме

какие-то сложные математические действия, потом решительно мотнул головой:

— Чтоб точно, указать не могу. Пили тогда белую, а портвейна, значица, моя норма — бутылка.

— Пол-литра? — уточнил Владимирский.

— Нет, большая,— поправил Луньков.

«750 граммов портвейна» — записал на листке Владимирский, что не совсем соответствовало истине, так как в здешние магазины популярные вина поступали исключительно в бутылках по 0,8 л.

— Так-с, следовательно, вы выпили водки, скажем, граммов пятьсот, после этого легли спать и увидели сон, который затем стал регулярно повторяться.

— Поболе чем пятьсот будет,— подумав, сказал Луньков.— Три стакана гладких, это я точно выпил. Потом, значица, еще вроде добавлял...

Владимирскому эта арифметика напомнила о вчерашнем. Сколько же на его долю пришлось? Было их семеро, а армянского пять бутылок, потом перешли на молдавский — Сергей Семенович, председатель райпотребсоюза, докладывал Ивану Акимовичу, что взял полдюжины, одну на утро предусмотрительно оставил Юрий Евгеньевич, итого пять литров, пили все поровну, получается на каждого приблизительно 715 граммов. Да... Учитывая возраст, солидно. Но после финской баньки, да купания в озере, да под тройную уху коньяк шел замечательно! Что ни говори, а на природе жизненный тонус больше...

Профессор, как показалось Лунькову, укоризненно покачал головой и строго произнес:

— Давайте оставим эти расчеты. Дело, собственно, не в дозе. Существенно, что сон приснился вам в состоянии сильного алкогольного опьянения. Ну, а в последующем он тоже снился исключительно после принятия спиртного?

— Да после того раза почти каждый день снится,— вздохнул Луньков.— И после принятия, и без него.

— Почти? Следовательно, иногда и не снится?

— Вот тут три дня аврал у нас был, объект сдавали, так ничего не снилось — уставал, значица, сильно.

«Нет, пожалуй, он не хроник»,— подумал Владимирский. И решил прояснить:

— А не бывает так, что сюжет этот видится вам

и когда бодрствуете? Или, скажем, встает перед глазами человек, которого вы расстреливаете?

— Да что я, псих, что ли? — обиделся Луньков.

— Ну, почему же? — успокоил профессор.— И у здоровых людей случаются галлюцинации. То есть видения,— счел нужным объяснить он.— Просто это результат переутомления нервной системы.

— А с чего у меня-то ей переутомляться? — искренне удивился Луньков.— Я же плотником работаю, не в кабинете сижу.

— Оригинально! — не смог сдержать улыбки Владимирский.— Раз так, покончим с этим вопросом. Скажите, а раньше страшные или, как вы говорите, дурные сны вам снились?

— Нет.

— А что вообще снилось?

— Да так, чтоб запомниться, ничего не снилось. Чаще всего, значица, будто по грибы хожу, а то рыбалю. Сынишка как-то приснился в военной форме — это когда из части его фотографию у знамени прислали.

«Все-таки не надо было моего балбеса от армии спасать,— подумал вдруг Владимирский.— Мать убедила: пусть еще годик в институт поготовится. Вот он и готовится по ресторанам да с магнитофоном балдеет, когда дома. Нет, надо что-то делать с парнем, пока не стал он законченным тунеядцем...»

— Позвольте еще несколько вопросов. Сон этот снится вам один и тот же буквально во всех деталях, или бывают вариации?

— Бывают,— немного подумав, сказал Луньков.— Пару раз я его штыком пробовал. Вместо автомата, значица, не пойму, откуда взялась винтовка со штыком. И вот колю я его, а достать не могу. Делаю выпад, как учили, а все не достаю. А он щерится и щерится...

— И какие чувства, мысли у вас в этот момент?

— Какие мысли? Думаю: убить его, гада, надо, а не могу. И злюсь, значица. И кричу от злости. Тут жена и толкает, недовольна, значица, что спать ей мешаю. Перевернусь на другой бок и уж до утра никаких больше снов не вижу.

— Так-с, ну а теперь давайте поищем те события в вашей жизни, которые, так сказать, спровоцировали этот сон. Ведь сны, если хотите, отражение действительности. Иногда очень реалистическое, например, ког-

да вы рыбачите — не так ли? А порой весьма фантастическое — людям снятся чудовища, которых не существует в природе, но и они, представьте, сконструированы, если можно так выразиться, из реальных деталей...

Луньков слушал внимательно, чуть приоткрыв рот, как слушает сказку маленький ребенок, и Владимирский незаметно увлекся и долго рассказывал о природе сновидений, пока его взгляд не упал на часы, и он к досаде своей обнаружил, что прошло уже не двадцать минут, как рассчитывал, а добрых полчаса. Обязав себя не делать больше никаких лирических отступлений, профессор повел дело к концу.

— Итак, у вашего сна тоже должна быть реальная основа. Прежде всего, думаю, не ошибусь, если скажу, что человек, которого вы во сне расстреливаете, вам знаком и, очевидно, несимпатичен...

— Да нет,— потупился Луньков,— вся беда, что незнакомый. Ни имени не знаю, ни фамилии, один раз, значица, всего видел. С докладом он у нас выступал на Восьмое марта. Чернявый такой, полный. Откуда-то из области прислали. Я толком и не слыхал, о чем он говорил. Нас с объекта сняли, в клуб привели, чтоб, значица, народу поболе было. Ну, а мы в рабочей одеже — не вперед же лезть, сели в самом конце, где плохо слышно.

— Припомните,— не желал расстаться со своей версией Владимирский,— может, докладчик вызвал чем-то вашу неприязнь. Вот то, что он говорил невнятно,— это вполне могло стать причиной невольного раздражения...

— Да нет,— твердо сказал Луньков.— Докладчик, значица, обыкновенный, с чего это мне неприятность к нему испытывать. Мне, наоборот, сейчас перед человеком совестно. Во сне-то я его все убить хочу, а днем на работе вспомню и неловко, значица, на душе: мужик, может, хороший, семейный, детишки, может, у него, а я его жизни хочу лишить.

— Ну, бог с ним,— успокаивающе махнул рукой Владимирский и пристально посмотрел на пациента.— А вот расстреливать на фронте вам приходилось?

— Не пришлось,— тихо ответил Луньков, но тут же, решив ничего не утаивать, как жена наказывала, добавил: — Правда, назначали меня в команду, которой,

значица, следовало расстреливать, да приговор отменили...

— Об этом, пожалуйста, чуть подробней,— попросил Владимирский.

Луньков, подолгу путаясь в корявых словах, рассказал, как в сорок четвертом попал на передовую. В Литве дело было. Сразу же пополнение бросили в прорыв. И вот, когда дали сигнал в атаку, полез он из окопа, а дождь с утра прошел, почва — глина сплошная, поскользнулся и не сразу из окопа выбрался, а лейтенант решил, что струсил, отматюгал крепко и наганом пригрозил. После боя выяснилось, что в соседней роте один парень так в окопе и остался сидеть. Сдали его, конечно, в трибунал, а там разговор короткий...

Лев Владимирович вполуха слушал нескладный рассказ пациента, который, кажется, никакой не хроник, а просто обыкновенно зашибающий работяга, и явственно представилось ему, как он сам ходил первый раз в атаку. Он-то, наоборот, припустил со всех ног. Одна мысль была: добежать до колодца, что стоял на краю села, которое они должны были взять. И целиком поглощенный этим стремлением добежать быстрее, он не сделал на ходу ни одного выстрела и, лишь прижавшись щекой к холодному срубу, опомнился, выпустил длинную очередь.

«Странно, а почему сруб был свежий? — подумал вдруг Владимирский.— Ведь это ж лето сорок третьего. Не иначе как немцы заставили переложить колодец. Но сруб точно был новый, смолистый еще. И пахло от него дурманяще. Так вот это, значит, какой запах вспоминался, когда в баньке парились...»

Тут мысли сами собой снова перескочили на вчерашнее. Перед ухой посетили финскую баню. Да, Иван Акимович — настоящий хозяин, все у него добротно, основательно сделано: дороги асфальтированные, магазины — не сараюхи — по типовым проектам, гостиница — на уровне, с люксами, а взять ту же сауну — пожалуй, лучшая в области. И замаскирована хитро, под «Дом рыбака». Кстати, на балансе, кажется, у стройуправления, где этот Луньков работает...

А Федор Степанович Луньков добросовестно продолжал выуживать из глубин памяти подробности далекого прошлого.

...Вечером построил их лейтенант Сережкин и тор-

жественно объявил, что за трусость и измену Родине одного гада приговорили к расстрелу, и что от каждого взвода выделяется по бойцу для приведения приговора в исполнение, и что от своего подразделения назначает он в эту команду Лунькова. Сейчас-то Луньков соображает, почему именно его лейтенант выбрал: видать, думал, что он из трусости не мог быстро из окопа выбраться, вот для воспитания и назначил расстреливать. Плохо спал в эту ночь Луньков, все думал, как он утром человека будет убивать. Ведь не немца — своего. Да только настало утро, и попер немец в контратаку. Отбили ее, потом еще одну, а потом сами перешли в наступление, и было тогда не до расстрелов, тем более что трибунал, говорили, парня помиловал и направил в штрафную роту. А остался он жив или нет, Луньков не знает.

— Ну, вот,— подытожил рассказ Лунькова профессор,— теперь вы сами видите, что у вашего сна вполне реальная основа. Просто ваша память объединила разделенные во времени конкретные события. И, наверное, докладчик чем-то напомнил вам того труса.

— Того я и узнать не успел,— возразил Луньков.— Может, видел, конечно. В одном составе ехали на фронт. Но который струсит, откуда, значица, угадаешь. А в том бою из нашего пополнения половину убило да ранило. Меня-то уж позже стукнуло, под Кенигсбергом. Одна мина для нас с лейтенантом была назначена, только его насовсем, а у меня, значица, два ребра отхватило..

«Так это за Кенигсберг медаль,— посмотрел Владимирский на орденскую планку своего пациента,— жарко там пришлось ребятам. Хотя где на войне было не жарко? А в Будапеште сколько полегло...»

Профессор тряхнул головой, прогоняя ненужные воспоминания, и предложил Лунькову раздеться до пояса.

Тело у того оказалось девственно белым, видно, и летом привык он работать в рубахе. Был Федор Степанович худ, так что просматривались все ребра, кроме тех двух. На их месте розовел большой неровный рубец, и Владимирский припомнил, что у Ивана Акимовича и размерами и формой такой же, только на бедре — его ведь тоже осколком мины зацепило.

Профессор заставил Лунькова, не двигая головой, смотреть вверх, вниз, вбок и на кончик носа, вытя-

нуть руки и закрыть глаза, потом несколько раз провел холодным молоточком по груди и разрешил одеться. Когда делал он эти свои манипуляции, Луньков уловил хорошо известный ему запах перегара и проникся некоторой симпатией к ученому доктору за то, что тот, правда, непонятно зачем, потратил на него столько времени, хотя, наверное, самому позарез хотелось опохмелиться.

Установив, что nervus abducens[1] у пациента в порядке, тремор[2] не наблюдается, и все рефлексы в норме, Владимирский диагностировал сновидения как тривиальные гипногагические галлюцинации[3], которые, судя по в общем-то устойчивой психике Лунькова, должны пройти сами собой.

— Так вот, Федор Степанович, никаких оснований для беспокойства у вас не должно быть. И никакие таблетки вам не нужны. Что вам требуется, так это перемена обстановки. Вы в отпуске не были еще?

— Собираюсь.

— Вот и отлично! У вас, наверное, нетрудно достать путевку в дом отдыха. Недалеко, кажется, отсюда Березовка — чудесное место. Достаточно две недели там провести и, гарантирую, никаких дурных сновидений.

— Для чего мне Березовка? — недоуменно спросил Луньков.— У меня и огород и сад свой. И рыбалка на речке хорошая.

— Вообще-то лучше бы сменить обстановку,— попытался продолжить уговоры Владимирский, но, увидев, что Луньков упрямо вертит головой, решил не вступать в дискуссию.— Впрочем, и рыбалка — хороший успокаивающий фактор. Да... и еще...— он был заметно смущен, давая эту рекомендацию,— постарайтесь, знаете ли, пореже выпивать.

— Это хорошо бы,— согласно вздохнул Луньков.

Он подождал: не скажет ли профессор еще чего, но тот молчал, уткнувшись в свой листочек, и Луньков одернул пиджак, проговорил вежливо «до свиданьица»

---

[1] Nervus abducens — отводящий нерв, при его поражении, причиной которого нередко является отравление алкоголем, утрачивается или ослабляется подвижность глазного яблока.

[2] Тремор — дрожание конечностей; в частности, один из симптомов синдрома похмелья.

[3] Гипногагические галлюцинации — галлюцинации, возникающие в момент засыпания.

и пошел было к двери, но на середине пути остановился и нерешительно попросил:

— А может, товарищ профессор, пропишите какие таблетки?

— Чудак вы человек,— улыбнулся Владимирский.— Не нужны вам таблетки. А если и дальше будет сниться этот докладчик,— добавил он совсем уж весело,— постарайтесь все-таки его расстрелять.

Луньков с некоторым недоумением посмотрел на профессора, еще раз сказал «до свиданьица» и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Ну, чего профессор? — спросила шепотом жена, терпеливо прождавшая весь этот час у кабинета.

— А чего профессор? — вытаращил Луньков на нее свои июньского неба глаза.— Хреновый, видать, профессор. Даже таблеток никаких не прописал. Но мужик вроде подходящий. Пьющий, значица, как и все.

— У-у, охламон! — зашипела Нюрка и довольно чувствительно долбанула локтем в бок своего непутевого спутника жизни.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Историчка Елизавета Михайловна, по прозвищу Мона Лиза, читавшая инструктивное письмо обкома профсоюза об экономии горючего — ей всегда доверяли оглашать официальные документы, так как голос ее был мужествен и в то же время не лишен некоторого лукавства,— сделала вынужденную паузу, потому что никак не хотели разлепляться две последние страницы. Собрание, естественно, принялось заинтересованно наблюдать за ее единоборством с ними, и тут наступившую тишину нарушило вызывающе громкое восклицание:

— Мутотень все это!

Историчка, чье внимание целиком было переключено на строптивый документ, не видя крикнувшего, по хрипловатому басу, а главное — по непонятному словцу, сразу определила, что это высказался новый их коллега преподаватель труда Василий Капитонович. Видно, обсуждал с соседями услышанные директивные назидания, увлекся и с шепота перешел на полный голос. Сказалось отсутствие интеллигентности и педагогических навыков.

Но когда, преодолев сопротивление непослушных страниц, Елизавета Михайловна подняла голову и посмотрела в зал, то, к легкому своему удивлению обнаружила, что Василий Капитонович сидит в одиночестве у окна, в ряду десятом, тогда как весь коллектив, по обыкновению, сгруппировался в центре, на первых пяти рядах. Нет бы ей сделать вид, что ничего не произошло, и спокойно закончить чтение, благо на последней странице оказалось всего два абзаца, но не в ее характере упустить случай, позволяющий принципиально указать товарищу на существенные пробелы в его про-

фессиональном и моральном облике. Ну а уж тут, когда допущено, мягко говоря, идеологическое недомыслие, не могло быть и речи о том, чтобы не проснулась у Елизаветы Михайловны гражданская совесть — так она сама определяла то гадливенькое чувство, что заставляло ее делать пакости ближним, оправдывая эти пакости своей «активной жизненной позицией» и заботой о «высокой ответственности учителя за надлежащий духовный мир идущего нам на смену поколения».

«Ах, как же я сейчас культурно отделаю этого недотепу!» — возликовала в душе Елизавета Михайловна, и на лице ее появилась чуть заметная улыбка, из-за которой, собственно, она и получила свое прозвище.

Придав ободряюще-доверительный тон своему голосу, однако нисколько не умерив его зычности, она все с той же загадочной улыбкой спросила, адресуясь не к возмутителю спокойствия Василию Капитоновичу, как следовало бы ожидать, а к сидевшим прямо перед нею в первом ряду и вплоть до этого мгновения мирно болтавшим между собою француженке Ларисе Васильевне и географичке Ольге Афанасьевне:

— У кого-то есть замечания по ходу ведения собрания?

— Мы ничего не говорили,— поспешила заверить француженка, страшно конфузясь под пристальным взглядом Моны Лизы.

— Извините, Лариса Васильевна, но мне показалось, что здесь произнесли какое-то иностранное слово, вот я и подумала, не вы ли...

Ирония оказалась слишком тонкой для вконец оробевшей француженки. Она принялась горячо и путанно оправдываться, что никаких иностранных слов не произносила и что вообще они с Ольгой Афанасьевной все время внимательно слушали доклад и лишь в конце позволили себе обменяться парою фраз, но самым тихим шепотом.

— Шептаться, когда весь коллектив слушает важный документ,— это признак не очень высокой культуры и к тому же проявление элементарного неуважения к своим товарищам,— снисходительно объяснила Мона Лиза и, переведя взгляд в сторону Василия Капитоновича, который во время ее разговора с француженкой несколько раз кашлянул, будто просил слова, добавила насмешливо:— Впрочем, как это я могла по-

грешить на вас, Лариса Васильевна, если голос был явно мужской. Но наши рыцари не спешат признаться, что кто-то из них совершил, прямо скажем, недостойный поступок.

— Почему это недостойный? — привстал со стула Василий Капитонович.— Я ничего такого обидного не хотел сказать, просто выразился в том, значит, смысле, что бумага, которую вы зачли, какая-то не шибко понятная и к нам вроде не имеет касательства.

— А-а-а,— пропела Мона Лиза,— это наш новый коллега решил высказаться. Извините, запамятовала ваше имя-отчество?..

— Василий Капитонович,— громким шепотом подсказала француженка, обрадованная, что на сей раз, кажется, не она выбрана Моной Лизой объектом для душеспасительных нравоучений.

— Думаю, Лариса Васильевна, Василий... э-э... Капитонович сам бы ответил. Он, судя по его реплике, не из робких, за словом в карман не лезет,— осадила француженку Мона Лиза и, уже обращаясь непосредственно к Василию Капитоновичу, отчеканила строго.— Так вот, уважаемый коллега, извините, но у нас, впрочем, как и в любом другом педагогическом коллективе, не принято прерывать выступающих. Это, извините, аксиома. Надеюсь, вы помните, что так называется истина, не требующая доказательств?

— Отчего же не помню? — в голосе Василия Капитоновича послышалась некоторая виноватость.— Только что такого особенного я сказал, чтобы придираться?

— Ну, знаете, это, оказывается, позиция у вас глумиться над святыми понятиями! — Мона Лиза явно входила в раж.— Для вас, значит, ничего особенного, вот так, походя перечеркнуть важный мобилизующий документ?

— Ничего я не перечеркивал,— шмыгая носом, совсем как шалун первоклашка, начал оправдываться преподаватель труда.— Только вот, конечно, я не понимаю чего-то, но сомнение такое возникло: какой же смысел жизни обсуждать нам этот документ об экономии бензина и дизельного топлива, если наша школа не обладает никаким автотранспортом?

— Попробую вам объяснить смысл, как вы говорите, жизни нашего собрания,— язвительно пропела ис-

торичка,— но сначала, если разрешите, я закончу оглашение документа...

Химик Евгений Иванович Антошин, за десять лет работы в этой школе давно уже привыкший к нравоучительным монологам Моны Лизы и научившийся незаметно подремывать или думать о какой-нибудь ерунде во время обсуждения подобных документов, а их в каждой четверти приходило три-четыре, не сразу смог сообразить, из-за чего сыр-бор разгорелся. И когда Мона Лиза продолжила чтение, он тихо спросил у сидевшей впереди француженки, о каком, собственно, смысле жизни речь, если собрались одобрять решения по экономии горючего.

— Вот наш Капитоныч и выразился по-простецки, что никакого смы-се-ла,— француженка протянула это слово, чтобы Евгений Иванович понял, что именно так произнес его трудовик,— понимаете, никакого смысела жизни в том, чем мы сейчас занимаемся, он не усматривает.

Тут француженка поперхнулась смешком, поймав обращенный на нее гневный взгляд Моны Лизы, и глубокомысленно уставилась на висевший над сценой актового зала лозунг, сформулированный самой Моной Лизой еще года четыре назад и тогда же перенесенный на кумач любимцем всех учителей отличником Федей Ивкиным, сейчас он, кажется, в МГУ на юридическом: «Все решения — в жизнь!»...

Кстати, проходило собрание в актовом, а не в учительской, хотя была она достаточно просторной, и раньше такого рода мероприятия всегда там проводились по причине весьма прозаической. Вот уже второй год пошел, как образовалась на потолке учительской трещина, и время от времени низвергались с ее краев куски штукатурки, правда, небольшие и не представлявшие, как растолковал представитель ремстройтреста, непосредственной угрозы для педагогических жизней.

— Просто вы в этом уголочке не скапливайтесь,— посоветовал он.— А ремонт... Что ж, ремонт капитальный, безусловно, делать надо. Только в этой пятилетке ваш объект вряд ли освоим. Ну, в лучшем случае, может, удастся включить вас в титул на завершающий год...

А потом они обсуждали «злободневные вопросы экономии топливно-энергетических ресурсов». Обсуждали

«горячо и заинтересованно», как определила, подводя итоги собрания, Мона Лиза.

Первой в прениях выступила географичка — существо безответное, не смеющее отказаться от общественного поручения. Но, обремененная тремя малолетними детьми и больной матерью, она никак не успевала за динамичным, взбалмошным временем, и потому Моне Лизе пришлось написать ей тезисы речи, которые Ольга Афанасьевна добросовестно зачитала тихим испуганным голосом, сбившись лишь дважды из-за того, что историчка абсолютно одинаково писала согласные **т** и **ш**. Второй выступавшей была пионервожатая Даша, несмотря на молодость, с ходу схватывающая, что именно требуется говорить в данный исторический момент.

После этого единогласно «подвели черту», тут же послышались традиционные вздохи облегчения, но, увы, оказались они преждевременными. Мона Лиза, проигнорировав робкие протесты, вытребовала у собрания заключительное слово и доставила себе удовольствие добрых полчаса распинаться о том, какой действительно жизненно важный смысл заключается в обсуждаемом документе. Во-первых, он исходит из решений компетентных органов — тут она закатила глаза на лозунг, висевший над головой. Во-вторых, во всем мире разразился энергетический кризис, и мы не можем стоять в стороне. В-третьих, хотя у школы и нет своего автотранспорта, но личные и служебные автомашины есть у родителей многих учеников, и если последние проникнутся пониманием необходимости экономить бензин, то они смогут тогда оказывать положительное влияние в этом вопросе на своих отцов. Ну и, в-четвертых, новый документ дает еще одну прекрасную возможность на совершенно конкретном материале воспитывать у учащихся чувство хозяина, которого, как ни печально, лишены многие взрослые.

Тут Мона Лиза надолго задержала свой взгляд, сопроводив его фирменной улыбкой, на преподавателе труда, так что тот в конце концов не выдержал и снова стал оправдываться. Ничего, мол, он такого-этакого в уме не держал, когда про мутотень выразился, это у него просто вроде присловья, и не только ежели глупость какую говорят, но и мудреные вещи тоже, а так он, безусловно, с понятием, что бензин сберегать

надо, он все же продукт народного труда, и в этом плане, кто ж будет спорить, имеет очень даже серьезный смысел жизни.

— Ну вот и отлично,— смягчилась Мона Лиза, убедившись, что недотепа трудовик поставлен на место. Более того, после некоторого раздумья она решила быть уж совсем великодушной и сказала Даше, постоянному секретарю всех педсоветов и собраний, чтобы та и невразумительное мычание Василия Капитоновича тоже занесла в протокол как выступление в прениях, конечно же очистив его от вульгарных слов, а бестолковое ни к селу ни к городу упоминание о смысле жизни отредактировала как понимание и одобрение важности всенародной борьбы за экономию.

Евгений Иванович, пока сидел на собрании, не раз весело смеялся про себя, слушая косноязычные объяснения нового их коллеги, который попал в педагогический коллектив случайно и вряд ли удержится здесь долго, и гневные эскапады Моны Лизы, чей пафос был смешон, если принять во внимание личность оппонента и очевидную пустяковость его реплики. Но когда шел домой по длинной скучной улице, сплошь застроенной стандартными пятиэтажками, которые в не столь уж давние времена призваны были символизировать ростки будущей светлой жизни, веселость пропала сама собой, и потихоньку накатила беспричинная грусть, без каких бы то ни было мыслей. Голова будто наполнилась вязким тестом — такое, чуть гуще, чем надо бы, всякий раз получается у жены, когда та затевает испечь оладьи,— и из этого вязкого теста, заполнившего череп, не удавалось выкарабкаться ни одной даже самой маленькой никчемной мыслишке, и только вздувались пузыриками два несуразных слова «смысел жизни» и тут же лопались с тихим пыхтеньем. «Смысел жизни... пых. Смысел жизни... пых». И еще, и еще, и еще.

Дома уже и переоделся, и ужинать уселся, и вермишели уж полтарелки съел — а все в голове ворочалось «смысел жизни, смысел жизни... пых, пых», и неудержимо завыть хотелось. И как знать, еще чуть-чуть и завыл бы в полный голос, но тут жена вернула жизни:

— Жень, оглох, что ли? Завтра, говорю, картошку завезут в овощной, смотри не проспи к открытию!

ПАМЯТНИК

Так уж получилось, что памятник Николаю Ивановичу Елагину, бывшему председателю колхоза, потом председателю сельсовета и последний год, когда уже на пенсию вышел, опять же председателю товарищеского суда, ставил не кто иной, как Федор Ноготков, с которым покойник не то чтоб дружбы не водил, а, можно сказать, вел принципиальную борьбу с того самого дня, как появился Федор в Макарьине. Первая конфронтация (так характеризовал впоследствии этот эпизод Николай Иванович) как раз и произошла меж ними во время митинга по случаю прибытия новоселов, коим предстояло основать здесь зерносовхоз «Первомайский».

На том уже по прошествии стольких лет смело можно сказать историческом мероприятии Николай Иванович впервые выступал в качестве представителя Советской власти. То, что его не назначили директором нового совхоза, а выдвинули в сельсовет, он принял без обиды, еще раз доказав свою высокую сознательность. Понимал Николай Иванович, что с неполным начальным, какое имел, можно еще было командовать тремя десятками баб, в большинстве своем безответными вдовами; дюжиной пацанов четырнадцати — шестнадцати лет, успевших родиться перед самой войной и являвших некоторое время основную рабочую силу; покалеченными фронтовиками, насчитывалось их семеро; да столетним дедом Сашко, который отличался редким послушанием, хотя и попал в эти края за буянство, учиненное им, правда, еще лет за сорок до революции. Но вот когда хлынула на целину городская грамотная молодежь, направлять ее комсомольский энтузиазм в пра-

вильное русло должны кадры, подкованные и агрономически, и экономически, и политически.

Так разъяснил на беседе в райкоме первый секретарь Удодов Сергей Александрович. И вслух и про себя Николай Иванович согласился с этой установкой, но про себя сделал одну небольшую оговорку, которую не стал оглашать, потому как сути дела она не меняла, а секретарь мог еще, чего доброго, подумать, что он личное самолюбие ставит выше государственных интересов. Оговорка же заключалась в следующем. Насчет агрономических, а особенно экономических познаний — тут, Николай Иванович признавал, были у него, конечно, большие пробелы, хотя за борьбой академика Лысенко с шарлатанами, которые тратили народные денежки на разведение мух, следил он внимательно, но вот что касается политики, и внутренней и международной, это уж извините, вряд ли и в райкоме найдется, кто подкованней был бы. Николай Иванович и раньше охоч был до чтения, а как стал пять лет назад председателем, немедля выписал «Блокнот агитатора» и областную газету, но что любопытно: если журнальчик штудировал от корки до корки, то в газете читал исключительно передовицы да большие статьи, занимавшие весь низ второй страницы, а иногда залезавшие и на третью. Наиболее заковыристые формулировки Николай Иванович записывал в общую тетрадочку с черной коленкоровой обложкой, а потом сыпал ими на колхозных праздничных собраниях и районных активах, вызывая восхищенное изумление у макарьинских баб: «Где это наш председатель таких премудростев набрался!» — и легкую зависть у своих косноязычных коллег: не им, а ему руководство первым делом доверяло поддержку очередной областной инициативы.

Немудрено, что и на том митинге пришлось выступать Николаю Ивановичу. Зная его ораторское умение, слово ему предоставили последнему, когда народ уже уставать стал от получасового стояния: клуба, известно, в ту пору в Макарьине не было, и митинг проводили прямо посреди центральной улицы, истины ради, к тому же единственной, а трибуной служил грузовик. Отговорил, значит, свою речь инструктор райкома, сбивчиво, как молодой петух, прокричал надлежащие лозунги парнишка в железнодорожной тужурке, долго бубнил про застрявшие где-то в пути «ДТ-54» новоиспеченный

директор совхоза Константин Павлович Суровикин, работавший раньше на каком-то заводе в областном центре. Так что, когда начал речь Николай Иванович, в толпе по инерции еще переговаривались, шушукались, хихикали в рукавицы, но уже через минуту, как заглянул он в свою черную тетрадку и начал разъяснять про аграрную политику на фоне сложной международной обстановки, попритихла молодежь и даже рты пооткрывала. Ехали, мол, в первобытную степь, а тут народ, оказывается, не лыком шит, какой-то там председатель сельсовета, а шпарит — прямо профессор! Уловил это настроение Николай Иванович и выложил про ростки будущего, одним из которых без сомнения явится закладываемый сейчас зерносовхоз-гигант «Первомайский».

Тут-то и проявил себя впервые Ноготков. Когда оратор задал риторический вопрос, быть ли агрогородам на целине, в рядах внимавших произошло движение, протиснулся вперед тщедушный субъект уже явно не комсомольского возраста, заорал во всю глотку «Ура!», сорвал с головы шапку, бросил ее оземь, начал отплясывать «барыню», споткнулся, повалился в грязный, истоптанный сапожищами снег и, когда принялись поднимать его, завернул такую руладу, что стало ясно: человек вдребезги пьян. После этого, естественно, речь Николаю Ивановичу пришлось закруглить, и приготовленный им для заключительной части тезис о том, что именно молодым присущи дерзание и новаторский поиск, остался непроизнесенным.

Надо сказать, что не в правилах Николая Ивановича было оставлять без внимания несообразные поступки и высказывания, поэтому сразу же после митинга наказал он задорному железнодорожнику доставить нарушителя порядка, как проспится, в сельсовет, который временно разместился в мазанке деда Сашка. Макарьинский долгожитель с охотой предоставил для Советской власти горницу, благо уже с войны он ею не пользовался, а обитал в боковушке, на отопление которой дров и кизяку уходило куда как меньше.

Так как никакой мебели, кроме стола, лавки да иконы Николая-чудотворца, в горнице не было, то преобразовать ее в служебный кабинет не составило труда. Чудотворца деду Сашко пришлось забрать к себе в боковушку, а вместо него Николай Иванович пришпилил на

одну стену плакат, воспевающий лесозащитные полосы, на другую же — портрет флотоводца Нахимова, выпущенный, очевидно, к приближавшемуся столетию обороны Севастополя. Изображений прославленного адмирала почему-то прислали в Макарьино целых шесть штук. (Наверное, казенная голова, ведающая в районе наглядной агитацией, не утруждала себя сортировкой официальной изопродукции, а по мере поступления оптом отправляла ее сельсоветам в порядке ею же установленной очередности.) Стол Николай Иванович покрыл красной суконной скатеркой, поставил на него непременный атрибут власти — графин, установил в углу железный ящик с амбарным замком, служивший вместо сейфа, и, приведя таким образом в подобающий вид помещение, приступил к исполнению служебных обязанностей.

...Хмель, видно, долго не отпускал Федора Ноготкова, и появился он в сельсовете лишь часов в двенадцать следующего дня, когда Николай Иванович уже собирался идти домой обедать. Но, к чести нарушителя порядка, прибыл он самостоятельно, без провожатого и вел себя смирно. После робкого стука протиснулся в дверь как-то бочком, с порога еще сказал заискивающе: «Здрасте, вызывали?» — тут же шапку снял и рукавицу, чтоб поздороваться, и так с протянутой рукой засеменил к столу. Но Николай Иванович сделал вид, что руки не заметил, и минуты две еще не отрывался от «Блокнота агитатора», подчеркивая в нем что-то красным карандашом. Потом поднял голову, смерил стоявшую перед ним худосочную фигуру вчерашнего хулигана тяжелым взглядом, сказал официально:

— Можете садиться, гражданин хороший, разговор будет серьезный.

Ноготков присел на краешек стула, левой рукой прижал к груди шапку и снятую рукавицу — как бы извинялся, а правой обхватил колено, и растопыренные пальцы мелко задергались — то ли мотив какой отбивали, то ли от волнения, то ли по причине алкогольной привычки. На пальцах были вытатуированы буквы. Наколка синела ярко, отчетливо,— видно, сделали ее совсем недавно, так что Николай Иванович и без очков разглядел: «Сема».

— Имя, значит, Семен, а как по фамилии? — все так же сурово начал беседу председатель сельсовета.

Ноготков отдернул руку, виновато улыбнулся:

— По фамилии я Ноготков, а зовут, извиняюсь, Федором.

— А чего ж на пальцах другое имя? — удивился Николай Иванович.

— Дружки память оставили.

— А-а,— догадался Николай Иванович.— Сам из блатных, что ли?

— Ни в коем разе! — успокоил Ноготков, но тут же добавил: — Хотя несколько годочков с ними пришлось провести.

— Это где же? — искренне заинтересовался председатель сельсовета.

За всю жизнь, безвылазно проведенную в Макарьине, не доводилось ему видеть живьем вора, бандита или какого другого уголовника. Николай Иванович допускал, конечно, что эти пережитки капитализма хоть и не имеют почвы, но все-таки сохранились кое-где. Но опять же исключительно там, где силен был прежде кулацкий элемент.

— Где, значит, я с ними был? — переспросил Ноготков и, радуясь, что ожидаемая нотация, кажется, отменяется, охотно стал объяснять: — Сперва железную дорогу в тайге прокладывал, а последние два года канал Волга — Дон строил.

Тут, к удивлению Ноготкова, председатель сельсовета снова впал в суровость и даже кулаком пристукнул:

— Ты чего это мелешь?! Ведь это же стройка коммунизма!

— Это точно,— поспешил заверить Ноготков.

— Так что, думаешь, я поверю, что на нее разную шантрапу да мазуриков допускают.

— Хотите — верьте, хотите — нет,— обиделся Ноготков, принимая искреннее сомнение Николая Ивановича за какой-то розыгрыш.— Да только какой резон мне врать? Паспорт мне дали чистый, сказали: «Забудь, гражданин Ноготков, что было, никто тебя не попрекнет». На целину вот предложили поехать.

Николай Иванович долго переваривал полученную информацию, которая находилась в явном противоречии с тем, что выписывал он в коленкоровую тетрадку. Наконец привел свои мысли в соответствие и, сначала чуть смущенно, а потом все быстрее входя в раж, обрушил на Ноготкова поток красноречия. Многих ученых

слов Ноготков не понял, но уразумел, что, по мнению председателя сельсовета, гуманные наши законы оказали ему и его друзьям-мазурикам снисхождение и даже дозволили принять участие в великих стройках, и это надо понимать так, что нет у нас потерянных для общества людей, и каждого можно перевоспитать, но что, судя по хулиганской выходке, он, Федор Ноготков, еще не перевоспитался, хотя вот и целину ему доверили, но что Николай Иванович, будьте спокойны, приведет его моральный облик в надлежащий вид.

Ноготков не возражал, поддакивал только, а когда Николай Иванович умолк, осмелился даже высказаться в свое оправдание:

— Я ведь, товарищ председатель, тоже сознательность имею, а эти, как вы сказали, отклонения от норм допускаю в исключительных случаях. Как приму дозу, так по делу, не по делу — все одно хочется кричать «Ура!» и в пляс еще меня тянет. Такой, значит, мой особенный недостаток. Но, заверяю чистосердечно, как вы советуете, буду стремиться к исправлению.

И глаза в этот момент у Ноготкова были такой родниковой чистоты, что Николай Иванович поверил в свой педагогический успех и, смягчившись, заключил:

— Верю в тебя, Федор, как по отчеству-то?

— Игнатьич,— обрадованно заулыбался Ноготков.

— Верю в тебя, Федор Игнатьевич,— повторил Николай Иванович.— И думаю, что беседа по такому нехорошему поводу, как твое хулиганское поведение, была у нас первой и последней. А с зеленым змием надо кончать.

— Это с водкой, что ли? — встрепенулся Ноготков.— Завяжу, ей-богу, то есть честное слово, завяжу.

Крепко ошибся тогда Николай Иванович. Но скоро понял, что ясные глаза Федора Игнатьевича Ноготкова не отражали его внутреннего существа, а просто даны ему природой по ошибке. Буквально через две недели подговорил Ноготков трактористов обмыть прибывшие наконец-то «ДТ-54» и в ходе этого недостойного мероприятия распевал нескладную частушку:

Много звезд на небе ясных,
А одна — хрусталина.
Полюбили мы Хрущева,
Как родного Сталина.

Во второй раз имел обстоятельную беседу с Ноготковым Николай Иванович, и снова тот каялся, что осознает свое недостойное поведение, но пел, мол, без всякого умысла, а для веселья и опять же в результате сильной выпивки, которая, между прочим, произошла по уважительной причине, так как техника сейчас решает все и от нее в первую очередь зависит успешный подъем целины.

Теперь-то Николай Иванович понял, что покаянные речи Ноготкова ни в грош нельзя ставить. И пошла меж ними конфронтация. Но, прямо надо сказать, борьба складывалась не в пользу Николая Ивановича. Да оно и понятно. Приходилось ему применять исключительно метод убеждения, потому как более действенные способы перевоспитания к тому времени уже были отвергнуты педагогической наукой. Да и вообще употребить их по отношению к Ноготкову, даже при желании, было не так просто: во-первых, в Макарьине отсутствовала милиция, во-вторых же, ничего уголовного Ноготков не совершал, а так — выкидывал разные фортели.

Ну, как, скажем, можно было его привлечь за ту же историю с Дуняхой Чекрыжовой? Историю, между прочим, наделавшую столько шума в совхозе и в известной мере отразившуюся нежелательным образом на авторитете председателя сельсовета. Целый год, наверное, Федькины дружки приставали к Николаю Ивановичу где-нибудь в столовой или другом общественном месте с ехидным вопросом: «А вспомните-ка, Николай Иванович, как вы унюхали, что Дуняха выпимши была?»

История же с Дуняхой такая вышла. Как-то в магазине пожаловалась она бабам из очереди, что третий день животом мается — мочи нет. А там, как всегда по воскресеньям, Ноготков отирался. Услышал он эту жалобу и говорит Дуняхе: покупай, дескать, две бутылки, и дам тебе рецепт народной медицины — как рукой снимет. Дуняха, дура необразованная, тоже доверилась его ясным глазам. Одну бутылку Ноготков себе взял в качестве магарыча за рецепт. А из второй, на полном серьезе объясняет Дуняхе: сделай себе водочную клизму. На строительстве дороги, говорит, познакомился с доктором наук, и это он такое средство рекомендовал от всех без исключения болезней кишок и

желудка. Называется — гомеопатия. Только, наставляет, сначала сделай клизму теплой водой, а потом уже в чистые кишки дуй водочную.

Ну, Дуняха все аккуратно выполнила. И действительно, вроде полегчало. Пошла она тогда к Николаю Ивановичу за какой-то там справкой, жила-то по соседству с дедом Сашко, и тут ее в сельсовете разобрало. Видит Николай Иванович: женщина вроде пьяная, а запаха никакого. Чего это, спрашивает, с вами, гражданка Чекрыжова. А ничего, отвечает та, лекарство, говорит, приняла, могу и вам рецепт сообщить. Известное дело, Николай Иванович не вытерпел, мораль начал ей читать. Мол, если нездоровы, обратитесь к врачу, а здесь не больница — государственное учреждение. Тут Дуняха прямо взбеленилась. На Ольгу, кричит, пропаганду свою распространяй, как она тебя только терпит такого занудливого, а меня не чепай, не те нынче порядки.

Очень обидело Николая Ивановича такое незаслуженное Дуняхино высказывание, а когда узнал, что это через Ноготкова она в непотребное состояние пришла, на него гнев перенес. Каждый фортель ноготковский стал фиксировать и после каждого приглашал его на собеседование. Любого другого, наверное, быстро бы доконали эти проповеди, а Ноготкову хоть бы хны. Даже сам стал без всякого вызова заявляться в сельсовет. Вчера, мол, нарушил данное обязательство, но с сегодняшнего дня, клянусь,— ни капли.

Николай Иванович, что уж скрывать, однажды смалодушничал, обратился к директору совхоза Лиховидову Анатолию Тимофеевичу (первый-то, Суровикин, всего восемь месяцев продержался, отпросился обратно на завод) с предложением избавиться от нарушителя порядка Ноготкова Ф. И., уволив, стало быть, его по соответствующей статье КЗОТа. Лиховидов, служивший до этого беспечально в каком-то областном комитете профсоюза, был так затуркан множеством свалившихся на его голову забот, что смог только отрешенно махнуть рукой: «Нет уж, Николай Иванович, вы — Советская власть, сами и разбирайтесь с нарушителями порядка. А Ноготков в совхозе первый специалист по плотницкому делу, и на работе я его только трезвым вижу. Ну, если в выходной или после трудового дня он себе дозволяет, до меня, кстати, такие сигналы

уже доходили, то применяйте к нему меры морального воздействия. А меня уж от этого кляузного дела увольте».

Хотел было Николай Иванович ехидно заметить, что не делает чести хозяйственному руководителю уклонение от воспитательной работы с широкими массами, но Лиховидов уже с головой окунулся в накладные, извещавшие о прибытии на станцию в адрес совхоза «Первомайский» двадцати рулонов линолеума, хотя никакого линолеума никто не заказывал, а вот обещанного шифера все не было, и снова придется хранить зерно под открытым небом...

По поводу ноготковских художеств больше Николай Иванович никому не докучал, самостоятельно перековывал непутевого. И, знаете, незаметно не то чтобы полюбил эти регулярные политбеседы, но без них чувствовал себя ущемленным, что ли, и даже нападала на него тоска, если Ноготков занят был на ударном объекте и недели две-три вкалывал без выходных. Да и то, можно было понять Николая Ивановича. Конечно, руководство сельсоветом — дело нужное и почетное, однако в условиях населенного пункта Первомайское, как называлось теперь Макарьино, не давало оно ни прав особых, ни бюджета, а заключалось исключительно в выдаче немногочисленных справок и писании разного рода бумажек в высшестоящие инстанции. На все это уходило в день от силы два часа, а остальное служебное время надо было занять каким-то образом. Тут Ноготков со своими постоянными художествами и выручал. Иной раз Николай Иванович все время до обеда на него гробил, так что третий директор совхоза Иван Иванович Титух, бывший районный прокурор, даже замечание сделал: «Опять плотник Ноготков с большим опозданием на работу пришел. Говорит, в сельсовет вызывали. Вы уж, будьте добры, с нами согласовывайте эти вызовы». Но согласовывать Николаю Ивановичу не пришлось, так как Титух директорствовал всего три месяца, а принявший от него пост полковник в отставке Сосницкий Виктор Сергеевич даже поощрил Николая Ивановича, справедливо заметив, что в воспитательной работе главное — индивидуальный подход к людям.

В общем, Николай Иванович и Ноготков притерлись

друг к дружке, образовали, как говорится, симбиоз. Даже (это уже отмечалось выше) Николай Иванович скучал иногда по Ноготкову. Но, бывало, вспыхивал в нем и прежний гнев.

Летом пятьдесят пятого, еще при Лиховидове, вызвали Николая Ивановича в область на семинар. И вот по возвращении заходит он в сельсовет, а там такая картина: на столе, на красном сукне рядом с графином, остатки закуски, стакан опрокинутый, а занавеска на окне сгорела наполовину и у адмирала Нахимова нижний правый угол опален. Николай Иванович в боковушку. Дед Сашко, вопреки своему обыкновению вставать с петухами, спит-посапывает, и аромат от него идет алкогольный. Разбудил его Николай Иванович, попросил объяснить такое не соответствующее преклонному возрасту поведение.

— Ты уж звиняй, Микола Иванович,— оправдывался старик,— тильки трошки выпили мы с Хведором. За упокой невинно убиенных атомной бомбой японцев. Мисто ще у них так божественно прозывается. Навроде Херувима.

Ну, что с допотопным стариком говорить! Призвал Николай Иванович к ответу Ноготкова, спросил с укоризной:

— Как же это понимать, Федор Игнатьевич? Ты ведь, по анкете судя, и с японскими милитаристами воевал тоже, а теперь поминки по ним справляешь да еще вовлекаешь в это дело несознательного старика!

— Конечно, перебрали мы вчера с дедом, вон и закуску даже оставили,— извиняющимся тоном начал Ноготков.— Но ведь причина уважительная, Николай Иванович. Десятилетие варварской бамбардировки Хиросимы — я в календаре вычитал. А что касается милитаристов, то мы не их поминали, а мирных японских женщин и детей.

Николай Иванович понял, что у Ноготкова в этом вопросе позиция прочная, и повернул разговор на могущий быть в результате выпивки поджог сельсовета, а это уже не просто уголовщина. Но тут дед Сашко вину целиком на себя взял: Хведор, мол, всем известно, некурящий, это я цигарку засмолил да заснул. Словом, заменил Николай Иванович Нахимова, благо у него их еще пять запасных оставалось, и на этом инцидент оказался исчерпанным.

Кажется, в тот раз и произнес Николай Иванович самые свои проникновенные слова, оказавшиеся пророческими. Хотя нет, эти слова сказал он Ноготкову после того, как с тем учинила публичную драку Свет Останевич.

В «Первомайском» появилась Светка вместе с мужем Василием в конце зимы пятьдесят шестого. Приехали откуда-то из-под Гомеля. Молодые совсем были, а уже хозяйственные. Даже самогонный аппарат с собой прихватили. Выделил им совхоз сборный домик, тогда их уже много наклепали. Светка сразу поросенка завела, огород вскопала, овощей разных насажала. Ну, огурцы, тыквы — это у нее быстро все зачахло, а вот редиска уродилась. И уговорил Ноготков Светку гнать из этой редиски самогон.

Поверь, говорит, такой только в Москве бывает. А откуда я знаю, так потому, что сподобился попробовать его на канале Волго-Дон. По окончании строительства устроен там был небольшой прием в честь ударников, ну и меня как лучшего плотника тоже пригласили. И приехавший специально из Москвы по такому торжественному случаю замминистра каждому из нас налил по пятьдесят граммов. Как поощрение, значит. Скажу тебе, ничего лучшего в жизни пить не приходилось.

Светка рот открыла, слушает и не сомневается. Ведь точно был Ноготков на Волго-Доне, рассуждает, это и Николай Иванович говорил, а плотник Федор отменный, так что на торжественный прием вполне могли его пригласить. Словом, истерла Светка на терке, как Ноготков научил, целое ведро редиски — весь урожай, дрожжей туда насыпала, водой разбавила и стала ждать, когда забродит. На третий день от редиски дурной дух пошел, и без всяких химических анализов стало ясно Светке, что Ноготков над ней посмеялся. Схватила она тогда подвернувшуюся под руку тяпку и побежала по поселку обидчика искать. Естественно, нашла его около магазина. Успела даже один раз тяпкой огреть по спине, ну, тут мужики видят, дело нешуточное, отобрали у нее этот инвентарь, так она в волосы Ноготкову вцепилась. Хорошо Василий на крик жены прибежал и ей же накостылял еще, чтоб умней была.

Вот после этой драки и высказал Николай Иванович Ноготкову те самые слова, в которых предвидение заключалось.

— Не надоело тебе, гражданин Ноготков, жить не по-людски? Ведь ты же звание члена нашего общества позоришь. Народ образцы трудового энтузиазма показывает, а по твоей вине драки в это время происходят. Кто же тебя уважать будет, если ты то пьешь, то скандалишь...

Ноготков, как всегда, сидел потупившись, только кивал головой в знак согласия.

— Вот киваешь,— продолжал Николай Иванович, распаляясь,— а нет чтоб действительно за ум взяться, жизнь перестроить. Ты, по моим данным, полгода уже как с гражданкой Чекрыжовой сошелся, а почему отношения не оформляешь?

— Чувства проверяем,— смущенно вставил Ноготков.

— А чего проверять? Не маленькие,— в голосе Николая Ивановича зазвучали наставительные нотки.— Евдокия женщина видная. Характер, известно, у нее не рафинад, но и ты ей не подарок. А то б поженились, глядишь, и будущее поколение произвели бы. Человек, ведь он живет на земле, чтобы след оставить, память по себе добрую. Вот возьми меня. Почему я в президиумах сижу? Потому что люди уважают. Ты вот с зеленым змием дружбу водишь, а я в твои годы активным селькором был. И колхозом мне руководить доверяли, и вот сейчас сельсовет возглавляю. Сын в танковых частях служит, дочь кооперативный техникум заканчивает. Мне и умирать легко будет, знаю — люди добром вспомнят. А о тебе какая память останется? Как ты сам-то поведение свое оцениваешь?

— Известно как,— нехотя выдавил Ноготков.

— Отрицательно, что ли? — добивался четкого признания Николай Иванович.

— Отрицательно,— промямлил Ноготков.

— А надо, чтоб положительно,— с какой-то даже задушевностью сказал Николай Иванович.— Ты ведь, Федор, с деревом обращаться умеешь. Так вот, вместо того чтобы глушить ее, проклятую, выжег бы портрет кого-нибудь из членов правительства или вон Джавахарлала Неру. Радио сообщало: один токарь, из Жмеринки кажется, выжег и телеграмму благодарственную получил.

— Это кому какой талант даден,— глубокомысленно вздохнул Ноготков.— Вот когда я в госпитале лежал,

у нас в палате выздоравливающих был один сапер Витька Куракин, так тот что умел. Стакан граненый на спор разжевывал. Хрумтит стеклом, нас всех аж мороз по коже, а он, паразит, ни разу не порезался даже. Была, значит, такая у него особая способность организма, для других недоступная.

Николай Иванович историю про сапера выслушал заинтересованно, но когда умолк Ноготков, укоризненно покачал головой:

— Эх, Федор, Федор! И живешь ты несуразно, и байки у тебя поэтому несуразные. И, помяни мое слово, помрешь несуразно.

Так и случилось, как Николай Иванович напророчил. Но сначала он сам помер. А до этого много еще было меж ними конфронтаций, обо всех не расскажешь. Но напоследок нужно воспроизвести еще один эпизод, тем более что в нем верх одержал Николай Иванович.

В декабре пятьдесят девятого или в январе шестидесятого ездил Ноготков в город за столяркой. Привез рамы и двери в целости-сохранности, а еще какую-то здоровенную корягу прихватил. Недели три с ней возился, все обстругивал ее чего-то, а потом отволок на школьный двор. Учительница рисования Тамара Васильевна, молоденькая, только из училища, даже спасибо ему сказала. Ваша работа, говорит, Федор Игнатьевич, напоминает мне Коненкова. А Ноготков такой фамилии и сроду не слыхал, да и корягу обстругал, убежден был Николай Иванович, с какой-то тайной пакостью.

— Что у тебя скульптура изображает? — допытывался он у Ноготкова.

— А что видите, то и изображает,— отвечал тот.

— Это не ответ,— кипятился Николай Иванович.— Вон Алексея Прохорова дочка Лариска сказала мне, что это будет Илья Муромец. А какой же это Илья Муромец, если у него уха одного нет и нос на сторону свернут?

Ноготков объяснений никаких не дал, только рукой махнул. А Николай Иванович, когда мимо школы проходил, всякий раз при виде ноготковской коряги какое-то неудобство внутри испытывал, вроде изжоги. И не зря. Открыл он однажды свежую газету, а там все разъяснено.

— Тьфу ты,— даже сплюнул Николай Иванович,— чувствовал ведь: не скульптура это у Ноготкова, а абстракция. Слова только такого не знал.

И опять распекал Николай Иванович Ноготкова за пропаганду чуждых нам идей в области искусства. И опять Ноготков вынужден был с ним согласиться.

После этого пришел Николай Иванович домой радостный, довольный, рассказал про свою очередную победу над Ноготковым жене Ольге Григорьевне, плотно, с аппетитом поужинал и лег спать. Жена посуду вымыла, разделась, свет погасила. Подвинься, говорит. А он не шевелится. Она до него дотронулась, а он уже холодный.

— Значит, хороший человек был, раз легкую смерть принял,— утешали вдову соседки.

Похоронили Николая Ивановича не на кладбище, за рощицей оно располагалось, а в километре примерно от поселка — на солончаковом холме, который из-за плохой почвы не распахивали. Дело в том, что, за полгода примерно до своей смерти, выступил Николай Иванович на совхозном активе с инициативой делом ответить на соответствующие решения и у себя в «Первомайском» тоже основать свой Пантеон. И место даже конкретное указал — этот самый холм.

И вот, когда умер Николай Иванович, директор совхоза Гришанов Арнольд Андреевич, племянник Сергея Александровича Удодова, вспомнил про это его предложение и дал добро: «Товарищ Елагин был человек достойный, всеми уважаемый, с него и начнем». И из совхозной кассы выделил еще двести рублей на памятник (по-нынешнему — двадцать).

На похороны Николая Ивановича пришел весь поселок, пять человек выступило и среди них даже один товарищ из района. В общем, достойно проводили человека в последний путь.

Ну, а когда вдова на поминках поинтересовалась, кто памятник-то будет ставить, директор руками развел: «Некому, кроме Ноготкова. Хоть они, знаю, и не очень дружили, да только ведь он у нас один по этой части. И сожительнице своей Чекрыжовой крест он делал, и деду Сашку. Но тут, конечно, не крест надо, а какое другое сооружение, чтоб отражало оно участие усопшего в освоении целины».

Делать нечего, пошла вдова к Ноготкову. Тот кобениться не стал. Сделаю, говорит. Только ты, упрашивает вдова, сделай на совесть, а то и проследить за тобой не смогу — дочка в Рязань меня к себе забирает. Не вол-

нуйтесь, пообещал Ноготков, сделаю по первому разряду.

И соорудил он, значит, такой памятник. Из цемента — не меньше трех больших мешков ушло на это — слепил глыбу, вроде бесформенную, а вдуматься, означающую пласт земли, а в нее всадил сверху лемех плуга. Сделан тот был из нержавейки и в два раза больше обычного. Когда памятник-то стали рассматривать, так вспомнили, что лемех на пятилетний юбилей совхоза подарили шефы с машиностроительного завода. Экспонат передали в сельсовет, а когда сельсовет в новое помещение переехал, так, видно, и забыли его в мазанке деда Сашка. Вот Ноготков и приспособил эту железяку к делу.

Только не до конца он все-таки довел памятник. Самую малость не успел сделать — табличку с обозначением Николая Ивановича. О ней потом никто и не вспомнил за повседневными заботами. Родные, конечно, могли б побеспокоиться, да они в «Первомайском» больше не объявлялись. Ольга Григорьевна, наверное, сама вскорости померла, а сыну или дочери тащиться в такую даль, видно, резона не было.

...А умер Федор Игнатьевич Ноготков, как и предсказывал Николай Иванович, смертью нелепой и постыдной. Пропивал он те двести рублей, что выданы ему были на памятник. В одиночку пьянствовать у него не было правила, поэтому на сей раз совратил он тракториста Алеху Прохорова — и, как говорится, прямо на рабочем месте: тот силос трамбовал. Выпили крепко. Ну, Алеха — помоложе, домой спать пошел, а Ноготкова тут же свалило.

Ночью ветер холодный подул, а он, видно, чтоб от него укрыться, сзади трактора свернулся клубочком. Алеха же мужик сознательный, совесть у него заговорила, что работу недоделал, вот он, как проснулся — ни свет ни заря, так и побежал к своему трактору. Завел мотор, залез без всякой оглядки в кабину и для началу задний ход дал. Ведь и мысль такая не могла ему в голову прийти, что собутыльник вчерашний устроится на силосе спать. Как человека раздавил, Алеха даже и не заметил. Только когда разворот уже сделал, смотрит — из кукурузных стеблей рука растопыренная торчит. Выскочил он из кабины, нагнулся, а на пальцах наколото: «Сема», тут ему все и стало ясно.

Хоронили Ноготкова малолюдно и без речей, на старом кладбище, рядом с дедом Сашком. Поставили в изголовье фанерную пирамидку. Да, видно, слепили ее коекак, без души. Через какой-нибудь год пришла она в негодность, а потом и вовсе исчезла,— наверное, ребятишки употребили для костра.

Но тень от большущего дубового креста с могилы деда Сашка, когда солнце клонится к закату, падает и на соседний холмик.

* * *

Спустя двадцать лет после смерти своих героев автор снова очутился в тех краях. И, естественно, ему захотелось посетить совхоз «Первомайский».

Черная служебная «Волга» шла на довольно-таки приличной скорости уже минут сорок, а пейзаж ни впереди, ни по сторонам не менялся. Все та же белая, безжизненная степь, ни деревца, ни кустика. И вдруг справа, далеко, километров за пять, не меньше, вспыхнул отраженным солнечным светом какой-то невидимый предмет. Потом еще одна вспышка, еще и еще. И все ярче, все веселей.

— Памятник Ноготкова мигает,— улыбнулся шофер. Оказался он словоохотливым и, не ожидая расспросов, принялся рассказывать: — Получше всякого маяка будет. Два года назад одного нашего шофера он спас. Перегонял тот в совхоз новый газик, и вот в пути пурга его прихватила. Полдня и всю ночь в машине просидел, а утром, когда поутихло, он, вместо того чтоб костер из брезента там или из сидений развести, ушел от машины: почудилось, что собаки где-то рядом лают. Дорогу занесло, он незаметно с нее в сторону ступил и попер по целине. Вгорячах много отшагал, пока понял, что лай-то ему почудился, обернулся, а и газика уже не видать Ну, и двинул он вперед. Часа через полтора чувствует, что замерзает. Сел, прислонился к сугробу и с жизнью уже прощается. Тут-то Ноготкова памятник и замигал. Ну, пошел наш Серега на этот блеск — и точно к «Первомайскому» вышел. А за то, что машину не раскулачил, премию от директора получил.

Шофер засмеялся, радуясь за Серегу, и, как бы отвечая на чей-то вопрос, продолжил:

— А вот кто такой Ноготков, кому памятник уста-

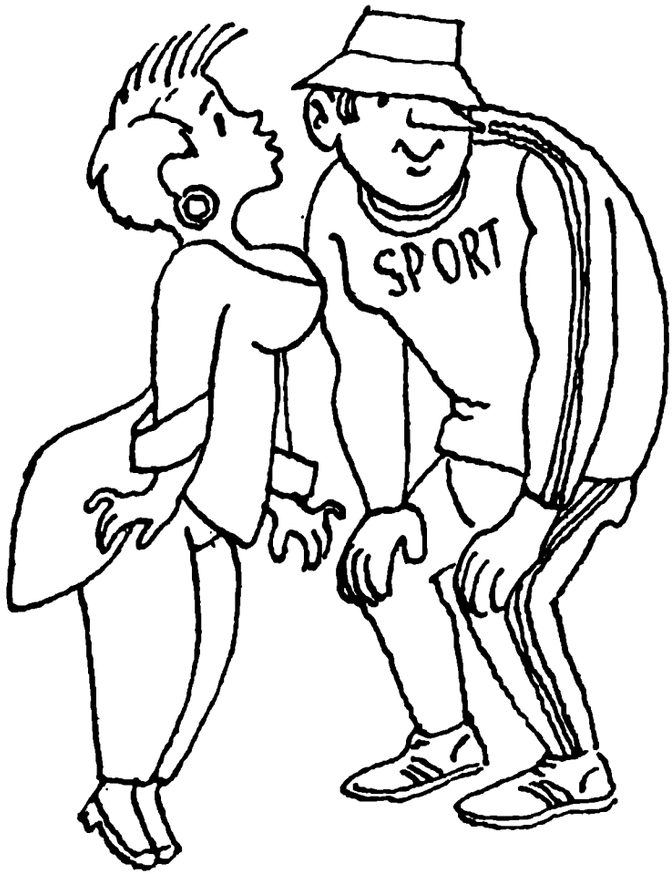
новлен, неизвестно. Говорят, первоцелинником он был, видать, начальник какой. Да сейчас уж установить трудно. В «Первомайском» из первоцелинников никого не осталось, даже местные и те все разъехались кто куда. Уж больно задрипанный был совхоз, это он с года шестьдесят восьмого в гору пошел, как его возглавил товарищ Авдеев...

Шофер замолчал. А дорога все резала и резала пополам белую, без единой кровинки степь. Но уже совсем близко пускал веселые солнечные зайчики памятник Ноготкова. И от этого живого света радостно становилось на душе. А в голову лезли несуразные мысли.

БАШНЯ

Пьеса для чтения.

Если хотите, в двух действиях.



НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Прочитав подзаголовок, читатель, склонный к недоумению, наверняка озадачится вопросами: а почему, собственно, «пьеса для чтения» и как понимать многозначительное «если хотите», да и вообще, нет ли у автора каких-нибудь тайных намерений?

Спешу развеять возможные опасения. Когда автор не без внутреннего трепета принимался за создание этого произведения, никаких намерений, ни тайных, ни явных, у него не было. Что касается естественной озабоченности по поводу «если хотите», то вполне приличное, как мне кажется, объяснение на сей счет будет дано после первого действия (в скобках замечу, что опять же, *если хотите* — первого).

Попробую теперь разъяснить, почему написана *пьеса для чтения.* Этот вопрос я позволю себе разбить на две части: а) почему написана пьеса и б) почему она написана именно для чтения?

Отвечаю на пункт а). Пьесу я написал по той простой причине, что на момент начала ее создания в моем творческом арсенале (или творческой лаборатории — как вам будет угодно) полностью были израсходованы метафоры, гиперболы, сравнения и прочие штуковины, именуемые средствами художественного изображения, которые позарез нужны для написания рассказа, повести, романа, не говоря уже о дилогии, трилогии, тетралогии и т. д. Драматическое же произведение не только не требует этих самых гипербол и сравнений, они ему даже противопоказаны. Доказательства? Пожалуйста!

Возьмем простой пример — появление героя, неважно, главного или второстепенного. Как обставляет это действие прозаик? Ему ничего не стоит написать, скажем, следующее: «Издалека донеслись звуки, похожие

на скрип старой бабушкиной калитки или рокот водопада, низвергающегося с каменистой гряды, они неотвратимо приближались, и вот, когда уже стало ясно, что это не сон, не наваждение, которое чудится уставшему путнику после трудной, вымотавшей все силы дороги по первому зимнику, еще не утрамбованному шершавыми скатами подобных доисторическим плезиозаврам «МАЗов», но явь, очевидная, как яблоко, в горницу, сморкаясь и размахивая руками, будто не по паркету шел, а босыми ногами по усыпанному стеклами от пивных бутылок, уже слегка отшлифованными морем — этим не знающим покоя тружеником,— ялтинскому пляжу, ввалился Сидор Григорьевич Захарчук, мельком виденный Прасковьей на курсах повышения квалификации операторов машинного доения, памятных ей тем, что тогда она затяжелела Аленой,— где она сейчас, непутевая?..»

Так вот вместо подобного нагромождения всевозможных частей речи, совершенно обязательного для маломальски приличного прозаического произведения, в пьесах употребляются лишь три пары слов: *входит — уходит, вбегает — убегает, вползает — уползает.* Представляете, какая экономия достигается драматургом только на одних глаголах движения!

Далее, к примеру, требуется отобразать перемену в душевном состоянии героини. Что делает в данном случае прозаик? Снова он вытаскивает из своего арсенала или лаборатории массу разных слов и словосочетаний. Душевное состояние, как известно, отражается на лице, и поэтому романист или новеллист стремится не упустить из виду ни одной части физиономии. Предположим, героине объяснились в любви. Тогда ее щеки алеют, розовеют, бледнеют, синеют, зеленеют, вспыхивают румянцем, заливаются краской смущения; ее глаза становятся похожими на спелые вишни, сливы, крыжовник, малину, смородину красную и черную, приобретают цвет опала, бирюзы, малахита, гранита, гравия, июньского или октябрьского неба, речной волны в предзакатный час, они, а также их зрачки, округляются, расширяются, сужаются, удлиняются, загораются, блестят, увлажняются, стекленеют, соловеют, закатываются и отражают то, что творится на душе; ее губы и просто улыбаются и улыбаются только своими уголками и складываются в довольную улыбку; ее носик

или вздергивается, или мило морщится, или всхлипывает; даже ее волосы могут встать дыбом или бессильно упасть на мраморные плечи... Чтобы не утомлять читателя, я привел здесь лишь тысячную, а то и десятитысячную часть возможных вариантов. И все это драматург заменяет одной-единственной ремаркой — «меняется в лице». Пример:

Он. Я люблю вас!

Она. Ах! *(Меняется в лице.)*

И действительно, какой резон писать, что зрачки героини пьесы расширились, если это невозможно углядеть даже с третьего ряда партера? А напиши драматург, что ее щеки приобрели лиловый оттенок, они же в этот момент у актрисы, исполняющей роль, остались оранжевыми, то любой критик вправе упрекнуть театр за искажение авторского замысла...

Впрочем, думается, и этих примеров достаточно, чтобы доказать, что писание пьес оправдывается весьма уважительными причинами. Почему же я написал не пьесу для постановки, а пьесу для чтения, вы поймете, когда ознакомитесь с нижеследующим рассказом.

Когда в моей голове родился сюжет предлагаемой вашему вниманию пьесы, я, не имея в этом плане абсолютно никакого опыта, решил в порядке его изучения сходить на премьеру драмы одного хорошего знакомого, у которого до этого уже были поставлены две трагедии и один водевиль. И вот, расхаживая в антракте по фойе и разглядывая развешанные по стенам фотографии актеров, в темном укромном уголке я обнаружил моего знакомого — автора пьесы, по которой был поставлен спектакль. Он сжимал виски руками, затравленно озирался по сторонам, и физиономия у него была самая страдальческая.

— Поздравляю с премьерой! — счел своим долгом сказать я и принялся отдирать от виска его правую руку, чтобы пожать ее.

Автор пьесы долго не узнавал меня, а узнав, простонал:

— Это ужасно!

— Ну что вы! — попытался я утешить его.— Это не так уж и плохо.

— Но монолог героя? — зарыдал он.— Каким надо обладать талантом, чтобы загубить такой монолог!

— Гм, здесь мне трудно судить, признался я.

У меня второй ряд амфитеатра, и, откровенно говоря, из всего монолога я не разобрал ни слова, ведь он произносился шепотом. Но вот эта старушенция, которая впала в детство, вам явно удалась. Я не мог сдержаться от смеха.

— Эта старушенция,— затряс челюстью, очевидно от гнева, автор пьесы,— моя лирическая героиня. Я задумывал ее как невинную семнадцатилетнюю девушку.

— Позвольте! — изумился я.— Но разве можно так менять авторский замысел?

— Авторский замысел! — сардонически захохотал он.— Ему плевать на драматурга. Он обращается с автором, как с половиком для вытирания ног.

— Но кто же этот злодей? — спросил я.

— А вы не догадываетесь? — опять же сардонически улыбнулся он.— Конечно же режиссер. Ему все позволено. Если захочет, то заставит говорить Чацкого с кавказским акцентом, а в Хлестакове он видит лишнего человека, своего рода продолжение Евгения Онегина. Ему ничего не стоит вымарать двух-трех второстепенных персонажей и одного главного героя, но зато заставить мольеровских героев петь «Подмосковные вечера». И знаете, почему он с таким наслаждением измывается над авторами? — заговорщицким шепотом спросил автор пьесы.— Потому что каждый режиссер знает, что он обречен.

— На что обречен? — так же шепотом спросил я.

— За мучения, которые приносят драматургам режиссеры,— улыбка у автора пьесы из сардонической перешла в сладостную,— они обречены на том свете поджариваться на сковородках ипатьевского метизного завода. Ибо сковородки этого завода обладают тем свойством, что на них подгорает любое блюдо.

Я порадовался за своего знакомого,— он, кажется, повеселел. Но через мгновение тень печали снова омрачила его лицо.

— Дружище! — умоляюще проговорил он, схватив меня за предплечья.— Я испытываю к вам искреннюю симпатию. Поэтому умоляю: не пишите пьес! Поверьте, каждая премьера стоила мне десяти лет жизни.

Я знал, что два месяца назад мой знакомый отметил пятидесятилетний юбилей, значит, не будь у него четырех пьес, ему уже было бы девяносто! Этот довод окончательно убедил меня, что писание пьес столь же

опасно для здоровья, как курение табака и употребление алкоголя. Да, но что делать с сюжетом, который уже бродил в моей голове при отсутствии в моем творческом арсенале изобразительных средств? И тогда я нашел компромиссное решение: написал пьесу для чтения.

Так что на вопрос «почему для чтения?» ответ прост: из чувства самосохранения. Но когда сочинение мое было закончено, я убедился, что помимо преимуществ, которые пьеса для чтения в отличие от обычной дает самому автору, первая в значительно большей степени отвечает и интересам зрителей, то бишь читателей. Только об этом ниже. Потому как, боюсь, вступление наше сильно затянулось и вы могли уже преспокойно забыть даже название выносимого на ваш суд драматического произведения. Думаю, нелишне будет его повторить.

БАШНЯ

Действующие лица

ЗАКРУТИЛИН Александр Андреевич, заместитель председателя правления ЖСК «Расцвет».
ОНИЩЕНКО Самсон Лукич, секретарь правления.
ПОЛУДУРОВ Василий Иванович
ТАБУРЕТКО Софья Андреевна
САМОЕДОВ Петр Алексеевич
} члены правления ЖСК «Расцвет».
СЕЛЯНИНОВИЧ Марья Тимофеевна
ИЗНАРОДОВ Кузьма Никитич
КОШЕЧКИНА Наталья Александровна
ЗАМОРЫШ Аэроплан Сысоевич
ПЕРЕХВАТОВА-ЧЕЛУБЕЙ Ева Самсоновна
НЕВЫНОСИМОВ Иннокентий Иннокентьевич
БУБЕЙ Серега
НОВОДЕВИЧИЙ Гермоген Вакханальевич
} пайщики ЖСК «Расцвет».
Почтальонша.
Первый любитель пива.
Второй любитель пива.
Рука буфетчицы.
Любители пива.

Действие происходит не в наши дни в соседнем городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Двор девятиэтажного дома-башни. Сам дом в глубине сцены. У входа будка телефон-автомата. К дому пристроены выступами к зрительному залу с одной стороны пивной бар «Рододендрон», с другой — кирпичная будка без окон, на железной двери которой под табличкой «Вход посторонним категорически запрещен» крупно выведено мелом «сартир». У пивного бара валяются два-три деревянных ящика из-под бутылок. Между входом в дом и кирпичной будкой клумба с чахлыми цветочками, во дворе несколько худосочных деревьев. Ближе к зрителям садовая скамья и рядом щит стенгазеты «За образцовый быт». Заголовок сделан на века из блестящего металла, но сам щит пуст, только в одном углу прикноплен небольшой белый листок. Ясное летнее утро.

Перед самым открытием занавеса со сцены раздаются громкие недовольные голоса: «Кого ждем?», «Время!», «Заснули, что ли?», «Давай открывай!» Занавес открывается. У дверей пивного бара толпятся любители пива. Со стороны кирпичного сооружения быстро идет Невыносимов, в руках — авоська, в которой бутылка кефира, батон, свертки. Невыносимов аккуратно укладывает авоську на скамейку, подходит к щиту, заинтересовавшись объявлением.

Первый любитель пива *(стучит в дверь пивного бара)*. Открывай, родимая! Душа горит!

Дверь пивного бара медленно приоткрывается. Любители пива тотчас выстраиваются в очередь, так что зрителям видно, как из-за двери просовывается рука буфетчицы и вешает снаружи табличку «пива нет». Любители пива возмущенно загудели. Слышны отдельные выкрики: «Обнаглели», «Что хотят, то и делают», «В газету надо написать», «Чего ждем? Поехали в «Гиацинт». Постепенно любители пива уходят за кулисы, кроме первого и второго любителей, которые идут через сцену к кирпичной будке.

(Заканчивает фразу, начало которой из-за шума, поднятого любителями, не было слышно.) ...на кой мне, скажи, эти права, если пива нет.

Второй любитель пива. Оно, следовательно, если после вчерашнего, то конечно. *(Размышляет.)* Тогда, может, в «Гиацинт» отлучимся али в «Алые паруса»? Там тоже с десяти.

Первый любитель пива *(вздыхая, отрицательно качает головой)*. Нет, уж если не везет, так с утра. Предупредили, чтоб никуда не уходил с рабочего места, попробуют сегодня давление повысить. Обещались звонить. Тогда надо будет вентиля закрепить, а то, не дай бог, прорвет.

Второй любитель пива. Чего это ее прорвет? Небось атмосфер двадцать дадут, не больше, а тут сиди, как кочерыжка, и не моги, следовательно, здоровье поправить.

Первый любитель пива *(заметив надпись на двери будки, встряхивает головой)*. Вот ты зараза! Минуту ведь всего не были, а уже снова появилась. Шустрый какой-то малец орудует и, видать, двоечник: все время с ошибкой пишет.

Второй любитель пива *(обращается к Невыносимову)*. Ты, папаша, давно здесь прохлаждаешься? Не видел, кто дверь нам разукрасил?

В это время первый любитель пива стирает надпись, входит в будку.

Невыносимов *(назидательно)*. Вы любезнейший, из-за своего алкогольного пережитка покинули трудовую вахту, а еще позволяете себе тыкать. *(Переходит на крик.)* Нет, до чего же обнаглели! Вместо того чтобы идти созидать...

Второй любитель пива *(перебивает Невыносимова)*. Чего это тебя прорвало? Не знаешь, так и скажи. А созидать, когда надо, мы насозидаем. *(Уходит в будку.)*

На первом этаже открывается окно, из него высовывается Селянинович.

Селянинович *(кричит.)* Иннокентий Иннокентьевич! Мово не видали?

Невыносимов. Ваш супруг *(смотрит на часы)* в течение десяти минут здесь не наблюдался.

Селянинович. Извиняйте тогда за беспокойство. *(Закрывает окно.)*

Невыносимов *(срывает со щита объявление)*. А это разве порядок — частные объявления вешать на общественный орган?! *(Читает объявление.)* «Продается импортный предмет женского туалета. Номер шесть»... Так... «Звонить по телефону... Спросить Наташу». Так-так-так. Кошечкина, значит, повесила объ-

явленьице. Учтем. *(Задумывается.)* Не могу сообразить, мал он ей, что ли?..

Входит почтальонша.

Почтальонша. Гражданин мужчина, это жэсэка «Рассвет»?

Невыносимов *(некоторое время молча разглядывает почтальоншу)*. Какая-то новенькая. Мда, отдел кадров у них в отделении работает на уровне. *(Подходит вплотную к почтальонше.)* Как-как, милая, вы сказали?

Почтальонша *(смотрит на телеграмму)*. Жэсэка «Рассвет».

Невыносимов *(наклоняясь к телеграмме, в то же время осторожно обнимая почтальоншу за талию)*. А адрес, дорогуша, какой?

Почтальонша. Ой! Чего это вы позволяете себе? *(Сбрасывает руку Невыносимова.)*

Невыносимов. Побеспокоил? Простите, душечка. Это я чисто меланхолически. Позвольте? *(Берет телеграмму.)* Проспект Новаторов — все правильно. Дом семнадцать — это точно. А вот ЖСК наш называется не «Рассвет», а «Расцвет». Улавливаете разницу?

Почтальонша. Какая разница? Не два же у вас кооператива в доме?

Невыносимов. А разница та, голубушка, что рассвет — это когда вы, к примеру, девушкой были, а сейчас вы, будучи в самом соку,— это уже расцвет. Одну буковку телеграфистка перепутала, и пожалуйста, можно сказать, политическое искажение... Так, посмотрим, значит, кому она адресована. *(Читает.)* «Секретарю ЖСК «Рассвет», стало быть «Расцвет», Слонищенко. *(Хихикает.)* Это надо же — Слонищенко! Онищенко он у нас, Самсон Лукич. Телеграфистка опять же точками инициалы поленилась отстукать: «С» — тчк, «Л» — тчк, Онищенко, и вышло что? Карикатурное искажение фамилии достойного человека...

Почтальонша *(нетерпеливо)*. Ладно, гражданин мужчина. Некогда мне ваши разговоры слушать. Где он живет, этот ваш Ищенко? Номер квартиры почему-то не указали.

Невыносимов. А вы не беспокойтесь, я ему передам.

Почтальонша *(обрадованно)*. Тогда распишитесь вот тут. *(Протягивает Невыносимову тетрадку, где*

он расписывается.) А я побегу, у меня вон этих телеграмм еще девять штук. *(Уходит.)*

Невыносимов *(провожает ее взглядом)*. Ух, недотрога! *(Оборачивается по сторонам.)* Так, полюбопытствуем, что Самсону Лукичу пишут. *(По мере чтения лицо Невыносимова каменеет, телеграмма падает у него из рук, и он принимает стойку «смирно», потом поднимает телеграмму и медленно читает ее вслух.)* «Сегодня пять часов ноль три минуты московского времени в мир иной скоропостижно отбыл Иван Васильевич Кормилов. Тело встречайте воскресенье. Подозреваем отравление чебуреками. Скорбим. Соратники». Чувствуется, что в волнении писали. *(Пауза.)* Ушел, значит, Иоанн Васильевич туда *(смотрит на небо)*, откуда нет возврата. Ох, что-то у нас сейчас начнется! *(Суетливо берет авоську.)* Телеграмму-то я Самсону Лукичу отнесу, но сначала надо на всякий случай Александра Андреевича проинформировать. *(Входит в телефонную будку, плотно закрывает за собой дверь.)*

Из дома выбегает Самоедов.

Самоедов. Куда ж это Невыносимов подевался? Ведь только что из окна видел, стоял он тут у газеты, с женщиной какой-то, по обыкновению своему, разговаривал. Уж он-то знает, как анонимку составить, чтоб проняло там наверху. А то просто житья не стало. Труба эта так и гудет, так гудет. И сын уже потолок головой задевает.

Входит Новодевичий. Останавливается у пивного бара. Вид его слегка помят. В это время Невыносимов, закончив разговор по телефону, незаметно проскальзывает в дом.

(Обрадованно.) Гармаген Вакханалич! Подьте сюда.

Новодевичий, сделав недовольную гримасу, подходит к Самоедову.

Окажите услугу, Гармаген Вакханалич, подсобите сочинить анонимку. А то просто житья не стало. Сынок-то у меня уже метр девяносто, а потолок — метр девяносто пять.

Новодевичий *(удивленно)*. Как метр девяносто пять? У нас же в доме высота квартир два тридцать.

Самоедов *(тоже удивленно)*. И вы не в курсе?! Тогда слухайте. Три года назад, я еще не заселился, а прежний жилец товарищ Неунывайло уже съехал, так наш руководитель Кормилов какую аферу провернул. Сооружали тогда этот канализационный коллектор *(показывает на кирпичную будку)*, а Кормилов тут же подсуетился, чтоб та же бригада переоборудовала подвал под залу заседаний...

Новодевичий. Припоминаю.

Самоедов. Так вот проект, как завсегда у нас, такой обормотский сделали, что главная труба проходит как раз под моей квартирой. А оказывается, по требованию гигиены, в помещении над этой самой трубой людям жить нельзя. Усекаешь?

Новодевичий. Пока не очень.

Самоедов *(распаляясь)*. Да и я никак не мог растумкать, как оно получилось. А все просто. Этот прохиндей те квартиры, что были над ним на пятом этаже, оформил документально как санитарную зону этого самого коллектора.

Новодевичий. Постойте-постойте, это, значит, ваша квартира должна быть санитарной зоной?

Самоедов *(обрадованно)*. Вот и вы наконец усекли, как это у Кормилова, единственного в доме, оказалась квартира в двух уровнях. Половина пятого этажа считается — как бы вроде ее нет, а он там поживает и еще ни копейки не платит, потому как санитарные зоны не оплачиваются. Ведь на них никому жить не положено. *(Постепенно снова распаляется.)* Ну, ладно, я согласен, раз ты умеешь воспользоваться — воспользуйся, но зачем других ущемлять? А этот жук распорядился еще поднять пол в моей квартире на целых тридцать пять сантиметров, чтоб главная труба, значит, не очень нависала над головой в зале заседаний. Вы на собраниях сидите, видели *(жестикулирует)*, она как раз над столом президиума изгиб делает.

Новодевичий *(значительно)*. Мне, знаете, не до наших собраний — я, знаете, другие обслуживаю. Выполняю, чтоб вам понятней было, важные социальные заказы. Смотрели по телевизору трансляцию торжественного открытия городского съезда кактусоводов?

Самоедов. Ага.

Новодевичий. Значит, слышали приветствие воспитанников детского сада № 37? «Хотя мы только пятилетки, но тоже служим пятилетке». *(С гордостью.)* Так вот, стихи — мои. Теперь грядет слет любителей аквариумных рыбок. Снова ко мне обращаются. Им тоже захотелось получить приветствие от юной смены. Решаю в данный момент, можно сказать, поэтическую сверхзадачу: и специфику этого благородного увлечения надо отобразить, и увязать ее с текущими проблемами развития народного хозяйства, и с тонкой иронией покритиковать тех, кто всем рыбкам предпочитает вяленую воблу. И все устами младенцев. Ключ к первой части этой триады, кажется, найден. *(Декламирует.)* «Пока еще варит ум, покупай аквариум!» Какова рифма! Ну, с пятилеткой у меня уже отработано. А вот насчет воблы... Хотел в плане изучения темы заглянуть в пивной бар, но он закрыт...

Из дома выходит Закрутилин. Останавливается. Слушает.

Самоедов. А может, вместо воблы селедка подойдет?

Новодевичий. Это в каком смысле?

Самоедов. Селедочка-то у меня найдется, Гармаген Вакханалич. А к ней — первач. Теща гонит — Знак качества можно смело присваивать. *(Зажигательно потирает руки.)*

Новодевичий *(колеблясь)*. Признаться, предлагаемая вами анонимная форма мне близка по духу. Если вдуматься, так, может, именно анонимки — первый признак настоящей гармонии человеческих отношений. Ибо, прибегая к анонимке, личность сознательно отметает прочь свое эгоистическое «я». Это прекрасно! *(Пауза.)* Вот только прозой, знаете ли, давненько я не писал.

Самоедов. Да не бойтесь. Я вам столько фактов навалю. Одно то, что он себе квартиру из двух этажей скомбинировал, это за что говорит? За то, что он прохвост, каких свет не видывал.

Новодевичий *(уступая)*. Право, не знаю. Ваше предложение — это тоже, конечно, своего рода социальный заказ... А первач, извините, из чего?

Самоедов. Из буряков. Как слеза!

Новодевичий. Ну, если как слеза... Думаю, Муза меня поймет...

Самоедов. Не сумлевайтесь, Гармаген Вакханалич. До Музы Григорьевны я вас доставлю в целости-сохранности.

Поворачиваются, чтобы идти в дом, и упираются в Закрутилина.

Закрутилин *(командирским тоном)*. Анонимки придется отставить!

Самоедов *(с вызовом)*. Это почему же? Не имеете таких правов — критику глушить. Я восемнадцать анонимок на Ивана Васильевича написал и девятнадцатую напишу.

На балконе второго этажа появляется Изнародов. Он в майке, галифе, тапочках.

Закрутилин *(суровo)*. А вот девятнадцатую не напишешь. Потому как нет уже среди нас Ивана Васильевича Кормилова.

Самоедов *(не понимая)*. Известно, что нет. Он же на курорте загорает.

Новодевичий *(догадываясь)*. Постойте-постойте. Это так понимать надо, что потеряли мы Ивана Васильевича?

Закрутилин. Да, не уберегли.

Самоедов. Неужто помер? А на вид сносу ему не было.

Закрутилин. Не исключается отравление чебуреками.

Самоедов *(задумчиво)*. Это кто ж такие? Небось кавказцы. Вот горячий народ! Мы все больше анонимки, а они чуть что — за кинжал или вон отравливают. Наверное, оскорбил он их чем-то? Ведь Иван Васильевич выражениев не выбирал. Одно слово, хам был.

Новодевичий *(с укоризной)*. Усопших, товарищ Самоедов, не принято критиковать.

Изнародов *(с балкона, громко, торжественно)*. De mortuis aut bene aut nihil!

Закрутилин, Новодевичий, Самоедов нервно поворачивают головы в сторону Изнародова.

(Переводит.) О мертвых — или хорошо, или ничего

З а к р у т и л и н. А, Кузьма Никитич! Спускайтесь. Тут мнение есть комиссию организовать, ну и вас как представителя трудящихся...

И з н а р о д о в. Ноль секунд. Только переоденусь.

З а к р у т и л и н *(к Новодевичьему строго)*. А вам поручение, товарищ Новодевичий. Надо написать некролог на Ивана Васильевича.

Н о в о д е в и ч и й. Это разрешите понимать как очередной социальный заказ?

З а к р у т и л и н. Вот именно.

Н о в о д е в и ч и й. Тогда дозвольте поинтересоваться, какова должна быть степень скорби? С пафосом писать или деловой?

С а м о е д о в. Анонимку на него надо, а не некролог. Ишь как дом весь перекорежил ради собственного удовольствия.

З а к р у т и л и н. Разговорчики, Самоедов! *(К Новодевичьему.)* Вы пока анкетные данные подберите, а степень скорби мы на правлении согласуем.

С а м о е д о в *(к Новодевичьему)*. Пошли, Гармаген Вакханалич. Я думаю, некролог под первач пойдет не хуже анонимки.

Самоедов и Новодевичий уходят в дом.

З а к р у т и л и н *(оставшись один, величественно ходит по сцене)*. Нет, Иван Васильевич, хоть и были у тебя известные заслуги перед коллективом, но народ ты подраспустил. Я такого не допущу, чтоб какой-нибудь Самоедов позволял себе громогласно обсуждать действия руководства, пусть даже и усопшего. Я как твой преемник... *(Задумывается.)* А почему мне, собственно, объявлять себя чьим-то преемником? Этот шельма Самоедов, он ведь прав: прохиндей ты был, Иван Васильевич. Дровишек-то наломал — ой-ей-ей! И если я, значит, твой преемник, то и мне эти дрова могут припомнить. Нет уж, за твои архитектурные излишества я отвечать не собираюсь. А вообще надо быть принципиальным до конца и разоблачить тебя, товарищ Кормилов. Иначе потеряешь доверие коллектива. *(Пауза.)* Чего это там Изнародов по-иностранному говорил: покойников, мол, негоже критиковать. Это ихние такие нравы, нам их перенимать не к лицу. У нас на сей счет еще с древности какая установка: «Мертвые

сраму не имут». Значит, вали на них все, пока живой, а помрешь — на тебя навалят.

Из дома выходит Онищенко, подходит к Закрутилину. Здороваются за руку, потом после некоторого раздумья обнимаются, имитируя троекратное целование.

Онищенко. Вам, очевидно, известна уже печальная новость?

Закрутилин *(самодовольно)*. Не все же вам первому узнавать, Самсон Лукич. Я как-никак в данный момент согласно нашему уставу являюсь исполняющим обязанности председателя. И по всем делам кооператива должен информироваться в первую очередь.

Онищенко. Никто не спорит, Александр Андреевич. Почему телеграмму на мое имя отправили, а не на ваше, объясняю тем, что от горя они в тот момент ничего не соображали.

Закрутилин. Ничего, у меня будут соображать.

Онищенко. Это как вас понимать, Александр Андреевич: «у меня»?

Закрутилин. А очень просто, Самсон Лукич. Кормилов помер, я, как вам известно, его заместитель, соответственно и занимаю освободившийся пост.

Онищенко. Не много ли на себя берете, Александр Андреевич? У нас ведь выборные должности по наследству не передаются, и это уж правление решит, быть ли вам председателем.

Закрутилин. Уж не вы ли на это место метите?

Онищенко *(с пафосом)*. Если мне доверие окажут, постараюсь его оправдать.

Закрутилин *(распаляясь)*. Шиш вам окажут.

Онищенко. А это мы сейчас и посмотрим. Будьте любезны, подождите минуточку, я сейчас оповещу членов правления, и мы коллегиально все решим. *(Уходит в дом.)*

Закрутилин. Вот змей, как сразу раскрылся. Учуял, что можно квартиру Кормилова занять. Нет, иуда он и есть иуда, ишь целоваться полез. Тьфу! Дай мне только руководство взять в свои руки, я тебя на восьмой этаж загоню, а то и на девятый. *(Задумывается.)* У черт! Соотношение сил-то у нас в правлении какое? *(Загибает пальцы.)* Налицо — я, иуда этот, Табуретко Софья Андреевна и Полудуров. Софья Анд-

реевна, она женщина принципиальная, меня поддержит. А вот Полудуров, он ведь *(с издевкой)* философ, из себя много понимает, может и фортель выкинуть в самый ответственный момент, независимость свою показать. А я, растяпа, тут как дурак остался. *(Передразнивает Онищенко.)* «Будьте любезны, подождите минуточку»...

Из дома выходят Онищенко, Полудуров и Табуретко. Онищенко что-то шепчет на ухо Полудурову.

Ну, точно обрабатывает философа. Ишь как тот скалится, видать уже уломал.

Табуретко *(к Закрутилину)*. Мое почтеньице, Александр Андреевич. Сгорел, значит, наш Иван Васильевич.

Полудуров. А мне сказали: отравился чебуреками.

Онищенко. Это, Василий Иванович, Софья Андреевна аллегорически выразилась.

Полудуров. Мы, знаете, люди науки, аллегорий не признаем. Потому что с этими аллегориями очень просто допустить подмену терминов — и тогда задача окажется поставленной некорректно. А следовательно, и решение ее будет не оптимальным, а то и того хуже — ошибочным...

Табуретко. Во заладил: «корректно», «оптимально». Да нам сейчас просто надо, как я поняла Самсона Лукича, провести заседание правления и вместо выбывшего по уважительной причине товарища Кормилова И. В. избрать другого достойного товарища. Правильно?

Закрутилин. Как всегда в самое яблочко, Софья Андреевна.

Онищенко. Очень верное понимание момента. Так что, пройдем в зал заседаний?

Полудуров. А может, без формальностей? Зачем в подвал лезть? Дело-то минутное.

Закрутилин. Не возражаю.

Табуретко. Я тоже. *(Достает из сумочки тетрадку и авторучку.)*

Онищенко. Ну, а я как большинство.

Табуретко. Тогда, значит, председателем заседания предлагаю Александра Андреевича. Кто «за»? *(Не глядя.)* Единогласно. *(Записывает в тетрадочку.)*

Полудуров. А секретарем Софью Андреевну.

Табуретко. Кто «за»? Единогласно. *(Записывает в тетрадочку, поднимает голову.)* Ведите заседание, Александр Андреевич.

Табуретко и Закрутилин садятся на скамью. Полудуров приносит два ящика из-под бутылок, и они с Онищенко садятся на них.

Закрутилин *(встает)*. На повестке дня один вопрос: выборы председателя правления ЖСК «Расцвет» взамен усопшего товарища Кормилова. Какие будут предложения?

Табуретко. Закрутилина! *(Склоняется к тетрадочке.)* Кто «за»? Единогласно.

Онищенко. Подожди-подожди, Софья Андреевна. Может, есть другие предложения?

Табуретко *(удивленно)*. Вы что, Самсон Лукич! Какие могут быть другие предложения, когда мы все уважаем Александра Андреевича.

Полудуров. Уважать уважаем, но согласно процедурным нормам председатель обязан спросить, нет ли у кого других предложений.

Табуретко *(иронически усмехаясь)*. Это по вашей философии так положено разводить лишний формализм?!

Полудуров *(гордо)*. Наука, Софья Андреевна, и наша философия в частности, давно доказали, что формализм — явление позитивное. И если пренебрегать формой, то можно и содержание потерять.

Закрутилин *(строго)*. Прения я, кажется, не объявлял. Итак, поступило предложение взамен усопшего товарища Кормилова выбрать председателем правления ЖСК «Расцвет» товарища Закрутилина Александра Андреевича, которого, как сказал выдвинувший эту кандидатуру товарищ, все мы хорошо знаем и уважаем. Отводы есть? *(Обводит всех взглядом.)* Нет. Самоотвода тоже нет. Есть ли другие предложения?

Полудуров. Предлагаю Самсона Лукича Онищенко.

Закрутилин *(в сторону)*. Спелись уже, голубчики.

Табуретко *(встает со скамейки, недоуменно)*. Это как понимать, Василий Иванович? Это что же, вы лучшую нашу традицию хотите поломать? Единогласие нарушить? Ведь если две кандидатуры, умная вы го-

лова, значит, кто-то будет «за», кто-то «против». Это ж анархия получится.

О н и щ е н к о. Успокойтесь, Софья Андреевна. Если вам по душе единогласие, голосуйте за вторую кандидатуру, у меня самоотвода тоже нет.

З а к р у т и л и н *(громко)*. Ну и нахал!

О н и щ е н к о. Ваши реплики меня не трогают, Александр Андреевич. Вам оказали доверие, избрали председателем заседания, вот и ведите его, а если мы друг другу ярлыки начнем навешивать, то до утра здесь просидим.

З а к р у т и л и н. Итак, выдвинуто две кандидатуры. Голосую в порядке их выдвижения. Кто за товарища Закрутилина, прошу поднять руку.

Руку поднимает Табуретко, а потом после некоторого раздумья и сам Закрутилин.

Запишите, Софья Андреевна, два голоса. Теперь кто за Онищенко?

Полудуров и Онищенко поднимают руки.

Тоже два голоса. *(В сторону.)* Вот мерзавец, не постеснялся сам за себя проголосовать.

Т а б у р е т к о. Как же теперь быть? Ведь и вы не набрали большинства, Александр Андреевич *(поворачивается к Закрутилину)*, и вы тоже *(поворачивается к Онищенко)*, Самсон Лукич. Что же теперь делать?

П о л у д у р о в. А на этот счет, Софья Андреевна, в нашем уставе четко записано: «Если голоса членов правления разделились поровну, то вопрос выносится на обсуждение общего собрания пайщиков».

О н и щ е н к о. Есть предложение не откладывать дела в долгий ящик и собраться всем в четыре часа Нет возражений, товарищ Закрутилин?

З а к р у т и л и н. Думаешь, напугал? *(К Табуретко.)* К шестнадцати ноль-ноль скликайте коллектив, Софья Андреевна.

О н и щ е н к о. Почему же Софья Андреевна? Я как секретарь правления оповещение могу взять на себя.

З а к р у т и л и н. Ну, нет. Ты одного *(кивает на Полудурова)* уже оповестил. Пусть тогда кто-нибудь нейтральный. *(Задумывается.)* Невыносимов, что ли?

О н и щ е н к о. Невыносимов так Невыносимов. Мне без разницы. *(К Закрутилину.)* Это вы власть любите, вот и опасаетесь всего, а мне власть, как таковая, не требуется. Могу откровенно вам заявить: самоотвод самому себе не дал я исключительно потому, что уважаю мнение каждой отдельной личности. И если Василий Иванович в силу каких-то, надеюсь уважительных, причин назвал мою фамилию, то как же я могу его обидеть своим отказом? А если мою скромную персону поддержат другие члены коллектива, поверьте, буду искренне рад. *(С пафосом.)* Рад, что власть в нашем славном «Расцвете» не удалось узурпировать. *(С гордо поднятой головой уходит в дом.)*

П о л у д у р о в. Золотые слова! *(Уходит вслед за Онищенко.)*

Т а б у р е т к о *(взволнованно)*. Александр Андреевич, что же это такое делается?

З а к р у т и л и н *(твердо)*. Ничего, Софья Андреевна, я уверен, здоровые силы в нашем кооперативе возобладают.

Т а б у р е т к о *(направляется к дому, потом оборачивается)*. Александр Андреевич, а мы не решили, по скольку на венок-то собирать. По рублю хватит?

З а к р у т и л и н *(нетерпеливо)*. Хватит-хватит. Да, вот что, Софья Андреевна, я, конечно, верю в здоровые силы *(мнется)*, но от индивидуальной работы с людьми мы не должны отказываться.

Т а б у р е т к о *(деловито)*. Понимаю, Александр Андреевич, и начинаю агитацию за вашу кандидатуру.

З а к р у т и л и н *(доверительно)*. Я так полагаю, Софья Андреевна, что после моего переезда в квартиру покойного Кормилова моя квартира должна перейти к вам как наиболее активному члену правления.

Т а б у р е т к о *(растроганно)*. Спасибо, Александр Андреевич, вовек не забуду вашего ко мне расположения. *(Вытирая платком глаза, уходит в дом.)*

З а к р у т и л и н. Преданная женщина, но агитатор, прямо скажем, из нее никудышный. Нет, тут гордость побоку, надо самому в народ идти. Сяду вот на скамеечке и с каждым, кто будет проходить, проведу работу. *(Садится на скамью, достает газету.)*

Из окна высовывается С е л я н и н о в и ч.

Селянинович. Александр Андреевич! Мово красавца не видали?

Закрутилин. Нет, не видал.

Селянинович. Извиняйте тогда за беспокойство. *(Хочет закрыть окно.)*

Закрутилин *(поспешно встает)*. Одну минуточку, Марья Тимофеевна. Есть небольшой разговорчик. *(Подходит к окну Селянинович, о чем-то шепчется с ней.)*

Со стороны коллектора выходят и идут к подъезду Кошечкина и Перехватова-Челубей. Они увлеченно беседуют.

Кошечкина. ...Не скажите, Евочка, в нем что-то есть.

Перехватова-Челубей. Я, Наташечка, просто удивляюсь вашему вкусу. Кстати *(громко шепчет на ухо Кошечкиной)*, должна вас огорчить, но такой высокий бюст сейчас уже не носят.

Кошечкина. Но, Евочка, вы же сами его порекомендовали. Я прежний даже не успела продать *(смотрит на стенд)*, объявление исчезло, значит, кто-то заинтересовался. А что же сейчас в моде?

Перехватова-Челубей. Слегка приспускают и чуть в стороны...

Селянинович *(громко отходящему от окна Закрутилину)*. Не сумлевайтесь, Александр Андреевич.

Закрутилин идет к скамейке, по дороге раскланивается с Кошечкиной и Перехватовой-Челубей, которые входят в дом.

Закрутилин *(садится на скамью)*. Вот, пожалуйста, загадка номер один эта Кошечкина. С Евой они вроде неразлучные подруги. Значит, должна она голосовать против меня. Но, с другой стороны, нет врагов заклятей лучших подруг.

Из дома выходит Бубей со спортивной сумкой через плечо.

Бубей. Физкультпривет, Александр Андреевич!

Закрутилин *(обрадованно)*. Серега, вот ты-то мне и нужен. Во-первых, знаешь, что Иван Васильевич...

Бубей *(беззаботно)*. Слышал. Покинул, так сказать, спортивную арену жизни.

Закрутилин. Сегодня в шестнадцать ноль-ноль общее собрание. Явка обязательна. Ты, надеюсь, Серега,

меня поддержишь? А то тут Онищенко хочет вылезть со своей кандидатурой.

Бубей. Какой разговор?! Одноклубники мы с вами или нет?!

Закрутилин. Ну, молодчина, Серега! *(Хлопает его по плечу.)* Да, вот еще. Ты эту дамочку с девятой квартиры знаешь?

Бубей. Натали, что ли? Знакомы.

Закрутилин *(медленно подбирая слова)*. Ответственное поручение тебе, Серега. Как бы это... В общем... Ну так вот, в коллективе могут быть разные мнения по поводу нового председателя, и они меня, естественно, интересуют... Понятно?

Бубей. Чего ж не понять?!

Закрутилин. Вот и отлично. Поручаю, значит, тебе прощупать как следует эту самую Кошечкину.

Бубей *(ухмыляясь)*. Будет сделано. *(Уходит пружинистым спортивным шагом.)*

Из дома выходит Изнародов, подходит к Закрутилину.

Изнародов. Как говорят у нас на Руси, доброго здоровьечка, Лександра Андреевич.

Закрутилин. Здравствуй-здравствуй, Кузьма Никитич. Что-то твой ноль секунд на целый час растянулся.

Изнародов. Переоделся я, вышел на балкончик, гляжу — у вас заседание идет. Чего, думаю, мешать людям. Ну, а как только увидел, что вы освободились, я тут как тут. Что, значит, мне предписывается по линии комиссии? Я бы лично просил доверить организацию поминок.

Закрутилин. Об этом еще рано. Раз вы в курсе нашего заседания, Кузьма Никитич, то слышали, что у меня появилась оппозиция. Вот не думал, что доживу до такого позора на старости лет.

Изнародов. Проще надо смотреть на эти вещи, Александр Андреевич. Я как представитель трудящихся часто имею дело с делегациями оттуда, так у них даже модно иметь оппозицию. Любой ихний госдеятель без оппозиции чувствует себя прямо каким-то ущемленным.

Закрутилин. Кстати, Кузьма Никитич. Часто от тебя слышу, что ты представитель трудящихся, а вот профессии твоей, извини, не знаю.

Изнародов. А это у меня профессия и есть — представитель трудящихся.

Закрутилин. Объясни, чего-то недопонимаю.

Изнародов. А все просто. Я, можно сказать, продукт разрядки. Сами знаете, только международный климат потеплел, зачастили к нам гости. Любопытно им, как там, мол, за бывшим железным занавесом, точно ли медведи по улицам гуляют? Опять же доллары у них имеются, почему не принять. Ну, водкой их, безусловно, попоят, икрой попотчуют, ну а потом надо и с нашим техническим прогрессом познакомить. Тут нам тоже есть чем погордиться. В общем, на неделе у нас этих делегаций бывает не меньше пяти, а в иной день сразу две или три.

Закрутилин. Ты ближе к делу, Кузьма Никитич.

Изнародов. Так я о деле и говорю. Первое-то время лестно было нам делегации принимать, а потом прямо взвыли. Уж больно много времени они отнимают, своими беседами отвлекают от работы лучших производственников. Видите ли, им любопытно, как живет наш трудящийся, что ест-пьет, чем интересуется в свободное время, то есть какое у него хобби. Ну, а среди наших ударников, сами понимаете, народ разный, иной такое отчубучит — хоть святых выноси. Ну вот, чтобы не краснеть перед иностранцами, а к нам порой и принцы приезжают, и нефтяные короли, директор наш, недаром лауреат, фамилию его оглашать необязательно, внедрил в стихийный процесс приема различного рода делегаций научную организацию труда, короче — НОТ. Теперь у нас всем этим делом всего три человека занимаются. Один — представитель дирекции, другой — профсоюза, и я, следовательно, представитель трудящихся. Оклады установили подходящие, грех жаловаться, два выходных и еще библиотечный день...

Закрутилин. Чего это ты заговорился, брат. Зачем это тебе библиотечный день?

Изнародов. А как же, Александр Андреевич! Теперь это, можно сказать, моя основная работа — изучать достижения культуры других народов. Вот, к примеру, были у нас на днях итальянцы. Я им и говорю: хотя Рафаэль у вас молоток, но Леонардо поосновательней будет. Одно слово — Мона Лиза, она же Джокон-

да. Конечно, лестно им услышать такое. А когда Феллини похвалил, мол, скребет он душу здорово, совсем растаяли.

Закрутилин. Да, не зря, видно, ваш директор лауреата получил. Здорово придумано! Только вот, извини, конечно, за прямоту, не понимаю, почему именно тебя в представителя трудящихся определили? Лицо у тебя, честно говорить, дубовое какое-то, уши вон торчат, да и в разговоре допускаешь вульгарные выражения, вот Рафаэля молотком обозвал...

Изнародов *(хитро улыбаясь)*. Э-э, Александр Андреевич, в этом и весь секрет. Именно за неинтеллектуальное лицо и отметили. И фамилия у меня к тому же подходящая, и имя, отчество — самые простецкие, и выговор народный. В общем, по всем статьям получается, что я выходец из самой гущи. Надо, знаете, чтобы все по-честному, без обману. Подсунь этим иностранцам в качестве трудящегося какого-нибудь аспиранта, будьте уверены, сразу раскусят. А так проводят их, значит, мимо меня. Я в таком виде, как сейчас, лицо стараюсь еще безмятежнее сделать. Ну, они видят меня и радуются, конечно. Вот, мол, побеседуем сейчас с этим недотепой и оконфузим хозяев...

Закрутилин. Это точно. Такие пакостные намерения у некоторых из них наблюдаются. Ну, и как ты с ними?

Изнародов. Значит, подходят они ко мне и наперебой: желаем взять интервью у этого рабочего. Им наш представитель профсоюза спокойненько так: пожалуйста, берите, но он у нас, знаете, не самый передовой. Ну, тут они совсем заводятся: только с ним, стало быть, со мной, хотим поговорить и больше ни с кем. Начинают выспрашивать меня. Я им все отвечаю честь по чести, и про зарплату, и про квартиру, а когда до хобби они доходят, тут я их и ошарашиваю. Отпуска, говорю, люблю проводить в Эрмитаже, ну и насчет Рафаэля подпускаю. А вечерами, говорю, поем макарон — опять же им комплимент — и перечитываю Данте Алигиери. Насчет Алигиери смело говорю, потому как он в библиотеку всемирной литературы вошел, а я ее всю должон был прочитать, иначе б аттестацию не прошел. А во-вторых, сами-то они, нынешние итальянцы, слабо в нем разбираются. Правда, шустрая такая сеньора, видать из желтой прессы, сразить меня хотела,

с улыбочкой так спрашивает: и как же вы относитесь к нашему гениальному Данте? Разрешите, говорю, сеньора, ответить словами ваших древних предков, которые вы, Александр Андреевич, уже слышали в моем исполнении. De mortuis, говорю, aut bene aut nihil. О мертвых, значит, или хорошо, или ничего. Ну, эта дамочка глазами похлопала только и утерлась. Вот так и работаем. Скоро англичане ожидаются. Чосера, Шекспира, безусловно, ну там Байрона, Шелли, Филдинга, опять же Диккенса и Уилки Коллинза — это я уже проработал. Застрял сейчас на Голсуорси...

Закрутилин. Мда. Ну, а у станка-то тебе приходится стоять?

Изнародов. Раньше стоял, ну а сейчас у нас автоматические линии, так что, с одной стороны, попроще стало, а с другой — ответственности прибавилось: требуется более выпукло отображать стирание граней между умственным и физическим трудом.

Закрутилин. На новую ступень, следовательно, поднимаешься.

Изнародов. Выходит, так.

Закрутилин. Что ж, новому твоему положению и квартирка, я полагаю, должна соответствовать. Тут, видишь, намечаются у нас перемещения. Квартира-то Иван Васильевича освободилась. Мою Софью Андреевна как старейший член правления займет. А вот на ее, я думаю, твоя кандидатура самая подходящая. У тебя-то сейчас двухкомнатная на втором этаже, а у нее трехкомнатная на третьем. Это тебе сразу какое улучшение будет — и вширь и ввысь. *(Смеется, довольный, своей шутке.)*

Изнародов *(обрадованно)*. Спасибо за доверие, Александр Андреевич.

Закрутилин. Думаю, коллектив поддержит мое предложение. Тем более ты вон с иностранцами дело имеешь. Сколько, говоришь, делегаций за год?

Изнародов. Сбился со счету, Александр Андреевич. Они, значит каждая делегация, значок вручают на память. Так я для интересу на парадный пиджак их прикрепляю и уже оба борта завесил. Могу подсчитать, если вам любопытно.

Закрутилин. Не стоит, пожалуй. Я тебе целиком доверяю, Кузьма Никитич. *(Многозначительно.)* Надеюсь, не подведешь? Отдашь голос по убеждению

сердца? А насчет улучшения твоих жилищных условий, я обещаю, вопрос будет решен положительно.

Изнародов. Премного буду благодарен. Сенькю вери мяч. Это то же самое по-английски Разрешите идти?

Закрутилин. Ступай. *(Вдогонку.)* К шестнадцати ноль-ноль не забудь про собрание.

Изнародов входит в дом, сталкиваясь в дверях с Самоедовым и Новодевичьим, координация движений у которых слегка нарушена.

Новодевичий *(к Закрутилину)*. Это не некролог получился, а Песнь песней.

Самоедов *(оттесняя Новодевичьего)*. А щас пойдем анонимку писать. И на кого? На вас, Александр Андреевич. Потому что от суда истории, как мне щас сказали, никто не уйдет. Открыли мне глаза на вас, Александр Андреевич.

Закрутилин *(недовольно)*. Иди проспись лучше.

Самоедов *(задиристо)*. Нет, не просплюсь. Потому не желаю, чтобы вы осквернили светлую память дорогого Ивана Васильевича. Ведь он всем нам, правильно мне щас объяснили добрые люди, был заместо отца родного. *(Всхлипывает.)* Заботился, чтобы расцветал наш кооператив. Внес неоценимый вклад. *(Рыдает.)*

Закрутилин. Ишь что алкоголь с человеком делает. Только что крыл Ивана Васильевича, анонимку на него хотел писать, и справедливую, между прочим, а теперь, значит, оплакиваешь прохиндея. Так ты его, кажется, величал?

Самоедов *(перестает рыдать)*. Наш дорогой покойник, правильно мне щас объяснили добрые люди, если и ошибался, то потому как натура у него была широкая *(рыдает)* и доверчивая. Как дите был доверчив. А вы, Александр Андреевич, эту доверчивость использовали, стало быть. Люди добрые-то мне щас глаза открыли, показали документик насчет того, чтоб трубу покласть под моей квартирой. Ваша там закорючка стоит, Александр Андреевич.

Закрутилин. Подпись действительно может стоять моя, но идея-то была, все знают, Кормилова.

С а м о е д о в. На идею хотите свалить. Идея у него, мне щас объяснили добрые люди, была, может, чтоб повыше сделать мою квартиру на тридцать пять сантиметров, а вы что из этой светлой идеи сделали? Сын головой потолок достает. А теперь на Ивана Васильевича все хотите списать. Мы Ивана Васильевича в обиду не дадим. Мне щас добрые люди объяснили, может, в скором времени песни еще придется о нем слагать. *(Уходит в дом.)*

З а к р у т и л и н. Снова я опростоволосился. Пока здесь сижу, народ поджидаю, Онищенко уже по квартирам пошел и коллектив мутит. Этот анонимщик конечно же с его голоса пел. Сейчас быстренько послушаю, что там Новодевичий сочинил, и сам пройдусь по квартирам. И Невыносимову надо дать установку. *(Оглядывается.)* А где же Новодевичий?

Со скамейки раздается посапывание и храп Новодевичьего. Во время разговора Самоедова с Закрутилиным он прилег и сладко заснул.

(Подходит к Новодевичьему, трясет его за плечо.) Вставай! Слышишь, вставай! Вот дьявол, крепко набрался. Ну, ладно, пойду пока позвоню Невыносимову, дам инструкции, как разговор вести, и чтоб не забыл в списке отметить тех, кто за меня и кто за Онищенко. *(Заходит в телефонную будку, плотно прикрыв за собой дверь.)*

Из дома выходит К о ш е ч к и н а, останавливается у скамейки, где спит Новодевичий.

К о ш е ч к и н а. И не знаю, что другие находят в этих поэтах. На внешность действительно попадаются среди них некоторые, но храпят все — просто ужас! *(Подходит к газетному щиту, прикрепляет объявление.)* За этой модой просто не угонишься. Хорошо Еве, ей прежние мужья валюту оставили, а тут хоть сама шей.

Со стороны пивного бара спортивной пружинистой походкой идет Б у б е й.

(Обрадованно.) Ой, Серж, ты, как всегда, кстати. У вас не отменяется командировка во Францию?

Б у б е й. Полный порядок.

К о ш е ч к и н а. Тогда к тебе громаднейшая просьба. *(Шепчет ему на ухо.)*

Б у б е й. Нихт проблем. Размерчики только запиши.

К о ш е ч к и н а. А у меня есть для тебя Джером. Совершенно случайно достала три экземпляра, но один уже пообещала Еве Самсоновне.

Б у б е й *(повторяет по слогам)*. Джи-ром, Джи — так понимаю — от Джимайки. Выходит, ром Ямайки. Сойдет. Большое мерси, как говорит наш тренер.

К о ш е ч к и н а. Фи, Серж. Джером-Джером, английский писатель, очень дефицитный. Самое у него известное произведение «Трое в лодке, не считая собаки».

Б у б е й. Гы-ы. Судя по названию, видать, алгебра секса, как говорит наш тренер. Гы-ы.

Кошечкина и Бубей входят в дом. Из будки телефона-автомата выходит З а к р у т и л и н, подходит к Новодевичьему.

З а к р у т и л и н. Так, нельзя терять ни минуты. Невыносимов признался, что Онищенко его уже инструктировал. Но раз признался, значит, он на моей стороне. Наши ряды крепнут. *(Потирает руки.)* Теперь надо, чтоб Самоедова никто не разбудил, одним горлопаном меньше будет на собрании. А вот голос Новодевичьего терять нельзя. С ним, думаю, построже следует. Они, поэты, хоть хорохорятся, а в душе любят, когда с ними строго. *(Наклоняется к Новодевичьему, гаркает: «Подъем!»)*

Новодевичий испуганно вскакивает, вытягивается в струнку.

Не забыл службу. Молодец! Это хорошо. Я думаю, когда стану во главе коллектива, гимн нашего кооператива поручу тебе сочинить. Потянешь?

Н о в о д е в и ч и й. Гимн? Это можно.

З а к р у т и л и н *(мечтательно)*. А что? Теперь вон каждый город собственную песню имеет, пора их и для домов сочинять. Вот мы с этой инициативой и выступим. Всем нос утрем в микрорайоне. А потом снесем этот рассадник *(показывает на пивной бар)*, устроим здесь фонтан... *(Пауза.)* Или, может, коллектив решит бюст чей поставить. *(Принимает надлежащий вид.)*

Н о в о д е в и ч и й. Кошечкиной можно, Александр Андреевич. У нее вполне подходящий.

З а к р у т и л и н *(спустившись с небес на землю)*.

Легкомысленный вы народ, поэты, все витаете. С тобой, вижу, о серьезных вещах говорить бесполезно. Давай посмотрим, что за некролог ты накатал. *(Берет у Новодевичьего листок, читает.)* Так... «с глубоким прискорбием»... «о безвременной кончине»... Нет, начало не годится. Очень уж шаблонно.

Новодевичий. Вы же мне не стансы заказывали, а некролог. Он требует строгости формы.

Закрутилин. Да ты не обижайся. До чего ж вы, поэты, легко ранимы. Я не тебя лично критикую, а шаблоны. Ну почему обязательно писать «безвременно»? Слов, что ли, нет других? Какое там «безвременно»? По мне — так в самый раз. Можно бы и пораньше.

Новодевичий. По сути, может, вы и правы, но такая уж форма.

Закрутилин. Я и говорю, формалистики много лишней. Давай это «безвременно» как-нибудь отредактируем. С учетом того, что покойник наш дров наломал порядком.

Новодевичий. Может — «преждевременно»?

Закрутилин. Преждевременно... Преждевременно... Тоже не звучит... Давай «досрочно», а? Хорошее слово.

Новодевичий *(пишет)*. «...С глубоким прискорбием сообщаем, что сегодня досрочно...» Нет, получается, что о выполнении плана сообщаем или о пуске ГЭС. Тогда непонятно, почему с «глубоким прискорбием».

Закрутилин. Вот и я чувствую, что эти слова лишние. В общем, давай напиши попроще. А то с этими эпитетами запутаешься, еще, чего доброго, не те дашь, а потом тебя же и попрекать ими будут. Сделай аккуратненькое объявленьице, вроде того *(показывает на стенд)*, и прикнопь рядом. Жильцы увидят, что новое объявление появилось,— вмиг прочитают. У нас народ любознательный. *(Уходит в дом, в дверях оборачивается.)* Так не забудь, Гермоген Вакханальевич, чтобы в шестнадцать ноль-ноль как штык.

Новодевичий *(пишет что-то в блокноте)*. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо». *(Вырывает листок из блокнота, вешает его на газетный стенд.)* Социальный заказ выполнил. Надо к Самоедову заглянуть. Интересно, для чего это он меня приглашал зайти? *(Уходит в дом.)*

Из будки коллектора выходит первый любитель пива. Зевает, потягивается.

Первый любитель пива *(смотрит на часы)*. Больше часа проспал. Кажется, организм должóн был за это время перестроиться, а он все требует. Пойду гляну,— может, привезли пивка? *(Идет к пивному бару.)*

Дверь его приоткрывается, и рука буфетчицы переворачивает табличку, на другой ее стороне крупно: «антракт».

Занавес

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В АНТРАКТЕ

Итак, антракт. Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, почему Шекспир, Мольер, Островский, Чехов писали драматические произведения в трех-четырех-пяти действиях, а современные драматурги больше чем на два не отваживаются? Наиболее же предусмотрительные вообще ограничиваются одним. А все дело в том, что антракт — единственные пятнадцать — двадцать минут, когда человек имеет возможность улизнуть из театра, если спектакль пришелся ему не по душе. Во время же действия у нас не принято покидать зрительный зал, это считается дурным тоном. Как, впрочем, не полагается при плохой игре актеров, или убогом тексте, или бездарной режиссуре шикать, свистеть, топать ногами. Видите ли, вы должны держать марку самого доброжелательного зрителя в мире. Ну, а когда уж объявлен антракт, тут зритель очень даже запросто может сбежать. Вот почему больше одного антракта ему и не дают: не доверяют.

Вторая причина сведения антрактов до минимумá более прозаична. Во многих театрах, увы, бутербродов и на один-то антракт еле хватает. А чем, скажите, занять зрителей, если этих вынужденных перерывов будет два-три?

Вот мы и перешли к преимуществам пьесы для чтения для ее читателей. Не исключено, что некоторые к этому времени уже сделали не один антракт (поэтому-то количество действий в моем сочинении и не обозначено со скрупулезной точностью). Если в театре свободное время между действиями вы можете использовать, как

уже отмечалось выше, для жевания бутербродов с засохшим сыром, предварительно еще выстояв приличную очередь, и только, то антракт в пьесе для чтения можно занять чем угодно — прежде всего выпить пива, которое у вас припасено заранее, и закусить не бутербродом, а, скажем, лещом, что абсолютно исключается в театральном буфете. Кроме того, вы можете выгулять собаку, сварить борщ, пропылесосить ковер, защитить диссертацию, получить повышение по службе — ведь вас не подгоняет пресловутый третий звонок, вам не возбраняется вернуться к чтению пьесы для чтения и через пять минут, и через десять лет.

Наверное, и не стоило бы об этом напоминать, но еще одно преимущество жанра, который я выбрал, заключается в том, что на реплику, показавшуюся вам неудачной, вы смело можете шикать, свистеть и топать ногами.

Но, возможно, собаки у вас нет, борщ уже сварен, а повышение по службе не светит, тогда, чтобы занять чем-то антракт, предлагаю познакомиться со всеми жильцами дома, где разворачивается действие пьесы.

СПИСОК ЧЛЕНОВ-ПАЙЩИКОВ ЖСК «РАСЦВЕТ»

№ квартир	Ф. И. О.	По состоянию на сегодня
	I этаж	
1	Иванов И. И.	на ударной вахте.
2	Самоедов Петр Алексеевич	—
3	Петров А. С.	уехал на рыбалку на два дня.
4	Слесарев Ю. В.	на ударной вахте.
5	Сидорова И. Л.	утром увезли в роддом.
6	Селянинович Мария Тимофеевна	—
7	Егоров Н. Ф.	второй день в запое.
8	Навозов П. А.	дочь сказала, что папа пашет, вернется поздно. Странно. Какая может быть пахота в июне?
	II этаж	
9	Кошечкина Наталья Александровна	—
10	Изнародов Кузьма Никитич	—
11	Приедитис Д. Ю.	в санатории.

№ квартир	Ф. И. О.	По состоянию на сегодня
12	Убиенных Э. Э.	еще не прописан.
13	Прохоров В. В.	лежит в больнице с переломом скулы.
14	Барклаев Д. Т.	находится на учениях в Н-ской области.
15	Репкин И. Е.	на этюдах.
16	Шершелава Ш. И.	развлекается, грозился убить, если кто еще потревожит его сегодня. С него станется.
	III этаж	
17	Полудуров Василий Иванович	—
18	Рахитов И. Р.	сопровождает делегацию.
19	Семиутробов С. П.	уже неделю скрывается от жены, возможно, вместе с Селяниновичем.
20	Горемыко Б. В.	на симпозиуме.
21—22	Заморыш Аэроплан Сыевич	—
23	Сократов Н. И.	пребывает у тела усопшего И. В.
24	Табурстко Софья Андреевна	—
	IV-а этаж	
25	Кормилов Иван Васильевич	покойник (усоп).
	IV-б этаж	
29	Онищенко Самсон Лукич	—
31	Закрутилин Александр Андреевич	—
	V-б этаж	
37	Перехватова-Челубей Ева Самсоновна	—
39	Пидмухий О. М.	на заслуженном отдыхе. Не принимает участия в общественной жизни из принципа

№ квартир	Ф. И. О.	По состоянию на сегодня
	VI этаж	
41	Фейерверк М. С.	выехали на летний сезон к родственникам на Рижское взморье. Адреса не оставили.
42	Фейерверк А. М.	
43	Фейерверк Б. М.	
44	Фейерверк В. М.	
45	Фейерверк Г. М.	
46	Фейерверк Д. М.	
47	Фейерверк Е. М.	
48	Бычкова Ж. М.	
	VII этаж	
49	Размышляев А. М.	ушел в баню, раньше 22-х не явится.
50	Невыносимов Иннокентий Иннокентьевич	—
51	Индикоплов К. Р.	в загранкомандировке, вероятно, останется там и на второй год.
52	Иткин В. Д.	пребывает у тела.
53	Волоокова В. Т.	на гастролях в Нечерноземной зоне РСФСР.
54	Новодевичий Гермоген Вакханальевич	—
55	Ватсон Д. И.	на дежурстве.
56	Фифа Р. Я.	уехал на слет изобретателей.
	VIII этаж	
57	Бубей Серега	—
58	Смирнов В. Н.	на сенокосе в подшефном колхозе.
59	Топориков М. А.	находится в плавании на эсминце «Неугомонный». Координаты неизвестны.
60	Хреновер И. М.	подал заявление на переход в ЖСК «Голубой Дунай».
61	Кожемякин Н. И.	командирован на БАМ.
62	Погожая Р. Ф.	легла в больницу (не симуляция ли?).
63	Земляникин Г И.	уехал по грибы. Странно. Хорошим грибам вроде бы рано, а сморчки уже сошли.
64	Трубецкой В. М.	находится под следствием. Растратил крупную сумму.

№ квартир	Ф. И. О.	по состоянию здоровья

IX этаж

65 Федотов Д. В.	на ударной вахте.
66 Ильин П. Я.	шабашит в Кустанайской области.
67 Коваленко И. С.	на ударной вахте.
68 Пастухов Е. А.	живет у продавщицы Клавы из овощного, адрес ее можно узнать у Трубецкого, но он под следствием.
69 Плотников С. Г.	лишен права голоса, т. к. пять месяцев не платит квартплаты.
70 Егорова А. А.	на ударной вахте.
71 Токарев Н. П.	уехал на встречу ветеранов.
72 Иванова И. И.	вчера родила тройню, надо бы собрать по рублю на коляску.

Список составлен *И. И. Невыносимовым*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Декорация первого действия. Перед самым открытием занавеса также слышны недовольные голоса: «Кого ждем?», «Время!», «Заснули, что ли? Перерыв давно закончился!», «Открывай!» Занавес открывается. У пивного бара толпятся любители пива. На скамье сидят, по-братски обнявшись, Новодевичий и Самоедов. Они сладко спят. Дверь пивного бара приоткрывается, и рука буфетчицы переворачивает табличку «Пива нет». На другой ее стороне — «Открыто». В бар начинают входить любители пива.

Кажется, их число бесконечно. Из коллектора выходят первый и второй любители пива.

Первый любитель пива *(радостно)*. Гляди, открыла! Нет, за что я ее люблю, нашу жизнь! Так, за нечаянные радости. Кажется, капут приходит, сгорело уже все внутри, и тут бац — привозят свежее пиво.

Второй любитель пива. А по мне, лучше, чтоб четко. Положено в десять открываться, так чтоб и пиво было с десяти.

Первый любитель пива. Не, не романтик ты, Андрюха!

Первый и второй любители пива входят в бар. Из дома выходит Невыносимов, подходит к скамейке.

Невыносимов *(качает головой)*. Назлоупотреблялись уже, голубчики. *(Задумывается.)* А если не проспятся до собрания, как это отразится на выборах? *(Достает из кармана список.)* И с той и с другой стороны по голосу долой. Опять же вроде равновесие. Но зыбкое какое-то, неустойчивое. Правильно я вторую копию Самсону Лукичу вручил. Вдруг он возобладает? Неясность еще, правда, с Заморышем и Кошечкиной, да и Изнародов как-то неискренне отвечал. Так что свою позицию я пока воздержусь определять.

Из дома выходит Табуретко.

Табуретко. Иннокентий Иннокентьевич! Списочек вы мне обещали, надо ж отметить, кто на венок

сдает, а кто, как всегда *(многозначительно смотрит на него)*, уклоняется.

Невыносимов. Пожалуйста, Софья Андреевна. *(Протягивает ей список.)* Извините, третья копия. Один экземплярчик — Александру Андреевичу. По его приказанию.

Табуретко. А второй?

Невыносимов. А второй затребовал Самсон Лукич. *(Замечает недовольный взгляд Табуретко.)* Не мог отказать, потому что он секретарь правления. Лицо официальное. *(Собирается уйти.)*

Табуретко. Постойте! А рублик?

Невыносимов. Как рублик? Там же против меня галочка должна стоять.

Табуретко *(просматривает список, удивленно)*. И точно, галочка против вашей фамилии.

Невыносимов. Ну вот! *(Поворачивается, чтобы идти.)*

Табуретко *(оправившись от изумления)*. Галочка-то проставлена, только на галочки, Иннокентий Иннокентьевич, венок не купишь. Так что раскошеливайтесь. То-то я смотрю — у меня прошлый раз галочек пятьдесят четыре, а рублей пятьдесят три.

Невыносимов *(лезет в карман, достает мелочь, считает)*. В данный момент крупных нет, одна мелочь. Тридцать семь копеек устроит?

Табуретко. Нет уж, давайте несите рубль. Впрочем, лучше-ка я у вас эти тридцать семь копеек возьму *(берет)*, а рубль принесете, верну их вам обратно.

Невыносимов уходит в дом.

(Останавливается у скамейки.) Ох, до чего живучи пороки. Особенно выпивки. Раньше с горя пили — это еще понять можно. Теперь, говорят, с веселья пьем. А чего с веселья-то пить? С веселья телевизор надо смотреть. *(Задумывается.)* Будить или не будить?

Со стороны коллектора входит Заморыш. Он с трудом тащит авоську, набитую консервами, и пузатый портфель. Ставит поклажу на землю, вытирает лоб.

Пусть поспят. Займусь пока Заморышем. *(Подходит к нему.)* Аэроплан Сысоевич, здрасте. Очень кстати вы появились. *(Кивает на авоську.)* Гляжу, на целый месяц продуктов закупили.

З а м о р ы ш *(смущенно).* Что вы, Софья Андреевна, хорошо, если на два дня хватит. У меня же все семеро мальчики, а им для нормального роста больше калорий требуется.

Т а б у р е т к о *(с легкой укоризной).* Тем более непонятно ваше поведение, товарищ Заморыш. Правление, можно сказать, к вам со всей душой. Учитывая вашу многосемейность, как только представилась возможность, квартиру вам совместили. А вы вместо благодарности, прямо слово, плюете на общественное мнение.

З а м о р ы ш *(недоумевая).* Почему же это я плюю?

Т а б у р е т к о. А потому, что ваш кобель вчера, извините, снова оправлялся на общественной клумбе. А еще удивляемся, почему это цветы у нас не растут.

З а м о р ы ш *(виновато).* У меня, Софья Андреевна, не кобель, у меня девочка.

Т а б у р е т к о. Вы меня удивляете своей наивностью, товарищ Заморыш. Какая же она девочка, если вы мне сами весной щенков предлагали?

З а м о р ы ш. Вот видите, значит, она не кобель.

Т а б у р е т к о *(назидательно).* Я ее называю кобелем потому, товарищ Заморыш, что ее настоящее название, как вам хорошо известно, является грубым ругательством. Так что учтите, если еще раз зафиксируем, что ваш *(с нажимом)* кобель оправляется на цветы или зеленые насаждения, поставим вопрос о его ликвидации. Тем более что и половину этих консервов ваш пинчер, наверное, сожрет.

З а м о р ы ш *(совсем сконфуженно).* Извините, Софья Андреевна, у меня, конечно, она пинчер, но только карликовый...

Т а б у р е т к о. Аппетит от роста не зависит. У нас на работе был бухгалтер, Суслик Всеволод Моисеевич, метр пятьдесят всего, а брал три вторых. Так что не оправдывайте своего кобеля, а усильте за ним контроль, если он вам дорог. А пока *(достает из сумки список)* сдавайте рубль.

З а м о р ы ш. Я уже сдал.

Т а б у р е т к о *(просматривает список).* Когда это вы сдали? У меня не отмечено.

З а м о р ы ш. Вчера еще.

Т а б у р е т к о. Вчера это мы слесарю на именины

собирали, а сегодня... Вы объявления-то читаете? *(Показывает на стенд.)* Почитайте-ка.

З а м о р ы ш *(подходит к стенду, читает).* «Продается предмет женского туалета, в экспортном исполнении...»

Т а б у р е т к о. Другое читайте.

З а м о р ы ш *(читает.)* «Сегодня утром выбыл из состава нашего коллектива жилец квартиры номер двадцать пять Кормилов И. В. О дальнейших мероприятиях сообщим дополнительно. Правление». Ну и что?

Т а б у р е т к о. А то, что с вас рубль на венок. Для покойного товарища Кормилова.

З а м о р ы ш *(лезет в карман, протягивает рубль).* Могу быть свободен?

Т а б у р е т к о. Да, к шестнадцати часам общее собрание в зале заседаний. Будем выбирать председателя правления *(многозначительно)* — уважаемого товарища Закрутилина Алéксандра Андреевича. Понятно?

З а м о р ы ш *(направляясь к дому).* Понятно.

Т а б у р е т к о *(вслед ему).* Просьба уважать коллектив и являться без опозданий. *(Подходит к скамейке.)* Надо будить! *(Расталкивает Новодевичьего и Самоедова.)* С вас по рублю, граждане, выполняйте общественный долг.

Н о в о д е в и ч и й *(спросонья).* Долг публициста — укладываться в сроки, обусловленные договором. Других долгов не признаю.

Т а б у р е т к о. И не стыдно, Гермоген Вакханальевич. Публицист, а так назюзюкались. Да еще с кем? С этим тунеядцем Самоедовым.

Н о в о д е в и ч и й. Мы с ним на одной литературной платформе. Мы оба анонимы! *(Целует Самоедова.)* Слились с коллективом.

Т а б у р е т к о *(настойчиво).* Рубль давайте, товарищ Новодевичий! На венок собираем.

Н о в о д е в и ч и й. Поэты денег не дают. Я сам венок сделаю. Из сонетов.

С а м о е д о в. А я желаю отдать рубель. Потому что добрые люди глаза мне открыли. *(Начинает всхлипывать.)* Он, товарищ Кормилов... наш несгибаемый... Два рубля желаю отдать... наш любимый прохиндей... три рубля... потому как он нам заместо отца родного. *(Достает деньги, отдает их Табуретко.)* Мы о нем

песни складать будем... Уже наскладали. *(Громко поет.)* «На переднем Стенька Разин...»

И з н а р о д о в *(появляется на балконе. Он в майке и галифе).* Что, поминки уже состоялись? А почему меня не известили?

Т а б у р е т к о. Это они самостоятельно, Кузьма Никитич, с вас тоже рубль.

И з н а р о д о в. Одну минуточку. Только переоденусь и спущусь.

Из дома выходят З а к р у т и л и н, О н и щ е н к о, П о л у д у р о в, Н е в ы н о с и м о в.

З а к р у т и л и н. Что за крики! *(Подходит к Табуретко.)* Софья Андреевна, кто кричал?

Н о в о д е в и ч и й *(выступая вперед, гордо).* Он не кричал *(показывает на Самоедова),* он пел. Пел реквием.

П о л у д у р о в. По-моему, товарищ пьян.

С а м о е д о в *(идет на Закрутилина).* Держите его! Он убийца! Отца родного убил.

Т а б у р е т к о *(заслоняя собой Закрутилина).* До белой горячки допился.

З а к р у т и л и н. Думаю, нет вопроса: к голосованию его допускать нельзя.

О н и щ е н к о. Гражданин Самоедов психически нормальный человек, и гражданских прав его никто не лишал.

П о л у д у р о в. Насчет того, в каком состоянии надлежит являться на собрание, в нашем уставе ничего не сказано.

О н и щ е н к о. А впрочем, не будем формалистами, Василий Иванович. Уступим оппонентам. Действительно, гражданина Самоедова можно на собрание не приглашать. *(Пауза.)* Как и гражданина Новодевичьего.

З а к р у т и л и н. Это почему же Новодевичьего?

О н и щ е н к о. Да потому что они в одинаковом состоянии.

П о л у д у р о в *(объясняет).* Оба пьяны.

Н о в о д е в и ч и й. Протестую. Требую экспертизы. Кто написал: «Пока еще варит ум, покупай аквариум»? Вознесенский, думаете? Ни в коем случае. Экспертиза докажет. Требую лингвистической экспертизы! Хотите экспромт? Как Бёрнс. *(Показывает на Самоедова, который уже сидит на скамейке и посапывает.)*

«Он аноним был. А на нем нимбы». Называется — каламбур.

З а к р у т и л и н. Вот видите! Какой же он пьяный, если стихи сочиняет.

П о л у д у р о в. Это у него горячечный бред. Какие нимбы и почему во множественном числе?

Н о в о д е в и ч и й. Я — реалист. Что вижу — о том пою. *(Пристально смотрит на голову Самоедова, считает.)* Раз... два... три... четыре. Значит, во множественном числе — нимбы. Требую экспертизы, что это не Бёрнс!

З а к р у т и л и н *(Невыносимову)*. Иннокентий Иннокентьевич! Отведите Гермогена Вакханальевича домой и позаботьтесь, чтоб он проспался к открытию собрания. Время еще есть.

О н и щ е н к о *(Невыносимову)*. Тогда и Самоедова захватите.

Н е в ы н о с и м о в. Один не управляюсь.

Закрутилин кивает Табуретко, Онищенко — Полудурову. Те подходят к Новодевичьему и Самоедову и вместе с Невыносимовым уводят их в дом.

З а к р у т и л и н *(ехидно)*. Ну что, Самсон Лукич, потеряли союзничка?

О н и щ е н к о. Да и вы тоже, Александр Андреевич.

З а к р у т и л и н. Ничего, мой оклемается. Публицисты — они народ крепкий.

О н и щ е н к о. Посмотрим-посмотрим. Самоедов в этом плане тренирован получше. Ну, не буду вам мешать. Ведь вы как человек военный, наверное, разрабатываете сейчас стратегию наступления. Или обороны? *(Кивает на список в руке Закрутилина.)* Вижу, изучаете... Ну и как там соотношение сил?

З а к р у т и л и н *(грубо)*. Не в твою пользу, змей.

О н и щ е н к о. Ну, зачем же так, Александр Андреевич? Политика может быть хамской по сути, но не по форме. В душе, может, мне тоже хочется назвать вас, ну, к примеру, отставным чурбаном, но я смиряю это недостойное желание и искренне восклицаю: вы мне напоминаете Наполеона! Сверим наши часы: Ватерлоо начнется через 48 минут. Есть еще время для передислокации сил. С вашего разрешения я тоже прикину, кто встанет под знамена прогресса, а кто окажется в

плену замшелой демагогии. *(Достает список и удаляется со сцены мимо пивного бара.)*

З а к р у т и л и н *(зло, глядя в небо)*. Вот, дорогой покойничек, какую змею ты на груди пригрел. Ведь я против был. Говорил, куда его с двумя судимостями в секретари. Нет, отмахнулся. Мол, его же амнистировали. Так эти амнистированные почище любого рецидивиста. Ведь как нагло себя ведет! *(Озабоченно.)* Неужто сумел завербовать на свою сторону большинство? *(Смотрит в список.)* Так, Самоедов, даст бог, не проспится, Марья Тимофеевна дала согласие, Кошечкина — под вопросом. Изнародов — обещался, не должен обмануть. Шершелаву действительно лучше не трогать. Полудуров перебежал в стан противника. Жалко, Исмаил Рахитович с какой-то делегацией, уж он бы обязательно за меня голосовал. Заморыш вроде на моей стороне, но как бы Софья Андреевна его не спугнула своей принципиальностью. Надо бы с ним помягче. А вот она сама хоть и женщина, а кремень, позицию твердо занимает. Смотрим дальше. С Евой ясно. Эти все на отдыхе — ну и слава богу! Невыносимов. Чего это вопрос против его фамилии? Я вроде не ставил. Будем считать, что за меня он. Уж больно преданно глядит всегда. Новодевичий. Правильный по сути человек, но губит его поэтическая натура. Вполне может не проспаться. Бубей Серега. Критикуем мы молодежь, а она ведь замечательная молодежь растет. Ну, остальные все отсутствуют по уважительным причинам. Так, что же получается?..

Из дома с пустой авоськой выходит З а м о р ы ш.

Далеко ли, Аэроплан Сысоевич? Скоро собрание.

З а м о р ы ш. Да вот хлеб забыл купить.

З а к р у т и л и н. В булочную мимо своего института пойдете?

З а м о р ы ш. А как же еще?

З а к р у т и л и н *(ласково обнимания Заморыша)* Не в службу, а в дружбу, Аэроплан. Пропусти-ка этот списочек через свою ЭВМ, пусть она прогноз составит о предстоящих выборах. А из булочной будешь идти, заберешь результаты. Она ж быстро небось считает?

З а м о р ы ш. Пять миллионов операций в секунду. *(Берет список, уходит.)*

З а к р у т и л и н. Так, прогрессивную науку и технику привлекли, это нам в плюс зачтется. *(Смотрит в ту сторону, куда ушел Опищенко.)* Ишь обнаглел прощелыга. Нет, не видать тебе власти как своих ушей. Я сам покомандовать люблю. Ты-то, по анкете, рядовой необученный, а я до майора дослужился. И если б не происки, кто знает, кем бы сейчас был. В ранце-то у меня все время жезл лежал. Непорядок это — по возрасту в отставку отправлять. Возраст — понятие индивидуальное. Да возьму хоть самого себя. Я, можно сказать, в расцвете, орел. А взять, к примеру, кого из наших. Вон Полудуров на двадцать лет моложе, а осанки никакой. Такой в руководители никак не годится. И вот чего не пойму, некоторые даже и не стремятся возглавить коллектив. Думаю, недоработки в школьном воспитании сказываются. Все детишек заставляют хотеть быть космонавтами да артистами, а к руководящей деятельности не подготавливают. А ведь рассудить, стремление покомандовать себе подобными — это ж, можно сказать, закон материи, инстинкт любого живого организма. Возьмем хоть тех же моржей, недавно по телевизору показывали, каждый хочет руководить стадом. Даже у самого задрипанного крокодила тоже претензия имеется стать во главе своего крокодильего коллектива. А у нас? *(Сюсюкает.)* «Я хочу быть врачом. А я шофером. А я футболистом». А я вот всегда и везде хотел командовать. И дайте только дорваться до власти... Ух!..

Из дома выходит Б у б е й.

Радуешься, глядя на такую смену. Боевая, задорная. Оптимисты, одно слово. Ты как, Серега, оптимист?

Б у б е й. А как же? Тренер нам после каждого поражения дает установку быть оптимистами.

З а к р у т и л и н. От поражений, как говорится, никто не застрахован. Но чтобы французам нос утерли. Не подведете?

Б у б е й. Это уж как спортивное счастье.

З а к р у т и л и н. Ну, если у вас все ребята такие, как ты, я спокоен. Будет порядок. А насчет моего порученьица не забыл?

Б у б е й. Подзабыл.

З а к р у т и л и н. Насчет Кошечкиной. Прощупал ее?

Б у б е й. Прощупал.

З а к р у т и л и н. Ну и как?

Б у б е й *(пренебрежительно)*. Фифти-фифти, как говорит наш тренер.

З а к р у т и л и н. Это в каком смысле?

Б у б е й. Пятьдесят процентов натурального бюста, пятьдесят — синтетика.

З а к р у т и л и н. Да не об этом я. Прощупал, какую позицию занимает она по отношению ко мне?

Б у б е й. Это тоже сделано. Говорит, что нет в вас деликатности и личного обаяния и по внешности, мол, Самсон Лукич гораздо интересней...

З а к р у т и л и н *(обрывает его)*. Ну, ладно, Серега, беги, куда бежал. Смотри к началу собрания не опоздай.

Б у б е й. Будьте спокойны. *(Уходит.)*

З а к р у т и л и н. Ишь ты, внешность ей не понравилась. Да если бы по внешности руководителей выбирали!.. Для настоящего руководителя внешность вообще никакой роли не играет. Вот еще некоторые рассуждают, чтобы ум был. Это, конечно, желательно, но главное — иметь тот самый руководящий инстинкт. А вот уж чего-чего, а его у меня с избытком. Ну, просто он так и прет из меня...

Входит З а м о р ы ш с авоськой, в которой не менее десяти батонов. Заморыш достает из кармана перфокарту, изучает ее.

З а м о р ы ш. За вашу кандидатуру, Александр Андреевич, по расчетам нашей ЭВМ, будет отдано 102,4 процента голосов.

З а к р у т и л и н *(радостно)*. Отлично! *(Задумывается.)* Постой-постой, как это 102,4? При всем желании больше ста не может быть.

З а м о р ы ш *(вздыхает)*. Снова накладка. Понимаете, ЭВМ у нас четвертого поколения. Три поколения нормально считали, а эта, замечаем, приписками занялась. *(Наклоняется к Закрутилину, шепотом.)* И есть сигналы, что не бескорыстно.

З а к р у т и л и н. Вот он, прогресс, за который Онищенко ратует! Нет, надежнее будет, если Софья Андреевна на счетиках прикинет...

Закрутилин и Заморыш уходят в дом. Входит О н и щ е н к о.

О н и щ е н к о. Пока никого нет, позвонить, что ли, в аэропорт? *(Входит в телефонную будку, оставив дверь*

открытой.) Алло, справочная! Самолет из Риги давно приземлился? Как нет? Он же полчаса назад должен был... Не вылетел еще? Вы что, шутите? Какая нелетная? Ни одного облачка. В Риге нелетная?.. *(Вешает трубку, вытирая пот со лба, подходит к скамейке, тяжело опускается на нее.)* Это катастрофа! Восемь моих голосов застряли в Рижском аэропорту. А все самонадеянность! Загордился! Думал, дело в шляпе. И на тебе — погода подвела. Теперь большинство на стороне этого Бонапарта. Нет, правильно за гордость свою посрамлен, за измену принципам. Ведь два раза уже обжигался, когда высовывался. И вот снова захотелось высунуться. А с самого начала предложил бы этому генералиссимусу пост председателя, с условием, что он без боя отдаст мне кормиловскую квартиру, и желаемый результат достигнут кратчайшим путем. Ведь ему власть нужна, даже не сама власть, он и понятия не имеет, что это такое, а внешние атрибуты — подпись чтоб его первой стояла, чтоб доклады он читал, а кто пишет их, какие мысли туда просовывает, он в этих мыслях все равно разобраться никогда не сможет. А я бы оставался секретарем и дергал бы за веревочки. Как при Кормилове. Кто подсказал ему квартирку в двух уровнях сделать? Я. Для кого старался? Для себя. Знал, что он долго не протянет,— в последнее время столько лопать стал, что сомнений не оставалось — вот-вот лопнет от обжорства. Так и случилось. Кажется, все идет по-твоему, так не высовывайся, а меня занесло...

Селянинович *(высовываясь из окна)*. Самсон Лукич, мово охламона не видали?

Онищенко. Я сам, говоря вашим языком, чувствую себя охламоном.

Селянинович. Извиняйте тогда за беспокойство.

Онищенко. Поддержите мою кандидатуру, Марья Тимофеевна?

Селянинович. Не могу, Самсон Лукич. Обещалась уже Александру Андреевичу. Он первый попросил. *(Закрывает окно.)*

Онищенко. Вот он дурак дураком, а попросил. А я умный и остаюсь у разбитого корыта. *(Смотрит на часы. Решительно)*. Хватит распускать нюни. Времени в обрез, но оно еще есть. *(Бьет себя по лбу.)*

Ну, думай, думай, думай! Прежде всего — нащупать слабые места противника. *(Смотрит список.)* Селянинович — пообещалась уже, дура. Табуретко — сама преданность, тут я бессилен. Бубей — извилин мало у этого обормота, чтоб его переориентировать, неделю надо потратить, а тут всего полчаса в моем распоряжении. Заморыш — этот побоится просто. Новодевичий? Так-так-так. Этого надо вывести из игры. Следующий кто? Невыносимов. Он у меня под вопросом почему-то. Да, у этого принцип примыкать к большинству. Итак, ключевая фигура Изнародов.С какого бока к нему подойти? Да... придется поклониться дочке. *(Входит в телефонную будку, оставив дверь открытой, набирает номер.)* Кто, кто? Батя твой говорит. Из автомата. Почему не зашел? Потому что на счету каждая секунда. Слушай внимательно. Бери бутылку коньяка, лучше французского, не жалей, и бегом к Новодевичьему. Вручи ему лично. Скажи алаверды от Закрутилина. Поняла: от Закрутилина. А потом, это очень ответственно, спускайся к Изнародову, и чтоб через двадцать минут он был у твоих ног... Ничего, что у него деревянная рожа. Высшие интересы требуют. Поняла? Двадцати минут мало?.. Если только крайние меры?.. Хорошо, иди на крайние меры, но чтоб Изнародов был наш. *(Вешает трубку, выходит из будки, вытирая пот.)* Уф! Должно сработать. И тогда у Закрутилина *(смотрит в список)* остается пять голосов, у меня шесть и ко мне примыкает Невыносимов. Да, но это только, если Самоедов будет в форме. Пойду навещу бедолагу. *(Уходит в дом, в дверях столкнувшись с Невыносимовым.)*

Невыносимов. Куда это он разогнался? И лицо такое одухотворенное. Неужто его берет? Ох, Иннокентий, Иннокентий, не промахнись! *(Задумываясь.)* Да нет, вроде прикидывал я, у Закрутилина большинство. А вдруг кто уже переметнулся, а я не знаю ничего...

Из дома выходит Полудуров.

У него попробовать прояснить ситуацию? Он сейчас вроде как правая рука Самсона Лукича, должен быть в курсе. Только он человек умный, к нему надо издалека...

Полудуров. Самсон Лукич здесь не появлялся?

Невыносимов. Обещался быть через пять минут. *(Подходит к Полудурову, который в ожидании*

Онищенко ходит взад и вперед, заложив руки за спину.) Позвольте нарушить ход ваших ученых мыслей?

Полудуров. Я вас слушаю.

Невыносимов *(вздыхая)*. Разобщенно мы живем, Василий Иванович. Вот вы к нам уж с год как переехали, слышал я, что вы — философ, а вот конкретно по какому предмету философствуете — не знаю. А так хотелось бы при случае погордиться ученым соседом...

Полудуров *(растроганно)*. Если вам действительно интересно, пожалуйста — я специализируюсь по культам...

Невыносимов *(почему-то оглядываясь)*. Как, а он разве не один был?

Полудуров. Ну, почему же один? Только основных религий у нас *(перечисляет)* христианство, мусульманство, иудаизм, буддизм, а сколько верований, сколько сект! Так что число культов измеряется тысячами.

Невыносимов. Интересно-интересно. А изучение ваше, извините, практическую какую пользу имеет?

Полудуров *(вдохновенно)*. Вы затронули интереснейший вопрос, любезный Иннокентий Иннокентьевич. Большинство людей до сих пор считает, в том числе и немало моих коллег, что философия — наука чисто умозрительная. А мы, дорогой Иннокентий Иннокентьевич, лаборатория экспериментальной философии, которую я возглавляю, мы на практике доказали, что философия может и должна приносить вполне конкретные плоды, быть, так сказать, и прикладной наукой. Удивлены? Хорошо. Вот вам пример. Два года назад мы завершили работу «Использование некоторых ритуалов шаманства при составлении годовых отчетов», и теперь нашу методологию с успехом применяют два объединения и один комбинат бытового обслуживания. *(Увлекаясь.)* Не убедил? Еще примеры?

Невыносимов. Если можно.

Полудуров. Пожалуйста! В настоящее время экспериментально доказываем лженаучность известного метафизического положения мусульман Ближнего Востока: «Сколько ни говори «халва», сладко не будет».

Невыносимов *(удивленно)*. Это как понимать — лженаучность, она что, неправильная, что ли, эта пословица?

Полудуров *(с гордостью)*. Представьте себе,

неправильная! И мы это доказываем опытным путем. Десять добровольцев-студентов ежедневно утром и вечером слушают пластинку с голосом диктора, который пятнадцать минут повторяет одно только слово «халва». И что же? Прошло только три недели, а все десятеро уже признались, что у них сладко во рту. Вы сомневаетесь в их искренности? Правильно. И наука, если она настоящая наука, не должна доверять субъективным ощущениям. *(Делает многозначительную паузу.)* Так вот анализ показал, что содержание сахара в крови у всех без исключения возросло. И более того — у четверых даже развился сахарный диабет.

Невыносимов. Поразительно! Надо бы собраться нашей общественности и послушать вас. Сегодня же на собрании внесу это предложение. *(Пауза.)* Интересно, поддержит ли новый председатель? Не подскажете, какова сейчас расстановочка сил?

Полудуров. Право, не знаю. Две кандидатуры выдвигаются, ну а коллектив уж решит.

Невыносимов *(недоверчиво)*. Как коллектив? Извините, конечно, Василий Иванович, я философию учил лет уже сорок назад, так мы проходили, что нельзя допускать забегания вперед, перешагивать, некоторым образом, через ступеньку. Коллектив — он, конечно, коллектив, но и с ним нужно провести подготовительную работу. Так вот в этом плане Самсон Лукич предпринял чего-нибудь?

Полудуров. Не совсем улавливаю суть вопроса...

На балконе появляются Изнародов (он в майке и галифе на босу ногу) и Перехватова-Челубей (она в изысканном халате).

Невыносимов *(заметив Перехватову-Челубей)*. Ох, темните, Василий Иванович, провели-таки подготовительную работку! А как же без этого. *(Достает список.)* Извините, отойду на минутку, прикину кой-чего. А вон и Самсон Лукич...

Из дома выходит Онищенко, направляется к Полудурову, оборачивается, замечает на балконе Изнародова и Перехватову-Челубей.

Онищенко *(в сторону)*. Пришлось, значит, прибегнуть к крайним мерам. *(К Изнародову.)*

Перехватова-Челубей уже скрылась в комнате.

Кузьма Никитич! Есть к вам небольшой разговорчик.

И з н а р о д о в. Через пять минут буду. *(Уходит в комнату.)*

О н и щ е н к о *(вздыхает)*. Да, Василий Иванович, не исключено, что руководство нашим кооперативом узурпирует сегодня эта ограниченная личность Закрутилин.

П о л у д у р о в. Вы же говорили...

О н и щ е н к о. Горд я был, надеялся, что в критический момент нас выручат честные, молодые, здоровые силы. Но они застряли в Рижском аэропорту из-за нелетной погоды.

П о л у д у р о в. Так, может, перенести собрание на несколько часов?

О н и щ е н к о *(задумывается)*. А стоит ли, Василий Иванович? *(Показывает на список.)* Через несколько часов вернутся люди домой. *(Все более воодушевляясь.)* Усталые, но счастливые. Они стояли на вахте, рожали детей, охраняли рубежи... Им надо отдохнуть, побыть в кругу семьи, набраться новых сил, чтобы завтра сделать больше, чем сегодня... А вместо этого мы пригласим их участвовать в мелкой интриге. Да не все ли равно, кто будет председателем — Онищенко, Закрутилин или кто другой?.. *(Задумывается, видно, ему пришла какая-то идея.)* ...Или кто другой? *(Деловым тоном.)* У нас ведь в уставе не записано, что самая лучшая квартира в доме предоставляется председателю?

П о л у д у р о в. Это было бы нарушением принципов.

О н и щ е н к о. Тогда слушайте меня внимательно, Василий Иванович. Я предлагаю вынести сегодня на обсуждение два вопроса. И выборы председателя, и перераспределение квартир в связи с изменившимися обстоятельствами.

П о л у д у р о в *(слегка заискивающе)*. Я бы рассчитывал тоже улучшить условия...

О н и щ е н к о. Непременно. *(Пауза.)* Я лично, надеюсь, заслужил...

П о л у д у р о в. Конечно, Самсон Лукич.

О н и щ е н к о. В мою — Перехватова-Челубей...

П о л у д у р о в. А я — в ее.

О н и щ е н к о. Нет, ее мы в резерве подержим.

П о л у д у р о в *(обиженно)*. А я тогда куда же?

Онищенко *(усмехаясь)*. Надеюсь, от квартирки Закрутилина не откажетесь?

Полудуров *(растерянно)*. Как же это так?

Онищенко. А так! Кто он такой, Закрутилин? Бесперспективная личность. К тому же преклонного возраста. Словом, отставной козы барабанщик. И почему мы должны позволять ему иметь излишки! А вы — того и гляди доктором наук станете, а там не исключено и в члены-корреспонденты изберут. Вам эта площадь для науки требуется. А Закрутилину и вашей квартиры хватит. А в будущем и вообще переселим его в самоедовскую, чтоб неповадно было пол на тридцать пять сантиметров поднимать. Ну как, согласны?

Полудуров. Согласен, Самсон Лукич. Восхищаюсь вашим аналитическим умом. И как про людей вы хорошо говорили! *(Смахивает набежавшую слезу.)* Да, замечательный у нас народ! А вырос как! Я недавно был в соседней области, так там в подобных заведениях *(показывает на пивной бар)* на окнах белые занавесочки, а зимой пиво с подогревом подают. Это ж какой взлет культуры!

Онищенко. Если белые занавесочки — то можно и без подогрева.

Полудуров. И то верно.

Онищенко *(смотрит на часы)*. А сейчас, прошу, Василий Иванович, не сочтите за труд, загляните к Кошечкиной и лично обеспечьте ее явку. Нам, знаете, каждый голос дорог.

Полудуров. Бегу, бегу. *(Вприпрыжку бежит к дому, в дверях сталкивается с Табуретко, хочет обойти ее.)*

Табуретко. Нехорошо уклоняться, товарищ Полудуров. С вас рубль.

Полудуров. Пожалуйста-пожалуйста! *(Отдает ей деньги, входит в дом.)*

Табуретко гордо проходит мимо Онищенко, окинув его презрительным взглядом, подходит к Невыносимову. Тот погружен в расчеты.

Невыносимов. А, Софья Андреевна! Чего-то у меня получается, что голоса поровну сегодня распределятся.

Табуретко. Плохо считаете.

Невыносимов. Ну, давайте вместе. Вы — раз, Марья Тимофеевна — два... *(Уходят.)*

Из дома выходит Изнародов. Он в кепке, галифе, сапогах. Подходит к Онищенко.

Изнародов. Весь как тут.

Онищенко *(некоторое время молчит, потом решительно)*. Есть такое мнение, Кузьма Никитич, на пост председателя правления выдвинуть вас.

Изнародов *(явно не ожидал, заикаясь)*. Как-как вы сказали? Я не ослышался?

Онищенко *(смеется)*. Не ослышались. А чего испугались? Пора-пора представителей трудящихся двигать. Слава богу, созрели уже. *(Берет Изнародова под руку.)* Пойдемте, вам, наверное, будет интересно узнать кой-какие детали... *(Уходят.)*

С другой стороны возвращаются Невыносимов и Табуретко.

Невыносимов... Ну и на его стороне пятеро. Полудуров — раз?

Табуретко. Раз.

Невыносимов. Дочь его Ева — два?

Табуретко. Два.

Невыносимов. Ну еще Кошечкина, Изнародов и сам он.

Табуретко. Как Изнародов?

Невыносимов. А так! Гляньте-ка сами. *(Показывает на возвращающихся Онищенко и Изнародова.)*

Табуретко. Неужели?

Невыносимов что-то шепчет ей на ухо, взяв под руку, уводит за кулисы.

Онищенко. ...И он хотел соблазнить вас трехкомнатной квартирой! Так не уважать людей! Возмутительно.

Изнародов *(приосанясь)*. Я, конечно, категорически отказался. Как представитель трудящихся я имею право требовать...

Онищенко. Безусловно, безусловно. *(Уходят со сцены.)*

Появляются Невыносимов и Табуретко.

Невыносимов. Нет, Новодевичий вряд ли проспится. Я к нему заглядывал, он уже коньяк лакает. Достал где-то французского.

Табуретко. Распустила его Муза Григорьевна, это точно. Ну, а ваша позиция, Иннокентий Иннокентьевич, определилась?

Уходят.
Входят Онищенко и Изнародов.

Онищенко. ...Понимаю, очень понимаю вас. Конечно, она мне дочь, но буду говорить беспристрастно. Главная ее черта — доверчивость. И еще романтичность. Ведь как первый раз вышло? Он ей вскружил голову своими рассказами. Как же? Страны... Континенты... Апельсины из Марокко. Бананы — из Вьетнама. Яблоки — из Венгрии. Помидоры — из Болгарии. Он директором овощной базы был. И девчушка, неопытное, наивное создание, доверилась... *(Вытирает глаза.)* Ну, а потом... Дали ему тринадцать лет. Кажется, жизнь научила. Но тут этот красавец Челубей. И снова рисует ей романтические дали. Унты, тулупы, малицы. Сегодня — песец, завтра — куница, послезавтра — соболь. Он был директором мехового ателье. И она, о девичья наивность, снова доверилась. И снова тринадцать лет...

Входят Невыносимов и Табуретко.

Невыносимов. Нет, нет, не уговаривайте, Софья Андреевна. Я своим принципам изменить не могу.

Табуретко *(уже слегка раздраженно)*. Какие ж это такие принципы у вас, Иннокентий Иннокентьевич!

Невыносимов. А такие, что я всегда присоединяюсь к большинству. Сейчас же налицо...

Уходят.
Входят Онищенко и Изнародов. Останавливаются.

Онищенко. Закономерный вопрос. Видите ли, в данном случае Ева — имя отнюдь не библейское, а названа так дочь совсем не по причине религиозного предрассудка, как вы подозреваете. Тут, знаете, наоборот: продиктовало его мне гражданское чувство. Ведь дочь-то мою правильно надо называть — Эва.

Изнародов. Как — Эва? Разве есть такое имя?

Онищенко *(вздыхает)*. Молодость, молодость!

Где она, моя молодость? Этим вопросом вы вернули меня к тем годам. Мы с женой мечтали о двух дочерях. И решили назвать одну Эвой, а другую Люцией, чтобы вместе — сложили? — получилась эволюция. Эвочку вот родили, а Люцию, как говорится, бог не дал.

Изнародов. Но почему все-таки Ева, а не Эва?

Онищенко. А вы вспомните то время. Лихая година. Жили мы в зоне полупустынь. В Ташкенте. Народ там в то время был не очень грамотный, и неудивительно, что бывший дехканин, сидевший в загсе, был уверен, что эволюция пишется через «е». Так он и записал в метрику.

Изнародов. Теперь у меня никаких сомнений, Самсон Лукич. Я как представитель трудящихся спокоен. Благословите!

Онищенко. Давайте после собрания решим этот частный вопрос. Рекомендую вам, Кузьма Никитович, переодеться по такому случаю. Вас выдвигать будут на ответственный пост, а вы в галифе. Для иностранцев-то экзотика, а наших горлопанов это галифе может в нежелательное заблуждение ввести. Есть у вас выходной костюмчик, вот его и наденьте.

Изнародов. Будет сделано! *(Уходит в дом.)*

Входят Невыносимов и Табуретко.

Невыносимов. Мое слово последнее. Раз голоса пополам, ни за Александра Андреевича, ни за Самсона Лукича голосовать не буду.

Табуретко. Честное слово?

Невыносимов. Это мой принцип. Чтоб все по-честному, пойду сейчас к Самсону Лукичу и скажу, что голосовать ни за него, ни за Александра Андреевича не буду. *(Подходит к Онищенко.)* Самсон Лукич! Вы, наверное, тоже прикинули, что голоса между вами пополам? И получается, вроде бы мой голос решающий. А это противоречит моему принципу быть с большинством. Так что я воздержусь.

Онищенко *(сурово)*. Твердо решили? Не пожалеете?

Невыносимов. Слово уже дал вон Софье Андреевне, что ни за вас, ни за Александра Андреича голосовать не буду.

Онищенко *(обнимая Невыносимова)*. Вот и пра-

вильно. И слова своего вы не нарушите. И с большинством окажетесь. Но только несолидно как-то воздерживаться. Вы, знаете, чтоб не воздерживаться, крикните фамилию Изнародова. Вроде бы у вас свое мнение, тогда ни я, ни Закрутилин, уверен, не будем на вас в претензии.

Невыносимов. Спасибо! Хороший выход мне подсказали, Самсон Лукич. И слова действительно не нарушу, и принцип соблюду. Чего ж не крикнуть? Я еще пораньше Софьи Андреевны крикну. Она все первой привыкла выкрикать, а я ее тут и опережу.

Онищенко. Вот-вот, постарайтесь опередить. *(Смотрит на часы.)* Ну что ж, пора и на собрание.

Из дома выходят, переговариваясь о чем-то, Полудуров и Кошечкина, Закрутилин и Заморыш, чуть позже Перехватова-Челубей. Со стороны коллектора выходит Бубей.

Закрутилин *(подходит к Табуретко, вздыхает)*. Сморило-таки Новодевичьего, не устоял.

Табуретко. Ай, Александр Андреевич! Изнародов-то переметнулся. Голоса теперь поровну.

Закрутилин. Ну ничего. Тогда поругаемся-поругаемся, а потом, думаю, кто-нибудь из них дотумкает, что надо сохранить преемственность. Хотя та же Кошечкина.

Табуретко. Ой, идеалист вы!

Полудуров *(подходя к Онищенко)*. Самосдова поднять не удалось.

Онищенко *(весело)*. Ничего-ничего. Все, кажется, в сборе!

Закрутилин *(к Заморышу)*. Аэроплан Сысоевич, постучите Марье Тимофеевне, чтобы спускалась в зал заседений.

Заморыш стучит в окно. Из него высовывается Селянинович.

Селянинович *(испуганно)*. Ой, народу сколько! Мой паразит, что ли, нашелся?

Закрутилин. На собрание, на собрание пошли!

Селянинович. Ой, извиняйте, забыла. Бегу-бегу. *(Закрывает окно.)*

Все гуськом входят в дом. Онищенко, пропуская вперед Закрутилина, останавливается.

Онищенко *(кричит)*. Кузьма Никитич, мы вас ждем. *(Входит в дом.)*

Из-за открытой двери балкона слышен голос Изнародова: «Ничего, подождете». На сцене остается один Невыносимов, он воровато озирается, подбегает к двери коллектора и пишет на ней мелом: «сартир». Потом с независимым видом идет в дом. Вбегает почтальонша.

Почтальонша. Гражданин мужчина! Эй, гражданин мужчина!

Невыносимов останавливается и оборачивается.

Ой, это обратно вы. *(Подходит к нему, уже издали протягивая телеграмму.)* Только вы, того-этого, без рук! Вашему жэсэка обратно телеграмма. Распишитесь вот тут. *(Подает Невыносимову тетрадку, в которой он расписывается, уходит.)*

Невыносимов разворачивает телеграмму, читает ее. По мере чтения его лицо расплывается в улыбке.

Невыносимов *(хихикая)*. Нет, что сейчас будет, что будет! Ой, посмотрю я на их физиономии. Это ж поворот на сто восемьдесят градусов. *(Медленно читает вслух телеграмму.)* «Городское управление связи приносит извинения секретарю ЖСК «Расцвет» тов. Онищенко за неточности, допущенные в адресованной ему телеграмме. Вместо текста: «Сегодня пять часов ноль три минуты московского времени в мир иной скоропостижно отбыл Иван Васильевич Кормилов. Тело встречайте воскресенье. Подозреваем отравление чебуреками. Скорбим. Соратники» — следует читать: «Сегодня пять часов ноль три минуты московского времени фирменным скорым поездом отбыл Иван Васильевич Кормилов. Тепло встречайте воскресенье. Поздравляем. Мы отправляемся через Баку. Скоро будем. Сократов. Иткин». Неточности произошли из-за технических помех вне пределов нашей области». Нет, правильно связистов регулярно критикуют. Из-за их помех страшно подумать, что могло произойти! Надо коллектив оповестить, пока не совершил он непоправимое. *(Бегом спешит в дом.)*

На балкон выходит Изнародов в парадном костюме, он прикладывает руку к козырьку своей кепочки, приветственно машет рукой зрительному залу, словом, входит в роль руководителя. Из бара выходят первый и второй любители пива (одновременно с появлением на балконе Изнародова) с кружками в руках.

Первый любитель пива. Засиделись мы что-то. Это уж седьмая, пожалуй?

Второй любитель пива. Кажись, восьмая.

Первый любитель пива *(смотрит на часы)*. Вот черт, через минуту должны давление повысить, а я вентиля не закрепил. Думал, успею.

Второй любитель пива *(философски)*. Теперя уж не успеем. Да чего ей станет, трубе этой? Выдержит.

Первый любитель пива *(замечает на балконе Изнародова, который в этот момент приветственно машет рукой.)* Чего, гражданин? Насчет пива интересуешься? В порядке пиво. Свежачок! Спускайся скорее, пока не закрыли. *(Ко второму любителю пива.)* И на кой, скажи, Андрюха, нам эти права, если пиво имеется?

Слышится отдаленный звук лопнувшей басовой струны, замирающий, печальный. Первый и второй любители пива вздрагивают, поворачивают головы в сторону дома и замирают. Замирает, приветственно подняв руку, Изнародов.

Занавес

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исключительно для тех, кто прочитал пьесу до конца

Теперь, уважаемые читатели, для вас наступает самое интересное. Вы сможете попробовать свои силы в постановке спектакля по данной пьесе (мысленно, конечно). Причем и режиссура, и оформление, и костюмы, и даже музыка, если пожелаете, чтобы она сопровождала действие,— все целиком на ваш вкус.

Вы имеете полное право (безусловно, не злоупотребляя им) поставить данную пьесу как лирическую драму или комедию-буфф, трагедию или мюзикл. Можно привлечь лучшие актерские силы, совсем необязательно одного какого-нибудь театра. Для ориентировки скажу, что, перечитывая пьесу, в роли Изнародова я представляю то народного артиста СССР Михаила Ульянова, то народного артиста СССР Олега Ефремова, в роли Иннокентия Иннокентьевича Невыносимова мне видится его тезка народный артист СССР Иннокентий Смоктуновский, руку же буфетчицы в моем вообра-

жении с присущей ей талантливостью играет рука народного артиста СССР Евгения Леонова. Никто вас не осудит, если вы смело введете в спектакль молодые театральные силы, а одну из женских ролей поручите теще или свекрови.

Та же полная свобода действий вам дается при решении вопросов о декорациях, костюмах, музыкальном сопровождении. Если хотите, наденьте на Полудурова зипун, на почтальоншу же норковое манто, вместо чахлых березок посадите во дворе дома-башни чахлые магнолии, заставьте Наталью Александровну Кошечкину спеть цыганский романс, а Софью Андреевну Табуретко станцевать матросский танец «Яблочко».

Словом, делайте что хотите. Но обязательно помните об одном. Главный герой этой пьесы — народ. Да, его нет на сцене. Потому что, как справедливо отметил один отнюдь не положительный персонаж, народ стоит на трудовой вахте, рожает детей, охраняет рубежи. Но, создавая свое произведение, автор постоянно думал о нем. Прошу это учесть.

СОДЕРЖАНИЕ

БЫЛОЕ. Триптих. *Из научно-фантастических мемуаров пенсионера по труду И. П. Неустроева*

Предисловие 5
Сила печатного слова 8
Чтение мыслей на расстоянии 25
Между строк 39
Некоторые суждения о мемуарной литературе вообще и о собственных мемуарах в частности 61

СЛАВНЫЙ РАЙЦЕНТР И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Знаменательные будни. *Повесть-репортаж* 67
У нас в Обрадовске. *Повесть временных лет, написанная их очевидцем П. И. Неустроевым* 110

КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

Авитаминоз. *Научно-популярный роман* 155
«Красная стрела» *Дорожные байки.* 169
Времена года 190
Чужая судьба *(Из записок инопланетянина Антона Пришельца)* 205

НЕМНОЖКО ГРУСТНЫЕ ИСТОРИИ

Anas penelope 211
Дочка выходит замуж 224
Бабочка 237
Бутылка французского коньяку 250
Сон 258
Смысл жизни 272
Памятник 278

БАШНЯ. *Пьеса для чтения. Если хотите, в двух действиях* . 295

Владислав Викторович Егоров

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Редактор В. С. Рогов
Худож. редактор Ф. С. Меркуров
Техн. редактор И. М. Минская
Корректор А. В. Полякова

ИБ № 6969

Сдано в набор 30.06.88. Подписано к печати 23.11.88. А 03324. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 17,68. Тираж 100 000 экз. (2-й з-д 50 001—100 000 экз) Заказ № 500. Цена 1 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069. Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Егоров В. В.

Е 30 Путь к вершине: Собрание иронических сочинений.— М.: Советский писатель, 1988.— 352 с.

ISBN 5—265—00544—7

Герои многих произведений Владислава Егорова наши современники, «воспитанные» недавней эпохой застоя и показухи. Их деяния на поприще бюрократизма и головотяпства стали предметом пристального внимания писателя. Его творческую манеру отличают социальная значимость и злободневность, острота сатирического мышления, парадоксальность сюжетных построений, широкий диапазон иронии — от добродушного юмора до едкого сарказма.

$\frac{4702010201-454}{083(02)-88}$ Е 39—89

ББК 84 Р7

1 р. 10 к.